Родная Ладога

№ 2(32)' 2015

КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Главный редактор
Андрей РЕБРОВ

Заместитель главного редактора,
заведующая литературным отделом
Валентина ЕФИМОВСКАЯ

Ответственный секретарь
Владимир МАРУХИН

Руководитель
редакционно-издательского отдела
Татьяна МАКАРОВА

Референт редакции
Юлия СОКОЛОВСКАЯ

Издается ежеквартально
при участии:

Союза писателей России

Ассоциации российских дипломатов

Санкт-Петербургского отделения
Союза писателей России

Собора православной
интеллигенции Санкт-Петербурга

ЗАО «Утро»

Объявляется подписка на журнал «Родная Ладога»
на второе полугодие 2015 года

Подписной индекс в каталоге «РОСПЕЧАТЬ» журналы России — 70924

Зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ПИ № ФС77-55701 от 21 октября 2013 г.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Архиепископ Курганский и Шадринский Константин (Горянов); ***Агафонов Николай, протоиерей*** (Самара); ***Громов А. В.*** (Самара); ***Денисов Н. В.*** (Тюмень); ***Казин А. Л.*** (Санкт-Петербург); ***Коняев Н. М.*** (Санкт-Петербург); ***Корольков А. А.*** (Санкт-Петербург); ***Корытин С. Н.*** (Санкт-Петербург); ***Орлов Б. А.*** (Санкт-Петербург); ***Попов Г. А.*** (Орел); ***Сдобняков В. В.*** (Нижний Новгород); ***Семёнов В. Е.*** (Санкт-Петербург); ***Смолькин И. А.*** (Псков); ***Швечиков А. Н.*** (Санкт-Петербург); ***Ясенев В. А.*** (Москва).

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

БОНДАРЕНКО Владимир Григорьевич (Москва) — главный редактор газеты «День литературы», секретарь СП России.

БУЛАТОВИЧ-МЕДИЧ Лиляна (Сербия) — лауреат премий «Имперская культура» и «Золотой Витязь», член СП России.

БУРЛЯЕВ Николай Петрович (Москва) — народный артист России, президент Международного Кинофорума «Золотой Витязь».

ГАЙЕК Петр (Чехия) — писатель и публицист, первый заместитель главы администрации президента Чешской Республики Вацлава Клауса (2003–2013).

ГАНИЧЕВ Валерий Николаевич (Москва) — председатель СП России, доктор исторических наук, заместитель Главы ВРНС.

ДЕВЯТОВ Сергей Викторович (Москва) — советник директора ФСО России, доктор исторических наук, профессор.

ДОРОШЕНКО Николай Иванович (Москва) — гл. редактор газеты «Российский писатель», секретарь СП России.

ЗАХАРЧЕНКО Виктор Гаврилович (Краснодар) — народный артист России и Украины, руководитель Государственного академического Кубанского казачьего хора, профессор, член Совета по культуре и искусству при Президенте РФ.

ЗОРИГТ Дашдорж (Монголия) — публицист, экс-министр энергетики и минеральных ресурсов Монголии.

ИВАНОВ Геннадий Викторович (Москва) — первый секретарь СП России.

ИВАШОВ Леонид Григорьевич (Москва) — председатель клуба министров обороны СНГ, генерал-полковник, доктор исторических наук.

ИЛЛЯШЕВИЧ Владимир Николаевич (Эстония) — председатель Эстонского отдела СП России, гл. редактор журнала «Балтика».

КИРВЕЛЬ Чеслав Станиславович (Беларусь) — доктор философских наук, профессор Гродненского Государственного Университета им. Янки Купалы.

КРУПИН Владимир Николаевич (Москва) — секретарь СП России.

КУБЛАНОВСКИЙ Юрий Михайлович (Москва) — лауреат премии Александра Солженицына.

ЛЕОНТЬЕВ Михаил Владимирович (Москва) — руководитель и ведущий программы «Однако», гл. редактор журнала «Однако».

ЛИХОНОСОВ Виктор Иванович (Краснодар) — секретарь СП России, лауреат Государственной премии, гл. редактор журнала «Родная Кубань».

НАРОЧНИЦКАЯ Наталия Алексеевна (Москва) — доктор исторических наук, президент «Фонда исторической перспективы».

НОЖКИН Михаил Иванович (Москва) — народный артист России, лауреат Государственной премии России.

РАСПУТИН Валентин Григорьевич (Иркутск) – сопредседатель СП России, лауреат премии Президента РФ в области литературы и искусства.

РЕШЕТНИКОВ Леонид Петрович (Москва) — директор Российского института стратегический исследований, генерал-лейтенант Службы внешней разведки Российской Федерации.

Княгиня ЧАВЧАВАДЗЕ Елена Николаевна (Москва) — вице-президент Российского Фонда культуры, режиссер, сценарист.

ШЕВЦОВ Никита Всеволодович (Москва) — заведующий кафедрой Международной журналистики МГИМО — Университета МИД РФ, профессор.

СОДЕРЖАНИЕ

История и современность

Наталия Нарочницкая. За что и с кем мы воевали. *О значении Великой Победы*.....5
Архиепископ Курганский и Шадринский Константин (Горянов). Сильнее смерти. *Философия войны. К 70-летию Великой Победы*.....9
Леонид Ивашов. Геополитические последствия участия СССР в Великой Отечественной войне. *К 70-летию Великой Победы*.....59
Валерий Ганичев. Они выиграли войну… А вы? *К 70-летию Великой Победы*.....102
Елена Шаляпина. Пасха в военном Ленинграде. *К 70-летию Великой Победы*...159
Евгения Ильина. «Памяти павших будьте достойны…». *К 70-летию Великой Победы*.....199
Вячеслав Горелов. «Че Гевара прилетает утром…». *Воспоминания сепаратиста*.....230

Мировоззрение

Александр Проханов. «Мистическая вершина русской истории». *К 70-летию Великой Победы*.....24
Хани аль-Ахмар. Русский дух. *К 70-летию Великой Победы*.....28
Александр Казин. Вторая война. *К 70-летию Великой Победы*.....36
Николай Стариков. Зачем Германия ввязалась в войну? *К 70-летию Великой Победы*.....65
Михаил Смолин. Самобытность идеала русской государственной власти.....154

Точка зрения

Михаил Леонтьев. Государство нужно для Победы. *К 70-летию Великой Победы*.....31
Евгений Примаков. «Единственной альтернативой для России является опора в первую очередь на внутренние резервы и возможности».....50
Александр Дугин. «Передача весов из рук торговца в руки ангела». *Евразийская версия постмодерна: эсхатологический вызов*.....71

Проза

Михаил Зарубин. Зимой сорок пятого. *Рассказ. К 70-летию Великой Победы*....42
Юрий Бондарев. Начало. *Мгновения. К 70-летию Великой Победы*.....82
Дмитрий Игумнов. Лобовая атака. *Рассказ. К 70-летию Великой Победы*.....135
Юрий Шурупов. Меж двух огней. *Главы из романа. К 70-летию Великой Победы*.....173

Поэзия

Борис Орлов.....75
Евгений Юшин.....141
Людмила Щипахина.....150
Сергей Корытин.....280
Алла Линёва.....283
Лариса Кудряшова.....309
Эмма Меньшикова.....312

Беседа

«Мы победили своим мужеством, своей кровью…». *Беседа с писателем Юрием Бондаревым.* Беседу вел **Валерий Сдобняков.** *К 70-летию Великой Победы*..... 89
Павел Кренев. «Чекисты внесли очень большой вклад в дело разгрома немецких войск под Сталинградом…». *Интервью с Николаем Николаевичем Селивановским. К 70-летию Великой Победы*..... 189

Памятослов

Валентин Распутин Последнее… *К 70-летию Великой Победы*..... 99

Связь времен

Павел Дорохин. Мой дед, Дорохин Иван Сергеевич, Герой Советского Союза. *К 70-летию Великой Победы* 120
Глеб Борщевский. На волнах памяти нетленной. *К 70-летию Великой Победы*..... 130
Михаил Айдинов. Подвиг на века: его не забыть, не умалить, не оболгать. *К 70-летию Великой Победы* 206
Джалина Зээле. Дети войны. *К 70-летию Великой Победы* 293

Доспехи

Григорий Гинзбург. День Победы. *К 70-летию Великой Победы* 124

Дороги войны

Александр Королёв. На Львовском направлении. *Воспоминания ветерана Великой Отечественной войны об освобождении Правобережной Украины, апрель 1944 года. К 70-летию Великой Победы* 209
Анастасия Денисова. Дорога Памяти — Дорога Жизни. *К 70-летию Великой Победы*..... 326

Русские судьбы

Алексей Подцероб. Участие россиян в боевых действиях в Северной Африке. *К 70-летию Великой Победы* 218
Галина Кучина. «Этот старик остановил наш самолет» 285

Славянское братство

Иржи Опршал. Памяти Яна Гуса и гуситов..... 275

Вышла книга

Военный дневник Тани Вассоевич: 22 июня 1941 — 1 июня 1945. *К 70-летию Великой Победы* 301

Великая провинция

Виктор Потанин. «Я счастлив был с вами». *Из Таманского дневника. К 70-летию Великой Победы* 317
Никита Шевцов. Елена Наумова. Куда шла Прасковья? 339

Наследие

Воспоминания о протоиерее Борисе Николаевском его духовных чад 347

Наталия НАРОЧНИЦКАЯ

ЗА ЧТО И С КЕМ МЫ ВОЕВАЛИ

О значении Великой Победы

Наталия Алексеевна Нарочницкая — доктор исторических наук, эксперт в области международных отношений и внешней политики России, специалист по США и Германии. В 1982–1989 гг. работала в Секретариате ООН в Нью-Йорке. В 2004–2007 гг. — депутат, заместитель председателя Комитета по международным делам Государственной Думы Российской Федерации IV созыва. С 2004 г. — учредитель и президент Фонда исторической перспективы. С 2008 г. возглавляет парижское отделение российского некоммерческого фонда «Институт демократии и сотрудничества». Н. А. Нарочницкая является членом Попечительского совета Фонда «Русский мир», Совета Императорского православного палестинского общества. **Живет в Москве**.

Каждый год Праздник Победы 9 Мая отвечает на многие взаимосвязанные вопросы. Что такое сегодняшняя Россия? Каковы главные ее ценности? Сохранила ли она свою историческую идентичность с последней сменой социально-экономических вех? Неподдельно глубокое чувство, с каким страна поклоняется Великой Победе, выявляет огромный потенциал национального единения. Миллионы людей, выходящие по велению сердца на улицы, показывают, что они составляют не просто народонаселение, но Нацию — явление мировой истории и культуры.

В такие дни становится очевидным, насколько велика потребность в объединяющем историческом переживании, насколько сильна воля почувствовать себя единым, преемственно живущим организмом — со своими целями и ценностями, связующими прошлое, настоящее и будущее.

9 Мая старые и молодые, богатые и бедные, сильные и немощные, «успешные» и озабоченные — люди, разделенные тысячами причин и обстоятельств, становятся одним целым.

В минувшем 2014 году в который раз изумилась теплохладная Европа «загадочной» России, которая вопреки глумлениям, внутренним разбродам и шатаниям показала, что умеет чтить свое прошлое, и тем самым в очередной раз заявила право на самостоятельное историческое будущее. Превращение этого потенциала в мощный фактор развития будет, конечно, зависеть от скорейшего преодоления серьезных нестроений в нашем обществе и государстве и сложнейших экономических и социальных бед.

Статья открывает рубрику «История Второй мировой войны: факты и интерпретации» на сайте «Столетие», посвященную 70-летию Победы в Великой Отечественной войне.

Однако именно преодоление мировоззренческого хаоса и смуты есть важнейшая предпосылка решения социально-экономических проблем. Передовые технопарки заработают у нас, только если столь необходимая модернизация России будет основана на смыслообразующих целях и ценностях национального бытия. И, конечно же, только это обеспечит России самостоятельность в принятии исторических решений, а значит, и достойное место в международных отношениях.

Вспоминая великие войны XX столетия, русские всегда рукоплескали своим западным союзникам — англичанам, американцам и французам, своим братьям по оружию из Восточной Европы. Хотя из этих стран доносилось и доносится немало ядовитых слов об этих святых днях, русские не опустились до того, чтобы забыть и об их вкладе в общую победу. На такое способен тот, кто уверен в себе и не нуждается в отрицании других для возвышения себя.

Мир, в целом, впечатлен и принял это к сведению.

Бессильная злоба неизлечимых нигилистов как в самой России, так и за рубежом вызвана не столько самим праздником Победы в России, парадами на Красной площади, сколько искренним общенациональным порывом. Миллионноголосый хор российской молодежи, с упоением гордости за Родину подхватывающий на праздничных стадионах военные песни, звучит подобно иерихонской трубе. Она сокрушает многолетние потуги развенчать наше прошлое, которое остается опорным камнем национального сознания. А значит, вопросы: «за что и с кем мы воевали» и «что осталось от нашей Победы» становятся сегодня еще актуальнее.

Документы довоенного, военного и совсем недавнего прошлого дают нам неожиданные свидетельства, раскрывающие глубинные мотивы противоречий драматического и амбициозного XX века, совсем не всегда связанные с коммунистическим характером СССР.

Именно в таком контексте следует читать материалы, иллюстрирующие взаимоотношения СССР с союзниками по Антигитлеровской коалиции. Например, послания лидеров Великобритании и США, которые воздают должное руководству СССР, верного своим обязательствам, и доблести и самоотверженности нашей армии. «Свободный мир» тогда не смущало, что это была Красная армия!

Сухая статистика: на Восточном фронте Гитлер потерял 607 дивизий, в то время как на всех остальных — 176, в три с половиной раза меньше. Тогда ни у кого не вызывало сомнений, чей вклад в победу над фашизмом более весóм, и никто не отождествлял нацизм и коммунизм.

С одной стороны, документы демонстрируют, как искусственно и служебно сегодняшнее отождествление нацизма и коммунизма. С другой стороны, они показывают, как радикальное изменение соотношения сил в одночасье превращает союзника в соперника. История учит и сегодня трезво осознавать цену объятий в мировой политике: ею правят не благодарность и верность, а неизменные интересы.

Насколько жалкой и недобросовестной выглядит пропаганда против роли СССР в войне на фоне разворачивающейся Большой игры великих держав! Во времена, когда главным инструментом политики служат информационные технологии и манипуляции сознанием, особенно полезно обращаться *ad fontes* — к историческим источникам.

Наша задача — системно противодействовать тотальному извращению смысла Второй мировой войны. Официальные документы, начиная с 1990-х

годов, особенно постановления прибалтийских государств, говорят о полной смене политических ориентиров. Нельзя не заметить, что они следуют в русле, целенаправленно и давно сформированном в США. Среди опубликованных документов можно найти пресловутый закон PUBLIC LAW 86-90 «О порабощенных нациях», принятый Конгрессом США в 1959 году по инициативе Льва Добрянского. Примечательно, что этот идеолог прославления бандеровцев и ОУН-УПА был также наставником супруги экс-президента Украины Виктора Ющенко.

Великие события XX века не понять вне сложного международного контекста. Только панорамный ретроспективный взгляд на международные отношения открывает геополитическую перспективу, позволяя отделить конъюнктуру от преемственных геополитических констант. А без понимания истинной мотивации партнеров реалистичную программу для России в XXI веке не сформировать.

Многие не только за рубежом, но и в России высказывают искреннее (или лицемерное) удивление: как можно защищать победу «коммунистического СССР», не испытывая симпатий к революции и всем ее демонам — Ленину, Сталину, Троцкому?

Действительно, я с содроганием вспоминаю, что мой отец стал в 1937 году «братом врага народа», и все же дерзаю задать неполиткорректный встречный вопрос: что стоит за попыткой воинствующих либералов и западных стратегов сделать из Сталина «злодея всех времен и народов», какового никогда не делали ни из Кромвеля, ни из Робеспьера, ни, тем паче, из Троцкого?

Это не объяснить иначе как переделом сфер влияния — переделом сначала идеологическим, а затем и военно-стратегическим. На Западе тиражируется клише, будто Вторая мировая была «войной за американскую демократию». И если СССР не соответствовал ее стандартам, то прибалтийские страны могут открыто прославлять эсэсовских легионеров, пусть даже народам этих стран в гитлеровском проекте была уготована роль надсмотрщиков или некоей биомассы. В Европарламенте и в Совете Европы, которые сегодня претендуют на роль идеологического ментора, уже открыто говорят, будто в войне был виноват СССР, что война велась между двумя хищниками за мировое господство, а для Восточной Европы победа была не победой, а поражением. Отдельные весьма авторитетные голоса даже не так давно сожалели о несостоявшемся союзе с Гитлером для разгрома ненавистной России.

Наша задача — вернуть Второй мировой войне ее главный смысл — смысл величайшей битвы за право народов быть творцами собственной истории, а не массой без прошлого, без культуры и языка, без исторического выбора с его неизбежными взлетами и падениями, прозрениями и заблуждениями.

Мы показали миру, что для русских та война навсегда останется Великой Отечественной, как бы ни глумились либеральные циники над Победой и над ветеранами — даже в дни юбилея.

Желчь на СССР и на Россию изливается, однако, вовсе не со стороны обывателей. Еще двадцать лет назад сентенции, типа недавних высказываний А. Яценюка, произвели бы шок! Похоже, иррациональная ненависть к России, причем в любых ее исторических образах, стала уже не просто признаком политкорректности. Она сделалась индульгенцией, искупающей любые грехи: и грех глумящегося над жизнью павших на фронтах отцов, и недостойное демократа осмеяние всего того, что дорого и свято для миллионов людей, и прямые преступления против человечности.

Тотальный нигилизм по отношению к русской истории столь востребован в нынешней идеологической брани против России, что, похоже, заслоняет удручающую «нищету философии» интеллектуальных кумиров либертарианского fin de siécle — конца века. Они уже не считают нужным опираться в своих исторических экзерсисах о войне на сколько-нибудь достоверные факты или документы. Впрочем, удручающий уровень «переосмысления» — всего лишь свидетельство очевидной маргинализации попыток извратить правду о войне, в которой упражняются уже лишь весьма экзальтированные персонажи как в России, так и за рубежом — эдакие «enfants terribles» информационного поля.

С падением коммунизма либерализм, второе детище той же философии прогресса, освободился от необходимости постоянного сравнения со своим же *alter ego*. Стигматизируя воспоминания о тоталитарных режимах, теперь он выдает себя за единственную инкарнацию справедливости. Французский экономист А. Радо отмечает, что поношениями любых альтернатив либерализм запугивает общество и скрывает собственные пороки. Превратившиеся из маоистов в воинствующих либертаристов «философы» воспроизводят незатейливую парадигму и до боли знакомый исторический агитпроп: «у варварской империи зла не могло и может быть ничего праведного и правильного». По этой логике, никакая борьба народов за историческое существование не имеет ценности, если не приближает торжество определенной идеологии — теперь это вселенская либеральная демократия. У русских это вызывает горечь…

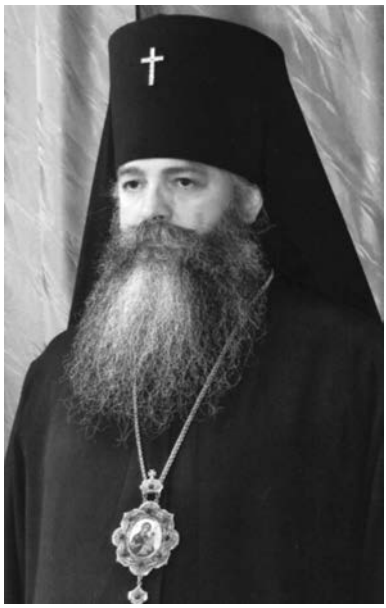
Удивительно все же, как кузен коммунизма — либерализм обретает знакомые черты своего недавнего оппонента: претензии на истину в последней инстанции и почти тоталитарную нетерпимость к инакомыслию, беззастенчивое манипулирование фактами и подмену знания мнениями, примитивное мифотворчество.

В исторической памяти о войне с завоевателями, пришедшими уничтожать и порабощать, споры о том, хорошо или плохо было государство, неуместны. Беда случилась не с государством, а с Отечеством.

Именно это единое Отечество защищали в 1914 и 1941 годах мой дед Иван Подолякин — полный георгиевский кавалер, прапорщик русской армии, и моя мать Лидия Подолякина — партизанка Великой Отечественной, хотя государства были разные, и у разных людей были к ним разные претензии.

Конечно же, оппоненты неизбежно нарекут рассуждения об Отечестве и государстве патетическими и старомодными. Передовые «граждане мира» давно смотрят на них с вольтерьянской усмешкой — сегодня принято любить только демократию, родина же — там, где ниже налоги и больше свободы, критерием которой вот-вот объявят парады содомитов. Подобное, впрочем, знакомо — в советской ортодоксальной идеологии любить родину можно было только, если она была коммунистической, то есть по идеологическим мотивам.

Спор с маргиналами не продуктивен. Укрепление национально-государственной воли российского общества происходит настолько явственно, что вступать с ними в полемику на том уровне, что им, увы, доступен — значит проявлять неуважение к аудитории. Мы выполняем иную задачу — восстановление исторической действительности на основе документальных публикаций, поддержки научных исследований и серьезных дискуссий, что полезно в осмыслении нашего прошлого и в понимании настоящего.

Архиепископ Курганский и Шадринский КОНСТАНТИН (Горянов)

СИЛЬНЕЕ СМЕРТИ

Философия войны

К 70-летию Великой Победы

Искажение истории России и правды о Великой Отечественной войне в преддверии 70-летия Победы достигло такого размаха, обрело такое чудовищное содержание, что впору издавать закон о защите Правды. Объясняется эта постоянно нагнетаемая тотальная клевета на все, что делала Советская Россия и ее народ, многими причинами. Не только тем, что врагам нашей страны надо во что бы то ни стало опорочить имя Сталина, при котором Советский Союз достиг вершин своего военного и промышленного развития. Исторические итоги пытаются исказить еще и потому, что во время Отечественной войны проявлялось и выявлялось качество противостоящих армий, военного искусства, стратегии и тактики, сознания народов, участвующих в войне, и, что долгие годы замалчивалось, — жизнеспособность религиозной идентификации.

Русский народ совершил величайший в истории человечества подвиг, повлиявший на укрепление национального характера будущих поколений. Но это влияние может

Архиепископ Курганский и Шадринский Константин (Горянов) — родился в 1951 г. Окончил Винницкий мед. институт. В 1981 г. защитил кандидатскую диссертацию. В 1983 г. поступил в МДА. В 1986 г. пострижен в монашество, рукоположен во иеродиакона, во иеромонаха. В 1990 г. возведен в сан игумена, назначен ректором МинДС. В 1991 г. хиротонисан во епископа Новогрудского, викария Минской епархии. В 1996 г. назначен ректором СПбДАиС с титулом «епископ Тихвинский, викарий Санкт-Петербургской епархии». С 1999 г. профессор, зав. кафедрой богословских дисциплин. В 2003 г. возведен в сан архиепископа. Член редколлегии «Богословских трудов», член нескольких академий (РАЕН и др.). Член СП России. Лауреат ряда премий. Правящий архиерей Курганской епархии с 2008 г.

быть долго действенным лишь в условиях объективной исторической науки, которая является важным фактором воспитания и общества, и человека. Сохранение знаний о прошлом есть одно из главных условий формирования национального сознания, менталитета. Разрушение с помощью очернения исторического прошлого памяти нации и как следствие, разрушение национального сознания и психологии, порождает социальную апатию, безразличие к судьбе страны и ее будущему не только отдельной личности, но и всего народа.

К сожалению, западной пропаганде на своем поле удалось подвергнуть сомнению исторические факты и назначить ложных победителей в войне. И здесь, можно сказать, помогли им и некоторые наши историки, которые на протяжении многих лет одни объективные факты превозносили, другие замалчивали. Такой государствообразующий фактор Российского государства как Православие, во время Великой Отечественной войны и долгие годы после нее, — замалчивался. И сегодня еще недостаточно широко известно участие Русской Православной Церкви в Великой Отечественной войне и ее вклад в Победу. Такие ущербы фактического слоя исторического полотна способствуют проникновению извращенных фактов и даже клеветы на русский народ, характер, поступки и свершения которого обусловлены не только идеологическими или политическими мотивами, но выводят на осмысление цивилизационной сути противостояния с Западными миром.

О цивилизационной сути глобального конфликта, влияющего и на внутрироссийские столкновения, говорит А. С. Панарин: «Дело в том, что указанный внутренний цивилизационный конфликт в России развертывается, в сущности, не по классовому или этническому принципу, а вбирает в себя глобальный конфликт Запада и Востока, является квинтэссенцией его. В России сталкиваются планетарные силы, нередко маскирующиеся и стилизующиеся то под “борьбу классов”, то под борьбу этносов против империи. Сегодня это проявляется со всей очевидностью. Еще недавно могло казаться, что в мире, в самом деле, идет борьба демократии и тоталитаризма. Но когда тоталитарный СССР был повержен, Запад отнюдь не ослабил свой натиск на Россию и страны, сохраняющие свою православную идентичность (Сербия). Напротив, стала обнажаться другая — не идеологическая, а цивилизационная суть глобального конфликта, прежде идеологически стилизованного. Не случайна та реконструкция самого понятия “тоталитаризм”, которая сопутствовала победе Запада в холодной войне. Прежде тоталитаризм интерпретировался как этнически и цивилизационно нейтральное понятие — как зло, источники которого в трагедиях истории, в соблазнах политики и идеологии, но отнюдь не в расовых, этнических и цивилизационных особенностях, разделяющих людей. Разве война с тоталитарной Германией не велась сообща, двумя фронтами — атлантической коалицией совместно с СССР?

И разве германский фашизм оценивался как органический продукт немецкой культуры, немецкого менталитета? Нет, он оценивался в парадигме Просвещения — как заблуждение ума, а не этнической природы или культуры, как выверт человеческого сознания вообще, преодолеваемый терапией Просвещения. Но этот этнически и цивилизационно нейтральный (универсалистский) просвещенческий дискурс неожиданно отбрасывается после победы Запада в холодной войне. Теперь тоталитаризм интерпретируется

в духе культурологического и этнического расизма — как специфический продукт русской ментальности, русской культуры, а в самое последнее время — как продукт Православия»[1].

Почему же наша вера так ненавистна иноземцам, претендующим на мировое господство? Потому что на ней зиждется русский патриотизм, который можно назвать извечной национальной идеей. После Крещения Руси русский народ был просветлен светом Христовой истины и стал по-новому осознавать свое место в мире, который видел подножием Престола Господня.

Возникла и органически прижилась идея Москвы — Третьего Рима, а четвертому — не бывать. Патриотизм явление и объективное, но он и сугубо субъективен, имеет личностные черты, как и человеческая любовь. Именно из заповедей любви слагается Божий закон на земле: «Бог есть любовь» (1 Ин. 4:8), «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим… и ближнего твоего, как самого себя» (Лк. 10:27), «В любви нет страха, но совершенная любовь изгоняет страх» (1 Ин. 4:18), «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за други своя» (Ин. 15:13). Православие открывает людям тайну, как стать **сильнее смерти**, а, значит, сделаться непобедимым, неуязвимым для врагов Отечества. Именно через любовь в человеке проявляется Образ Божий и укореняется Божия благодать. Пребывание в Боге есть не что иное, как пребывание в любви, проявляющейся, в частности, в любви к Отечеству. Человек носитель, хранитель любви, он ее может передавать по наследству.

Противоречия между ограниченным бытием человека и образом безусловного бытия в нем являются темой исследования русской антропологии. Много добавили к учению Отцов Церкви о сущности человека, о природе зла и возможности христианского спасения выдающиеся русские философы В. С. Соловьев и В. И. Несмелов. Сегодня, во времена тотального оправдания фашизма как такового и, как следствие, его зверств во Вторую мировую войну, наверное, имеет смысл обратиться к трудам наших отечественных философов, объяснивших век назад многие смыслы нашего, постонтологического времени, в частности, оправдание им жестокости и зла. Повторяя очевидное, скажу, что «человеческая реальность», занявшая место Абсолюта, освободившаяся от «сущности», приобщается к силе, позволяющей личности учреждать собственные «правила и права». Но это не сегодняшнее изобретение человека. За ним тома критических философий, где прослеживается глубинная «связь между кантовской аналитикой и крупповской артиллерией» (В. Ф. Эрн). Но все это было потом. О том, что было вначале, о происхождении зла, говорит русский философ Виктор Несмелов в своем фундаментальном труде «Наука о человеке», второй том которого имеет говорящее название «Метафизика жизни и христианское откровение».

Рассмотрим архетипы войн, опираясь на библейское учение: первая война в духовном метафизическом мире и первое убийство в земном человеческом мире. Несмелов строит оригинальную, как он выражается, психологическую схему первого преступления в духовном, метафизическом мире, которое затем перенеслось на землю. «По давнему преданию разных народов зло появилось на земле вместе с падением первого человека, — и, продолжает Несмелов, — всякий раз возникает лишь из эгоистического желания

[1] *Панарин А. С.* Православная цивилизация. СПб., 2014. С. 8.

человека возвести свою ограниченную волю в единственный закон мирового существования, чтобы сделать себя целью не только для себя самого, но и единственной целью всего мирового бытия, не исключая даже и самого Бога»[1]. Поэтому ниже мы остановимся на истории первого убийцы Каина, чью жертву не принял Бог.

Библейские сказания об этом духовном, метафизическом мире весьма не богаты. Библия говорит нам, что Бог даже в Ангелах Своих усматривает недостатки (Иов. 4:18). По мимоходному библейскому указанию (1 Тим. 3:6), первый виновник падения (Люцифер — Денница, диавол) возгордился высотою своего положения и возымел желание переподчинить себе мир, чтобы в этом «новом, своем» мире стать вместо Бога[2]. Поэтому он поставил своей целью устранить мир от самого Бога с целью занять в этом мире положение Бога. Он почувствовал тайную зависть к Богу, и в силу этой зависти у него появилось желание, что *для него* было бы весьма хорошо, если бы Бога совсем не было. Люцифер вместе с тем понимал, что своим бытием он обязан Богу, о чем знали и другие духи, а ситуацию изменить невозможно. И вот он увидел в Боге своего врага и воспылал к Нему чувством непримиримой зависти и ненависти.

Под влиянием этого чувства, если только о характере падшего духа можно судить по всем дальнейшим его действиям в человеческой истории (политтехнология революций), он, вероятно, разразился дерзкой клеветой на Бога, стараясь приписать Богу все те нравственные недостатки, которые выросли из его же собственной люциферианской гордыни. Иначе совершенно невозможно объяснить хотя бы даже и относительный успех его провокации[3].

Эта катастрофа, вероятно, совершилась таким образом. Люцифер, прикрываясь мнимой любовью к своим собратьям и будто бы ратуя за их интересы, искусно забросил им первую клеветническую идею, что Бог создал бесчисленный духовный мир *только ради Себя Самого*, чтобы было Ему над кем властвовать и слушать славословия: «Свят, свят, свят Господь Бог Саваоф». Эта мысль, будучи принятой, подрывала собою веру в безусловную святость Бога.

---

[1] *Несмелов В. И.* Наука о человеке: Т. 2. Метафизика жизни и христианское откровение. Изд. 2-е, испр. и доп. Казань: Центральная типография, 1906. С. 214.

[2] Апостол Павел говорит об антихристе, который будет осуществлять на земле волю диавола: «*откроется человек греха, сын погибели, противящийся и превозносящийся выше всего, называемого Богом или святынею, так что в храме Божием сядет он, как Бог, выдавая себя за Бога*» (2 Фесс. 2:3–4). По слову того же апостола, пришествие антихриста будет «*по действию сатаны*» (2 Фесс. 2:9), а в Откровении св. Иоанна Богослова (13:2) к этому добавляется, что дракон, древний змий, сатана, или диавол, дал антихристу *силу свою и престол свой и великую власть.* Очевидно, что диавол изображается здесь с присвоенными им себе атрибутами божественности, и очевидно, что в деятельности антихриста он будет продолжать то самое дело, которое началось его отступлением от Бога еще в духовном, метафизическом мире.

[3] Об успехе и масштабе провокации говорит следующий библейский текст: «*И другое знамение явилось на небе: вот, большой красный дракон с семью головами и десятью рогами, и на головах его семь диадим. Хвост его увлек с неба третью часть звезд и поверг их на землю*» (Откр. 12:3–4). Апостол Павел в послании к Ефесянам указывает, что именно с этими падшими духами и их перевернутой демонической иерархией и осуществляется духовная брань: «*наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесной*» (Еф. 6:12).

Вторая идея, что духи могли бы достигнуть гораздо более высокого положения, чем то, какое они занимали в действительности. Но Богу не угодно было поставить их в более благоприятные условия, чтобы не потерять в них своих покорных рабов. В принявшем эту ложную идею духе Бог представлялся таким Существом, Которое по нежеланию добра своим разумным созданиям намеренно препятствует им достижения высших целей; таким образом, Бог выступает явным врагом своих созданий. Эта идея возбуждала чувство самолюбия и мятежные мечты о новых счастливых условиях жизни: «мы наш, мы новый мир построим, кто был никем, тот станет всем».

И, наконец, третья, открыто провоцирующая на бунт идея заключается в том, что интересы свободно-разумного ангельского мира не только чужды, но совершенно противны Божиим намерениям, а они, духи, в сущности, оказались лишь роковыми жертвами Его тирании. Эта третья мысль в принявшем ее духе вызывала чувство вражды и протеста против мнимого гнета. Само собой понятно, что можно не принимать этих мыслей, потому что весьма легко разоблачить их грубую лживость, но если кто принял эти идеи, о том можно прямо сказать, что он пал и определил себя на путь бессмысленной вражды к Богу: вставай проклятьем заклейменный. *Все провокации по созданию как старых, так и новых «цветных революций» идут по этой схеме.* «И произошла на небе война: Михаил и Ангелы его воевали против дракона, и дракон и ангелы его воевали против них, но не устояли, и не нашлось уже для них места на небе. И низвержен был великий дракон, древний змий, называемый диаволом и сатаною, обольщающий всю вселенную, низвержен на землю, и ангелы его низвержены с ним» (Апокалипсис, 12:7–9).

Люцифер после грехопадения и войны в духовном мире перенес свою бунтарскую деятельность в пределы земли. Здесь также находились свободно-разумные существа и благоговейные чтители Бога — это были первые люди. Диавол подействовал на людей не путем внутреннего голоса их собственной мысли, а через говорящего змия, т. е. путем внешнего голоса физической природы. Диавол провоцирует конфликт между людьми и Богом по вышеприведенной схеме, подрывая веру в святость Бога: «знает Бог, что в день, в который вы вкусите их (*запретные плоды*), откроются глаза ваши, и вы будете как боги, знающие добро и зло» (Быт. 3:5). Ева нарушила заповедь, вкусив запретный плод с древа познания добра и зла, не имея враждебного чувства к Богу, чего добивался змий. Ева думала только о себе самой и обольстилась необычайно легкой возможностью достигнуть божеского ведения с помощью материального внешнего средства, запретного плода, приняв его внутрь.

Таким образом, преступление в человеческом мире, по Несмелову, состояло в том, что люди захотели, чтобы их высокое положение зависело не от свободного развития ими своих духовных сил, а от физического питания их известными плодами. То есть люди, в сущности, захотели того, чтобы их жизнь и судьба определялись не ими самими, а внешними материальными причинами. Люди дарованную им Богом свободу подчинили закону физической (биологической) причинности.

С грехопадением человек изменился не в существе своей природы, а только в соотношении ее элементов. Он не потерял ни ума, ни чувства, ни свободной воли и сохранил ту же самую физическую организацию. И, тем

не менее, он все-таки действительно стал совсем другим человеком, потому что его падение осуществило в нем то роковое противоречие тела и духа, которое, как наличный закон его природы, подчинило человека физическому закону греха и одновременно поставило в ненормальное отношение и к Богу, и к миру. Человек уже начинает прятаться от Бога: «И воззвал Господь Бог к Адаму, и сказал ему: Адам, где ты? Он сказал: голос Твой я услышал в раю и убоялся, потому что я наг и скрылся» (Быт. 3:10).

Первозданная иерархия в человеке, ранее открытом для благодати и изливавшем ее в мир, — перевернута. Дух должен был жить Богом, душа — духом, тело — душой. Но дух начинает паразитировать на душе. Душа становится паразитом тела — поднимаются страсти, которые губят тело (болезни «на нервной почве»). А потом и тело становится паразитом, убивает, чтобы питаться, а люди вначале были вегетарианцами. В силу падения людей и все творение потеряло разумную цель своего бытия, «потому что тварь покорилась суете не добровольно, но по воле покорившего ее… Ибо знаем, что вся тварь совокупно стенает и мучится доныне» (Рим. 8:20–21).

Так с грехопадения прародителей началось блуждание человека по дорогам истории в поисках истины и смысла жизни, в поисках спасения и искупления от греха. После грехопадения люди хотя и оказались недостойными Бога, однако хотели принадлежать одному Ему. Окончательной победы над людьми диавол не одержал — они не подняли бунт против своего Творца подобно падшим ангелам.

Нам необходимо коснуться истории Каина и первого преступления, совершенного на земле, которым являлось убийство. Также как история с первой войной в духовном метафизическом мире, история Каина содержит архетипы первого преступления на земле. Каин, первый сын Адама и Евы, родившийся у них после изгнания из Рая (Быт. 3:24, 4:1). Каин — первый родившийся на этой земле человек, и это — мужчина. «Авель был пастырь овец, а Каин был земледелец» (Быт. 4:2). Два сына Адама и Евы становятся зачинателями двух основных занятий людей Древнего мира — земледелие и скотоводство, но в Библии ничего не говорится о том, как был установлен институт жертвоприношений. В схематической истории Каина и Авеля в 4-й главе Книги Бытия много недосказанного. «Спустя несколько времени Каин принес от плодов земли дар Господу. И Авель также принес от первородных стада своего и от тука их. И призрел Господь на Авеля и на дар его; а на Каина и на дар его не призрел» (Быт. 4:4–5). Библейский текст не объясняет причин предпочтения жертвы Авеля; выбор объекта Божественной любви является исключительной прерогативой Бога. Последствовавшее обращение Бога к Каину (Быт. 4:7) одно из самых трудных мест для понимания в Книге Бытия: «у дверей грех лежит; он влечет тебя к себе, но ты господствуй над ним». Этот стих, как он читается в настоящее время, является результатом древней порчи текста. Библеисты реконструируют весьма попорченный древнееврейский текст, и получается следующий перевод слов Бога, обращенных к Каину: «Если не делаешь доброго, то грех — это демон, таящийся у дверей»[1]. Но Каин игнорирует предупреждение Божие: «И сказал Каин Авелю, брату своему: пойдем в поле» (Быт. 4:8). В поле

[1] *Селезнев М. Г.* Каин // Православная энциклопедия. Т. XXIX. М., 2012. С. 378.

Каин убивает брата. Обращенный затем к Каину вопрос Господа: «Где Авель, брат твой?» (Быт. 4:9) перекликается со словами Господа Адаму «где ты?» (Быт. 3:9): в обоих случаях виновный пытается уйти или оправдаться. Однако кровь Авеля взывает об отмщении, и земля, которую Каин напоил кровью брата, проклинает его. В проклятии Каина, как и в проклятии Адама, важная роль отведена земле. Обращенные к Богу слова Каина: «Ты теперь сгоняешь меня с лица земли…» (Быт. 4:14) напоминают об изгнании Адама из рая. Таким образом, за грехом Каина (вторым в истории человечества) следует и второе изгнание — еще дальше от Бога. Каина охватил страх, что «всякий, кто встретится со мною, убьет меня» (Быт. 4:14). Чтобы смягчить наказание и спасти Каина от убийц, Бог налагает на Каина знак (знамение), подобно тому, как Он сделал кожаные одежды для Адама и Евы после изгнания из рая, чтобы смягчить их наказание. «И сказал ему Господь (Бог): зато всякому, кто убьет Каина, отмстится всемеро» (Быт. 4:15). Как прогрессировала ненависть в допотопном человечестве, свидетельствуют слова Ламеха, одного из ближайших потомков Каина: «Если за Каина отмстится всемеро, то за Ламеха в семьдесят раз всемеро» (Быт. 4:24). А нам, христианам, становятся более понятными слова Христа о том, что надо прощать семьдесят раз семеро.

В литературе раннего раввинистического иудаизма пытаются «восполнить» недосказанное относительно истоков конфликта между Каином и Авелем. В Таргуме псевдо-Иоанафана сказано, что Ева зачала Каина от ангела Самаэля, в иудейской традиции предводителя злых духов (грех — это демон, таящийся у дверей). Отсюда становятся понятными дальнейшие события. Согласно другой версии братья решили поделить мир: Каин взял себе всю землю, а Авель — движимое имущество. Как только они заключили договор, Каин обвинил Авеля в том, что тот стоит на его земле, а Авель Каина в том, что тот носит его одежду (Берешит Рабба. 22.8 на Быт. 4.6).

В христианской традиции этическое осмысление истории двух братьев в Новом Завете приводит к тому, что они становятся образами двух разных путей: Каин — злого, а Авель — доброго: «Верою Авель принес Богу жертву лучшую, нежели Каин; ею получил свидетельство, что он праведен, как засвидетельствовал Бог о дарах Его; ею он и по смерти говорит еще», — пишет апостол Павел (Евр. 11:4). Слова Спасителя против книжников и фарисеев, преследование иудейскими учителями праведников соотносятся с убийствами: «да взыщется от рода сего кровь всех пророков, пролитая от создания мира, от крови Авеля до крови Захарии, убитого между жертвенником и храмом. Ей, говорю вам, взыщется от рода сего» (Лук. 11:50, 51). Как голос убитого Авеля «вопиет» к Господу «от земли» (Быт. 4:10), так и пролитая кровь всех святых пророков находит эсхатологическое отмщение во время Страшного Суда (Откр. 16:4–7; 18:24).

Многие Святые Отцы древней Церкви считали, что таинство спасительных страданий Господних и Его жертва за грехи мира были предобразованы в убийстве Авеля (это архетипы). Каин, согласно блаженному Августину, — напротив, стал прообразом как еретиков, так и иудеев, которые убили Христа — Пастыря овец бессловесных, предображенного Авелем («О граде Божием»). Святитель Василий Великий называет Каина первым учеником диавола, научившимся у него зависти и убийству, который, не имея сил к богоборству, впал в братоубийство.

Идея спасения была известна всему миру, но содержание ее в истории было неоднозначно. В языческом мире оно было условным и ограниченным, так как идея спасения обычно сводилась к достижению земного счастья и беспечальной жизни. Божественный закон, данный иудеям через Моисея, так же не мог спасти человека от греха, ибо, как писал святой апостол Павел, «законом познается грех» и «никакая плоть не может оправдаться перед Богом делами закона» (Рим. 3:20). Поэтому человек нуждается не в мудром учителе истинной жизни, каковым мог быть и Божий закон, а в Спасителе его от жизни неистинной[1].

В Лице Иисуса Христа в мир неправды явился праведник в собственном смысле этого слова. Никогда не следуя внушениям человеческой плоти и крови, Христос действительно раскрыл в своей человеческой жизни такую полноту нравственного совершенства, которая возможна только в жизни истинного человека от Бога. Его земная жизнь явилась совершенным воплощением мысли о жизни самого Небесного Отца. Он — Иисус Христос, впервые полностью осуществил Божию мысль о бытии. Уже одним тем, что Сын Божий жил в этом мире, Он вполне оправдал Божие дело создания мира, т. е. Христос явил оправдание Бога в Его творческой деятельности. Но это еще не оправдание людей пред Богом за их уклонение от Божия закона жизни.

Для Иисуса Христа смерть не была необходимостью: в Нем дух не служил смертному телу, а тело являлось органом нравственной жизни бессмертного духа. Поэтому Иисус Христос выпадал из общей закономерности, и поэтому Его мученическая смерть была искупительной, она уничтожила грех в мире. Личность Христа и есть тот богооткровенный ответ на загадку о человеке: Христос есть абсолютный божественный Человек, предвечно осуществленный Образ и Подобие Отца. Он добровольно принес Себя в искупительную жертву, и таким образом спас от гибели жизнь грешного мира.

Но для спасения грешного человека недостаточно было лишь очистить его от грехов. Необходимо было еще изменить и те внешние условия жизни, которые противодействуют достижению спасения, но изменить так, чтобы сам мир остался неприкосновенным, т. е. чтобы с уничтожением греха не уничтожить и мир (т. е. не ядерная война). Стало быть, для осуществления Христова дела в мире необходимо и сохранить этот мир как Божие творение, и в то же самое время изменить его, потому что мир извратился.

Таким образом, мне пришлось подробно остановиться на архетипах поведения и антропологических проблемах, потому что без этого не понятен причинный смысл и войны, и победы. Конечно, советские воины не знали всех этих доказательств возможности воскресения, но верили в него, знали о нем от рода, поэтому и осознавали себя сильнее смерти в порыве христианской любви, неискоренимой никакими социальными системами.

Неисчислимо количество примеров тому во время Великой Отечественной войны среди воинов и работников тыла, детей и стариков. Немало героических подвигов было совершено священниками. Многие священники не только своим церковным служением, но и воинским подвигом внесли вклад в победу. Следует отметить прямое участие сотен священнослужителей в

[1] *Несмелов В.* Наука о человеке. Т. 2. Метафизика жизни и христианское откровение. С. 285.

боевых действиях, в том числе и тех, кто до войны отбыл срок в лагере и ссылке или шел прямо из лагеря. В обстановке нацистского вторжения, несшего оккультизм и воплощавшего идею физического уничтожения славянских и других народов, оставаться в стороне от вооруженной борьбы было недопустимо, к тому же большинство священников шло в армию по послушанию властям. Многие из них прославились подвигами и были отмечены наградами. Вот хотя бы несколько портретов. Уже побывав в заключении, С. М. Извеков, будущий Патриарх Московский и всея Руси Пимен, в самом начале войны стал заместителем командира роты, был дважды ранен, прошел всю войну и завершил ее в звании майора. Наместник Псково-Печерского монастыря в 50-е — первой половине 70-х гг. XX в. архимандрит Алипий (Воронов) — талантливый иконописец и деятельный пастырь, — будучи уже в сане, оборонял Москву, воевал все четыре года, был ранен несколько раз, награжден боевыми орденами. Будущий митрополит Калининский и Кашинский Алексий (Коноплев) на фронте был пулеметчиком, в 1943 г. он вернулся к священнослужению с медалью «За боевые заслуги». Протоиерей Борис Васильев, до войны диакон Костромского кафедрального собора, в Сталинграде командовал взводом разведки, а затем воевал в должности заместителя начальника полковой разведки[1]. В отчете уполномоченного совнаркома по делам религии Г. Карпова указывался ряд награжденных священнослужителей: так, священник Ранцев (Татарская АССР) был награжден орденом Красной Звезды, протодиакон Зверев и диакон Хитков — каждый четырьмя боевыми медалями и т. д.[2].

Русская Православная Церковь много делала не только для воодушевления воинов, но и для развития партизанского движения. Вот что, в частности, писал Патриарший местоблюститель митрополит Сергий 22 июня в годовщину начала войны: «В памяти жителей мест, временно занятых врагом, несомненно, жива вековая борьба православного казачества и его заслуги перед Церковью и Родиной… В настоящее время встают из нашей среды сотни и тысячи народных героев, ведущих отважную борьбу в тылу врага. Будем же достойны и этих священных воспоминаний старины, и этих современных героев: “не посрамим земли Русской”, как говорили в старину. Может быть, не всякому можно вступить в партизанские отряды и разделять и их горе, опасности и подвиги, но всякий может и должен считать дело партизан своим собственным, личным делом, окружать их своими заботами, снабжать их оружием и пищей, и всем, что есть, укрывать их от врага и вообще помогать им всячески»[3].

Священнослужители принимали активное участие в партизанском движении, особенно в Белоруссии, и многие из них заплатили за это жизнью. В одной только Полесской епархии более половины священников (55 %) было расстреляно за содействие партизанам[4]. Некоторые священники, такие как отец Василий Капычко, «партизанский поп» (которого автор статьи знал лично), священнодействовали в белорусских партизанских отрядах,

---

[1] Священники на фронте // Наука и религия. 1995. № 5. С. 4–6.

[2] *Якунин В. Н.* Свидетельствует спецхран // Наука и религия. 1995. № 5. С. 15.

[3] Русская Православная Церковь и Великая Отечественная война. Сборник документов. М., 1943. С. 31.

[4] *Васильева О. Ю.* Русская Православная Церковь в 1927–1943 // Вопросы истории. 1994. С. 43.

исповедовали, причащали. Формы содействия были самыми разнообразными: священники укрывали красноармейцев, отставших при отступлении от своих частей, бежавших военнопленных, как например, священник Говоров в Курской области скрывал у себя вырвавшихся из плена летчиков[1]. Духовенство вело патриотическую агитацию и занималось сбором средств на танковую колонну «Дмитрий Донской». Пример тому — гражданский подвиг священника Феодора Пузанова из села Бродовичи-Заполье, который смог на оккупированной немцами Псковской области собрать денег и ценностей на полмиллиона рублей и переправить их через партизан на большую землю[2].

Многие из священнослужителей воевали в партизанских отрядах, нескольким десяткам из них позднее была вручена медаль «Партизану Великой Отечественной войны». Так, протоиерей Александр Романушко из Полесья с 1942 по 1944 г. лично участвовал в партизанских боевых операциях, лично ходил в разведку. В 1943 г., когда люди собрались отпевать убитого полицая, при всем народе и вооруженных товарищах убитого отец Александр сказал: «Братья и сестры, я понимаю большое горе отца и матери убитого, но не наших молитв и “Со святыми упокой” своею жизнью заслужил во гробе предлежащий. Он — изменник Родины и убийца невинных детей и стариков. Вместо “Вечной памяти” произнесем же: “Анафема”. А затем, подойдя к полицаям, призвал их искупить свою вину и обратить оружие против немцев. Эти слова настолько впечатлили людей, что многие прямо с кладбища ушли в партизаны»[3].

Подвиги священников воодушевляли многих русских людей, воспитанных в атеистические времена в равнодушии к Церкви, вернуться к вере предков, обратить свой взор к Богу и уверовать в Него всем сердцем. Да и как могло быть иначе, если советские люди видели, что фашисты борются с Церковью, с ее духовной и формообразующей сущностью, как со своим злейшим врагом. Лживая политика восстановления церковной жизни на оккупированных территориях должна была на самом деле привести к уничтожению единой Русской Православной Церкви.

Неправильно говорить о том, что немцы открывали церкви на оккупированной территории: на самом деле они лишь не препятствовали верующим их открытию. Вкладывали же часто последние свои силы и средства русские, украинцы и белорусы — жители оккупированных территорий. В политике немцев на оккупированных территориях сталкивались две линии: одна — от представителей средних (лишь отчасти и высших) военных кругов, заинтересованных в лояльности населения оккупированных областей, а, следовательно, и в единой канонической церковной организации. Другая линия, исходившая от Розенберга и Гитлера, была нацелена на деморализацию, разобщение, в конечном счете, уничтожение русских людей и, следовательно, она инициировала религиозный хаос и церковный раскол. Вот что говорил Гитлер на совещании 11 апреля 1942 г.: «Необходимо запретить устройство единых церквей для сколько-нибудь значительных русских территорий. Нашим интересам соответствовало бы такое положение,

---

[1] Российский центр хранения и изучения документов Новейшей истории (РЦХИДНИ), ф. 17, оп. 125, д. 407, л. 73.

[2] Московский церковный вестник. 1989. № 2. С. 6.

[3] *Якунин В. Н.* Велик Бог земли Русской // Военно-исторический журнал. 1995, № 1. С. 37.

при котором каждая деревня имела бы собственную секту, где развивались бы свои особые представления о Боге. Даже если в этом случае в отдельных деревнях возникнут шаманские культы, подобно негритянским или американо-индейским, то мы могли бы это только приветствовать, ибо это лишь увеличило бы количество факторов, дробящих русское пространство на мелкие единицы»[1]. Цитата достаточно красноречивая и весьма злободневная. Не то ли происходило в перестроечное время на территории Российской Федерации, Украины и Белоруссии, где лишь по официальным данным насчитывалось несколько сотен сект с числом адептов до миллиона, и большинство из них создано на западные деньги?

Исходя из гитлеровских инструкций, германские власти стремились всячески расколоть Церковь на оккупированных территориях. Немецкая политика в отношении Православной Церкви в Белоруссии была сформулирована Розенбергом 13 мая 1942 г. после свидания с Гитлером и Борманом. 8 мая 1942 г. Розенберг писал своим двум рейхскомиссарам, что Русская Православная Церковь не должна распространять свое влияние на православных белорусов, и ее деятельность не должна простираться за границу расселения великороссов. Эта политика привела к полному отделению так называемой Белорусской автономной Церкви от Экзархата в Прибалтике. Немцы навязывали независимость (автокефалию) Церкви в Белоруссии, но епископат во главе с митрополитом Пантелеимоном, в конечном счете, ее не принял.

На Украине, благодаря подогреваемому еще с 1914 г. германским генштабом националистическому фактору, Церковь удалось расколоть. Помимо *канонической* Украинской автономной Церкви во главе с митрополитом Алексием (Громадским), была образована антирусская автокефальная Церковь во главе с митрополитом Поликарпом (Сикорским), целиком поддержавшая фашистов. Против митрополита Алексия (Громадского) все время велась усиленная агитация, как против врага Украины, и он был 7 мая 1943 г. убит бандеровцами из засады возле Почаевской Лавры. В августе того же 1943 г. был повешен бандеровцами епископ Мануил (Тарновский), принадлежащий к иерархии *канонической* Украинской Церкви[2]. Большинство священников сохранило верность Московскому Патриархату, но даже некоторые из тех, кто вышел из канонического подчинения, такие как епископ Пинский и Полесский Александр, тайно помогали партизанам — продуктами и медикаментами.

Особого внимания достоин феномен митрополита Виленского и Литовского Сергия (Воскресенского), Экзарха Московского Патриархата в Прибалтике. Необходимо отметить, что ему удалось сохранить единство, несмотря на тяжелейшее давление немцев. Его взаимоотношения с немцами строились всецело на антикоммунистической, а не на антирусской почве. Арестованный гестапо сразу после оккупации Риги митрополит Сергий скоро был освобожден, убедив немцев в своем антикоммунизме, и добился разрешения на открытие Миссии Русской Православной Церкви. Сам он

---

[1] *Дашичев В. И.* Банкротство стратегии германского фашизма. Исторические очерки. Документы и материалы. Т. 1. Подготовка и развертывание фашистской агрессии в Европе 1933–1941 гг. М., 1973.

[2] Православная Церковь на Украине и в Польше в XX столетии: 1917–1950 гг. / Сб. под ред. Фотиев К., протоиерей, Свитич А. М., 1997. С. 270.

рассматривал свое так называемое сотрудничество с немцами как сложную игру для блага Церкви и России. Он часто говорил: «Не таких обманывали, с НКВД справлялись, а этих колбасников обмануть не трудно»[1]. Псковская Миссия охватывала огромную территорию от Пскова до Ленинграда. Успехи Миссии превзошли все ожидания. В результате только на территории Псковской области было открыто 200 храмов. Благодаря Миссии были крещены десятки тысяч русских людей, тысячи получили начатки религиозного образования. В Пскове, Риге и Вильнюсе были открыты богословские курсы, на которых получили богословское образование десятки будущих пастырей Русской Православной Церкви. Один из членов Миссии о. Алексий Ионов подчеркивал, что работа велась без каких-либо директив от оккупационных властей: «со стороны немецких властей никаких инструкций специального или специфического характера Миссия не получила. Если бы эти инструкции были даны или навязаны, — вряд ли наша Миссия состоялась. Я хорошо знал настроение членов Миссии»[2]. В просветительской деятельности Псковской Миссии явно выражалось патриотическое начало: ее катехизаторы и учителя призывали к возрождению России «единой и неделимой» в противовес расистской линии Гитлера—Розенберга, предпочитавших видеть Россию расчлененной на ряд марионеточных республик и генерал-губернаторств. Тем не менее, встреча с партизанами для члена Миссии заканчивалась казнью.

Там же, где фашисты сталкивались с героическим сопротивлением местного населения, они сбрасывали маску «освободителей» и несказанно зверствовали, не щадя ни людей, ни храмы, которые сжигали зачастую вместе с местными жителями, находившимися в них. Остававшиеся в живых вспоминали ужасные подробности. Протоиерей солнечногорской приходской Николаевской церкви Н. Успенский сообщает, что немцы, войдя в город, подошли к церкви и бросили в имеющееся под ней убежище гранату. В убежище в это время было много людей, взрослых и детей. 21 сентября 1941 г. город Петергоф был оккупирован немецкими захватчиками. Немецкие войска в несколько дней систематическими артобстрелами и бомбежками лишили верующих их святынь — уничтожили все старо-петергофские церкви. При этом свои обстрелы и разрушения храмов фашисты обставляли так, что вместе с храмами погибали молившиеся в них (преимущественно старики, женщины, дети), искавшие под сводами храмов убежища и спасения от обстрелов и бомбежек[3]. Таких документальных свидетельств можно привести тысячи.

«Кровь стариков и женщин, убийство детей, пепел и прах культурных святынь не могут быть смыты даже смертью, даже доблестною смертью сынов Фатерланда. Откровенно можно сказать: нам хотелось бы иметь врагов более честных, более мужественных в выборе средств, менее охваченных нервическим исступлением»[4]. Нет, эти слова относятся не к событиям Великой Отечественной войны, они сказаны русским философом В. Эрном о

---

[1] *Регельсон Л.* Трагедия Русской Церкви. М., 1996. С. 511.

[2] *Раевская-Хьюз О.* О Псковской Миссии // Бенигсен Г., протоиерей. Не хлебом единым. М., 1997. С. 232.

[3] Бог и Победа. М., 2014. С. 147—148.

[4] *Эрн В. Ф.* Меч и Крест // Русские философы о войне. Кучково поле. 2005. С 441.

Первой мировой войне. Если заменить название страны-агрессора, то звучит еще и архисовременно. Этот вневременной смысл приведенных слов является подтверждением извечной и неизменной природы войны, состоящей в столкновении двух всемирно-исторических сил — Меча и Креста. Не могу также не согласиться со словами известного русского философа: «Столкновение духа Германии и духа России мне представляется внутреннею осью европейской войны. Все другие силы группируются по периферии. Гордая, материальная, внешняя идея германская сталкивается с смиренною, духовною и внутреннею идеею русскою»[1].

Как подчеркивает В. Эрн, для Германии нет ничего выше меча, и Бог для них есть сила, а не правда. Для России же ее меч — служение правде, увенчанной крестом. «Русское воинство, светлое, бесстрашное, есть, прежде всего, духовная сила»[2]. В особенный момент истории, вызванный необходимостью, эта сила, являющаяся материализацией народного духа, выступает в полном вооружении — со щитом и мечом. И побеждает. Но «в жизни духа битва или война есть всего лишь событие. Некоторая экстериоризация духовных энергий, сущность же духа безмерно больше»[3].

Может, не в такой формулировке, но, по сути, верно эту безмерность и вневременность ощущают враги России и правильно связывают угрозу, исходящую для их воинственного материалистического мировоззрения, с сущностью Православия, выраженной в Никео-Цареградском Символе Веры. Сегодня Русская Православная Церковь возрождается, укрепляется, ее крепость выражается не только возрождением церквей и монастырей, строительством новых храмов, но многократным увеличением числа истинно верующих людей, развитием современного богословия и богослужебной практики. Укрепление Церкви взаимосвязано с укреплением всего Русского государства, с повышением его обороноспособности и с укреплением авторитета в мире. То есть открывается подлинный лик свободы в христианском ее понимании, в понимании богосыновства человека, в высочайшей его ответственности за всех живущих на земле. Православие — есть религия сострадания, есть торжество Божией Благодати, а не человеческого закона. Это творческая религия, призванная разъяснить, что смысл бытия не в нем самом, не в его проявлениях и детерминантах, а в самом духе, дающем возможность открыть иную возможность там, где все кажется заданным, не имеющим альтернативы.

Для мира капитала, базирующегося на безальтернативной системе рынка, эта возможность смертельна. Западный мир боится нашей нравственности, нашей морали. Как справедливо отмечает великий современный философ А. Панарин, «эта наша нравственно-религиозная впечатлительность и неугомонность очень мешает господам мира сего — по этой причине они сегодня решили приняться за нас всерьез. Вполне откровенно заявлено: новому глобальному порядку мешает Россия не только как особая государственная и геополитическая величина, но и как тип культуры, решительно не вписывающийся в новую систему глобального естественного отбора.

---

[1] *Эрн В. Ф.* Меч и Крест // Русские философы о войне. Кучково поле. 2005. С 441.

[2] Там же. С. 442.

[3] Там же. С. 443.

Дело не только в том, что мы способны проиграть и, судя по всему, уже проигрываем рыночное соревнование. Дело в том, что мы мешаем скорому установлению социал-дарвинистских правил игры, их окончательной ценностной реабилитации. Другие великие народы, представляющие незападные цивилизации, оказались задетыми за живое западным вызовом. И, судя по некоторым признакам, готовы принять правила игры и даже выиграть по ним у запада.

Что касается нас, то мы оспариваем сами эти правила — наше чувство справедливости, наша христианская сострадательность заставляет их отвергать. Лежащей в основе западной морали успеха презумпции доверия к сильнейшему — наиболее приспособленному — мы упорно противопоставляем нашу презумпцию доверия к слабейшему. В этом — наш исторический и метаисторический мистицизм, вполне вписывающийся в Христово обетование нищих духом, которые наследуют землю»[1].

Нет сомнения, что именно за это наследство в канун 70-летия нашей Великой Победы разгорелась вновь ожесточенная борьба, готовая вылиться в мировую войну — так называемая гражданская война на Украине. Здесь, на когда-то исконных русских территориях, неравный бой с неведомо откуда взявшимися фашистскими полчищами ведут простые, в большинстве русские люди. Как отметил В. В. Путин, бывшие трактористы и шахтеры, вооруженные устаревшим воинским оснащением, теснят со своей родной земли регулярные украинские войска. А ведь украинской армии сегодня и советом, и капиталами, и вооружением помогают Европа и Америка. Так кто же с кем воюет? Как говорится в прессе, в прошлом батальон, а ныне полк «Азов» в массе своей состоит из украинских неонацистов и их коллег из Швеции, Хорватии и ряда других стран. Официальными символами «Азова» являются «волчий крюк» — средневековый германский знак, изображенный на знаменах ряда боевых подразделений нацистской Германии, в том числе дивизии СС «Das Reich», и оккультное «Черное солнце», особо почитавшееся членами германской эзотерической организации «Аненербе» и представителями высшей иерархии СС.

В заключение данной статьи хочу привести мысль известного петербургского философа А. Л. Казина: «Войны, как и революции — социальные, политические, религиозные — такая же непреложная грань грешного мира, как болезнь и смерть. Не надо делать вид, что все когда-либо исчезнет — то ли при коммунизме, то ли при новом мондиалистском мировом порядке, когда люди (в том числе солдаты) будут управляться с помощью вживленных под кожу чипов. Армия — это часть государства, признак державы. Поэтому Денис Давыдов мечтал умереть в бою и страшился смерти в собственной постели:

Я люблю кровавый бой,
Я рожден для службы царской!
Сабля, водка, конь гусарской,
С вами век мне золотой.

[1] *Панарин А. С.* Православная цивилизация. СПб. 2014. С. 294.

Золотой век Дениса Давыдова миновал. Однако еще не миновала Россия, которая из каждых пяти лет своей истории три проводила в боях. Скорее всего, так и будет впредь. Кто не любит своей армии, будет кормить чужую»[1].

Здесь комментарии излишни. Не требуется пояснять и библейское пророчество «Взявши меч мечом погибнут» (Мф. 26:52). В этих словах Спасителя содержится обоснование справедливой войны. Подтверждаются они сегодня на Донбассе, где трудная победа ополченцев, бойцов за свою землю, за русский язык, за свою веру кажется невероятной. Но она имеет нравственную подоплеку и потому бесспорна. Как бесспорна Победа многонационального советского народа в Великой Отечественной войне, как бы ни старались ее оклеветать и унизить наши западные соседи. Россия, русский народ, Русская Православная Церковь — являются в совокупности спасительным шансом человечества, загипнотизированного постмодернистской идеей самоликвидации. И вывести его из этого состояния может только новый Парад русской Победы.

---

[1] *Казин А. Л.* Homo Russicus. СПб.: Алетейя, 2014. С. 45.

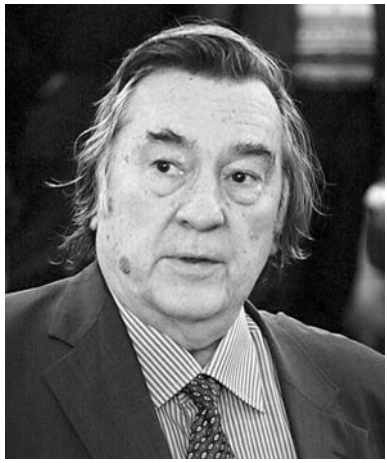
Вышла книга

Пример безграничного смирения: Жизнеописание и наставления схиархимандрита Андроника (Лукаша), подвижника Глинской пустыни / Авторы свящ. Павел Лизгунов, Зиновий Чесноков / Предисл. схиархим. Гавриила (Бунге). — М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2014. — 224 с.: ил. — (Серия «Подвижники благочестия XX века»).

Рекомендовано к публикации Издательским Советом Русской Православной Церкви

Книга знакомит нас с житием и душеполезными наставлениями подвижника Глинской пустыни преподобного Андроника (Лукаша; 1889–1974). В ней собрано множество сведений о прозорливости и чудесах этого великого старца XX века. Всю свою жизнь отец Андроник служил Богу и людям с любовью и горячим усердием, принимая гонения и скорби с величайшим смирением. Книга является совместным трудом священника Павла Лизгунова и Зиновия Чеснокова, предисловие к ней написал схиархимандрит Гавриил (Бунге), православный швейцарский богослов.

Александр ПРОХАНОВ

«МИСТИЧЕСКАЯ ВЕРШИНА РУССКОЙ ИСТОРИИ»

К 70-летию Великой Победы

Александр Андреевич Проханов — родился в 1938 г. в Тбилиси. Окончил Московский авиационный институт. Главный редактор газеты «Завтра». Член секретариата Союза писателей России. Работал инженером, затем лесником в Карелии и Подмосковье, сотрудником газет «Правда», «Литературная газета». Активно выступал с публицистическими очерками в патриотической печати. Лидер патриотической оппозиции, прозаик — десятилетия своей жизни посвятил описанию локальных войн, в том числе и тех, что велись и ведутся на руинах СССР. Кавалер орденов Красного Знамени, Трудового Красного Знамени, «Знак Почета» и Красной Звезды. **Живет в Москве.**

РУССКИЕ НЕПОБЕДИМЫ

В моем далеком детстве во время войны я слушал домашний репродуктор — тарелку, обтянутую черным картоном. Звучали военные песни. Помню одну из них:

Годы пролетели,
и настал тот час,
тот же враг жестокий
вновь напал на нас.

И сегодня на нас напал тот же враг. Тот самый, который столетия назад присылал сюда конницу, закованных в броню псов-рыцарей. Тот враг, что присылал полчища поляков, которые жгли Смоленск и дотянулись своей рукой до Москвы. Тот враг, что, раненый под Бородино, дошел до Кремля и спалил нашу священную столицу. Тот враг, который своим черным фашистским мечом рассек границы и ворвался в перелески Волоколамска.

Сегодня тот же европейский враг — лютый и беспощадный — набросился на нас. Мы ведем схватку. Враг копит у наших границ свои натовские дивизии, громоздит аэродромы и ракетные базы. Он стремится разрушить наши заводы, ослабить нашу мощь, пошатнуть нашу экономику. Этот враг сеет смуту в наших душах. Он хочет вытеснить из сознания нашего человека образ ненаглядной родины. И тогда родина, потеряв народную любовь, рухнет.

Мы не сидим без дела, мы даем отпор. Дни и ночи, наверстывая упущенное время, мы строим на наших заводах огромные лодки, самолеты, танки. Укрепляем наши подразделения по всем направлениям: в Арктике, на юге, на западе. Подставляем плечо нашей пошатнувшейся индустрии. Спасаем наши заводы, нивы

и пажити. Укрепляем дух наших людей. Не позволяем, чтобы темная муть затмила крымское солнце.

И мы молимся на икону. Имя этой иконы — Победа. В нынешний победный год эта икона просияла дивно и ослепительно. Икона Победы является хранительницей нашего государства. Основой наших смыслов, глубинной, огненной силой, которая не дает нам упасть, не позволяет заснуть и погибнуть. Во времена Горбачева эту икону пытались затоптать, пытались разрубить топором на мелкие щепки. Сколько тьмы, сколько грязи и клеветы обрушилось на головы красноармейцев, на головы защитников Отечества, на саму Победу! Ее хотели оторвать от нашей истории. Вымарать, увести в плен.

Советское государство рухнуло в момент, когда у него отняли все смыслы, все константы, все идеологические основы. Но не смогли отнять одного — икону Победы. Эту икону мы перенесли через трагический и жестокий 1991-й год в наши дни. Так раненый командир, обмотав вокруг пробитой груди свое полковое знамя, выносит его через топи, овраги, через засады врага. Он выносит это знамя и, может быть, умирая, расстегивает гимнастерку, и спасенное от врага знамя вновь начинает трепетать. Под него собираются новые полки и идут в атаку.

Каждый, кто молился на икону, знает, что когда своей страстной молитвой, страстной любовью ты обращаешься к образу, от него в тебя льются исцеляющие светоносные силы, преображая и давая невероятное могущество. Своим встречным чувством ты погружаешься в глубь этого образа. И ты, молящийся на икону Победы, вдруг оказываешься среди великих отцов и дедов. Среди подвижников, героев и мучеников. Это ты, ты садишься за штурвал истребителя и вместе с Талалихиным идешь в лобовой таран на фашистского аса. Ты вместе с Гастелло направляешь свой горящий самолет на колонну врага. Тебя, тебя пытают гестаповцы в Краснодоне вместе с молодогвардейцами. Ты стоишь рядом с генералом Карбышевым, и тебе на голову льют черную ледяную воду, которая, касаясь твоего тела, вдруг превращается в воду святую.

Икона Победы является хранительницей и залогом нашей неодолимости, нашей священной силы, нашей непобедимости. Ты, сегодняшний молодой человек, ты, юнец, ты, седовласый старец, это ты — победитель. Это ты водружал над Берлином красное знамя Победы.

В Москве 9 мая состоится восхитительный грандиозный парад. Парады Победы пройдут во всех городах России. И пусть они пройдут в сражающихся Луганске и Донецке. И пусть победный весенний парад пройдет в Мариуполе.

Русские непобедимы.

ПОБЕДА БУДЕТ ЗА НАМИ

Министр иностранных дел Польши с вялым лицом моллюска заявляет, будто в сорок пятом году Освенцим освободили украинские части. Это значит, что современному Киеву, кишащему бандеровцами и нацистами, должны поклониться потомки спасенных узников. Яценюк, похожий на злого неоперившегося птенца, упрекает Россию в том, что она во время Второй мировой войны вторглась на Украину и в Германию. Это значит, что фашист-

ская Германия Гитлера и сегодняшняя киевская власть — два братских режима — стали объектом русской агрессии.

Эти казуистические высказывания хотят ввергнуть нас в бесконечные исторические споры, где мы станем доказывать, что Освенцим освобождала Красная армия, в которой украинцы воевали плечом к плечу с русскими, евреями, казахами, эстонцами, белорусами. И весь единый советский народ, обливаясь кровью, выкорчевывал черное древо фашизма, вживлял на его месте саженец новой человеческой цивилизации.

Или, может быть, желая больнее уязвить поляков, мы станем утверждать, что в концлагерях Пилсудского десятками тысяч умирали пленные украинцы? Ибо Конная армия с криками «Даешь Варшаву!» была укомплектована во многом за счет красноармейцев Украины.

Но нет, мы не станем растрачивать себя в бессмысленных и бесплодных дискуссиях. Ибо наш оппонент — не высоколобый профессор, не дотошный кафедральный ученый. А беспощадный и лютый враг, который стремится вонзить свой отравленный гарпун в самое ядро русского самосознания, в самое сердце русской истории, чтобы оно перестало биться, и с его последним ударом перестало дышать Государство Российское.

Этим ядром русского самосознания, этим сердцем Государства Российского является победа. Победа сорок пятого года — это мистическая вершина русской истории. Событие не историческое, а лучезарное чудо, явленное человечеству на переломе его судьбы. Явившийся на землю Христос опрокинул замысел тьмы, желавшей объять землю, и своей священной жертвой продлил свет мироздания. Победа сорок пятого года, добытая ценой великой русской жертвы, остановила ход тьмы, отшвырнула эту тьму на периферию человеческой истории и вновь восстановила световод, по которому свет проникает в бытие.

Победа еще раз объяснила суть русской истории, мессианство русского народа, высшие смыслы Государства Российского — сразиться с тьмой, принять удар тьмы, остановить тьму, преобразить ее в свет, умирая «за други своя», воскреснуть. Поднятие красного флага над горящим рейхстагом было подобно пасхальному Воскресению. Победа — это Христос. Отечественная война, на которой погибло 30 миллионов советских людей, — это сошествие Христа на землю. Он дрался вместе с Красной армией, ниспровергая фашизм. Горел вместе с Гастелло в его самолете. Кидался под танки вместе с 28 гвардейцами-панфиловцами. Закрывал пулеметное гнездо вместе с Александром Матросовым. Поднимался на эшафот под виселицу вместе с Зоей Космодемьянской. Стоял вместе с генералом Карбышевым под ледяным водопадом. Все, кто нападает сегодня на великую Победу, являются богохульниками, оскверняющими священную икону, возводящими хулу на Христа. Но Господь поругаем не бывает.

Эту икону начинали рубить топором и оплевывать еще в период горбачевской перестройки. Разрушая советское государство, горбачевцы за время трехлетней операции, именуемой перестройкой, уничтожали все основы, все символы, все идеологические постулаты, на которых зиждилось государство Советов. Победа была главной мишенью врагов. Они утверждали, что Сталин собирался напасть на Германию, и Гитлер в сорок первом году предпринял оборонную операцию. Они утверждали, что советские полководцы — это мясники, завалившие отважных боеспособных немцев русскими

трупами. Они утверждали, что Красная армия, перевалив границы Третьего рейха, принялась бесчинствовать и насиловать целомудренных арийских дев. Они утверждали, что победа Сталина над Гитлером является трагедией цивилизованного человечества.

Советское государство, не выдержав кропотливой работы либеральных короедов, рухнуло, чтобы больше не возродиться. Но погибающий, обманутый, полумертвый народ перенес священную чашу Победы через пропасть девяносто первого года. Эта чаша с немеркнущим светом, с негасимым огнем, как Неопалимая Купина, сияла в самые черные годы русской беды. У этой чаши грелись оболганные советские ветераны, униженные, лишенные лабораторий ученые, рыдающие на развалинах великих заводов технократы, поносимые русские художники и писатели. Из этой чаши мы пили, справляя тризну по погибшему «Курску». Эта чаша поила нас вином победы во время двух чеченских войн. Из этой чаши мы поливали робкий росток нового Государства Российского. И оно взрастало среди суховеев и бурь.

Сегодняшнее Российское Государство — это дитя той победы, которая — альфа и омега всей русской истории. И теперь, восстанавливая наши храмы и наши заводы, выдавливая из наших душ тьму и уныние, мы прикладываемся к этой дивной иконе. И все мелкие пакости и нападки, которые насылают на нас наши недруги, не долетают до этой иконы. Так опаленные огнем мошки падают на дальних подступах к пылающей победной лампаде.

Я был на Саур-Могиле, видел монументы, возведенные в честь героев сорок третьего года, изгонявших с Донбасса фашистов. Могучие скульптуры во славу советских пехотинцев, танкистов и летчиков, как утесы, поднимались к вершине горы. Они были исхлестаны и истерзаны огнем украинских гаубиц, иссечены снарядами «Градов». У солдат были выбиты глаза, оторваны губы, проломлены скулы, но воины продолжали идти в наступление. Они не сдали этой горы атакующим украм.

Я взошел на вершину. Там дул могучий ветер, ревел и кружился, как в жерле трубы. В этом гуле и рокоте, в этой поднебесной трубе звучали вещие грозовые слова: «Враг будет разбит. Победа будет за нами».

Публикация подготовлена по материалам газеты «Завтра»

Хани АЛЬ-АХМАР

РУССКИЙ ДУХ

К 70-летию Великой Победы

Хани Мухамед аль-Ахмар — родился в 1960 в г. Таль (провинция Дамаск) В 1978 г. окончил школу в г. Дамаске. В 1978–1984 гг. учился в Московском автодорожном и Московском инженерно-строительном институтах. В 1990 г. окончил аспирантуру МИСИ. Кандидат технических наук. В 1987–1990 гг. — председатель Союза сирийских студентов в СССР. В 1994–2004 гг. заместитель председателя Союза сирийских граждан в России и странах СНГ. С 2004 г. заместитель председателя Арабского форума. Предприниматель. **Живет в Москве.**

Существуют многочисленные толкования понятия «дух». Нет сомнения в том, что дух — это творение Всевышнего. Одни понимают его как любовь, другие — как душу, третьи — как определенный образ жизни или тип культуры, четвертые — как слияние чувств, порожденных сердцем и умом. Однако наиболее объективной представляется такая трактовка понятия «дух», которая исходит из убеждения в том, что дух — это воплощение любви к родине, требующее абсолютной преданности и служения ей, ее истории и культуре.

С тех пор, как я приехал в Советский Союз и начал изучать русский язык, я постоянно слышал от моих русских друзей упоминание о некоем «русском духе»... И меня долго мучил вопрос: в чем же состоит тот смысл, который русские вкладывают в это понятие?

Я часто спрашивал себя: может ли дух зависеть от национальной принадлежности? И обусловлены ли различия между людьми характером каждого народа?

Чем больше я знакомился с жизнью Советского Союза, а затем — России, чем больше дней, месяцев и лет проходило с момента моего приезда сюда, тем глубже я старался изучить и понять историю этой страны — сначала царской России, потом — СССР. Я пытался как можно больше узнать о тех событиях, которые пережила эта великая держава на протяжении своей истории, лучшие страницы которой стали предметом гордости для всех ее жителей, кем бы они ни были, в том числе — и для меня, ибо я, благодаря счастливой судьбе, стал гражданином страны, которая была родиной Петра Великого, Пушкина, Кутузова, Достоевского, Толстого, Горького, Попова, Улановой, Жукова, Королева,

Гагарина, Курчатова, Семенова, Гамзатова и Алферова… Россия породила и взрастила немало гениев, создавших ее славу и богатство, плоды деятельности которых стали важной неотъемлемой частью общечеловеческого наследия в разнообразных сферах и областях… Множество огромных жертв во имя ее счастья пришлось принести ее сынам, которых отличала любовь к родной стране и гордость за ее успехи и победы. Они всегда ощущали свою неразрывную связь с ней. В них жил неискоренимый дух принадлежности к своему Отечеству. Россия стала родиной для многих народов, принадлежавших разным этносам и исповедовавших различные религии и верования. В их самобытности, в многообразии их культур кроются величие и красота этой страны. Все ее народы жили в довольстве и благополучии, а на ее просторах развивался и креп созидательный дух толерантности и доброты, объединявший всех ее граждан в единое целое. Их сплотили общие надежды и цели, общее прошлое и будущее, общая судьба. Все они имели одинаковые права и несли равные обязанности. Это было созидательное общежитие, основанное на дружбе, любви, согласии и гордости за свою славную историю. Каждый из этих народов вложил много сил в общее Отечество, оставив свой славный след на его обширной карте…

Совсем немного времени осталось до празднования 70-летнего юбилея Великой Победы, который будет отмечаться 9 мая. В летопись Победы великий советский народ и его доблестная Красная армия вписали немало страниц немеркнущей славы и героизма. Во имя этой Победы отдали свои жизни лучшие сыны и дочери России. Они погибли, защищая свою землю и честь в борьбе против фашизма, уничтожая «коричневую чуму» и разрушая самую мощную военную машину, когда-либо существовавшую в истории человечества… Я помню, как я слушал ветерана, рассказывавшего о своей борьбе и подвигах в годы Великой Отечественной войны. Я наблюдал за его покрытым морщинами лицом, когда он с гордостью рассказывал о тех героических годах. По его щекам текли священные слезы, в которых радость Победы смешивалась с горечью воспоминаний о тех, кто погиб. Его глаза сверкали, а в голосе звучала скорбь героя-победителя… Но он рассказывал о войне с высоко поднятой головой, и его речь была проникнута духом патриотизма. Он говорил о годах лишений и испытаний, унесших десятки миллионов жизней советских людей, большинство которых принадлежало к самому многочисленному народу России — русскому. Они пали во имя освобождения Родины и Европы от фашистского ига, во имя торжества мира на Земле. И главным источником их героизма был именно русский дух…

Наблюдая за корифеями российской науки, культуры, искусства и спорта, которые по праву гордятся своими достижениями и со всей присущей им скромностью, самоотверженностью и гениальностью приносят их на алтарь своего Отечества, мы замечаем, что они глубоко осознают тот высокий созидательный смысл, который сформировали в них ценности русской цивилизации… Совершая мысленное путешествие по равнинам, горам, морям, рекам и долинам огромной бесконечной России, ты начинаешь понимать, почему русские так любят свои березы, почему они воспевают красоту Подмосковья, плодородие сибирских полей, величие Волги и чистоту озера Байкал… Ты видишь, как они не жалеют сил ради процветания своей Родины, как они смотрят вокруг с гордо поднятой головой, и понима-

ешь, что именно их усилия создали могущество их Отечества, и эти усилия огромны, как Эльбрус, белоснежная вершина которого гордо возвышается среди хребтов Кавказа. Ты замечаешь эту любовь к Отечеству в каждом жителе России — в мужчинах и женщинах, стариках и детях, юношах и девушках… И вот тогда ты открываешь для себя, что же такое этот «русский дух». И твое сердце наполняется белой завистью, завистью любящего человека, и ты говоришь себе: как же прекрасны этот дух, эта земля и этот народ!..

Как же я обязан могуществу Достославного Аллаха и судьбе, которая привела меня сюда, чтобы я испил из этого источника и усвоил такие непреходящие ценности, как терпение и настойчивость, любовь к родине, принципиальность, дружба, взаимопомощь, братство, любовь и доброта… Чтобы я тоже смог почерпнуть для себя что-то из этой богатой сокровищницы знания и культуры… Я действительно глубоко тронут и впечатлен этим прекрасным и ставшим дорогим для меня «русским духом», который сегодня возрождается и возвышается, восставая из пепла 90-х годов прошлого века.

Он возвращается, чтобы возродить великую славу России, сделав эту страну такой, какой она была всегда, — страной творчества и сосуществования множества культур, школой борьбы во имя защиты Отечества… Страной, предлагающей дружбу всем народам мира, страной, где живут добрые люди с сердцами, открытыми для всех… Как же мне повезло, что я стал носителем двух культур — культуры своего Отечества, где я родился и которым горжусь, — и культуры моей второй Родины и ее высоких идеалов… Когда я говорю, что люблю и Сирию, и Россию, то в этой незамысловатой фразе хочу выразить чувство своей привязанности к обоим моим Отечествам. Это чувство многим обязано тому самому «русскому духу», который усилил во мне любовь к моей первой родине и укрепил любовь к России. Я приветствую этот неистребимый, неискоренимый дух, который питает национальная гордость и которому подчинены все наши чувства и дела…

Так пусть он живет и остается таким, какой он есть, до скончания веков…

Перевод с арабского Андрея Германовича

Михаил ЛЕОНТЬЕВ

ГОСУДАРСТВО НУЖНО ДЛЯ ПОБЕДЫ

К 70-летию Великой Победы

Михаил Владимирович Леонтьев — известный российский журналист, родился в 1958 г. в Москве. Окончил общеэкономический факультет Московского института народного хозяйства. Был главным редактором журнала «Профиль». Работал в газете «Коммерсантъ» и других изданиях. С 1999 г. — ведущий программы «Однако». С 2009 г. главный редактор журнала «Однако». Директор департамента информации и рекламы корпорации «Роснефть». Лауреат журналистской премии «Золотое перо России». **Живет в Москве.**

Победа уходит в историю. И сейчас определяется то, как она в этой истории останется и останется ли вообще. И будет ли вообще у нас история. То есть речь не о празднике и не о «десталинизации», хотя и об этом тоже. Речь о нашей идентичности: тот ли мы народ, который сотворил эту Победу? И, значит, способен сделать то же самое? Или совсем другой? Так, нынешние греки могут чтить подвиг трехсот спартанцев или монголы — канонизировать Чингисхана… Атака на нашу Победу, на ее абсолютность и ее сакральность (при абсолютном же признании всей исторической правды, ее сопровождающей) — это атака на нашу идентичность. Или, что гораздо хуже, попытка застолбить смену идентичности.

У нас сейчас «восстанавливают в правах» Первую мировую войну 1914–1918 годов. И это справедливо. Но несправедливо уравнивать ее с Великой Отечественной. Никакая она не «Отечественная» — война со смутными и неясными целями, надрывающая народные силы ради нужд наших геополитических противников. Эта война не смогла стать отечественной, и поэтому Россия ее проиграла. Даже не потерпев военного поражения.

Отечественную войну Россия проиграть не может по определению.

Есть войны господ — этакие рыцарские или бандитские разборки, что, в сущности, одно и то же. Это войны по правилам или по понятиям, где решаются конкретные вопросы.

И есть войны Народные. Которые путать с войнами господскими очень опасно. Это когда за ценой не стоят. Это вообще явление другого порядка, на которое способны не все народы и не всегда. И тем, которые не способны, судить об этом не дано. Кстати, это и нас касается. Может коснуться.

Россия формально — правопреемник СССР. С другой стороны, наше самоопределение, идентичность напрямую связаны с Победой. Не с конкретными результатами Второй мировой, которые… да где они уже, эти результаты? В нашем генетическом коде эта война Народная и Священная. Это абсолютное сакральное столкновение добра со злом. Победа, достигнутая такой ценой, такими невероятными и невиданными усилиями, — это та война, которая, безусловно, «все спишет». Только в этом контексте мы можем чтить, судить и прощать. Во всем, что касается памяти об этой войне. Это если мы действительно сохраним правопреемство, потому что кроме международно-правовой формы есть еще право преемства. А его нам еще предстоит заслужить.

То, что у нас называют «попыткой фальсификации истории», для многочисленных последышей нацистских коллаборационистов — это, по существу, их реванш, обозначающий одно: что, в конце концов, они выиграли ту войну. В чем их, кстати, наглядно убеждает просто вид современной политической карты. Для более серьезного заказчика это в первую очередь попытка навсегда исключить наш реванш, стереть генетический код, предполагающий в принципе такую возможность.

Шизофреническая и позорная кампания «десталинизации» — очень удачная картинка к мотивации либеральных генетиков. Независимо от их конкретной политической ориентации и общественного положения. Не о репрессиях речь идет и не о цене Победы. Хотя патологическая страсть отдельных публицистов к фальсифицированному наращиванию масштабов наших потерь как в репрессиях, так и в боевых действиях, вполне показательна.

Панический страх перед Сталиным — это страх Победы, способности к Победе любой ценой. Давайте уж до конца: если цена Победы чрезмерна и непосильна, может, и не надо было Победы? Бог бы с ней, с Победой? Логически допустимая (и допускаемая в сегодняшнем российском политическом дискурсе) конструкция. И опять же, могла ли в конкретных исторических условиях эта цена быть существенно меньше? Это могло бы быть также вполне допустимым предметом содержательной дискуссии, если вынести за скобки истерику, эмоции, штампы и табу. Однако вынести их за скобки не удастся, потому что они и есть суть «дискуссии».

«22 июня» закончилось «9 Мая» только потому, что все, что можно было сделать до «22 июня», было сделано. Сознательно, последовательно и невзирая на цену. Все, чем занималась страна последние десятилетия перед войной, — это подготовка к войне. Это был смысл ее существования. Слезами, потом и кровью была построена экономика, показавшая самый мощный результат во Второй мировой. Все то же касается внешней политики: борьба за коллективную безопасность, договоры с Францией и Чехословакией, попытки оттянуть неизбежное, не дать нас столкнуть с немцами на заведомо проигрышных условиях. И не в последнюю очередь пакт Молотова—Риббентропа есть возможность перенести будущую линию обороны далеко назад. Даже с учетом катастрофы лета 1941-го — прежде всего, с ее учетом — вот представьте себе, где бы были немцы через неделю-три, начни они наступления от старой границы?

В конечном итоге мы приходим к тому же, о чем много раз говорено: для чего вообще нужно государство? Государство нужно для Победы и

больше ни для чего (речь идет о настоящем государстве, а не о симулякре с разноцветными флажками и сданным на аутсорсинг суверенитетом).

Так что же сегодня происходит с нашим государством?

2015-й — год великого перелома? Вопросительный знак — это скорее допущение: то, что 2015-й будет переломным во всех смыслах, практически неизбежно. 2014-й, начавшийся для нас киевским путчем и крымским прорывом и завершившийся обвалом рубля, заложил такие мины в действующем миропорядке, которые практически исключают дальнейшее инерционное развитие. Ни одна из них не взорвалась еще в этом завершившемся году по-настоящему. И очень высокая вероятность, что большинство из них не могут не взорваться в 2015-м.

Для галочки: причины шокового обвала рубля (помимо банальных падения цен на нефть и санкций) — фундаментальное долгосрочное завышение курса за пределы конкурентоспособности национальной экономики в результате целенаправленной долгосрочной политики монетарных властей, что и явилось причиной начала экономического кризиса задолго до санкций и падения цен на нефть; проблемы с рефинансированием в результате санкций также связаны с долгосрочной политикой блокирования внутреннего кредита и полной привязкой финансовой системы к западным валютным источникам кредитования; суетливые и, мягко говоря, спорные действия ЦБ; и как естественное следствие — массированная атака спекулянтов и массовая паника населения. Это к тому, что при всей серьезности и запущенности ситуации все эти факторы преодолимы. При наличии политической воли и здравого смысла.

Что касается главной мины, недоразорвавшейся в прошедшем году. Это наши вроде бы как уже выясненные отношения с Западом. А точнее, с глобальным регулятором — США. Отношения эти вроде бы как окончательно выяснены. Вот это «вроде бы как» и вносит значительную дозу неопределенности и хаоса в процесс принятия решений по всем существенным направлениям. Есть два императива, из которых должна исходить российская политика в отношении наших бледнолицых братьев.

Первое. **Санкции введены навсегда.** Во всяком случае, в представлении действующей администрации США и подавляющей части американского истеблишмента.

Второе. **Принято решение нас душить. До смертельного исхода.** Но душить медленно — это принципиально важно, — чтобы мы по ходу не брыкались. Чтобы, когда мы сообразим, что это действительно смертный приговор, брыкаться было уже поздно. Поскольку ущерб от нашего брыкания даже в локальных формах представляется неприемлемым для организаторов удушения. В этом и суть войны нового поколения, направленной на удушение неконтактными средствами. С помощью инструментов, находящихся в распоряжении глобального регулятора.

Для этого удушение должно сопровождаться намеками на возможность ослабить удавку в случае правильного поведения и даже, возможно, периодическими, легкими ее ослаблениями, что должно подкреплять позиции пятой и еще более шестой (встроенной в действующую систему власти) колонны. Мол, смотрите, если не брыкаться, то ведь и подышать дают. На самом деле эти императивы диктуют для России в первую очередь актуализацию доктрины взаимного гарантированного ядерного уничтожения как действу-

ющей политики, являющейся единственным, по сути, шансом на мирное существование и возможное восстановление нормального сотрудничества в будущем. Предоставляя России **выбор между смертью и ничьей**, Запад должен осознать, что делает суицидальный выбор. Для чего полезно исключить в его политическом сознании возможность предполагать, что Россия между ничьей и смертью выберет смерть.

Отказ от открытого применения силы против киевской хунты, начавшей гражданскую войну в Донбассе, был ошибочным. Действительно, в апреле, сразу после объявления пресловутой «АТО», Россия имела все формальные и практические основания для такого вмешательства. Президент имел законное право применения силы на Украине, которое исходило из нашего понимания незаконности государственного переворота 21 февраля и сформированного на его основании неонацистского режима. Дееспособные государство и армия на Украине на тот момент отсутствовали полностью. А право (и даже обязанность) защитить от расправы, в том числе с помощью тяжелого вооружения, мирное население Юго-Востока у России присутствовало исторически, юридически и прецедентно. Казалось бы, тогда принуждение к миру не столько киевского режима, который рухнул бы немедленно, сколько его прямых кураторов, могло бы быть достигнуто минимальной ценой.

Однако все сильны задним умом. На тот момент решение действующей администрации превратить украинский кризис в инструмент принуждения России к капитуляции перед единоличным мировым хозяином было отнюдь не так очевидно. До сих пор часть этой администрации демонстрировала как раз волю к компромиссам, к свертыванию тотального американского присутствия (что, кстати, демонстрировалось в отношении Грузии, Сирии и Ирана). И никаких оснований быть уверенными в том, что Обама окончательно слетел с катушек, на тот момент не было. А параметры такого компромисса Россия сформулировала еще до перехода украинского кризиса в силовую фазу и продолжает формулировать сейчас. Это та самая нейтрализация и федерализация Украины при условии возвращения Крыма России. Это действительно очень серьезный компромисс со стороны России. И это по-прежнему единственно возможная формула существования целостного украинского государства в нынешних границах под жесткими международными гарантиями. Это могло бы стать основой новой европейской безопасности. Но, скорее всего, не станет. Поскольку Соединенные Штаты не заинтересованы ни в какой формуле реального восстановления мира на Юго-Востоке. Поскольку этот конфликт для них самоценен как инструмент вовлечения России в конфронтацию.

Что касается следствий указанных императивов для российской внутренней политики: «Следует признать, что общественный договор начала 2000-х свое историческое существование закончил. Придется расформировать политэкономию либерализма, в том числе и для того, чтобы появилось пространство для экономического роста, но в первую очередь — чтобы покончить с наследием внешнего управления». Это цитата из статьи Тимофея Сергейцева «Что делать?». Мы ничего не добьемся, не оторвавшись от внешнего управления в экономике, особенно в контексте того, что внешний управляющий принял решение нас придушить.

На сегодняшний день в российской экономике действуют два фундаментальных фактора, комплексно принуждающих нас к развитию, то есть

к принудительному импортозамещению, — это девальвация рубля и адресные санкции в отношении наиболее ликвидных секторов нашей экономики. Правда, в отличие от 1998 года у нас нет в распоряжении незагруженных производственных мощностей, а для создания оных отсутствуют рыночные источники инвестиций и доступный кредит. В остальном для возобновления экономического роста необходимо только время, главное, чтобы за это время рубль неожиданно не укрепился и санкции не отменили.

Для начала пора бы покончить с абсурдным гайдаровско-кудринским наследием в экономической политике, прорвавшимся нарывом в последнем обвале рубля. Так называемое таргетирование инфляции путем сжатия денежной массы — это дегенеративная задача для финансового регулятора. Инфляция в России носит фундаментально немонетарный характер. Она определяется ростом издержек в неконкурентной экономике. Либералам, если бы таковые в России действительно водились, надобно было бы заняться формированием жесткой **внутренней конкуренции**, которая является основным рыночным средством таргетирования инфляции. Российская экономика дико недомонетизирована, денежная масса в обращении составляет 46 % от ВВП. В то время как в Китае, например, — 200 %. При этом ставка Центробанка там — 3 %, а коммерческий кредит — 4–5 %. Проблема инфляции такого рода, как у нас, никогда не решается сжатием денежной массы. Таким образом решается лишь задача сжатия кредита и удушения экономики. А ЦБ лучше бы заняться рефинансированием банковской системы вместо выбывших из игры западных банков. Кстати, объем централизованного в виде резервов и «кубышек» вывоза капитала из России всегда был примерно равен объему задолженности российских компаний западным банкам.

Казалось бы, политику антикризисного денежного смягчения практикуют все западные патроны и кумиры наших официальных либералов. Чего стоит просто копировать их опыт!? Не тут-то было. Еще раз повторим: российский либерализм — это не идеология, не набор принципов политики, хотя бы экономической. Это сдача страны в распоряжение главного носителя либеральных идеалов. Это геополитическая ориентация. А возможно, и половая.

Разговор о «цене, которую должен заплатить Путин» за сохранение России как политического субъекта, очень характерен. Это тот самый вопрос о «цене Победы». Не нужна Победа, если цена черезмерна!

Причем для них чрезмерной будет любая цена. Смысл в том, что сегодня нам предложен тест на нашу способность к Победе. И если мы тест не пройдем, последствия будут соответствующие, можете не сомневаться.

Александр КАЗИН

ВТОРАЯ ВОЙНА

К 70-летию Великой Победы

Александр Леонидович Казин — родился в 1945 г. в Смоленске. Окончил философский факультет ЛГУ. Доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой Санкт-Петербургского государственного университета кино и телевидения, старший научный сотрудник Российского института истории искусств. Член Союза писателей и Союза кинематографистов России. Автор многих книг и статей по философии культуры. Книга «Великая Россия. Религия. Культура. Политика» удостоена в 2008 г. Всероссийской литературной премии «Александр Невский». **Живет в Санкт-Петербурге**.

Русь против нордического рейха

Вторая мировая война была непосредственным продолжением Первой. Первая и Вторая мировые войны суть одна и та же война, разделенная двадцатилетним версальским перемирием. Маленькая деталь: по настоянию Гитлера капитуляция Франции в 1940 году была подписана в том же железнодорожном вагоне на том же самом месте, где в 1918 году была подписана капитуляция Германии. Я убежден, что если бы у власти в России после октября 1917 года остались Керенский и керенщина (либерально-буржуазный модерн), то Россия (вернее, то, что от нее осталось) разделила бы в 1941 году участь французской «четвертой республики».

Однако вышло иначе. Начавшись как террористическая ленинско-троцкистская «Совдепия», Советский Союз (к изумлению самого Троцкого и возглавляемого им «четвертого интернационала»), унаследовав народную энергетику тысячелетней православной традиции, принес в середине XX века плод победы над самой страшной антинациональной силой, когда-либо надвигавшейся на Русь в истории.

Говоря конкретно, Сталину пришлось (повторяю, вопреки большевистскому фетишу мировой революции — вот где Промысл Божий!) построить нечто вроде «самодержавной республики» и тем самым вытянуть Россию из болота, в которую ее загнали в феврале 1917 года взбунтовавшиеся кадеты и социалисты. Как раз с этим и не согласны ныне, в начале XXI века, либералы (в том числе церковные) и националисты (в том числе языческие). Выпущена специальная резолюция ОБСЕ, уравнивающая фашистскую Герма-

нию и советскую Россию в качестве зачинщиков Второй мировой войны. Этим господам вроде бы невдомек, что если бы не советско-германский договор о ненападении 1939 года, отодвинувший границу СССР на Запад, немцы уже через несколько недель наступления взяли бы Ленинград, бросили все силы на Москву, и тогда исход Второй мировой войны мог быть совершенно другим. Кстати, Наполеон в 1812 году дошел до Москвы уже в августе, а немцы в 1941 — только в ноябре.

Не так давно вышла в свет книга священника (! — *А. К.*) Георгия Митрофанова, в которой едва ли не главным героем Великой Отечественной войны провозглашается предатель Власов, а воины, победившие оккультный Третий рейх и спасшие Россию (и всех русофобов заодно) ценой собственной жизни, оказываются «носителями лжи». «Наше общество, — пишет о. Георгий, — состоит из людей, в подавляющем своем большинстве живших во лжи, служивших злу и сейчас упорно делающих вид, что вся их жизнь проходила в служении правде. Они "служили России" — называлась ли она Советским Союзом, называется ли она Российской Федерацией, — а на самом деле эти люди, не способные вот так честно и последовательно, как генерал Власов и его сподвижники, перечеркнуть свою прошлую неправую жизнь, служили не России и служат не России, а служат только себе». Г. Митрофанов даже изобретает чудовищный неологизм «победобесие» — это о празднике 9 Мая! Чем такой взгляд отличается от героизации бывших эсэсовцев в Прибалтике и на Украине? Еще более удивительно, что подобные мысли высказывает клирик Русской Православной Церкви!

Как видим, нигилистическая критика Отечества не ограничивается ее прошлым, направляясь центральным своим острием в его настоящее и будущее. Суть подобных воззрений не изменилась со времен Достоевского, заметившего, что «вся наша либеральная партия прошла мимо дела, не участвуя в нем и не дотрагиваясь до него; она только отрицала и хихикала». Перечисляя темные пятна отечественной истории, эти господа не могут (или не хотят) понять, что русская история и русский народ (в том числе и в советский период) не сводятся к черноте и крови.

Развернутую оценку современным поклонникам Власова дал Святейший Патриарх Кирилл в своем выступлении в Архангельске 24 августа 2009 года. Вот отрывок из него: «Мы называем эпоху, в которой мы живем, эпохой постмодерна — такое вот слово выдумали. И наибольшим достижением этой эпохи считается свобода человека, которая ориентирована на свободный выбор. Человек сам является автономным носителем окончательных решений, что́ есть добро, а что́ — зло. Время от времени у нас вспыхивают общественные дебаты по поводу значения Великой Отечественной войны, и некоторые утверждают, что выбор тех людей, которые стали сотрудничать с немцами, которые пошли во власовскую армию, вполне правомерен: "Это был их выбор, они свободны. Человек свободен определять, с кем он. Вот и выбрали эти люди не защиту Родины, а борьбу со своей Родиной вместе с оккупантами". Наивные люди, воспитанные в традиции, говорят: "Да как же так можно! Да постыдитесь вы греха, да ведь они же предатели!" А им отвечают: "А что такое предатели? Это свободный выбор человека. Сегодня у нас разные точки зрения, сегодня у нас плюрализм мнений, и свободный, самодостаточный человек и определяет, что такое добро, а что такое зло <…>" Так постепенно размываются границы между добром и злом. А поче-

му это происходит? А потому, что человечество утрачивает понятие греха. Сегодня, отталкиваясь от идеи человеческой свободы и альтернативного поведения, поддержанного современной псевдокультурой, мы укореняемся в сознании того, что любой человеческий выбор правомерен. Понятие нравственности исчезает: я сам себе голова, я сам определяю, что нравственно, а что безнравственно».

Как видим, церковное осмысление этих событий — и вообще русской истории и культуры, включая советский и постсоветский периоды — решительно противостоит попыткам превратить Россию XX века в «черную дыру», отождествив ее с красным ГУЛАГом. Все семьдесят лет отведенного ему исторического времени Советский Союз существовал как определенная (превращенная) социокультурная форма исторической России, со всеми вытекающими отсюда достоинствами и недостатками. При всей чудовищности обоих режимов — нацистского (гитлеризм) и советского (сталинизм), существовала объективная разница между ними: первый ориентировался на биолого-мистическое господство сверхчеловеческой «белокурой бестии», опираясь при этом на оккультизм гностического типа и приговаривая остальных «недочеловеков» к смерти — тогда как второй стремился в идеале к всеобщей солидарности людей труда. И Рузвельт с Черчиллем и Де Голлем очень хорошо отличали имперский проект Сталина от нордического мифа Гитлера, однозначно предпочитая советскую Россию и образовав с ней вместе Организацию Объединенных Наций. И столицы Европы весной 1945 года встречали наши танки цветами.

Позиция современных власовцев — одна из знаковых (и в этом смысле закономерных) сторон русофобского неправославного сознания, навеки запечатленных тем же Достоевским в образе Ивана Карамазова. Этот литератор и в Бога вроде бы веровал («небесное гражданство», своего рода монофилизм), но только мира его — и прежде всего Россию — не принимал, а потому общался с чертом. Подобно этому господину, наши либералы также по существу отвергают чуть ли не всю отечественную историю («уранополитизм») — зато уж идут в этом деле до конца, до оправдания войны на стороне гитлеровского фашизма: «хоть с чертом, но против Совдепии». Как тут не вспомнить роман А. Солженицына «В круге первом», герои которого рассуждают о том, следует ли подвергнуть сталинскую Москву американской ядерной бомбардировке…

Действительно, может, надо было?

Интересно, что ответил бы на это Василий Теркин?

Ответ бойца

Поэма Александра Твардовского «Василий Теркин» — это художественно выраженная национальная энергия, *воплощенный дух народа*, который воздвиг в 1945 году над рейхстагом красный флаг, но зоркие люди уже тогда разглядели в небе над Берлином православный Крест. На последней странице «Василия Теркина» стоят даты его создания — 1941–1945. «Василий Теркин» — это подлинная энциклопедия войны со всем ее великим и малым, сверхчеловеческим, человеческим и античеловеческим смыслами. Книга начинается «на втором году войны» и заканчивается «на пути в Берлин». В нее вмещаются и переправа, и бой на болоте, и ранение героя, и

его тяжба со смертью, и подбитый им фашистский самолет, и разговор с генералом, и баня, и яичница с салом, которой его угостили дед с бабкой, благодарные за починку часов, и многое другое. Сам автор прекрасно понимает, что его поэма не только о боях, — это поэма о народе-победителе, заплатившем за избавление мира от оккультного рейха огромную цену. На первой же странице своего сочинения автор говорит:

А всего иного пуще
Не прожить наверняка —
Без чего? Без правды сущей,
Правды, прямо в душу бьющей,
Да была б она погуще,
Как бы ни была горька.

В чем же заключается эта правда? Она не совпадает с официозной национал-большевистской идеологией. Не сводится она и к «свирепому реализму» шолоховского «Тихого Дона». В первом приближении эта правда оказывается силой *живой жизни*. Жив — и в этом суть дела. Теркин живой весь, от макушки до пяток, и ведет за собой в бой других. Жизнь как бы концентрируется в Теркине, находит в нем свою середину, свое средоточие. Заметим, что Василий Иванович Теркин отнюдь не философ в абстрактном смысле этого слова, он не размышляет о концах и началах так, как будто их можно понять только умом, без того, так сказать, не пожить за них и посреди них. Он прекрасно знает, за что он льет свою кровь:

То была печаль большая,
Как брели мы на восток.
Шли худые, шли босые
В неизвестные края.
Что там, где она, Россия,
По какой рубеж своя?
Шли, однако, Шел и я…

У Василия Теркина даже не возникает вопроса — надо ли идти ему лично. Все идут — и он идет. Это вовсе не «стадное» сознание, не свидетельство какого-то недостатка развития личности — это впитанное с молоком матери качество русского национального характера, зародившееся в глубокой древности, когда надо было всем миром защищать Русь от набегов и татар, и немцев, и поляков, и наполеоновской рати… В советское время это качество было еще усилено — хотя одновременно и извращено — коллективистским складом жизни. Разве можно обвинять Теркина, скажем, за то, что на Карельском фронте ему не дали медали, хотя сражался он там герой-героем? («Может, в списке наградном вышла опечатка».) Да и спрашивать однополчане (а, значит, и автор с читателем) не стали, постеснялись. Стоит ли интересоваться, почему Теркин перед вызовом к генералу «Богу помолился бы в душе»? Тут, впрочем, он ответил:

Генерал стоит над нами, —
Оробеть при нем не грех.

Он не только что чинами,
Боевыми орденами, —
Он годами старше всех.
.....
И на этой половине —
У передних наших линий,
На войне — не кто как он
Твой ЦК и твой Калинин.
Суд. Отец. Глава. Закон.

Это в основе своей соборное, «хоровое» восприятие мира, которое в лице Василия Теркина способно на ответ за свою страну и органически не способно думать о праве на благодарность за все это. Даже сбив из винтовки немецкий самолет, Теркин идет к генералу как бы с повинной, а не за наградой. В самом деле, ему, может, и есть за что отвечать: половина России отдана врагу. Общая вина за поражение первых лет войны лежит и на нем, бесстрашном стрелке. Ничто — ни поединок врукопашную с немцем, ни возвращение вплавь в ледяной реке под огнем, ни почти гибель от «своего» снаряда на дне окопа — не спасает Теркина от изначального переживания того, что он (если воспользоваться словом Достоевского) за все и за всех виноват:

Мать-земля моя родная,
Ради радостного дня
Ты прости, за что — не знаю.
Только ты прости меня...

То, что у Шолохова в «Тихом Доне» рисовалось почти космической схваткой стихий — у Твардовского в «Теркине» прошло проверку на человечность. Выдержит ли человек такое? — вот основной вопрос «Василия Теркина». Внимательно читая поэму, можно убедиться, что трагизма там не меньше, чем в «Тихом Доне», как не меньше и светлого порыва, прекраснодушия в глубоком смысле этого слова. Не забудем, что у солдата погибла вся семья:

А у нашего солдата, —
Хоть сейчас войне отбой, —
Ни окошка нет, ни хаты,
Ни хозяйки, хоть женатый,
Ни сынка, а был, ребята, —
Рисовал дома с трубой...

Выражаясь категориально, скажем, что идеал совпал у Твардовского с реальностью ценой *подвижничества* (и даже отчасти юродства) Василия Теркина — обычного русского человека. Теркиных много, они есть в каждой роте... Он и на гармони играет, и сто граммов не прочь выпить, но когда он услышит: «Взвод! За Родину! Вперед!..»

И хотя слова вот эти,
Клич у смерти на краю,
Сотни раз читал в газете

И не раз слыхал в бою,
В душу вновь они вступали
С одинаковою той
Властью правды и печали,
Сладкой горечи святой,
С тою силой неизменной,
Что людей в огонь ведет,
Что за все ответ священный
На себя уже берет.
— Взвод! За Родину! Вперед!

Заканчивая свое замечательное произведение, Александр Твардовский прямо обратился в главе «От автора» к тому умнику-критику, что «читает без улыбки, ищет, нет ли где ошибки, — горе, если не найдет». Нашлись такие критики, нашлись и ошибки. Если Иван Бунин, например, выразил безоговорочное восхищение «Василием Теркиным» («Вот стихи, а все понятно, все на русском языке…»), то Анна Ахматова обронила как-то фразу, что Твардовский, конечно, хороший поэт, но — без тайны… Я, со своей стороны, величайшую тайну и достоинство Твардовского-художника нахожу как раз в том, что он сумел соединить в своем герое земное и небесное, бытийное и бытовое. В истории русской литературы XX века «Книга про бойца» остается непревзойденным опытом выражения в слове соборных основ народного мироотношения, с которым ничего не смогли поделать ни либералы, ни Троцкий, ни Гитлер:

Бой идет святой и правый,
Смертный бой не ради славы,
Ради жизни на земле.

ПРОЗА

Михаил ЗАРУБИН

ЗИМОЙ СОРОК ПЯТОГО

Рассказ

К 70-летию Великой Победы

Михаил Константинович Зарубин — родился в 1946 г. в деревне Кеуль Нижнеилимского района Иркутской области. После окончания строительного института работал мастером, начальником участка на строительстве комплекса зданий Сибирского отделения АН СССР. Более 20 лет возглавляет 47-ой строительный трест. Заслуженный строитель России, Почетный архитектор России, Почетный гражданин Кировского района Санкт-Петербурга. Действительный член трех международных академий. Награжден орденами и медалями РФ. Член Общественного Совета Санкт-Петербурга. Член-корреспондент Академии Российской словесности. Член СП России. Автор многих книг прозы и публицистики. **Живет в Санкт-Петербурге.**

Заканчивался февраль, но морозы не ослабевали. Воздух был пронизан белым кудреватым туманом. Через марево, насыщенное мелкими ледяными частицами влаги, солнечные лучи не могли пробиться к людям; ни тепла, ни света на землю не поступало. Такие зимы частенько случались в далекой таежной деревне на берегу Илима, в тысячах верст от Иркутска.

Анна шла по единственной деревенской улице, широко и извилисто раскатанной санями, прибитой копытами лошадей. Женщина была молодой и статной, ее не портили даже уродливый ватник и большой клетчатый платок, которым она тщательно укутывала себя, спасаясь от едкого сибирского мороза. Шла быстро и легко, не оглядываясь по сторонам. Встречаясь с односельчанами, коротко кивала головой и давала дорогу, не вступая в обычные разговоры, свойственные деревенским бабам.

Где-то далеко шла война. И у всех деревенских жителей разговоры были в основном о войне. Говорили о победах, о поражениях, читали друг другу редкие письма с фронта, оплакивали погибших, радовались тем, кто возвращался домой из госпиталей. Почти все деревенские мужики, здоровые и сильные, ушли на войну. Многие вернулись калеками, еще больше погибли.

В первые месяцы войны, слушая радио, Анна никак не могла понять своим простым деревенским умом: почему советские войска постоянно отступают, оставляя город за городом, хотя в песнях и стихах наши солдаты представали в образах былинных богатырей, способных одолеть любого врага? В каждом деревенском доме погибли по одному, по два, три, четыре мужика. Не было ни одной семьи, куда бы не пришло

горе. Женщина помнила всех своих земляков, ушедших на фронт. Как провожали их в деревне, построив длинные столы и лавки из горбыля. На этом простецком сооружении и закуски стояли соответствующие: вареная картошка, квашеная капуста, соленые грибы и, конечно же, самогон, «казенка» бывала не часто. Случай выходил не рядовым, поэтому не жалели на закуску и деревенского сала, и жареных кур, и пирогов с капустой…

Мужиков забрали разом, так что деревня сразу осиротела — остались дети, женщины и старики. Тогда еще не было горя и военных утрат, они случились гораздо позднее, когда стали возвращаться наспех подлеченные в госпиталях инвалиды. Одного из них доставили домой в сопровождении двух медсестер из районной больницы, так он был искалечен…

Всю свою жизнь Анна прожила здесь. Тут встретила свое счастье — Степана. Поженились они еще до войны, родили двух дочек, и им казалось, что счастью этому не будет конца-краю. Степан был старше Анны на десять лет. Он долго не женился, вероятно, по причине своего характера. Он был человеком суровым, неразговорчивым, высказывался только по необходимости, да и то односложно. Никто в деревне не видел его смеющимся, кроме, пожалуй, Анны, за которой он ухаживал совсем недолго и своеобразно: то положит ей на крыльцо букетик ромашек, то корзинку груздей, то еще что-нибудь, но делал это так скрытно, что никто не мог застукать его за этим занятием. Он был чрезвычайно силен физически, видимо, пошел в своего деда Ивана Макарыча, знаменитого охотника. О Макарыче, как звали его деревенские, рассказывали чудеса.

Макарыч был небольшого росточка, но необыкновенно широк в плечах. Он в одиночку ходил на медведя, вооруженный только рогатиной и ножом, — предпочитал охотиться на «хозяина тайги» врукопашную. У Макарыча была старинная кремневая «фузея», которую он никогда не использовал, потому что на птицу и более мелкое зверье ставил капканы и петли. «Фузею» он показывал всем желающим и утверждал, что это «ружьишко» изготовили немецкие мастера более ста лет назад, а силе и точности его боя можно только завидовать.

О таежных подвигах Макарыча рассказывали легенды. Утверждали, что Макарыч «заломал» пятьдесят медведей, и это было похоже на правду, потому что медвежатину в деревне ели чаще, чем свинину. Мясом Макарыч охотно делился с односельчанами, но делал это втайне, чтобы не пронюхали власти — в те далекие времена браконьеров наказывали значительно строже, чем сейчас. Славился Макарыч и как искусный рыбак: на Илиме и Ангаре ему были ведомы самые потаенные затоны, где водилась отменная стерлядь, которую сибирские купцы поставляли аж в сам Петербург, к царскому столу…

Степан любил своего деда, потому что основные уроки жизни он усвоил именно от него. Макарыч брал своего внука и на рыбалку, и на охоту, и за грибами-ягодами, и на сенокос, и в ночное… Отцу некогда было заниматься сыном — он как каторжный вкалывал в колхозе, чтобы прокормить многочисленное семейство. Смерть Макарыча была трагической и случайной: он ушел под ангарский лед вместе с телегой и лошадью. Случилось это на глазах внука. Степану удалось выбраться из полыньи, а старому охотнику — нет. Было ему в ту пору девяносто шесть лет.

Как все деревенские, Степан был призван на фронт. Анна чуть ли не ежедневно молилась перед домашней иконой, вымаливая жизнь и здоровье мужу, втайне, чтобы никто, даже собственные дети не видели, как она истово бьет земные поклоны. Время тогда было безбожное. Да и где молиться? Церковь сожгли большевики, осталась от нее лишь поляна посредине деревни, заросшая бурьяном.

Бог услышал мольбу Анны, Степан вернулся. Правда, с тяжелым увечьем. Подорвался на мине. Сохранить левую ногу не удалось, отняли ниже колена. Остальные раны, довольно многочисленные, были просто пустяком по сравнению с этим. Но Степан — вот он — живой, родной, любимый, он рядом с Анной, с дочками, со своей престарелой матерью. Где-то далеко шли бои, в деревню приходили похоронки, а для Степана война была уже закончена.

Ничего, что нужда, — она была у многих. Почти в каждом дворе дети-сироты, и нужно думать, как накормить, обогреть, приласкать. Все, что добывалось в полях и на фермах тяжким трудом, — уходило на фронт. Самим оставались крохи. Хорошо, лес подкармливал: грибы, ягоды, кедровые орехи. Тайга не даст умереть с голоду, даже зимой, в самые суровые времена. Вот уже и февраль сорок пятого, зима скоро кончится, и снова каждая свободная минутка будет связана с огородом и лесом.

Степан вернулся с войны на костылях, но долго ковылять на них не собирался. Он ведь был не только искусным охотником, лесовиком, он хорошо знал и плотницкое, и столярное ремесло — вся деревенская мебель, какая стояла в их доме, была сделана его руками. Короче говоря, Степан решил изготовить себе протез, не дожидаясь, пока ему, инвалиду войны, предоставят казенное изделие из алюминия и кожи. Во-первых, неизвестно, когда это произойдет, во-вторых, Степан не очень-то доверял ширпотребу — сделать протез своими руками и проще, и качественней.

Однако он просчитался. Первый протез вышел слишком тяжелым, второй чересчур легким, третий сдавливал культю так сильно, что на глаза тут же наворачивались слезы, четвертый скользил, пятый скрипел; короче говоря, Степан затратил месяц упорного труда, пока не добился того, что хотел. Еще два месяца ушло на то, чтобы привыкнуть к деревяшке — это был поистине кровавый труд, потому что швы, хотя и затянулись, были все же некрепкими… Степан не знал тогда, что к протезу привыкают не месяц и не два, а гораздо дольше…

* * *

Сегодня Анна торопилась. Ей надо было рассказать мужу, какое важное событие ждет их скоро. Она шла и боялась взглянуть односельчанам в глаза, потому что они сразу же обо всем догадаются. Однажды это уже было, когда она носила под сердцем старшую. Соседка, старуха Степановна, поглядев в сияющие глаза Анны, подозрительно сказала: «Да ты, Нюра, прямо светишься вся. Уж не затяжелела ли?»

И вот опять… Она почувствовала беременность еще несколько дней назад и растерялась. Кругом война, беда, слезы, а тут такое. Не вовремя это. И что скажет Степан?

Степан с работы пришел чуть пораньше, они с девчонками собирали на стол. Увидев Анну, поглядев ей в глаза, он сразу все понял.

— Нюра, это правда? — спросил Степан.

Анна только развела руками и кивнула. Степан отвернулся к окну и какое-то время молчал, вероятно, обдумывая новость.

— Ну, что же, — наконец сформулировал он, — может, пацан будет…

— А если не пацан? — спросила Анна.

— Девка — тоже неплохо…

После ужина до самой ночи занимались хозяйством. Лампу не зажигали, остатки керосина сберегали для важного случая. Уже укладываясь спать, снимая с ноги деревянную колотушку, Степан сказал:

— Забыл сказать тебе, утром уезжаю за сеном.

— Это куда же?

— На дальнюю Тушаму, бригадир отправляет.

— С кем едешь?

— С пацанами, их на четыре дня от школы освободили.

— А что, кроме тебя, других не нашлось?

— Да кого же, Нюра? Одни старики остались.

— Тайга, боюсь я, Степа.

— Ничего. Пацаны молодые, здоровые…

— Чего я тебе в дорогу-то дам?

— Что есть, то и дай.

— На́долго едешь?

— Дней на пять. Ружье возьму, петли на зайца поставлю…

Утром Анна положила в небольшой холщовый мешок круглую буханку хлеба, туда же добавила три луковицы, завернула в бумажку соли, аккуратно, белой тряпочкой обмотала кусочек сала, и в маленькую алюминиевую кастрюльку упаковала три сваренные картофелины. Посмотрела на свои заготовки, почему-то покачала головой, пошла в сени, принесла чашку и вытряхнула замерзший брусок молока.

Степан уже не спал. От первого же прикосновения жены быстро встал, взглянув на ходики, стал одеваться.

— Не торопись, успеешь.

— Было бы лето… Пока по снегу доковыляешь.

— А фузею на что берешь? На медведя, что ли, собрался.

— Мало ли что…

Он обнял жену, неловко поцеловал ее в губы.

Солнышко из-за леса показывало свои первые лучи, а обоз из семи саней через поляну, расположенную перед деревней, уходил за сеном.

Дорога нырнула в лес, Степан оглянулся, посмотрел на родную деревню. Вот она, дом за домом, усадьба за усадьбой. Солнечная и приветливая. Нет больше таких на свете. Стоит она в центре мира.

Дороги и тропинки разбегаются от нее в разные стороны. В Озерки и Кулигу, в бор, на таежные речки Тушаму и Рассоху, к сенокосам, рыбачьим и охотничьим местам.

Степан любил бывать в Кулиге — местечке в трех километрах от деревни. Летом он ездил туда полевой дорогой, возвращался лесной. До войны они ходили туда с Нюрой за грибами. Ему всегда нравилась огромная поляна, которая большим клином врезалась в тайгу, а с другой стороны

омывалась рекой. Со стороны леса высокие густые ели, словно сказочные великаны, оберегали Кулигу от злодеев.

— Дядя Степан, пора ехать, — услышал он голос Гошки, парня, живущего с ними по соседству.

— Иду-иду. Засмотрелся. Хорошо тут у нас.

— Да чего хорошего! — вступил в беседу Мишка Клашин. — Вот в райцентре хорошо. Школа есть, библиотека, пекарня, детсад, ясли, несколько магазинов. Это я понимаю, красота…

— Ладно, Мишка, спорить не будем. Скажи лучше — как дорогу пробивать будем?

— Коренного под узду придется вести, — проворчал Мишка. — Больно снегу много…

Дорогу действительно местами занесло снегом, но наст был мягким, и лошади спокойно шли, пробивая хороший санный путь.

До сенокосных угодий, что были в дальней Тушаме, добрались к вечеру на второй день. Проверили, не попортило ли зверье два зарода[1], что остались не вывезенными с осени. Следов вдоль изгороди было много, но сломать ее или перепрыгнуть силы у лосей и косуль не было.

— К ночевке готовиться будем, — сказал Степан. — Давайте обживать зимовье. Гоша и Толя, распрягайте лошадей, и в загон под крышу, не забудьте сена дать. Мишка и Саша, топите печку, воду надо вскипятить для чая. А я, пока видно, петли на зайцев поставлю, вдруг какой зацепится…

Пацаны пошли к зимовью. Избушка стояла посреди просторной поляны в окружении могучих кедров. Приземистая, с маленькими оконцами под двухскатной крышей. Между бревнами в пазах виднелись обрывки мха. Через сени, которые были завалены дровами, заготовленными еще во время сенокоса, отдернув щеколду на двери и отбросив крючок, прошли внутрь. Железная печка, стол возле окошка, двое широких полатей, вот и вся обстановка. С потолка, опоясанный веревками, свисал тюк.

— Что это такое? — спросил Саша.

— Постель, — ответил Мишка.

— А чего она вверху-то?

— От мышей.

— Иногда, я слышал, в зимовье медведи заглядывают, — неожиданно сказал Саша.

— Ну ты скажешь! Он что, щеколду умеет открывать?

— Не знаю…

— Все! Хватит трепаться, давай печь начнем топить, смотри, и спички и береста есть…

Когда вернулись ребята и Степан, в зимовье было тепло, на печке кипел чайник. На маленьком подоконнике нашли огарок свечи. Ужин закончился быстро, и все легли спать.

— Дядя Степан, — послышался нарочито равнодушный Гошкин голос, — а что, медведи могут зайти в зимовье?

— Конечно могут, дверь нужно хорошо закрывать. Накинули крючок?

Толя встал и на ощупь добрался до двери. Брякнул крючок.

— Вот так спокойнее.

---

[1] Зарод — стог сена (илимское наречие).

— А зимой же медведь спит!

— Они к осени жиреют, запас набирают. Потому и спят мертвецки. А если какой медведь плохо питался и недостаточно ожирел, то ему не заснуть, будет бродить всю зиму, еду искать. Это шатун, страшный зверь. Он никого и ничего не боится, у него одно дело — найти добычу и сожрать.

— Дядя Степан, а ты шатунов встречал?

— Бог миловал.

Степан уснул. Во сне он увидел Нюру совсем молодой девчонкой, еще до замужества. Они шли с ней по дороге вдоль широкого поля пшеницы. Он пытался взять ее за руку, но она со смехом выдергивала ее и убыстряла шаг. Слева над всей округой царственно возвышался Красный Яр. Вдруг совершенно неожиданно Анна быстро побежала в сторону ближайшего обрыва, широко раскинула руки и прыгнула, но не разбилась, не полетела вниз, а стала парить над Красным Яром, над рекой, и дальше, вниз по течению, и скоро исчезла из виду. Степан одиноко бродил по берегу Илима, ждал, когда вернется Анна, но она не возвращалась…

По привычке Степан проснулся рано. Таежное утро тускло светило в оконце. Он подкинул в печку дрова, быстро оделся и вышел на улицу. Надо было проверить петли, которые он поставил еще с вечера. Мгновение раздумывал, взять тяжелую фузею или оставить, потом махнул рукой, зашел в зимовье и закинул ружье за спину.

— Так спокойнее, — сквозь зубы пробормотал он.

Степан вдохнул свежего воздуха, который на границе дня и ночи казался голубовато-прозрачным, как хрусталь. Звук шагов инвалида далеко разносился по округе. Идти было очень трудно, деревянный протез глубоко проваливался в наст, и выдернуть его из слежавшегося снега было мучительно. Вспомнился дед Макарыч, с которым они ходили на охоту. Однажды, указав на Полярную звезду, сверкавшую ярче всех остальных, он сказал, что это — путеводная звезда для всех, и она обязательно приведет домой путника, который не знает дороги.

«Да, дед, сейчас я нигде не потеряюсь», — подумал Степан. Справа и слева стояли заснеженные кедры, сосны, ели, казалось, что кто-то заботливо нарядил их в белые шубы и шапки, защищая от мороза. Он остановился, любуясь этой мирной красотой. Зимнее солнце с трудом пыталось приподняться над горизонтом.

Вдруг Степан остановился. Следы.

Их ни с какими другими он перепутать не мог. Вспомнил, что много раз встречался с такими же, когда ходил с Макарычем на охоту, но самого «хозяина» вблизи не видел. Дед, обучая внука, разбирал следы с пристрастием.

— Степа, на подушечках лап у медведя, — говорил он, — мозоли, они оставляют след, который ни с каким другим зверем не перепутаешь…

Эти воспоминания промелькнули перед глазами Степана в одно мгновение.

«Откуда медведь? Да не просто медведь, шатун. Его не отпугнешь, он уже ничего не боится…»

Сделав еще несколько шагов, Степан увидел медведя, тот раздирал зайца, попавшего в ловушку. Возвращаться назад в зимовье было поздно. Такому страшному зверю догнать ковыляющего Степана ничего не стоило. Залечь, спрятаться на ровной поляне, найти удобный упор — не было ни

места, ни времени. Позади — мальчишки. Медведь с ними разберется в два счета, как только они выбегут за водой или по нужде. Тут же с ног собьет и когтями распорет.

«Некуда мне бежать, тут придется сражаться…» — мелькнула быстрая мысль.

Стоя, Степан быстро приложился, целясь под лопатку, и спустил курок. Он понял, что попал, так как медведь крутанулся на месте, и, бросив зайца, начал прыжками уходить в чащу.

Степан заторопился, не желая упускать раненого зверя, и выстрелил, практически не целясь. Зверь не останавливался. Степан торопливо загнал два патрона в стволы и выстрелил еще два раза. После каждого выстрела он понимал, что пули не достигали цели.

«Наверное, упора нет, — решил Степан. — Сейчас, только перезаряжу».

Но патронов уже не было.

Зверюга, словно чуя, что Степан расстрелял боезапас, вдруг резко развернулся и широкими прыжками понесся по дуге на Степана. Медведь шел напролом, сухие ветки на его пути с треском разлетались по сторонам. Иногда его притормаживал глубокий наст, то передней, то задней лапой он проваливался в снег.

Степан понимал, что сам стал дичью. Стрелять ему было нечем, ребята еще спали в зимовье, да если бы даже они и выскочили на улицу, помочь бы не смогли. Бить дробью, даже крупной, по медведю — последнее дело. Похоже, он разозлил шатуна, и тот ни перед чем не остановится. Почти четыре года на фронте он не раз смотрел смерти в глаза, но погибнуть здесь — нелепо и страшно. А как же Нюра, его девочки, и тот, еще не родившийся человек?

Медведь стремительно мчался к нему, его смрадное дыхание уже было слышно Степану. Никогда в жизни он не видел так близко зверя, желающего его растерзать. Почти инстинктивно он выставил перед собой руку с длинноствольной фузеей, пытаясь прикрыться ей от удара.

Медведь прыгнул. Однако его сокрушительный удар, ломающий хребет любому зверю и домашней скотине, прошел мимо. Когтистая лапа пролетела рядом с лицом, сорвав кожу на лбу и щеке, но пощадила глаза.

Степан упал на спину. В ту же секунду на него насела лохматая туша.

Никогда в жизни Степану не доводилось быть в такой ситуации. Даже в деревенских драках он не принимал участия, предпочитая мирить забияк. Он был слишком силен, чтобы применить свою силу не по назначению. И вот теперь пришло это время.

Желание жить было настолько огромным, что бывший солдат Великой Отечественной, практически не имея шансов на спасение, боролся. В нем самом появилось что-то звериное. Какие-то неведомые для него самого силы помогли ему на равных участвовать в этой, казалось, неравной битве.

Медведь рвал когтями руки и плечи Степана, пытался схватить его клыками за шею и сломать основание черепа. Степан уклонялся, как мог, прятал голову на груди зверя и пытался выхватить большой охотничий нож, пристегнутый на поясе. Наконец, ему это удалось.

Он уже не чувствовал боли от разорванных когтями зверя плеч и груди, он думал об одном: надо убить медведя. Силы оставляли его, кровь

заливала глаза. Он пытался ударить медведя ножом в грудь, но удар не получился. Вдруг зверь чуть ослабил свой напор. То ли решил отдохнуть, то ли сменить позу, но он подставил под удар свой бок.

Все свои силы Степан вложил в этот удар. Утробный крик боли и ярости раздался над поляной. Медведь снова ударил лапой по руке с ножом, и нож вылетел. Степан судорожно нащупал его, взял за рукоятку, но сил для удара уже не хватило. И вдруг он почувствовал, как зверь слабеет. Рывки его стали не такими резкими, схватить зубами человека он уже не мог. В один из таких моментов Степану удалось присесть и вновь ударить медведя под лопатку. Зверь выпрямился во весь свой рост, развел лапы, словно прощаясь с жизнью, и, рыкнув последний раз, упал на Степана. Нож попал прямо в сердце.

Степан пытался столкнуть с себя тяжелую мохнатую тушу, но не мог. Силы покинули его. Кровь заливала лицо, противная слабость была во всем теле. Он потерял сознание.

Очнулся уже в зимовье. Над ним склонились ребячьи лица.

— Дядя Степан! — закричал Гошка. — Ты живой?

Степан разжал залипшие губы.

— Посмотрите, что у меня. Мишка, проверь руки-ноги…

— А как проверить-то?

— По левой можешь постучать топором, — серьезно сказал Степан, но пацаны шутку поняли, и нерешительно засмеялись. Пока они везли в зимовье израненного Степана, он был без сознания. Мальчишки изорвали свое нижнее белье и туго перебинтовали своего наставника, чтобы не истек кровью. Он и так ее много потерял…

День прошел быстро, сено погрузили на сани, под руководством Степана освежевали медведя, разрубив тушу на части. Степан чувствовал себя неважно, раны от укусов сильно ныли, постоянно тошнило, но он держался, понимая, что ребятам будет трудно без его советов и помощи. Они стали какими-то тихими, предупредительными и исподтишка поглядывали на раненого с восторгом и обожанием.

Утром все отправились домой.

Точка зрения

Евгений ПРИМАКОВ

«ЕДИНСТВЕННОЙ АЛЬТЕРНАТИВОЙ ДЛЯ РОССИИ ЯВЛЯЕТСЯ ОПОРА В ПЕРВУЮ ОЧЕРЕДЬ НА ВНУТРЕННИЕ РЕЗЕРВЫ И ВОЗМОЖНОСТИ»

В Центре международной торговли Москвы 13 января 2015 г. прошло заседание «Меркурий-клуба». По сложившейся традиции перед гостями с обзором некоторых проблем внутреннего и международного развития выступил Президент «Меркурий-клуба» академик РАН Евгений Примаков

Мое выступление на заседании «Меркурий-клуба» сегодня происходит на фоне нелегкой ситуации в российской экономике. Сказываются внешние причины: падение мировых цен на нефть, антироссийские санкции.

Какой стратегический выход предполагается для преодоления тяжелой полосы в развитии нашей экономики?

Многие, в том числе правительственные деятели, считают, что нужно дождаться лучших времен и набраться терпения. Гораздо ближе мне, да, очевидно, и большинству россиян, заявление Президента Путина в его ежегодном послании Федеральному собранию: «Мы добьемся успеха, если сами заработаем свое благополучие и процветание, а не будем уповать на удачное стечение обстоятельств или внешнюю конъюнктуру. Если справимся с неорганизованностью и безответственностью, с привычкой “закапывать в бумагах” исполнение принятых решений. Хочу, чтобы все понимали — это не просто тормоз на пути развития России, это прямая угроза ее безопасности».

Евгений Максимович Примаков — родился в 1929 г. в Киеве. В 1953 г. окончил Московский институт востоковедения, а в 1956 г. — аспирантуру МГУ. Доктор экономических наук, профессор, академик РАН. В 1985–1989 гг. — директор Института мировой экономики и международных отношений АН СССР. Был Председателем Верховного Совета СССР. 1991–1996 гг. — директор Службы внешней разведки России. 1996–1998 гг. — Министр иностранных дел РФ, затем Председатель Правительства РФ. С 2001 г. президент Торгово-промышленной палаты РФ. С 2011 г. председатель директоров федерального сетевого оператора «НИС ГЛОНАСС». Писатель, лауреат многих российских и иностранных премий и наград. **Живет в Москве.**

В этих словах — суть необходимых изменений в развитии экономики России.

К тому же не приходится ожидать скорых внешнеэкономических сдвигов, благоприятствующих нашей стране. Вряд ли произойдет в близлежащем времени отмена санкций. Уповать на заявления ряда политических деятелей и представителей европейского бизнеса, высказывающихся против антироссийских санкций, не реалистично. Европа сейчас не в том положении, чтобы пойти наперекор позиции США. Экономика ЕС балансирует на грани рецессии и слишком зависима от американского рынка, показателем развития которого является рост ВВП США в 2014 году на 5 %. Не последнюю роль играет и антироссийский настрой наднациональных структур Европейского Союза.

Что касается снижения мировых цен на нефть, то это тоже не быстро проходящее явление. Нужно серьезно относиться к тому, что США, оставаясь пока нетто-импортером нефти, увеличили ее добычу, почти достигнув уровня России. Можно констатировать также, что ОПЕК уже не является регулятором квот на добычу нефти и, следовательно, не влияет, как прежде, на динамику мировых цен. Сплоченность стран-участниц этой организации осталась в прошлом. Нельзя пройти и мимо того, что прогнозируется относительно невысокий уровень среднего роста мировой экономики.

Конечно, изменения внешнеэкономической для России обстановки в ее пользу — даже небольшие — нужно приветствовать и использовать. Незыблемым сохраняется курс, исключающий самоизоляцию нашей страны, в том числе в экономической области. Мы заинтересованы в сохранении или налаживании новых экономических отношений со всеми странами и зарубежными компаниями, которые проявляют в этом заинтересованность. Но при любой ситуации единственной альтернативой для России является опора в первую очередь на наши внутренние резервы и возможности для количественного и качественного роста экономики.

По словам Президента Путина, по худшему сценарию выход России из тяжелой экономической полосы произойдет в течение не более двух лет. Но это время обязательно должно быть наполнено нашей активностью в первую очередь для диверсификации экономики. Иными словами, поворот от ее сырьевой направленности к развитию обрабатывающей наукоемкой промышленности. Этому должно служить и импортозамещение. Мы пропустили много лет, четверть века, когда эта задача могла бы решаться. Но давайте не сосредотачиваться на критике прошлого, а обратим свой взор в будущее, на определение экономического маневра выхода из тяжелой экономической полосы.

Не буду останавливаться на конкретных предложениях Путина для исполнения правительством такого маневра. Однако, несмотря на привычно общие задания министерствам и ведомствам, нет оснований считать о готовности исполнительной власти предложить обоснованный, базирующийся на конкретно намечаемых действиях проект разворота страны к диверсификации экономики и ее росту на этой основе.

А что это значит в нашей действительности? Если даже в массе своей мы понимаем, что нужно что-то делать, но что именно? Просто добросовестно трудиться на своем рабочем месте? Да, это необходимо. Но не менее необходимо знать — во имя чего трудиться. Такого, к сожалению, не про-

исходит. Переход к чисто денежной мотивации труда не должен вытравлять из нашей жизни идею.

Медлительность правительства в принятии магистральных решений или простое созерцание того, что происходит, подчас объясняют тем, что изменение структуры экономики может нанести серьезный удар по бюджету, так как половина его доходов ныне имеет своим источником ТЭК. Между тем, следует иметь в виду, что на большинстве месторождений приемлемую доходность уже обеспечивает цена в 60 долларов. «Лукойл» заявил, что на месторождениях Западной Сибири добыча рентабельна даже при 25 долларах. Однако для трудноизвлекаемой нефти ситуация сложнее. На арктическом шельфе рентабельность добычи обеспечивается только при цене 100–120 долларов за баррель. Стоит ли нам в таких условиях форсировать добычу на шельфе Ледового океана? Почему при всей важности этого региона для России не сделать паузу в освоении арктических нефтегазовых месторождений? Такую паузу уже сделали некоторые наши конкуренты. США пробурили последнюю скважину на арктическом шельфе в 2003 году, Канада — в 2005 году.

При такой паузе никто не противодействует, а напротив, поощряет рост добычи нефти и газа в Восточной Сибири, в других регионах страны. Речь идет не об этом, а об изменении структуры экономики, что вытащит Россию из прямой зависимости от сырьевого экспорта и позволит убыстрить технико-технологический прогресс. Для этого далеко не обязательно сокращать добычу и экспорт сырья. Но значительная часть доходов от сырьевого экспорта должна направляться на развитие российской экономики в целом, естественно, не забывая о социальных и других потребностях страны.

Другим «доводом» в пользу отсутствия или, во всяком случае, медлительных действий правительства по использованию всех ресурсов для роста экономики приводится озабоченность финансовым состоянием нашей страны, что проявляется в проблемах с курсом рубля. Конечно, финансовая стабильность должна оставаться в центре внимания. Но главная проблема в том, чтобы финансовая консолидация служила экономическому росту, а как показывает практика, этого не происходит, так как не обеспечено кредитование реального сектора экономики. Более того, как хирургическую меру можно расценивать доведение ключевой ставки Центрального банка до 17 %. Но такое хирургическое вмешательство должно быть строго ограничено во времени. Никаких выводов о сроках предпринятой меры от ЦБ или правительства мы не знаем.

Одной из основных составляющих перехода к диверсификации российской экономики является эффективная экономическая децентрализация. Этому я посвятил свое выступление 19 мая прошлого года на заседании «Меркурий-клуба». Тогда подчеркивалось, что мы недооцениваем значение оптимизации отношений по линии центр–регионы. Такое положение в принципе сохраняется. Однако вряд ли можно выправить экономическое состояние России без децентрализации в этой области. И не только. Наши СМИ часто грешат перепечатками из западной прессы, где предсказывается «цветная революция» в России. Ее заготовителями и исполнителями называется оппозиция режиму Путина. Абсолютно не верю, что верх во внутриполитической обстановке в нашей стране способна взять кучка несистемных оппозиционеров, не пользующаяся поддержкой в массах населения. Но тур-

булентность в обстановку может внести ухудшение социального положения большинства населения и отсутствие радикальных перспектив повышения роли субъектов Федерации.

Отсутствие подвижек или крайняя медлительность в федеральном строительстве нашей страны стали причиной того, что заостряю эту важнейшую тему и в сегодняшнем выступлении. Значение оптимизации отношений центра с субъектами РФ возрастает и на фоне событий на Украине. Еще контрастнее выглядит необходимость неразрывной связи между назревшей экономической децентрализацией и укреплением роли федерального центра, скрепляющего страну в единое целое.

Начну с вопроса: были ли позитивные сдвиги в бюджетном федерализме в 2014 году? Правительство еще в 2013 году заявило об отказе от перераспределения доходов в пользу субъектов Федерации, несмотря на то, что на практике мы явно отошли и продолжаем отходить от бюджетного Кодекса 1998 года, определившего раздел федерального бюджета между центром и субъектами Федерации 50 на 50 процентов. По мнению, высказанному председателем правительства, изменений консолидированного бюджета в пользу субъектов Федерации можно ожидать не раньше середины 2020-х годов, то есть с окончанием модификации российских вооруженных сил. От такой перспективы, по сути, отказался Президент Путин, по словам которого с нынешнего 2015 года запускается программа компенсации расходов субъектов Федерации на создание индустриальных парков. Это решение исключительно важно для развития собственного промышленного потенциала регионов. Но дело, конечно же, упирается и в реальное выделение средств центром, и в способность регионов их использовать по назначению. Финансовая помощь и поддержка из центра должны идти параллельно региональным мерам по привлечению инвесторов, созданию для них привлекательных условий. Есть вполне успешные в этом плане регионы. Но их практика привлечения инвесторов должна распространяться быстрее. Этого пока мы не наблюдаем.

Трудно игнорировать тот факт, что большинство субъектов Федерации и муниципалитетов могут выполнить свою роль в социально-экономическом развитии России лишь тогда, когда достигнут финансовой достаточности. Сохраняет свое особое значение реализация планов, намеченных в предвыборных статьях Президента Путина, включая увеличение зарплат врачей, учителей, работников культуры. Однако, как известно, правительство решило переложить решение этой задачи на плечи субъектов Федерации не только без адекватного финансирования из федерального бюджета, но и без учета реальных возможностей преобладающего большинства регионов. Можно считать, что в прошлом году правительство от этой линии не отошло.

Хотелось бы подчеркнуть, что отход от бухгалтерской позиции в отношении субъектов Федерации отнюдь не означает отрицания необходимости жесткого контроля за расходами региональных и местных бюджетов, пресечения коррупционной практики, развивающейся на местах. Но это следовало бы делать, опираясь на здоровые элементы в субъектах Федерации, а не путем подмены децентрализации установлением жесткого управления над осуществляемыми проектами на территории регионов. По сути, такой вывод, предлагаемый рядом экспертов, лишает субъекты Федерации их суверенных прав.

В этой связи вспоминаю, что на заседаниях правительства, которое я возглавлял, предлагалось, чтобы до дотационных субъектов Федерации доводилась, скажем, на период между выборами властей фиксированная ставка на пополнение федерального бюджета. Размеры ставки предусматривались в виде разницы между трансфертами из центра и налоговыми отчислениями регионов в федеральный бюджет. Разница определялась как средняя за предшествовавший межвыборный срок. Все заработанные и собранные сверх этого средства предполагалось оставлять в распоряжение регионов. Эту схему, которая могла бы ограничить и субъективизм центра, и лоббирование субъектов Федерации, поддержал в беседах со мной целый ряд губернаторов. Из их высказываний следовало, что внедрение такой схемы создаст серьезный стимул для увеличения сборов налогов и, в конечном счете, стимулирования социально-экономического развития регионов.

Все это имеет отношение к бюджетному федерализму, который далеко еще не освоен в России. Большую роль в федеральном строительстве призваны сыграть также территории опережающего развития. Такие территории обозначены. Нам известна и их экономическая и стратегическая роль. Но это не означает, что планы, обеспечивающие более быстрое развитие этих территорий, уже претворялись в жизнь в полной мере в 2014 году. Как известно, Президент Путин назвал опережающее освоение Дальнего Востока и Восточной Сибири основным проектом XXI века. Но и сейчас эта задача решается не комплексно, звучит немало критики такого положения, следуют и кадровые изменения, но воз, как говорится, и ныне там. Вспоминаю заявление вновь назначенного руководителя Минвостокразвития о том, что уже существуют 16 крупных вполне проработанных проектов, готовых к исполнению. Но это произойдет в том случае, если правительство даст под инфраструктуру средства из Федеральной целевой программы. Многие сочли, что наконец-то происходит переход от концепций, планов, слов к реальным действиям. Но после объявления о переходе к конкретным проектам мы ничего о них уже не слышим.

Приведу также оценку гендиректора группы компаний «Русагро». По его словам, компания готова создать один из крупнейших в мире производственных кластеров в Приморье. Но там даже нет доступа к газу. Через весь Приморский край идет магистральная газовая труба до Владивостока, но от нее почти нет ответвлений. Никто не предлагает газопровод среднего давления.

Все большее значение будет иметь продуманная линия социально-экономического развития Крымского федерального округа. Это главное условие адаптации Крыма в системе Российской Федерации. Опубликована Федеральная целевая программа развития новых субъектов Российской Федерации Крыма и Севастополя, которая имеет свою специфику: половина средств из 654 миллиардов рублей, которые ассигнуются из федерального бюджета до 2020 года, придется затратить на строительство дорожной инфраструктуры, соединяющий Крым через Керченский пролив с остальной Россией. Опять слова, опять телевизионные шоу, опять разговоры на тему: мост или тоннель, но исполнительный орган не спешит принимать решение.

Бесспорна ориентация Федеральной целевой программы на строительство новых линий электропередач, дорог, больниц, туристско-рекреационных центров, реконструкцию газового хозяйства, налаживание водоснабжения. Но опять разговоры об активизации бизнеса в осуществление этих проектов, а не конкретные планы их исполнения.

Вместе с тем, судя по графику финансирования ФЦП по Крыму и Севастополю, на первом этапе в 2014–2017 годах инвестиции будут иметь скорее подготовительный характер. Одновременно в число первоочередных задач развития Крыма и Севастополя правительством выдвигается для незамедлительного исполнения создание в Крыму Крымского федерального университета путем объединения 7 действующих научных организаций и 7 вузов. Объявлено, что финансирование начнется уже с 2015 года.

Создание нескольких «территориальных» министерств в правительстве для развития Дальнего Востока, Восточной Сибири, Крыма, Северного Кавказа могло бы изменить на правительственном уровне процесс принятия решений и их осуществления по стратегическим территориям. Очевидна целесообразность отказаться от такой практики, когда за федеральные целевые программы и другие государственные проекты отвечают все заинтересованные министерства и ведомства. Такой обезличенный подход даже в условиях координации на уровне заместителя председателя правительства оказался в прошлом году в немалой степени несостоятелен. Сложится ли иная система, покажет будущее.

Жизнь выдвигает требования изменить положение местного самоуправления. Для этого нужно четко определить его организационные и финансовые основы, распределить полномочия и финансовые ресурсы между местным самоуправлением и регионом. В России более чем 22 тысячи муниципальных образования — от крупного города до небольшого сельского поселения. Весьма важен отказ российского руководства от универсального подхода с определением тех социально-экономических функций, которые закрепляются за муниципалитетами. Это особенно относится к сельским поселениям, местные власти в которых практически не дееспособны.

Ко всему этому можно добавить и продолжающиеся в 2014 году конфликты между главами субъектов Федерации и мэрами крупных городов — центров таких регионов. По всей видимости, они имеют не только субъективный, но и объективный характер. Но это не означает, что не следует предпринимать главным образом законодательные меры для их смягчения. В США, например, наряду с распределением функций между различными этажами власти обозначаются и совместные функции. К ним относятся налогообложение, регламентация деятельности корпораций, обеспечение благосостояние населения. К штатам отнесены такие функции как здравоохранение и социальное обеспечение, высшее образование на уровне штата, регулирования деятельности малого бизнеса, разработка природных ресурсов для внутреннего рынка и др. Что касается местных органов власти, то они отвечают за начальное и среднее образование, местную полицию и пожарную охрану, муниципальный транспорт, городские налоги, строительство и поддержание дорог на своих территориях, общественные работы и социальное обеспечение населения. Важно отметить, что в США законодательно предусматриваются зоны, в которых федеральный центр, штаты и местные органы власти могут договариваться о перераспределении полномочий сторон.

Наша практика в отношении местных органов власти имеет свою специфику, вместе с тем необходимо ознакомиться с опытом федерального бюджетного строительства в других странах.

Естественно, одним лишь бюджетным федерализмом не исчерпываются взаимоотношения центра и субъектов Российской Федерации — страны

многонациональной, многоконфессиональной. Сразу же оговорюсь, федерализм сам по себе не идентичен демократии. Государство с федеральным устройством не обязательно более демократично, чем унитарное. Но отсутствие федерализма в системе устройства многонационального государства признак его недемократичности. Об этом следует задуматься особенно в условиях существования тенденции построения федерации на базе территориального федерализма. Ряд политиков и экспертов даже ссылаются на такого высокого авторитета, как академик Никита Моисеев, который писал: «Для Российской Федерации было бы большим благом преобразование ее в федерацию штатов». Но для России такой выпрямленный подход, подрывающий стабильность в стране, абсолютно контрпродуктивен. Федерации в США совершенно другого рода, чем в России. Население штатов состоит в основном из нескольких поколений иммигрантов, а не людей, предки которых сотни, тысячи лет обитали на этой земле.

Данные последней переписи населения в 2010 году свидетельствуют о серьезных различиях в численности лиц, принадлежащих к «титульной» нации в общем населении регионов. Эти различия носят этнический характер. Вместе с тем чрезвычайно высок процент лиц, обладающих общегосударственным русским языком в независимости от их этнической принадлежности. В 17 из 21 республик Российской Федерации этот процент не ниже 95. Очень высокий процент русскоязычного населения в автономных округах. Этот показатель весьма важен, так как нельзя отделять друг от друга язык и культуру в ее широком смысле.

Вывод из таких сопоставлений для развития российского федерализма неоднозначен. Во-первых, включение всех субъектов в административно-территориальные устройства фактически означало бы конец федерализма в многонациональной России. Во-вторых, очевидно существуют предпосылки для рассмотрения целесообразности присоединения отдельных национальных образований к субъектам Федерации, созданным на территориальной основе. Политическим анахронизмом является, например, существование Еврейской автономной области, где «титульная» нация составляет меньше 1 процента населения.

В 2000-е годы имело место объединение некоторых административных национальных округов с территориальными субъектами Федерации. Образовался ряд краев. Смысл таких объединений, безусловно, заключается в поисках пути для более эффективного решения социально-экономических проблем. Однако при продолжении процесса вхождения некоторых национальных образований в административно-территориальные субъекты следовало бы твердо исходить из того, что дело касается тех национальных объединений, в которых «титульная» нация не только малочисленна, но занимает крайне небольшой процент населения. Вместе с тем объединение с другими субъектами Федерации ни в коем случае нельзя рассматривать как процесс отказа от этнических особенностей того или иного народа. Влияние на них русской культуры будет происходить без навязывания сверху.

Особое значение имеет разграничение между национализмом и патриотизмом. Национализм не ограничивается защитой культурно-исторических особенностей данной нации, необходимостью отстаивать ее интересы. Это было бы приемлемо, если бы суть национализма не заключалась в противопоставлении другим нациям, на которых националисты обычно смотрят свысока. Такое отношение свойственно не только крупным, но и малочисленным нациям.

Об истинном патриотизме, проявляющемся в любви к России, прекрасно сказал Николай Александрович Бердяев: «Любовь наша к России, как и всякая любовь, — произвольна, она не есть любовь за качество и достоинство, но любовь эта должна быть источником творческого созидания качеств и достоинств России. Любовь к своему народу должна быть творческой любовью, творческим инстинктом. И менее всего она означает вражду и ненависть к другим народам. Путь к всечеловечеству для каждого из нас лежит через Россию».

Весьма нелегко развить процесс перехода к общегражданскому самоопределению российского населения. Категорически нельзя вести дело к общегражданской идентификации через противопоставление русской культуре, искусству, истории национальных традиций, культуры этнических групп, населяющих нашу страну.

Перед нашими глазами развернулась трагедия во Франции. Нужно ли нам извлекать из нее уроки? Такая истина, что свобода печати необходима для построения демократического общества, неоспорима. Но кто сказал, что следует поддерживать в той или иной форме свободу публикаций в СМИ, если они направлены на унижение, оскорбление религиозных чувств. Призывы доказать свободу печати через публикацию карикатур, например, на Пророка Мухаммеда, задевают чувства мусульманской части населения — верующих и неверующих. А в России это не так уж мало — 18, а возможно и больше миллионов граждан. Естественно, не все они, да и их большинство, не придерживаются экстремистских взглядов. Но призывы, направленные на разжигание антиисламской истерии, неизбежно приведут к увеличению числа тех, кто хотел бы изолироваться, остаться в стороне от общегражданского строительства, как в европейских государствах, так и в России.

Конечно, изложенная точка зрения не имеет ничего общего с попыткой обелить террористов. Кровавые террористические вылазки, где бы они и кем бы они ни осуществлялись, — страшное зло. Никакого им оправдания нет, и не может быть. А мы, как представляется, снисходительно относимся к нашим псевдолибералам, которые в данном случае смыкаются с носителями ксенофобских настроений. Серьезное противодействие русофобии, возрождающемуся нацизму, антисемитизму имеет первостепенное значение, но на данном этапе, думаю, что к этому следует добавить решительную борьбу с теми, кто покушается на религиозные ценности мусульман. Однако мобилизация на борьбу против исламского экстремизма невозможна без включения местного населения, заинтересованного в серьезном противодействии не только террористам, но и коррупционерам. Не секрет, что именно коррупция является одним из основных факторов, увеличивающих сторонников отказа от светского характера власти.

Нельзя также пройти мимо того, что происходит усиление межнациональных и межконфессиональных противоречий в результате большего притока иммигрантов в Россию из государств Центральной Азии — бывших среднеазиатских республик СССР. По оценке Федеральной миграционной службы, большая часть иммигрантов неконтролируемые, предоставленные самим себе. Нелегалы находят работу в ряде фирм, заинтересованных в привлечении поразительно дешевой рабочей силы при невыплате за нее налогов. Нелегалы вливаются в этнические преступные группы и используются этими группами, зачастую сотрудничающими с полицией, для контроля, например, над торговыми рынками.

Большое значение, несомненно, имело принятие Закона об ответственности региональных и муниципальных властей за межнациональные конфликты. Меньше внимания, к сожалению, уделяется мерам, определяющим ответственность работодателей, а это сегодня, как представляется, должно стать одним из главных направлений ликвидации ущерба от нелегальной иммиграции.

Но миграционная политика не замыкается проблемой нелегалов. Немаловажное значение имеет закрепление тех приезжающих в Россию, которые становятся законопослушными специалистами. Недостаточно внимания мы уделяем и вовлечению молодежи из стран СНГ в обучение или стажировку в российских вузах.

Таковы некоторые проблемы российского федерализма, на которых хотел бы остановить ваше внимание.

Конечно, говорить о важных для России процессах в 2014 году и не сказать о международной обстановке было бы непонятно. Не хотел бы повторять все, что мною уже было сказано. Но мог бы выделить некоторые моменты, по которым в 2014 году проявились одиозные мнения некоторых политиков или экспертов. Пусть это и одиночки, но их слова становятся через наши СМИ достоянием общественности.

Итак, можно ли по-прежнему говорить о российской заинтересованности в том, чтобы юго-восток оставался частью Украины? Отвечаю: считаю, что нужно. Только на такой основе можно достичь урегулирования украинского кризиса. Другой вопрос: следует ли включать в число «уступок» США и их союзникам в Европе отказ от воссоединения Крыма и Севастополя с Россией? Отвечаю: нет, это не должно быть разменной монетой в переговорах. Следующий вопрос: в условиях несоблюдения минских соглашений может ли Россия в крайней ситуации ввести свои регулярные воинские части в помощь ополченцам? Отвечаю: категорически нет. Если бы такое случилось, это было бы выгодно США, которые использовали бы такую ситуацию, чтобы держать под собой Европу на целый век. Вместе с тем такая позиция с нашей стороны не означает отказа от поддержки ополченцев, которые добиваются учета особенностей юго-востока Украины в структуре украинского государства.

Можно ли говорить о переориентации России на Восток? Отвечаю: это не так. Россия хотела бы нормализовать отношения с США и Европой, но игнорировать быстровозрастаемое значение Китая и других стран, входящих в Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество, было бы неразумно. Нас часто запугивают тем, что нам грозит стать сырьевым придатком Китая. Россия уже в силу своих возможностей никогда ни чьим сырьевым придатком быть не может и не будет.

И наконец, еще один немаловажный вопрос: должна ли Россия держать дверь открытой для совместных действий с США и их натовских союзников в том случае, если эти действия направлены против настоящих угроз человечеству — терроризма, наркоторговли, раздувания конфликтных ситуаций и т. д. Несомненно, должна. Без этого, не говоря уже о заинтересованности россиян в ликвидации опасных международных явлений, мы потеряем свою страну как великую державу. Россия в таком случае не сможет занимать одно из главных мест среди тех государств, которые готовы пользоваться поддержкой России, но с учетом и ее собственных интересов.

Леонид ИВАШОВ

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ УЧАСТИЯ СССР В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

К 70-летию Великой Победы

Леонид Григорьевич Ивашов — родился в 1943 г. в Киргизии. В 1964 г. окончил Ташкентское высшее общевойсковое командное училище, в 1974 г. — Военную академию им. М. В. Фрунзе. С должности заместителя командира мотострелкового полка был назначен помощником Министра обороны СССР. В первой половине 1990-х годов стоял у руля Совета министров обороны государств-участников СНГ. Избран вице-президентом Академии геополитических проблем, доктор исторических наук, профессор. Генерал-полковник, Президент Клуба Министров обороны СНГ. **Живет в Москве.**

Начну с краткого воспоминания. 1999 год — конференция в США, в Калифорнии. Я пытаюсь вывести на откровенный разговор министра обороны США — Уильяма Перри, задаю вопрос: «Почему вы приближаете свои войска к нашим границам, окружаете нас, НАТО расширяете? Вы же видите, что мы вам уже не угрожаем ничем». Рядом со мной находится директор Института США и Канады — Сергей Михайлович Рогов. Доктор Перри, специалист по Советской России, отвечает: «Вспомните 1921 год: ваша страна мертва после Гражданской войны! Вы уничтожили интеллект нации»! Мы ему что-то оба возражаем. Но он продолжает: «Вы остались без интеллекта! Для того чтобы вам вернуться к дореволюционному уровню: восстановить научные школы, культуру, вам должно было потребоваться не менее 50 лет. Но через 20 лет ваша держава стала единственной в мире, кто мог противостоять Германскому нашествию! За 20 лет вы создали систему образования, великую науку, великую культуру. Вы из мертвой страны превратились в мощную индустриальную державу! 22 июня 1941 года весь мир молился на вас! В чем причина?» Мы с Роговым сразу не могли объяснить, в чем этот, действительно, исторический феномен.

Говоря о Второй мировой войне, многие историки убеждают нас, что она была продолжением Первой мировой войны. Но это была совершенно иная война. Если Первая мировая война — это война внутри одной капиталистической системы, и в основе этой войны или, вернее, ее причин, лежали, прежде всего, экономические интересы, то Вторая мировая война — это уже война и внутри прежней системы капиталистического Запада, и родившейся

новой системы, у которой иные смыслы, иные глобальные устремления, и иной человек. Столкнулись три базовые геополитические доктрины.

Прежде всего, советская доктрина — доктрина, основанная на мессианской идее «Москва — третий Рим», более безопасной, более справедливой. Не найти нигде на карте страны какого-либо объекта, построенного Советским Союзом только ради прибыли, ради какой-то корысти; мы несли добро. Вторая доктрина — это доктрина англосаксонской цивилизации. В основе ее — деньги, то есть прибыль и власть. Власть мировая, нацеленность на мировое господство: англосаксонская элита плюс капитал. Третья доктрина — расовое превосходство, построение человеческого общества на расовой основе.

Таким образом, в основе Второй мировой войны лежали не экономические интересы, а идеологические, противостояние идеологий. Главная — англо-саксонская рационально-монитористская идеология, распространяющая и навязывающая свои демократические ценности. Теория расового превосходства — это германская идея. Так, во Второй мировой войне столкнулись три архетипа человека. Наш, советский человек, предстал как творческая, всесторонне образованная личность, как человек интернационального склада, как человек, который общественные ценности ставит превыше остальных. Развитие советской личности основано не на идее потребительства, а на интеллектуально-духовном развитии.

Человек экономический, человек-индивидуалист — это представитель англосаксонской модели. Ему присуще утверждение личных потребительских ценностей над общественными.

И третий архетип — это человек-солдат, человек-порядок, которого воспитала достаточно быстро и эффективно нацистская идеология и команда Гитлера.

Каковы замыслы участников войны?

Для Германии — это мировое господство и ничего другого. Господство арийской расы, и построение такой расовой пирамиды, где чистокровные арийцы наверху. Народы не вполне чистой крови, но арийцам близкие, — это как бы промежуточный уровень этой пирамиды. Третий уровень — не арийские народы, предназначенные для обслуживания мировой арийской элиты, и самый низший уровень — недочеловеки, подлежащие истреблению. Именно к этому четвертому уровню были отнесены советские люди, план ОСТ предусматривал физическое уничтожение не менее 30 млн славян и создание для них условий, подобных условиям содержания в концлагере.

Мировая финансовая закулиса в союзе с англосаксонской элитой жаждали войны, они готовили войну, подталкивали к войне, потому что война приносит им огромные прибыли. Мировая финансовая элита еще в 1908 году на совещании мультимиллионеров приняла формулу мирового господства: «Власть — это товар, пусть и самый дорогой», и поэтому мировая власть должна принадлежать международным финансистам.

Конечно, Советский Союз, загляните в историю, пытался избежать войны, по крайней мере, в Европе, и шаг за шагом старался отодвинуть эту войну, не доверяя Западу, и активнейшим образом готовился отстоять свою страну. Приведу выдержку из предложения центра Рассела (это олигархический американский центр) Герберту Гуверу, президенту США. Ему круп-

ный капитал предложил: «Приближается кризис. Избежать трудного положения, в котором могут оказать США, можно лишь изменив расстановку сил в мире. Для этого надо оказать помощь России, чтобы она окончательно избавилась от разрухи и последствий Гражданской войны, и помочь Германии избавиться от тисков Версальского договора… А потом надо столкнуть Россию и Германию лбами для того, чтобы, воспрянув после кризиса, США оказались один на один только с одним оставшимся из противников». И на вопрос Гувера: «Удастся ли нам это сделать?» представители бизнеса ответили: «Господин президент, это не ваша проблема».

А за что сражался советский народ? Гайндман, спецпредставитель президента США, задался этим вопросом: стоит ли помогать СССР или бесполезно? Может, он проиграет сразу, и тогда Америка потеряет свои денежки. Этот вопрос он задал Сталину. Сталин ответил, что советский народ не будет сражаться за мировую революцию, не будет драться за советскую власть, он будет драться за Россию.

И еще один аспект. В 1940 году по поручению Гитлера немецкие ученые подготовили 40-страничный доклад «Адольф». Суть доклада: состояние межнациональных отношений в СССР. Рассматриваются 90 наций, за образец берутся кавказские народы, кавказские этнические группы. В этом докладе доказано, что как только немцы наносят удар, то все народы Советского Союза побегут и выстроятся в очередь, чтобы поддерживать Германию. Это был самый большой просчет Гитлера и его так называемой науки.

Многое не учли господа немецкие ученые, хоть и знали нашу историю. Не учли хотя бы такой исторический факт (а их много больше), что в 1788 году Екатерина Великая подписала Указ о создании духовного управления мусульман России. Впервые в истории человечества господствующая, правящая православная религия приглашает к совместному строительству духовного пространства веру магометанского закона. Такого нигде не найдешь. Обычно чужую веру вырубают под корень, и сегодня мы видим, что происходит на Ближнем Востоке. А в России великая, мудрейшая государыня приглашает не католиков, не униатов, а именно российский ислам строить совместно духовное пространство Евразии.

Отношение ко всем российским, в том числе кавказским, народам у Екатерины было братским. Евразийское пространство начинало строиться именно с этого Указа Императрицы, которая заботилась не только о территории государства, но собирала духовное пространство. Это нужно нам понимать: когда создана общая система ценностей, и ответственность оказывается общей. В годы Великой Отечественной войны эта ответственность проявилась сполна. Не просто «в пристяжке» к русскому этносу воевали и дрались все народы за Россию, Сталин правильно сказал: «Драться будут за Россию, за историческую Россию».

Несколько лет назад я побывал на Алтае, на встрече с ветеранами. Там узнал, к своему удивлению, что из одного только алтайского села в годы войны вышло 6 Героев Советского Союза. С двумя удалось пообщаться, и они мне сказали: «Это наша земля, зачем немец сюда пришел? Мы не отдадим ее никому».

Что же происходит в годы Отечественной войны? Сталин, во-первых, искренне надеется на то, что Антигитлеровская коалиция станет конструкцией, которая позволит избавить человечество от войны. Во-вторых, Сталин

как бы реализовал то, что он сказал в беседе с Гайндманом: «за Россию драться будут, за Россию»! И поэтому по мере обретения власти он начал восстанавливать русскую традицию, русскую Церковь, и, конечно, традиционный ислам.

Сталин вводит офицерские погоны для всей армии. В годы Гражданской войны ведь действовал лозунг: «Руби, бей, коли золотопогонников!». Сталин упраздняет Коминтерн, который нацеливался на мировую революцию. Меняет гимн Советского Союза. Вместо слов «Вставай, проклятьем заклейменный, весь мир голодных и рабов!» звучат слова «Союз нерушимый республик свободных сплотила навеки Великая Русь. Да здравствует созданный волей народов великий, могучий Советский Союз!». Меняется смысл: от мировой марксистской идеологии происходит разворот к российским традициям. Сталин устанавливает деловые отношения с Франклином Делано Рузвельтом, президентом США. И даже Черчилль об этом горько вспоминает. Сталин и Рузвельт действуют совместно против плана Черчилля. Так же прекращается активная, по крайней мере, явная, поддержка мирового коммунистического движения.

Победа в Великой Отечественной войне качественно изменила мир. Впервые в истории человечества мир перестал быть западно-центричным, в том смысле, что Запад на протяжении всей своей истории навязывал человечеству свои ценности. Внутри, конечно, англосаксонская модель конфликтовала с германской и французской, но весь мир оставался однополярным, хоть в нем были разногласия. После Второй мировой войны однополярность рухнула. Мир стал биполярным. Рухнула колониальная система мира, и за это Сталина по сей день проклинают. Больше 270 млн колонизируемых народов были освобождены, они получили право выбора, поиска смысла жизни, не того, что англичане навязывали индусам или французы африканцам. Изменилась сущность человечества: были заявлены высокие духовные идеалы, интеллектуальные смыслы. Многие народы получили право выбора и потянулись к традиции. Поэтому культурно-цивилизационная среда в годы холодной войны стала главным театром военных действий. Запад стремился поменять сознание советского человека, потому что весь мир устремился к нашим ценностям, к нашей мессианской идее.

Еще одно великое событие в истории человечества, опять же, впервые, произошло в результате нашей Победы. Была создана Организация Объединенных Наций, авторами идеи которой являются президент США Рузвельт и Сталин, Черчилля к этому вопросу не подпустили, да он и не вмешивался. США и СССР попытались построить самую безопасную модель мира за всю его историю. И посмотрите устав ООН. В нем предусматривалось: избавить грядущие поколения от бедствий войны, утвердить основные права человека, защитить его достоинство, ценности человеческой личности, равноправие, равенство прав больших и малых наций, создать условия, при которых могут соблюдаться справедливость и уважение к обязательствам на основе договоров и других международных пактов. То есть предусматривался приоритет международных договоренностей.

Рузвельт предлагал Сталину разоружить все страны мира, и только четыре страны — США, Британия, СССР и Китай могли иметь вооруженные силы для обеспечения мира и подавления любой вооруженной агрессии. Сталин согласился, добавив Францию. К сожалению, довести это благое

начинание не удалось, Рузвельт неожиданно почему-то скончался меньше чем за месяц до Победы.

И в Советском Союзе в результате Победы произошли тоже значительные изменения. Во-первых, Советский Союз стал, по нынешней терминологии, главенствующим в рейтинге ведущих держав мира. Он стал лидером человечества не по ВВП, а по авторитету, всемирному уважению. Сталин в 1946 году пришел к выводу, что нам нужна новая социально-политическая теория, он говорил: «мы два этапа прошли, нужна новая теория, без теории мы погибнем», и началась ее разработка. В Советском Союзе в результате войны противоборство левого и правого политических флангов закончилось. Сталин за годы войны стал признанным лидером не только СССР, но и большой части человечества. Знаменателен его тост 24 мая 1945 года, когда он поднял бокал за здоровье русского народа. Тогда в его речи прослеживалось, что евразийская и православно-славянская доктрины соединились как бы в один общий геополитический проект, и евразийское направление стало приоритетным. Кроме того, Сталин был убежден, что после всего того, чего мы натерпелись, необходимо обеспечение военной безопасности любой ценой. Была разработана и геополитическая теория, где ставилась задача: все человечество освободить от колониализма как несвойственного человечеству. То есть геополитический проект предполагал создание на планете международной сбалансированной глобальной системы, которая удерживала бы господ с Запада от их стремления к мировому господству.

Многое изменилось после нашей Победы, но не изменилась геополитика Запада. Извечная его идея о мировом господстве снова стала прорастать. Сначала предполагалось установить контроль над Европой и Японией, как промышленно развитыми странами. Намечалось также переидентифицировать континентальные страны Европы на стандарты морской цивилизации. Стремились доллар возвести в ранг мировой валюты и надеть удавку (идея по сей день работает) на любую страну. А мотивировано это было тем, что Советский Союз несет миру коммунистическую угрозу. Так искусственно создавался образ врага. Есть документ, который рассекречен был раньше всех и процитирован в книге под редакцией профессора Ильинского «Главный противник». Это основной документ холодной войны. Директива 20/1 от 18.08.1948, где рассматривались два варианта плана уничтожения СССР — мирный способ и военный. Военный разрабатывался с марта 1945 года, когда господин Черчилль с группой своих и американских генералов стал прорабатывать план удара по советским войскам, вошедшим в Европу и освободившим ее. План казался немыслимым, и Рузвельт выступил против этого плана, наверное, поэтому вскоре и скончался. Этот план не состоялся также потому, что Британский военный штаб выразил опасение, что советские войска в этом случае перейдут Ла-Манш.

Проводился в жизнь еще один — либеральный план, предполагающий установление в России либерального режима, должного:

— провести легальное сокращение советской военной мощи;

— создать сильную экономическую зависимость от внешнего мира;

— усилить соблюдение прав национальных меньшинств;

— предотвратить установление железного занавеса при контактах с внешним миром.

Этот проект сработал.

Хочу подчеркнуть, наши враги всегда уделяли особое внимание Украине. Заморские аналитики размышляли, как же поссорить два братских славянских народа — русских и украинцев? Как их разделить? Тогда-то и было внедрено в умы части русского мира чувство национальной самобытности, стремление к национальному определению. С тех пор была проведена Западом огромная работа, и получил он то, что сейчас получил.

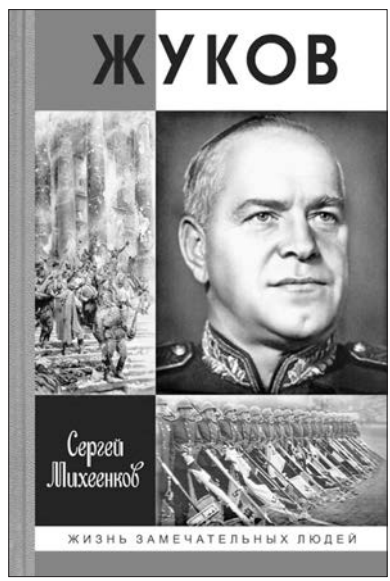
Вот такова была структура мира после нашей Победы в Великой Отечественной войне. Хотя, если быть точным, нельзя сказать, что была строгая биполярность мира, потому что был еще и третий полюс. Он не был консолидирован, сконцентрирован, был размыт — это «Третий мир», который политически проявлялся в формуле движения неприсоединения. Это была достаточно большая по численности населения часть мира, где в качестве лидеров выступали Индия и Югославия.

Такой трехполюсный мир, мне представляется, был самым устойчивым за всю историю человечества. И был он результатом нашей Победы.

ВЫШЛА КНИГА

Михеенков С. Е.

Жуков. Маршал на белом коне. М.: Молодая гвардия, 2015.

Новую биографию Маршала Победы — Георгия Константиновича Жукова отличает от предшествующих то, что ее автору удалось буквально вжиться в образ своего героя, не только правдиво показать его полководческий дар, но и максимально приблизиться к нему как к человеку. Жизнелюб и хват-командир, стойкий солдат и верный друг, заботливый муж, отец и брат, воин, который не робел перед Сталиным и не боялся вступить в схватку с самой мощной военной машиной в Европе в 30—40-е годы XX века — армией фашистской Германии. Герой, который познал триумф и опалу, любовь и предательство, всю свою жизнь посвятил Отечеству.

Николай СТАРИКОВ

ЗАЧЕМ ГЕРМАНИЯ ВВЯЗАЛАСЬ В ВОЙНУ?*

К 70-летию Великой Победы

Николай Викторович Стариков — родился в 1970 г. в Ленинграде, окончил Санкт-Петербургский инженерно-экономический институт им. Пальмиро Тольятти, общественный и политический деятель, писатель, историк, блогер, публицист. Основатель и идейный лидер общественной организации «Профсоюз граждан России» и партии «Великое Отечество». Один из лидеров движения «Антимайдан». Коммерческий директор ОАО «Первый канал — Санкт-Петербург». Автор 14 книг. **Живет в Санкт-Петербурге.**

Всем павшим за Россию посвящается

Почему история Второй мировой до сих пор полна загадок? Эта война положит конец всем войнам. И следующая тоже.

Джордж Ллойд Джордж, премьер-министр Великобритании

Мне много приходилось заниматься историями войн, и во все времена я видел одно: современники относили войну в неопределенное будущее, тогда как она уже стояла у порога их стран.

Карл фон Клаузевиц

За прошедшие с момента окончания Второй мировой войны годы написано поистине несметное количество книг и монографий по ее истории. Казалось бы, не может и не должно остаться белых пятен и неизвестных мест в этом самом кровавом конфликте в человеческой истории. На самом же деле все наоборот. Историки тщательно посчитали танки, пушки, количество солдат и самолетов у противоборствующих сторон, но так и не смогли ответить на самые элементарные вопросы. Такие неудобные вопросы немедленно возникают при чтении любых книг, посвященных этому периоду истории. Стоит лишь задуматься над самыми элементарными объяснениями, которые господа ученые и публицисты нам предлагают, как их несостоятельность сразу бросается в глаза.

На одной странице таких горе-исследований вы можете узнать, что Адольф Гитлер мечтал завоевать весь мир, а на соседней с удивлением прочтете, что к войне, вспыхнувшей в сентябре 1939 года, Германия оказалась не готова. Нацисты, мол, хотели только напасть на Польшу и рассчитывали, что Англия и Франция не вступятся за союзных им поляков. Поэтому к такой масштабной

*Отрывок из книги «Кто заставил Гитлера напасть на Сталина». Публикуется с разрешения автора.

войне гитлеровцы оказались не готовы. Через три недели этой первой войны Третьего рейха, пишут историки, у германского Вермахта начали заканчиваться авиабомбы, а после разгрома Франции, который занял всего шесть недель, у немецкой армии подошли к концу вообще все боеприпасы.

Позвольте, но разве так готовятся завоевывать мир? Для того чтобы оккупировать нашу планету, иметь военной амуниции всего на два с небольшим месяца боев явно недостаточно. На нашем голубом шарике места еще очень много. И это пространство, как известно, не терпит пустоты. Чтобы установить на этой территории свое господство, сначала надо там ликвидировать чужое. Кто же был сверхдержавами того времени? Не Польша, к войне с которой Гитлер был готов. Главные игроки на политической карте того времени — Англия, Франция, США. А именно к войне с этими странами нацистская Германия как раз и не готова…

Чтобы высадиться в Англии, чтобы покорить находящиеся за океаном Соединенные Штаты Америки, однозначно нужен большой флот. И Гитлер его строил. Но только большая судостроительная программа должна была быть реализована к середине 1944 года. Мало того, Гитлер неоднократно говорил своим военным морякам, что и война с Англией начнется не ранее этого срока.

Зачем же тогда Германия ввязалась в войну в 1939 году, на пять лет раньше срока своей к ней окончательной готовности? Что за странный способ покорения мира избрал фюрер германского рейха? Ведь втянуться в конфликт раньше срока, когда ты к нему будешь готов, — это гарантированный способ войну проиграть. Так почему же Гитлер совершил эту ошибку? Зачем начал воевать, будучи к этому не подготовлен?

Но через два года Адольф Гитлер совершил еще бóльшую глупость — напал на Советский Союз. Именно с 22 июня 1941 года начался отсчет последних дней Третьего рейха. Несмотря на все феноменальные первоначальные успехи в войне с СССР, Германия неудержимо покатилась к поражению, потому что стала воевать на два фронта. Борьба на Западе и Востоке, по всеобщему признанию историков и военных, означала неизбежное крушение немецкой военной мощи. Неужели Адольф Гитлер этого не знал?

Знал. В своей книге «Говорит Гитлер» Герман Раушнинг приводит рассуждения фюрера на всевозможные темы, в том числе и о его военных планах. Любопытно, что на вопрос, а что же будет, если Англия и Франция объединятся с Россией, Гитлер дает однозначный и лаконичный ответ: «Тогда мне просто придет конец». Но на этом словоохотливый фюрер тему не закрывает: «Но этого никогда не случится. Иначе я бы был просто неудачником, который зря занимает этот кабинет».

23 ноября 1939 года Гитлер выступает на совещании высшего командного звена Вермахта. Излагает планы, подводит итоги. И опять возвращается к своей излюбленной теме — Первой мировой войне и важности отсутствия второго фронта: «В 1914 г. началась война на несколько фронтов. Она решения проблемы не принесла. Сегодня пишется второй акт этой драмы. Впервые за 67 лет следует констатировать: нам вести войну на два фронта не приходится! Произошло то, чего мы желали с 1870 г. (с франко-прусской войны. — *Н. С.*) — и фактически считали невозможным. Впервые в истории нам приходится воевать только на одном фронте, никакой другой нас

сейчас не сковывает… Положение сейчас такое, какое мы раньше считали недостижимым».

И что же получается в действительности? Получается невероятная вещь — фюрер сам изменяет ситуацию в худшую сторону: воюя с Англией, он нападает на СССР! То есть понимающий важность отсутствия у Германии второго фронта, осознающий невозможность такую борьбу выиграть, Адольф Гитлер своими руками добавляет к Западному еще и Восточный фронт…

Какое же объяснение столь удивительному поступку главы Германии дают историки? Чтобы закончить войну высадкой в Англии, морских сил у немцев не хватало, поэтому Гитлер решил уничтожить последнего потенциального союзника англичан на континенте.

Вдумайтесь в эти слова. Посмотрите на карту. Вспомните историю. Для достижения полного разгрома Англии Гитлер нападает на СССР! Если современные США беспокоит Ирак, то на него американцы и нападают, а совсем не на Пакистан. И вряд ли угрозу, исходящую для них от Тегерана, янки будут решать, нападая, к примеру, на Пекин. Когда одна держава представляет угрозу для другой, то обычно удар и наносится по «предмету беспокойства». Бывают ли в этом правиле исключения? Бывают. Тогда объектом нападения становятся ближайшие партнеры державы-конкурента, без помощи которых она не сможет продолжать создавать угрозу. Чем же Советский Союз помогал Великобритании в 1941 году? Посылал оружие, амуницию, продовольствие или сырье? Нет, если что из Москвы в Лондон и пересылалось, то только пламенные коммунистические приветы в советское посольство. Советский Союз не был союзником Великобритании, не имел с ней никаких договоров. СССР не поставлял англичанам оружия, не предоставлял свою территорию для размещения английских баз. И, наоборот, в период борьбы Германии в Европе Советский Союз исправно соблюдал имеющиеся торговые договоренности с Берлином, поставляя немцам жизненно важную для них нефть, пшеницу и множество другого стратегического сырья. Германия, находясь в войне с англичанами, испытывала на себе давление морской блокады, не имея возможности покупать и транспортировать на свою территорию необходимые для военного производства товары. В этой ситуации немцев выручали хорошие отношения с Россией–СССР. Советский Союз закупал на мировом рынке необходимое Германии сырье, а далее по своей территории транспортировал его в целостности и сохранности до германских границ. И это сырье не могли топить британские подлодки и бомбить английские самолеты. Какой из этого всего следует вывод? Очень простой и очевидный.

Незачем атаковать другую сверхдержаву, имеющую с вами пакт о ненападении, снабжающую сырьем вас, а не вашего противника! Зачем множить число своих врагов, уменьшая число своих если и не полноценных друзей, то соблюдающих благожелательный нейтралитет партнеров?

Разбив СССР, Гитлер надеялся склонить англичан к миру — выкладывают свой последний козырь историки. Простите, но разве кратчайший путь на Лондон из Европы лежит через Москву? Ясно, что нет. Из оккупированной Франции надо только переплыть Ла-Манш. Зачем же удаляться в необозримые русские просторы, если находишься в пределах видимости

британской территории? Это абсурд. Тогда о каких же гитлеровских надеждах говорят нам историки?

Несостоятельность таких объяснений бросается в глаза сейчас. Была заметна она и накануне нападения на нашу страну. Например, министру иностранных дел фашистской Италии графу Галеаццо Чиано. Это не простой министр итальянского правительства — он женат на дочери Муссолини, так сказать, «вхож в семью». А сама Италия не останется в будущем конфликте простой наблюдательницей, и вслед за немцами объявит нам войну. И вот что Чиано пишет в своем дневнике 21 июня 1941 года: «Многочисленные признаки указывают на то, что начало операции против России уже очень близко. Идея войны против России сама по себе весьма популярна, поскольку разгром большевизма должен принадлежать к числу самых важных дат в истории человеческой цивилизации. Но как симптом эта война мне не нравится, ибо у нее нет разумной и убедительной причины. Обычная трактовка этой войны — это то, что она ведется за неимением лучшего, попытка найти выход из неблагоприятного положения, которое возникло вопреки ожиданиям».

И таких свидетельств можно найти немало. Получается забавная ситуация: современному человеку абсолютно ясно и понятно, зачем же Гитлер напал на нашу страну. Спросите любого, спросите самих себя, и вы услышите расхожую версию, объясняющую гитлеровскую агрессию. Откуда такая ясность? Потому что наши современники прочитали гору книг о Второй мировой войне и им очень основательно запудрили мозги. А вот современникам, высокопоставленным и весьма осведомленным политикам того времени идея нападения Германии на Россию кажется удивительной и странной. Почему? Да потому, что им более 60 лет историки не твердили, что иного выхода у Гитлера не было! Поэтому тем, кто жил в 40-е годы XX века, такой «выход» кажется «входом» на тот свет для Третьего рейха, а нам после чтения тонн исторической макулатуры — единственно возможным для нацистов.

Между тем очень многие из политической элиты Третьего рейха были абсолютными противниками гибельной атаки Советского Союза. В том числе и министр иностранных дел Иоахим фон Риббентроп, которого потом повесят в Нюрнберге:

«Россия потенциальным союзником англичан не является. Ничего хорошего Англии от России ожидать не приходится. Надежда на Россию Англию от краха не спасет. Войной с Россией мы никакой надежды Англии не уничтожим… Германское нападение на Россию дало бы англичанам новый моральный стимул. Они расценили бы это нападение как сомнение Германии в своей победе в борьбе против Англии. Тем самым мы бы не только признали, что война продлится еще долго, но и затянули бы ее, вместо того, чтобы укоротить».

Почему же глава Германии сделал то, что его дипломаты считали крупнейшей возможной ошибкой? Эти вопросы не так безобидны, как это может показаться на первый взгляд. Потому что за сто тридцать лет до Гитлера точно таким же путем в английскую столицу собирался маршировать Наполеон. И его страшный пример, начиная с 1812 года, стоял перед глазами у военных всех стран, начинавших планировать войну с русскими. Знал о судьбе наполеоновской армии и Гитлер. И все же решился ее повторить. Почему? Что за странное решение принимают все основные враги Англии?

Разных национальностей, с разными лозунгами, с разными силами они почему-то раз за разом выбирают путь, нам кажущийся очевидным тупиком!? Почему они идут на Москву, а не на Лондон?

Вместо высадки в Британии, 600-тысячная армия Наполеона исчезает в наших снегах. А, может быть, было лучше все же попытаться высадиться? Утонуло бы тысяч двести, так остальные солдаты раскатали бы британские острова в ковровую дорожку к ногам французского императора. А в России вообще не вышло ничего путного…

А у Гитлера еще смешнее. Летом 1940 года, после разгрома Франции, он начинает атаковать Британию самолетами. Это недолгое воздушное единоборство войдет в историю под названием «Битва за Англию». Выиграли ее, как известно, англичане. Почему? Потому что немцы использовали в ней не все свои воздушные силы. Точнее говоря, они их берегли. Германская авиация несла в тех боях большие потери — это факт, бóльшие, чем англичане. Из-за этого, прочитаем мы в учебниках, налеты на Англию почти прекратились. Британия выстояла.

Почему немцы «экономили» свою авиацию, вы тоже прочтете в том же учебнике. Знаете зачем? Истребители и бомбардировщики понадобятся им в предстоящем походе в Россию. Поэтому против англичан их сейчас применять нельзя — не надо бомбить их аэродромы, города и порты, не надо сбивать британские самолеты в воздухе, не надо уничтожать их на земле. Надо авиацию немцам экономить, а то на русский поход пилотов и самолетов уже не останется, а значит, Россию будет быстро не разгромить. А зачем громить Россию? Чтобы потом покорить Англию, разумеется!

Так может не надо Гитлеру так сложно поступать, а лучше сразу бросить все силы против англичан? Зачем атаковать СССР, чтобы потом снова оказаться перед тем же Ла-Маншем без флота, способного нейтрализовать английский? Историки таких вопросов не любят…

А конец-то у всех авантюр английских врагов один и тот же. Через три года после нападения на Россию исчезает с карты Земли Великая Франция Наполеона, менее чем через четыре — Великий гитлеровский рейх.

Если вполне здравомыслящие главы государств (а только люди неординарные и одаренные могут сами взять власть) совершают самоубийственные поступки, приводящие их империи к одинаково быстрому краху, в голову закрадывается крамольная мысль. Может быть, это не они являются идиотами и дилетантами, а просто нам с вами политики и историки не договаривают часть информации, на основе которой и Наполеон, и Гитлер выбрали путь в небытие для самих себя и своих государств! Причем, похоже, что нам не рассказывают самого главного. Что же это за информация?

А ведь загадочным является не только поведение главы нацистской Германии. Не менее удивительны и поступки британских, французских и американских политиков. Достаточно сказать, что разгромленная Германия по итогам Первой мировой войны была абсолютно разоружена. Но ведь во Второй мировой войне все прогрессивное человечество на протяжении почти шести с половиной лет боролось с германской армией, которой у побежденных немцев… не было. Как же смогла Германия восстановить свою военную мощь? Куда смотрели все ее соседи и почему они это допустили? Да и вообще, как к власти в Германии смог придти ТАКОЙ политик как Адольф Гитлер, открыто описавший все свои планы в «Майн кампф»?

Вопросы, вопросы, вопросы. Их можно задавать до бесконечности, а ответы на них будут напоминать добрые сказки для детсадовских малышей. Не увидели, не решились, просмотрели, доверились. Словно речь идет об игре в прятки или салочки, а не о мировой политике. Причем, описывая все эти роковые «заблуждения» виднейших политиков того времени, авторы книг по истории Второй мировой тут же могут привести цитату, полностью опровергающую их самих. Например, из речи бывшего немецкого министра экономики Ялмара Шахта на Нюрнбергском процессе: «Я должен сказать, что когда началось вооружение Германии, то другие страны не предприняли ничего против этого. Нарушение Версальского договора Германией было воспринято совершенно спокойно… В Германию были посланы военные миссии, чтобы наблюдать за процессом вооружения, посещались военные заводы Германии. Делалось все, но только не для того, чтобы воспрепятствовать вооружению».

Вся рассказываемая нам история Второй мировой войны не может объяснить нам побудительных мотивов поступков практически всех глав государств того периода. А ведь это — основные движущие силы истории. Именно от решений Гитлера, Сталина, Черчилля и Рузвельта зависел ход будущих исторических событий. И мы, листая исторические книги, никак не можем понять, отчего эти здравомыслящие мужи совершали столь очевидные для нас ошибки. Что все это значит?

Это значит, что вся история Второй мировой войны, которую можно назвать «официальной» для современной историографии, создана с одной целью — прикрыть настоящую правду о страшных событиях тех лет. И укрыть от суда человеческого и от суда истории часть настоящих преступников, несущих ответственность за миллионы загубленных жизней. В Нюрнберге получили по заслугам лишь те злодеи, чьи преступления были наиболее очевидны. В петлю и тюрьму направились кровавые исполнители, а вот заказчики Второй мировой войны спокойно умерли в своих постелях…

В наше время фальсификация истории все более набирает обороты. И вот уже звучат голоса, что именно Советский Союз является чуть ли не главным виновником небывалой в истории войны. Что именно желавший захватить все и вся Сталин помог придти к власти в Германии бесноватому фюреру. Что это именно агрессивная Россия—СССР помогла Гитлеру залить кровью пол-Европы. А раз СССР не захватил к 1945 году весь мир (!), то русский и все остальные народы нашей страны Вторую мировую войну проиграли…

Что ж, надо разбираться в кровавом нагромождении событий тех лет.

Точка зрения

Александр ДУГИН

«ПЕРЕДАЧА ВЕСОВ ИЗ РУК ТОРГОВЦА В РУКИ АНГЕЛА»

Евразийская версия постмодерна: эсхатологический вызов

Александр Гельевич Дугин — родился в 1962 г. в Москве. Кандидат философских наук; основатель идейного течения «неоевразийство», политолог, доктор политических наук, социолог, профессор Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова (2008–2014), публицист, ректор «Нового Университета», лидер Международного Евразийского Движения (МЕД); владеет 9 языками. Автор многих научных статей и книг. **Живет в Москве.**

Немецкий консервативный революционер — Артур Мюллер ван ден Брук написал в свое время очень глубокие слова: «Вечность на стороне консерватора». Вечность на нашей стороне. Полюса великих мировых столкновений народов, культур, цивилизаций, религий, идеологий являются проекцией архетипического состояния — битвы ангелов. Это — небесная рать добра, ведущая бой с демонами зла. Это вертикальная вечная надвременная ось великой драмы. Бой ангелов — вне времени, он ведется всегда. Он впечатан в вечность, как структурирующая парадигма.

Тень великой битвы падает на историю, давая времени смысл, содержание, ориентацию. Так история становится священной — иероисторией. Многие знаки и образы указывают на то, что сегодня мы подходим к решающей черте этой напряженной драмы. Ведь и предание говорит, что в «последние времена» битва ангелов, в которую вовлечены люди, народы и царства земные, вспыхнет с особой силой, достигнет гигантских масштабов, приблизится вплотную к развязке.

Люди — со-ратники (в этимологическом смысле — т. е. «те, кто сражаются вместе») ангелов. В литургических православных ирмосах говорится: «немногим умалил Бог человека от ангелов».

Большинство традиций и религий мира ставят сегодня нашей цивилизации однозначный диагноз. Глобализм, глобализация, «новый мировой порядок», «однополярный мир», готовящееся «мировое правительство» — это все более очевидный оскал «князя мира сего», стратегическая конструкция «врагов Бога».

Разные религии дают глобализму и глобализации разные имена: христиане отождествляют «новый

мировой порядок» с «антихристом», мусульмане — с «даджаллом», ортодоксальные иудеи — с «великим смешением» («эрев рав»). Для индуистов — это полчища кали-юги. Для буддистов — демон Мара и иллюзия.

По ту сторону различия в догматах, доктринах и ритуалах существует особая традиция — традиция архангела Михаила, который в истории монотеистических традиций играет важнейшую роль. Он архистратиг, предводитель ангельских войск. Эта традиция — «михаэлический» тайный свет. Это тонкая принадлежность человека к иероистории, право (и обязанность) занять конкретное место в войске одной из противоборствующих сторон. Это «военный призыв» под начало небесного архистратига. Те, кто слышат его, спешат исполнить.

Евразийство в своем высшем духовном измерении — это проекция михаэлического начала, вертикального сверхвременного светового столпа на историю в ее финальной, редемпционной стадии.

Часто в иконописи архистратиг Михаил изображается с мечом в одной руке и весами в другой. Весы — символ суда.

У немецкого философа М. Хайдеггера в книге «Holzwege» содержится очень важный для нашего дела разбор стихотворения Райнера Марии Рильке. Там речь идет о «передаче весов из рук торговца в руки Ангела».

Эту формулу следовало бы взять как ключевой девиз евразийства. «Передача весов из рук торговца в руки Ангела». «Новый мировой порядок», глобализм, «однополярный мир» — это торговый строй, в нем преобладают рыночные ценности, мировой рынок. Это порядок торговцев, которые задают в нем тон, устанавливают критерии и парадигмы.

Мы живем в эпоху постмодерна. Это значит, Новое Время, modernity, закончилось. Все, что было заложено в эпоху Просвещения — социальные, культурные, идеологические, политические, научные и экономические модели, — исчерпало себя. Вы вступили в иной мир, в эпоху постмодерна, и это необратимо.

Постмодерн — это глобализм, ультралиберализм, доминация однополярного мира, главенство сетей, отмена всех традиционных форм идентичности — государств, религий, наций, этносов, даже семей и полов. Вместо государства приходит «открытое общество», вместо традиционных конфессий — сектантство и индифферентность, вместо народов — индивидуумы, вместо полов — клоны, киборги и продукты трансгендерных операций.

Сегодня постмодерн достиг исторической победы. На сей раз не только над традиционным обществом, но и над самим модерном. И снова, как и в эпоху Просвещения, можно формально реактивно противостоять постмодерну. На сей раз, правда, и архаические консервативные идеологии, и преодоленные идеологии модерна оказываются по одну сторону баррикад. На практике это противостояние выражается в том, чтобы отстаивать:

— национальное государство против глобализации;

— геополитический дуализм суши и моря против «мирового потопа» в виде тотальной победы атлантизма;

— традиционную семью и органическое воспроизводство детей против свободы трансгендерных операций, однополых браков и клонирования;

— общественную идентичность против тотальной атомизации индивидуумов;

— мир вещей и действий против мира «изображений» и «экранных фальсификаций»;

— реальную экономику («старую экономику») против финансизма, виртуальности, неоэкономики и т. д.

Те стороны модерна, которые не попали в постмодерн, оказались, по сути, продолжением Традиции, и сегодня все это по одну сторону баррикад. Это, кстати, делает возможным альянсы консерваторов и социалистов и т.д.

Вспомним теперь о тех тенденциях, которые на самой заре модерна предпочли инвестировать свою внутреннюю энергию в идеологии, модернистические по форме, но немодернистические по содержанию. И именно эти инвестиции и составили основной нерв современной политической и социальной истории, содержание всего Нового Времени.

Нечто подобное наблюдается и сегодня. Перед лицом постмодерна и останки традиционного общества (например, традиционные конфессии), и элементы модерна (например, социализм, реальная промышленность, национальное государство) оказались по одну сторону в положении формальной антитезы постмодерну. Это новое состояние дел требует тщательного осмысления. На поверхности очевидным остается только одно — простой импульс сопротивления постмодерну. Чистая реакция, отторжение. Это уже не плохо, но этого далеко не достаточно.

Уникальность евразийства как политической философии (из разряда консервативно-революционных) состоит в том, что оно понимает уникальность новой ситуации быстрее других мировоззрений, и (это самое важное!) не ограничивается сопротивлением, но предлагает инвестировать внутреннюю энергию вперед, в новый проект, принимая вызов постмодерна, стремясь освоить его формальную структуру, с готовностью поместить в чудовищный язык глобализации радикально иное содержание, уходящее корнями в глубины премодерна, в Традицию. Это значит не просто отстаивать старое, но отстаивать Вечное.

Артур Мюллер ван ден Брук, выдающийся теоретик Консервативной революции, друг Мережковского и переводчик на немецкий язык трудов Достоевского, в своей книге «Третье Царство» писал: «Раньше консерваторы противились Революции, мы же должны Революцию возглавить и увести ее в ином направлении».

Точно так же мы, евразийцы, должны поступить с постмодерном. За нашей спиной и преодоленная модерном Традиция, и проигравшие стороны самого модерна. Они нуждаются в защите не сами по себе. Мы должны сохранить верность тайному смыслу, вечности, михаэлическому свету. И для этого можно пожертвовать формой. Чтобы спасти содержание.

Итак, евразийство есть постмодерн, но с радикально иным содержанием.

Мы принимаем вызов глобализации, «нового мирового порядка», согласны с тем, что назрели и неизбежны иные правила игры. Мы не цепляемся за старое — ни в политике, ни в экономике, ни в культуре. Но мы имеем оригинальный и самобытный сценарий будущего: именно будущего, а не прошлого.

Принципы евразийского постмодерна таковы:

— пусть отмирает национальное государство, но пусть на его место придет не единая «глобальная Империя», но несколько континентальных империй (созвездие «империй» против «Империи»);

— пусть сухопутное начало оторвется от конкретных границ и станет столь же глобальным, что и «атлантистские ценности», с претензией на универсальность (это значит, что мы должны противостоять глобализму не локально, но глобально), вместо водного потопа — гераклитовский «экпюрос», который высушит мировые воды;

— пусть изменится этика полов, но через возврат к архаическим формам и в творческом неосакральном эксперименте;

— пусть индивидуум прорвется к высшим аспектам внутреннего «Я» через радикализацию опыта одиночества или волевым образом утвердит новые формы коллективной идентичности — экстатические и имперские (здесь действует принцип «экстатической империи»);

— пусть «знаки» и плоские тени экранов заменили собой вещи — мы должны стать господами зрелища, захватить власть над диспозитивом знаков, подчинив себе режиссуру спектакля постмодерна;

— пусть виртуальная экономика вытеснила реальную — мы должны пробиться в святая святых электронных мозгов мировой биржи и замкнуть как раз те проводки, которые ни в коем случае не рекомендуется замыкать (операция «Сорос по-евразийски», обвал мировых валют, но не для наживы, а ради Великой Идеи)...

Мы должны прорасти сквозь постмодерн, как живая трава сквозь мертвый асфальт. Это проект евразийской ризомы, клубневой (и клубной) системы. Мы в ином тысячелетии. Странно оказались мы за непроходимой чертой миллениума, и теперь с тяжелой аскетической радостью осваиваем его язык. Этот язык ужасен, но мы хотим произнести на нем такое слово, чтобы операционная система пришла в логическое противоречие и мировой компьютер необратимо заглючило.

Евразийство — это михаэлические световые токи, радикально иной взгляд на судьбу мира, на его смысл и значение. Евразийство — это переоценка всех ценностей, «передача весов из рук торговца в руки Архангела», «Пурпурного Архангела» (Сохраварди). Евразийство — это смена современной парадигмы на михаэлическую парадигму духа и вечности. Евразийская глоссалалия народов, культур и традиций — это шелест ангельских крыл.

ПОЭЗИЯ

Борис ОРЛОВ

«ТОГО, КТО ШАГНЕТ ИЗ ОКОПА ПЕРВЫМ, СМЕРТЬ ОБОЙДЕТ СТОРОНОЙ…»

Борис Александрович Орлов — член Союза писателей России, капитан 1-го ранга, лауреат премий «Золотой кортик», имени К. Симонова, им. В. Пикуля, Большой литературной премии, автор 20 книг стихов, председатель Правления Санкт-Петербургского отделения Союза писателей России. **Живет в Кронштадте.**

В 1943 году, будучи корреспондентом «Красной звезды», Константин Симонов писал с фронта: «Было отчаянное ощущение загнанности на край света и громадности пройденных немцами расстояний». На «краю земли», на «краю света» — приходилось стоять насмерть русским воинам во все времена русской истории, и проходил этот «край света», бывало, и через Москву, и через Сталинград. Сегодня он проходит через души русских людей. Эта граница — есть крайняя черта обороны жизни на земле, идет на ней бой духовный, и не в последних рядах в том бою — современный поэт Борис Орлов. Своим творчеством и своей личностью он никого не оставляет равнодушным, вызывая у одних читателей восхищение, у других — лютое идеологическое несогласие. Такая вариативность отношений свидетельствует о том, что и слово, и поступок поэта — боевого офицера русского-советского флота, находятся в этой борьбе на переднем краю обороны света и жизни.

Борис Александрович Орлов, капитан 1 ранга, родился 7 марта 1955 года в деревне Живетьево Брейтовского района Ярославской области. В 1977 году окончил Ленинградское высшее военно-морское училище имени Ф. Э. Дзержинского. Служил на Северном флоте на атомной подводной лодке. Был начальником отдела Центрального военно-морского музея. В 1985 году окончил Московский литературный институт им. М. Горького. Автор двадцати книг стихов, лауреат литературных премий им. К. Симонова, им. В. Пикуля, «Золотой кортик», Большой литературной премии России; более десяти лет Председатель Санкт-Петербургского отделения Союза писателей России, действительный член Петровской академии наук и искусств и т. д.

Но многочисленные почетные звания, должности и награды не могут остепенить ищущую, обладающую обостренным чувством чести и справедливости, неуемную личность поэта. Читателю, не знающему об этих званиях и множестве офицерских наград, и в голову не придет, что откровенно-резкие, нервные, иногда сердитые, иногда воинственные или нежно-лирические стихи пишет такой титулованный поэт. Но в этом и достоинство творчества Бориса Орлова, творчества народного, русского характера, которому не свойственно самовозвеличивание, но все по силам, если касается благополучия Родины. Невозможно лишь одно — прожить «без правды сущей, как бы ни была горька». Эти слова А. Твардовского, сказанные героем Василием Теркиным, можно было бы поставить эпиграфом ко всей поэзии Бориса Орлова, который по воле своей христианской души избрал подобный иноческому путь служения, дав воинскую Присягу на верность Родине, надев черную форму морского офицера и спустившись в атомную подводную лодку.

Черная подлодка.
Черная вода.
Черная пилотка.
Красная звезда, —

написал молодой подводник, и эти строки стали народными. Весь Северный флот знал имя автора и как молитву повторял восемь слов, объединяющих в единое целое мир духовный и мир материальный. От века это единство неразделимых миров бытия человека скреплялось светом креста и происходило на поприще служения.

Тема служения, осмысливаемая автором в категориях чести, справедливости, любви, верности и веры, присутствует и развивается часто в стихах негромких, не претендующих на эпическое звучание, в стихах о природе, о родных людях, о любви, о малой родине. Поэту удается совмещение, казалось бы, несовместимых художественных планов, сопряжение далеко отстоящих друг от друга духовно-нравственных уровней. Это умение определяется, вероятно, тем, что автор, на первый взгляд не отличимый от своего лирического героя, все-таки не является его абсолютным отражением. Своего лирического героя поэт как будто «высылает вперед», наделяет особыми способностями и возможностями, пытается приблизить к идеалу, и сам, следуя за ним, в этом следовании исследует неисчерпаемые возможности человеческого духа.

Многие поэтические строки Бориса Орлова свидетельствуют о том, что поэт, может неосознанно, осуществляет такое свое призвание в мире: понять самому и объяснить другим посредством поэтического слова — для чего человеку дается богоподобный дар творения собственной личности, целью которого является соединение с Творцом. Все поэтическое творчество Бориса Орлова есть описание этого процесса на примере собственной жизни в ее духовной, социальной и физической ипостасях, на примере творческого бытия, укорененного на стороне света, неуклонно теснящего тьму.

ДОТЫ

Чутко у воды дремали доты:
Ни взорвать, ни обойти тропой,
Но во тьме отряд морской пехоты
Здесь на берег выплеснул прибой.

В пляс пускались
на скуластых сопках
Вихрь огня и вихрь матросских лент.

И глубины бережно и робко
Принимали траурный брезент.

А когда в рассветной позолоте
Корабли ушли от берегов,
Пустотой глазниц чернели доты,
Словно черепа былых врагов.

* * *

Униженный неряшливым юнцом,
Молчит и о войне, и о победе.
Как рашпилем, морщинистым лицом
Старик шлифует прошлое в беседе.

Хотя был ранен, не просился в тыл.
Он воевал, чтоб жил народ счастливо.

Но обвинен за то, что победил,
Он внуком, пившим гамбургское пиво.

Мы на суде Истории — истцы:
Злом за добро не ожидали платы.
В учебниках советские бойцы
Для внуков — неизвестные солдаты.

* * *

Подводникам, осуществлявшим первые пуски баллистических ракет из-подо льдов

Мы шлем привет от Северного полюса
Ракетой на камчатский полигон.
Драконом извиваясь, мчатся полосы
Полярного сияния вдогон.

По радиоволнам плывет истерика —
Неистовствуют вражьи голоса.
Прорублено во льду окно в Америку,
Ракета подминает небеса.

* * *

Не из тех я, кто падают в пропасть
безрассудно — за риск мой прости!
Кто-то должен шагнуть из окопа
первым, чтоб за собой повести.

А в атаку идти — нужен опыт.
Риск и смелость не станут виной.
И того, кто шагнет из окопа
первым, смерть обойдет стороной.

* * *

Юрию Шестакову

Битва за веру. Ручьями
Льется кровь… Шепот молитв.
Сотня монахов с мечами
В первой шеренге стоит.

Крепче и камня, и стали
Вера… Я верой клянусь!
Черною сотней назвали
Тех, кто сражался за Русь.

В битвах не ведали страха.
Вижу сквозь отзвуки гроз
Черные рясы монахов —
Смотрит с хоругвий Христос.

…В наших каютах и кельях
Молится Родина-мать.
В рясах и флотских шинелях
Нам за Россию стоять!

* * *

Памяти русского Императора Николая II

Голодным — хлеб и русский квас,
Бездомным отворите двери.
В Нагорной проповеди нас
Христос учил любви и вере.

Над Иорданом день погас,
Как над Мологой и Тунгуской.
Христос — рус и голубоглаз,
Он — добр и справедлив.
Он — русский?!

Восходит русская звезда
На небосклон в преддверии чуда.
Но в кресло слева от Христа
Всегда стремится сесть Иуда.

Наш путь — к духовной чистоте,
С него не уведут химеры…
Мы под крестом и на кресте
Не отрекаемся от веры!

БИТВА

Иеромонаху Александру (Фауту)

1

Казалось все… Нет больше сил.
Спустился с неба ангел.
Здесь русские? — меня спросил
И встал на правом фланге.

И по земле, и по воде
Лежит путь к русской славе.
Я знаю: никогда в беде
Спаситель не оставит.

2

Плачет иволга. Мышь пищит.
Меч лежит на груди крестом.
Не кладите меня на щит.
Встану сам со щитом.

Озарились и храм, и скит.
Сила духа — небесный свет.
Битва кончена. Враг разбит.
Торжествует Новый Завет.

* * *

Слишком много людей.
Споров много.
Одиночеством я обделен.
И стрекочет молва, как сорока,
Что я вырос под шелест знамен.

Не мечтал о пути знаменитом,
Что венчает над кладбищем залп.
Никогда не хотел быть бандитом,
Но монахом, наверное, стал б.

Я искал тишины и смиренья.
Келья. Свечка. Молитва. Погост.
Смерть — мгновенье.
Жизнь — тоже мгновенье.
И мгновенье — горение звезд.

* * *

Февраль. Метелей нет.
Мороз крепчает.
На синем небе — желтая луна.
Читаю книги. Согреваюсь чаем.
Не верится, что впереди — весна.

Свет предвечерний льется через окна
В мой дом — сияют в зеркале лучи.
Трещат деревья и звенит дорога
Под окнами… Трещат дрова в печи.

Читаю книги — вслушиваюсь в речи
Далеких предков. Век впадает в век.
Мир Божий отразился в человечьем
Мирке — и засветился человек.

Луна в зените. Солнце на закате.
Синеет вечер около крыльца.
Ищу глазами в золотом окладе
Святого Духа, Сына и Отца.

ЖИВЕТЬЕВО

Рассвет. Калиток скрип. Собачий лай.
Над трубами — дым, свившийся в колечки.
Живетьево… Черемуховый край.
Деревня дремлет меж ручьем и речкой.

Пыль тихо гонят к пастбищу стада,
Пастуший кнут звучит раскатом грома.
Такой ее запомнил навсегда,
Когда в слезах простился с отчим домом.

Живетьево… Зарос и высох пруд.
Нет «пятачка», где наша юность пела.
Другие люди поселились тут,
Которым нет до прежней жизни дела.

Труд с совестью вошли в крутой раздрай,
Взошел бурьян непроходимой чащей.
Конюшни нет, капустника… Сарай,
Где лен хранился, сломан и растащен.

Живетьево… Жизнь не всегда права.
Не вырастили для крестьянства смену.
Черемухи спилили на дрова,
А в дождь в деревне грязи по колено.
Где удаль? Где отцов и дедов речь?
В полях растут осины да березы.
Но вспомню перед тем, как в землю лечь,
И белый цвет, и ягод черных слезы.

* * *

Нет звезды. И сгнили колоски.
Серп и молот продали злодеи.
Герб страны разрублен на куски
Так, что ни собрать его, ни склеить.

А народ притих и поредел.
Неуютно юным, трудно старым.
Наша жизнь — топорный новодел,
Он не интересен антикварам.

* * *

Ночь. Бессонница. Сыро и стыло.
Лунный свет. По углам — полумрак.
Листопадом округу накрыло,
Льются листья водою в овраг.

И душа — слезы льются! — промокла.
Для чего я живу? Что за цель?
А луна?! Ей бы лазить по окнам
Да заглядывать в каждую щель.

И в реке, неспокойной и мутной,
Отразился свет, как на ноже.
Надоела луна… Неуютно
От нее на промокшей душе.

Ночь — для слез,
а совсем не для песен.
Для чего я живу — где ответ?
Окна дома туман занавесил,
Но с небес заструился рассвет.

* * *

Моя поэзия здесь больше не нужна…
С. Есенин

Между черным и белым — контраст
Над Невою в гранитной оправе.
Этот город меня не предаст,
Но и памятник мне не поставит.

Сплетни кружатся, как воронье,
И парят, словно чайки, легенды…
Настоящее имя мое
Под запретом до траурной ленты.

То ли свет, то ли снег с облаков
На ладонях у кариатиды.
Возвращаю долги… И врагов
Начинаю прощать за обиды.

* * *

Дул в залив, как в распахнутый ворот,
Ветер, вытеснив дождик и снег.
Думал каменным черепом город,
Напрягая извилины рек.

Люди шли по мостам, словно мысли,
Одиноко. Шуршали плащи.
Улетал полдень — лопнувший выстрел
С Петропавловки, как из пращи.

Я вникал в переулках тенистых
В шепот стен, как в шуршанье страниц.
И открылась мне истина истин:
Жизни нет вне предметов и лиц.

* * *

Листва дурманит запахом земли,
Лишайник растекается на стенах.
Архангелами в небе журавли
Трубят о предстоящих переменах.

Тревожит сердце облачная рябь —
Печаль о невозвратном и любимом.
Как сигареты, раскурил сентябрь
Березы, наслаждаясь желтым дымом.

Слепым дождем прибило в парке пыль,
Колышутся аллеи в дымке зыбкой.

Парит над Петропавловкою шпиль —
Божественный смычок над красной
скрипкой.

И отраженья кораблей Царя
Хранит Нева, прижавшись к парапетам.
Намыло листьев, словно янтаря,
На влажных берегах балтийским ветром.

Перемешалось все: и цвет, и звук,
И бесконечной кажется прогулка.
Осенне-золотистый Петербург
Поет, как музыкальная шкатулка.

* * *

Не ливень, не северный ветер,
Не ворон, не злое зверье,
А голубь с оливковой ветвью —
Прозревшее сердце мое.

Являются светлые лица,
Забыты и злость, и раздор.
И сердце — библейская птица —
Вьет в праздничном храме гнездо.

* * *

Жизнь идет от порога к порогу,
Находя утешенье в ходьбе.
Мама искренне молится Богу
Пред иконою в русской избе.

Утром дерево детского роста
Стелет ковриком тень на крыльцо.

Все таинственно, мудро и просто.
У всего есть душа и лицо.

Палисадник, заросший цветами.
Зелень прутиков около пней.
Мама меряет жизнь не годами,
А моими приездами к ней.

* * *

Холодно и сыро. Солнце тускло
Светит. Имярек — безродный век.
Я родился русским, жил по-русски
И умру как русский человек.

Отпоют священники и ветры
Прах. И ляжет крест на аналой.
Я хочу, чтоб два квадратных метра
Оставались русскою землей.

* * *

Еще кадит последняя надежда
И прошлое не надо ворошить.
Но возраст мой такой, когда одежда
Меня спокойно может пережить.

Не завершил свое земное дело —
Свою судьбу не до конца постиг.

Одежды хватит на больное тело,
А для души куплю немного книг.

И воином бывал, и миротворцем…
Сгорело сердце угольком в груди.
А свечку пред Николой Чудотворцем
Поставлю за грядущие пути.

ПРОЗА

Юрий БОНДАРЕВ

НАЧАЛО

Мгновения

К 70-летию Великой Победы

Юрий Васильевич Бондарев — родился в 1924 г. в Орске Оренбургской обл. Воевал в Сталинграде, был контужен, получил обморожение и ранение. После лечения служил командиром орудия. Участвовал в форсировании Днепра и штурме Киева и снова был ранен. Фронтовой путь отмечен боевыми наградами. После войны окончил Литинститут. Произведения переведены более чем на 70 языков. Избирался депутатом Верховного Совета РСФСР. Действительный член Русской, Международной славянской и Пушкинской академий и др., почетный профессор Государственного педагогического университета. Герой Соц. Труда, лауреат Ленинской премии, двух Гос. премий СССР и РСФСР и др. Награжден двумя орденами Ленина, орденами Трудового Красного Знамени, Октябрьской Революции и др. **Живет в Москве.**

СТАРШИНА КОЧКИН

Лето, сорок второй год, пехотное училище в Актюбинске.

Помню, он ходил скользящей, почти танцующей походкой, опрятные его сапоги были зеркально начищены, гимнастерка расправлена ремнем, ровно натянута каждой складкой, крутая загорелая шея тщательно, до морщинки вымыта, протерта цветочным одеколоном (этот запах мы чувствовали), и весь знойный день занятий старшина казался нам несокрушимым, пугая своей неиссякаемой энергией, своим всевидящим оком. Издали завидев на плацу вялую фигуру курсанта, изможенного вконец солнечным пеклом, он начинал кисло морщиться, затем, решительным шагом выйдя навстречу, обращался с едкой насмешливостью:

— Почему не приветствуете старшего по званию?

— Не заметил, товарищ старшина, извините.

— Я вас заметил, а вы меня не заметили? Это что, ваша система? Тогда стойте и слушайте сюда! Поч-чему производите такое отвратительное впечатление? Смотреть на вас тошно. Поч-чему так безобразно ходите? Двигаться ястребом надо, с достоинством, яс-сно? А вы деталями пыль подымаете, как телега без одного колеса! Ремень-то на вас что изображает? Беременность или шлею под хвостом на старом мерине? — Старшина брезгливо дергал курсанта за ремень, и его рябоватое лицо делалось презрительным. — С-стыдно! Как фамилия? Что? Молчать! Такой разгильдяйской фамилии нет в моей роте! Уходите с глаз долой, видеть вас невозможно. Отставить! Кто так учил подносить кочергой руку к пилотке? Смотреть сюда!

И, мрачнея светлыми глазами, он с какой-то стальной удалью под-

носил стиснутый, как пружина, кулак к виску и мгновенно разжимал его, выпрямляя пальцы у козырька, слегка подав грудь вперед.

— Яс-сно?

— Я стараюсь, товарищ старшина.

— За старание не в ту сторону два наряда вне очереди.

Помню его на училищном плацу в часы строевой подготовки.

— Чик-чик! Чик-чик! Тверже ножку, шире шаг! Печ-чатай, печ-чатай! Раз-два, раз-два!

Это командовал он, наш старшина, то отсекающе взмахивая рукой, пятясь перед строем, то изгибаясь и приседая, каждой черточкой бесстрастного лица нацеленный в бьющие по земле сапоги курсантов, а голос, острый, металлический, как бы отъединенный от его лица, насквозь прорезал грохот плаца:

— Чик-чик! Раз-два! Чик-чик! Раз-два! Печ-чатай, печ-чатай! Р-рота-а!.. — Команда взвивалась так поднебесно, звеняще высоко, что озноб всеобщего возбуждения колючими струйками пробегал по нашим мокрым спинам, ударяющие в землю ноги становились непобедимо чугунными. — Р-рота-а! — несколько выдержав, повторял старшина до пределов невозможного поднятым фальцетом и в такт слитным ударам сапог, коротко, сильно отрубая, выдыхал всей грудью: — Чик! Чик! Чик! Чик! Р-р-рота-а!.. — в третий раз жестко повторял Кочкин нараспев, и несущий вселенскую победу грохот сапог соединялся в единый отбивающий звук, сотрясая тополя, стекла училищных корпусов. — Р-рота-а-а! Стой! Плохо, отвратительно! Строевая воспитывает и объединяет дух, а не обучает балету! Яс-сно? Шэ-эгом а-арш! Чик-чик! Крепче ножку! Орлами глядеть! Выше подбородки! Печ-чатай!

Помню его и во время вечерней поверки за месяц до отправки училища на фронт, когда я вплотную столкнулся с его неподкупным пронизывающим светлым взором.

— Па-ачему опоздали в строй?

— Я был в туалете.

— Не спрашиваю, где вы были. Я вас спрашиваю: почему опоздали в строй?

— Я был…

— Пач-чему опоздали? Где причина? Пач-чему?

— Я же объяснил… но вы задаете вопросы и не даете отвечать…

— Ма-алчать! И запомните: я ваши принципы необъективных причин разрушу! Встаньте в строй и подумайте о том, как вы только что огорчили всю роту! Яс-сно? Как поворачиваетесь? Отставить! Кру-угом! Шэгэм арш! Так на чем мы остановились, товарищи курсанты? Кто там очищается на левом фланге? Смир-рно! Вольно! Слушать сюда! Так вот, сержанты должны отвечать за три вещи: дисциплина, внутренний распорядок, оружие. Учебу берут на себя командиры взводов. Это из-звестно. Что получилось сегодня? Сдали экзамены и разбрелись по училищу — кто, так сказать, в библиотеку, кто по грибы. Экономить, беречь время надо, товарищи будущие командиры. Яс-сно? Между тем Григурко плавал на топографии как самовар. Пахомов ерунды напорол — ни в какой мешок не уложишь. Кулаков чушь тянул, как утопленника за ягодицы, а сам во взводе сидит в нижней рубахе, дисциплину расшатывает разгильдяйством. Каково оружие у него оказалось? Ржавый затвор. В канале ствола будто мухи пообедали.

Сер-ржанты должны повер-рять оружие, а не осматривать! Все. Смир-рно! Вольно! Раз-з-зойдись!..

Мы тайно и зло смеялись над ним, ненавидя и боясь его ястребиного ока, его требовательной анекдотической дотошности, придирчивых нотаций, уставной скрупулезности.

Он был убит в студеном декабре того страшного года под Сталинградом, куда бросили нас, недоучившихся офицеров, где погибли многие мои сверстники юной поры.

Перед самыми немецкими траншеями он лежал на сверкающей солнечной белизне лицом вниз в расстегнутой телогрейке, без шапки, в хромовых, еще училищных сапогах, сраженный пулеметной очередью в упор, на затылке его месивом слиплись короткие волосы, всегда чистоплотная круглая шея была залита кровью. Возле его руки, вонзившейся пальцами в снег, тоже окровавленной, валялся старенький револьвер системы «наган», и я представил, как полчаса назад он бежал в атаку впереди других, которые теперь неестественными бугорками темнели в морозной степи, и не добежал трех метров до немецких окопов…

ПЫЛЬ

Уже месяц была жара, воздух над училищным двором раскалился так, что ощущался всем телом сквозь потную гимнастерку, — сухая, нестерпимо банная духота скапливалась над пропеченным гравийным плацем. Иногда за окнами, замутняя сверкающие в солнечном зное тополя, вставала серая длинная стена — вдоль улицы ползла поднятая военными машинами пыль и долго переваливалась через заборы, не оседала. Курсанты, загорелые до черноты, пропыленные (все время хрустело на зубах), ничего не ели, хотелось только пить — готовились к экзаменам в классе артиллерии и поминутно выбегали в умывальную, неутоленно глотали теплую, пахнущую жестью воду из кранов. В классе же сгущалась горячая неподвижность дня; помкомвзвода лениво стучал мелом по доске, рисовал схемы огня, смятым носовым платком вытирая пот с красной шеи, темные пятна выступили под мышками, расплываясь полукружьями на выгоревшей гимнастерке, а мальчишеские лица курсантов блестели потом, казались отупело-сонными.

И это давнее ощущение знойного лета я испытал сейчас снова, когда по непонятной связи вспомнил вдруг незнакомую красивую женщину, которая стояла тогда возле проходной училища, разговаривала с веселым светловолосым офицером в белом кителе и, морщась, нежно улыбалась ему и загораживала его раскрытым летним зонтиком от накаленной пыли.

Этот молодой офицер командовал нашей батареей.

Через неделю мы были направлены под Сталинград, и я уже больше не видел его в живых.

Кто она была ему? Жена? Невеста? Сестра? И помнила ли она тот миг, когда хотела зонтиком защитить и его и себя от огненной пыли?..

ЖЕНСТВЕННОСТЬ

Мы ждали своих ребят из поиска.

Никогда не забуду ее тонкое лицо, склоненное над рацией, и тот блиндаж начальника штаба дивизиона, озаренный двумя керосиновыми лампа-

ми, бурно клокочущим пламенем из раскрытой дверцы железной печки: по блиндажу, чудилось, ходили теплые волны домашнего покоя, обжитого на короткий срок уюта. Вверху, над накатами, — звезды, тишина, вымерзшее пространство декабрьской ночи, ни одного выстрела, везде извечная успокоенность сонного человеческого часа. А здесь, под накатами, молча лежали мы на нарах, и, засыпая, сквозь дремотную паутинку, я с мучительным наслаждением видел какое-то белое сияние вокруг ее коротко подстриженных, по-детски золотистых волос.

Они, разведчики, вернулись на рассвете, когда все в блиндаже уже спали, обогретые печью, успокоенные затишьем, — вдруг звонко и резко заскрипел снег в траншее, раздался за дверью всполошенный оклик часового, послышались голоса, смех, хлопанье рукавицами.

Когда в блиндаж вместе с морозным паром весело ввалились, затопали валенками двое рослых разведчиков, с накаленно-багровыми лицами, с густо заиндевелыми бровями, обдав студеным холодом маскхалатов, когда ввели трех немцев-языков в зимних каскетках с меховыми наушниками, в седых от инея длинных шинелях, когда сонный блиндаж шумно заполнился топотом ног, шуршанием мерзлой одежды, дыханием людей, наших и пленных, одинаково прозябших в пространстве декабрьских полей, я вдруг увидел, как она, радистка Верочка, медленно, будто в оцепеняющем ужасе, встала возле своей рации, опираясь рукой на снарядный ящик, увидел, как один из пленных, высокий, красивый, оскалив в заискивающей улыбке молодые чистые зубы, поднял и опустил плечи, поежился, вроде бы желая погреться в тепле, и тогда Верочка странно дрогнула лицом, светлые волосы от резкого движения головы мотнулись над сдвинутыми бровями, и, бледнея, кусая губы, она шагнула к пленным, как в обморочной замедленности расстегивая на боку маленькую кобуру трофейного «вальтера».

Потом немцы закричали заячьими голосами, и тот, высокий, инстинктивно защищаясь, суматошно откачнулся с широко разъятыми предсмертным страхом глазами.

И тут же она, страдальчески прищурясь, выстрелила и, вся дрожа, запрокинув голову, упала на земляной пол блиндажа, стала кататься по земле, истерически плача, дергаясь, вскрикивая, обеими руками охватив горло, точно в удушье.

До этой ночи мы все безуспешно добивались ее любви.

Тоненькая, синеглазая, она предстала в тот миг перед нами совсем в другом облике, беспощадно разрушающем прежнее — нечто слабое, загадочное в ней, что на войне так влечет всегда мужчину к женщине.

Пленного немца она ранила смертельно. Он умер в госпитале.

Но после того наша общая влюбленность мальчишек сменилась чувством брезгливой жалости, и мне казалось, что немыслимо теперь представить, как можно было (даже в воображении) целовать эту обманчиво непорочную Верочку, на наших глазах сделавшую то, что не дано природой женщине.

Никто не знал, что в сорок втором году в окружении под Харьковом она попала в плен, ее изнасиловали четверо немецких солдат, надругались над ней — и отпустили, унизительно подарив свободу.

Ненавистью и мщением она утверждала справедливость, а мы, в той священной войне убивавшие с чистой совестью, не могли простить ее за то,

что выстрелом в немца она убила в себе наивную слабость, нежность и чистоту, этот идеал женственности, который так нужен был нам тогда.

НАЧАЛО

…Восемнадцатого июля меня разбудили ночью, вручили мне пакет и сказали, что я должна передать его в Ленинграде по адресу Каляева, девять, а сейчас немедленно грузиться на пароход «Сибирь» в Таллинском порту. Мальчик-лейтенант, что передал пакет, краснел и смущался, пытаясь убедить меня, что в городе не так уж все плохо, но в конце концов сказал, что Таллин окружен немцами, один путь из него — морем.

Не буду рассказывать, что я чувствовала тогда ночью на палубе «Сибири», когда увидела, как бегом носили с берега тяжелораненых, запеленатых, как куклы, в бинты, замурованных с головы до ног в гипс. Помню в свежем воздухе запах пота, гноя и помню, что вся палуба стала белой от нижнего белья раненых, лежащих на носилках. Я не спала почти всю ночь, забралась в каютку, где, кроме меня, было еще трое медсестер, и заснула, как на вокзале, все слыша, будто сквозь тонкую пленку, — шум машин парохода, разговор во сне уставших медсестер. Но под утро заснула крепко и вдруг очнулась от страшного гула, от треска вверху, оттого, что кто-то бегал, озверело кричал на палубе, отдавая какие-то команды рыдающим голосом.

Я вскочила, выбежала на палубу, где меня ослепило море, солнце… А то, что я увидела, было как во сне, как в бреду. На носу парохода толпились, кричали воющими голосами молодые парни в гражданской одежде, некоторые из них бросались к бортам, к шлюпкам, вроде прячась за ними, иные червями ползли по палубе меж носилок раненых и почему-то озирались выпученными глазами. Это были эстонцы, тридцать человек, уголовники из таллинской тюрьмы, которых погрузили на пароход в сопровождении двух мальчиков-красноармейцев, чтобы доставить осужденных в Ленинград. Не знаю, почему, в первые секунды я мигом увидела этих уголовников, их сумасшедшие глаза и растерянные лица конвойных, а потом уже поняла, что происходит. Три немецких самолета заходили со стороны солнца, и сначала я их плохо различила, только гул и треск пулеметов стал давить на голову. В море, впереди нас — я хорошо это видела, — шел пароход «Урал», загруженный музейными ценностями, что вывозили из Таллина. А справа и слева его охраняли два катера, и оттуда, с катеров, забили пулеметы, и трассы летели в небо, все мимо, мимо самолетов, которые вдруг засверкали в воздухе, стали пикировать над «Уралом». Бомбы они не сбросили, только ударили по катерам из пулеметов и так низко пронеслись над нашими головами, что тени мелькнули по палубе, и я увидела головы летчиков в шлемах. И еще увидела, как попадали на палубу обезумело орущие арестанты и как молча смотрели в небо раненые на носилках.

«Нет, нас бомбить не будут, товарищ военврач третьего ранга», — услышала я рядом чересчур бодрый голос и даже вздрогнула, обернулась, потому что меня кто-то тронул за плечо. Возле стоял высокий черноглазый человек в белом колпаке, совсем не похожий на повара ни лицом, ни фигурой, и улыбался мне совсем спокойно. «У нас флаг санитарного судна, мы охраняемы международной конвенцией…» Он не договорил, успокаивающе обвел глазами повернувших к нему головы раненых, дружески сжал меня за локоть,

отвел в сторону и шепотом сказал, что бомбить сейчас нас будут и мне надо знать, что в каюте номер пятнадцать пробковые пояса. И подтолкнул меня к трапу. Растерянная, я спустилась в каюту, а когда взяла пояс, ужасающий рев моторов, какие-то удары, грохот, очереди пулеметов обрушились сверху. Я не помню, как выскочила на палубу. Здесь уже все кипело в огне, кто-то кричал, стонал, звал на помощь. Метались сгорбленные фигуры людей, перескакивая через носилки, послышались выстрелы на носу парохода, где были уголовники. Там образовалась свалка, драка, оттуда доносились хрип, вопли, потом фигуры замелькали возле спасательных шлюпок, и тут опять образовалась свалка. Двое конвойных, сопровождавших уголовников, двое красноармейцев попытались навести порядок около шлюпок, выстрелили в воздух, но на них набросились, смяли, и я не знаю, что стало с ними.

Наша «Сибирь» везла не только раненых, но и эвакуированных женщин с детьми и еврейских девочек-подростков, их посадили на пароход родители, спасая от беды оккупации. Все мне помнится как кошмар, который не дай Бог кому-либо пережить. Я видела, как раненые ползали по палубе в разных направлениях, как медсестры подтаскивали их к шлюпкам, а возле шлюпок происходило невообразимое. Тридцать человек уголовников, здоровенных парней, справились с конвойными, отобрали у них винтовки, открыли стрельбу по судовой команде, по матросам, убили несколько человек, потом спустили шлюпки на воду, заняли их и стали отплывать в море.

А пароход горел, дым заклубился на корме, вырывалось из дыма пламя, мне показалось, что что-то взорвалось внизу, в машинном отделении, и почудилось — палуба начала крениться влево. Я стояла в оцепенении, держа пробковый пояс в руках, не могла сдвинуться с места, а сверху, из рубки, капитан кричал в мегафон людям, в безумии бегавшим по палубе: «Берите доски — и в воду! Вас подберут катера!» И люди хватали доски, штабелями погруженные в Таллине, и бросались в воду. И было жуткое вот что. В трех шагах от меня появилась молодая женщина, такая белокурая, тоненькая, с искаженным ужасом лицом, она прижимала к себе грудного ребенка, который захлебывался плачем, а девочка лет пяти охватывала женщину за ноги, визжа, икая от страха. Женщина обезумело глядела в воду, и я, почти теряя сознание, крикнула ей: «Возьмите пояс! Вот! Вот!» — и стала совать ей свой пробковый пояс. Она посмотрела на меня дико и дико крикнула: «Миша, прости меня!» — и, кусая губы, оторвала от себя ребенка, шагнула к борту. Я закрыла глаза и не видела, как она бросила его в воду, я видела, как она подхватила на руки свою пятилетнюю девочку и вместе с ней перевалилась через перила, прыгнула в море. До конца жизни не забуду ее лицо, вынырнувшее из воды у самого борта, ее руки, прижимавшие к себе свою маленькую дочь. Она вынырнула только раз и исчезла. Кто был Миша, у которого она просила прощение? Муж? А вся вода уже кишела головами людей, вцепившихся в доски. Шлюпки с уголовниками уходили все дальше и дальше. А от «Урала» шли к нам два катера, то и дело останавливаясь, подбирая людей в море. Я стояла с поясом, а палуба все больше кренилась влево, я видела, как пожар полыхал, трещал, буйствовал на корме, как медсестры тащили на носилках оттуда раненых, тащили зачем-то на нос парохода, как люди хватали доски и бросались за борт, где кругами ходили катера, уже переполненные. Не знаю, что со мною было бы, если б опять не тот черноглазый человек, которого я впервые увидела в поварском колпаке. Он подбежал

ко мне, командуя что-то, чего я не поняла, он грубо натянул на меня пробковый пояс, схватил за руку и потащил на корму, а там происходило страшное. Там кричали, стонали, кашляли от дыма раненые, звали медсестер, которые не успевали их выносить из пожара. И здесь я увидела на носилках какие-то белые огромные куклы с тремя дырочками на голове. Это были закованные в гипс раненые, а дырочки на голове — отверстия для глаз и рта. Я услышала хрип, наклонилась — из дырочек в гипсе на меня смотрели такие умоляющие глаза, что я чуть не заплакала. В это время «повар» скомандовал мне, чтобы я бралась за носилки, я вцепилась в них, и мы понесли раненого. «В воду, в воду, там их подберут катера!» Мы бросили его в воду и побежали за следующим, а гипс уже начинал тлеть на тех, кто лежал ближе к огню.

Мы не спасли всех. И много лет спустя меня мучает одна картина: я представляю, как они, беспомощные, горят в своем гипсе, на тонущем пароходе, запекаются, как яблоки, простите ради Бога. Что же это за адскую смерть они приняли!

Что было потом? Мы оказались с «поваром» в воде, а над нами борт парохода все становился меньше, все быстрее погружался.

«Повар» и я вцепились в одну доску, он кричал мне, чтобы я помогала ему отплывать подальше от парохода, иначе нас затянет водоворот, когда «Сибирь» начнет уходить в глубину.

Мы спаслись, Господи. Царствие Небесное той молодой белокурой женщине, ее грудному младенцу и ее пятилетней девочке, их я не могу забыть…

НАПИСАННОЕ

Когда-то увиденные мною в жизни сцены, а вследствие этого и возникшие ощущения мучительно «сидят» в моей памяти до той поры, пока с большими потерями точности и красок я не перенесу их на бумагу.

Но как только я освободился от этих засевших в памяти картин и определенного настроения, сразу же наступает облегчение, хоть и не до конца удовлетворяющее. И после этого все, что действительно было в реальности, воспринимается мною только через написанное, через зафиксированное на бумаге — и я уже не возвращаюсь больше к использованной памяти, несмотря на то, что отраженное на страницах книги явно не равно бывшему когда-то на самом деле. Удалось ли мне передать осенний Днепр в «Батальонах», или «воздух» возвращения в «Тишине», или сумасшествие боя в «Горячем снеге», но теперь я избавлен от некоторых ощущений, воспоминаний, связанных с этими событиями моего прошлого.

ЛЕС И ПРОЗА

Если в летнем благословенном лесу человек способен испытывать очарование сверкающей зелени, теплых запахов травы, солнечных светотеней, то он не замечает корявых веток под ногами, гнилых пней, безобразного сушняка в чаще.

Все это не портит общего ощущения любви к сущему, и от радости ходить по земле охватывает его душу ветерок счастья, навеянного золотым днем истинной красоты бытия.

Так бывает и в мудрой прозе, которую следовало бы назвать добрым судьей, приведенным к присяге самой жизни.

Беседа

«МЫ ПОБЕДИЛИ СВОИМ МУЖЕСТВОМ, СВОЕЙ КРОВЬЮ…»

Беседа с писателем Юрием Бондаревым

К 70-летию Великой Победы

Произведения писателя Юрия Васильевича Бондарева стали современной классикой русской литературы. Его романы и повести, рассказы из книги «Мгновения» и публицистические статьи оставили неизгладимый след в сердцах русских людей, потому что проникнуты любовью и преданностью к родной земле, нашему великому народу, который не только создал страну, которой не знала мировая история, но и отстоял ее в самых кровопролитных войнах.

Эти произведения составили целый пласт в культурном наследии России. Но, кроме того, что Бондарев замечательный художник, он еще и писатель-гражданин, который оставил в сердцах наших людей незабываемые в своей нравственной позиции поступки. Нелегко во времена смут и всеобщего предательства ельцинских властей говорить им правду в глаза, но еще труднее продолжать держаться этой правды, оставаясь непоколебимым нравственным ориентиром для миллионов людей.

Мне подарила судьба не единожды встречаться и беседовать с Юрием Васильевичем на разные темы. И всегда меня удивляла и восхищала продуманность его суждений, точность оценок. Предлагаемая беседа была записана мною в Москве в рабочем кабинете писателя. Я тогда оказался в теплом, удивительно гостеприимном доме, наверно, поэтому мы говорили долго и откровенно.

Валерий Сдобняков: *Юрий Васильевич, я хотел бы Вам задать в этой нашей с Вами беседе далеко не радостные вопросы о страшных испытаниях, выпавших на долю нашей страны в прошедшем веке, да и в нынешнем тоже. Но когда шел к Вам сюда, на Ломоносовский проспект, то все-таки решил сделать себе небольшой праздник и прогу-*

ляться по своим любимым местам около МГУ. И вот там надумал — пусть мой первый вопрос будет о радостном, о Вашем детстве, когда Вы были совсем маленьким и даже не подозревали, какие испытания готовит вам жизнь. Вспомните о том далеком, но, может быть, самом счастливом дне.

Юрий Бондарев: До сих пор ясно помню знойный полдень, июль, горячий песок обжигает пятки, Урал блещет, сверкает, как расплавленное серебро, он весь в фонтанах искр, в радужных брызгах купающихся, повсюду ликующий детский смех, радостные крики — воскресный день на сказочной реке, куда мама привезла меня порезвиться в прибрежном песке и, конечно, в воде. Помню несказанное наслаждение барахтаться и кувыркаться на мелководье, куда допускала меня мама, наблюдая за мной с берега. Я упирался ручонками в дно, бултыхал ногами, изображая плавание взрослых и, ожидая одобрения, смеясь, смотрел на маму, следившую за мной счастливыми, порой тревожными глазами. Это был детский рай, где я подолгу играл с пескарями, пытаясь поймать их ладонями, а они темными стрелками мелькали подо мной, их быстрые тени отражались на песчаном дне незабвенного Урала…

Да было ли все это? В каком столетии? Сколько было мне тогда лет? Года три?

В. С.: *А первый день на фронте как и чем Вам запомнился?*

Ю. Б.: Мой первый день на фронте — это железный скрип снега под ногами, встречный ледяной ветер, ожигающий до колючей боли лицо, почти срывающий с головы ушанку, одеревеневшие пальцы в рукавицах, ошпаривающее свирепым холодом железо нашего орудия. И первая ночь — подобие сна на снегу, на ветру, под горящими в косматых кругах сталинградскими звездами в черном небе. Тогда мы были молоды, полны надежды и веры, и нами владело неисчезающее чувство: скорее, скорее на передовую! И было потом первое утро войны, когда в кромешном аду перемешались небо и земля, орудия и танки, неузнаваемые лица солдат и пикирующие «Юнкерсы».

В. С.: *В таком случае, каким же был последний день?*

Ю. Б.: О последнем дне войны я не раз писал в своих романах. В тот незабвенный май торжествовала в душе радость победы, гордость за свою страну, которая родила тебя и сохранила, радость жизни, молодости, нерушимое фронтовое товарищество, казалось, данное навечно, ожидание долгожданной встречи с отчим домом, счастье от скорой встречи с родными людьми.

В. С.: *Тема войны буквально преследовала Ваше творчество до самого последнего романа. Только в «Без милосердия» Вы к ней не обратились. Слишком далеко от нее ушли события наших дней. Хотя и в «Мгновениях», и в публицистических статьях Вы вновь и вновь возвращаетесь к тем тяжелым и судьбоносным годам для нашего народа.*

Значит, что-то в той войне, хоть и минуло с ее начала семьдесят лет, не дает Вам покоя?

Ю. Б.: В интервью, которое я в свое время в ФРГ хотел взять у фельдмаршала Манштейна, был главный вопрос: «Что он подумал, когда понял, что его танковая группа уже не прорвется на выручку окруженной шестой армии Паулюса?». А прорыв этой армии из плотного кольца советских войск был для немцев важнейшей целью в Сталинградской операции. Я сейчас выскажу одну давнюю мысль, которую не использовал в романе «Горячий снег», потому что, с одной стороны, она мне показалась слишком публицистичной, с другой, видимо, не хотел, чтобы она кого-то шокировала. Но эта мысль главная, как мне кажется, для понимания стратегической сути Сталинградской битвы. Так вот, если бы контрудар Манштейна был бы осуществлен успешно, то немцы надежно закрепились бы на Кавказе, а это обстоятельство отодвинуло бы сроки окончания войны не на месяцы, а на годы.

В. С.: *Я такой оценки ранее нигде не встречал, даже в мемуарах наших полководцев.*

Ю. Б.: Это моя мысль. Я много думал об этом контрударе, как участник тех самых судьбоносных боев. Сам выбивал танки Манштейна. Это была величайшая битва из всех битв в истории человечества. Западные исследователи войн часто вспоминают крепость Ля Рошель во Франции, которая держалась несколько месяцев, и это будто бы самая героическая крепость в истории войн. Чепуха! Сталинград держался двести дней, да еще против какой силищи, какого врага. Так вот, операция окружения, которая была очень умно, досконально продумана немцами, осложнялась для нас еще и тем, что Сталинград был весь в развалинах, нам просто не за что было укрываться. Но зато после того, когда был отражен контрудар армии Манштейна и когда немцы начали отступать, именно тогда мы все почувствовали, необъяснимо как, каким-то нутром солдатским, что это начало разрешения войны, начало нашей победы. Мы окончательно поверили в свою силу. К тому времени у нас уже было прекрасное вооружение — семидесятимиллиметровые орудия, которые могли выбивать немецкие танки на расстоянии 1200, 800 метров. Но мы подпускали их ближе — на 500, 300 метров. Потому что, если издалека промахнешься, то ответным огнем, а у немцев были великолепные прицелы, расчет могли уничтожить. Этот опыт приходил не сразу, со временем, но приходил. Точно так же, как, только когда мы уже подходили к Днепру, то догадались снимать со своих пушек щиты. Вроде бы они должны были защищать нас от пуль противника. А какие там пули, когда мы стреляли по танкам прямой наводкой. Эти щиты в бою только мешали и, главное, демаскировали нас. В итоге мы все их сняли. Я был первым, кто предложил это сделать.

В. С.: *Ваша батарея, это факт известный из вашей биографии, подбивала немецкие «Тигры». Страшная машина?*

Ю. Б.: Подбивали мы не только «Тигры», но Сталинградскую оборону прорывали именно эти танки. Что такое прямой выстрел? Это когда снаряд

летит без траектории, напрямую. Но только так по этим машинам и можно было бить. «Тигр» — сильный танк времен Второй мировой войны. Но и наш Т-34 никому не уступал, несмотря на то, что у «Тигра» броня была толще и, чтобы его вывести из строя, нужно было бронебойным снарядом попасть в зазор между подвижной башней и корпусом. В эту крошечную щель. Только тогда башню заклинивало, и танк становился уязвим. Тут все зависело от наводчиков, которые были нашими спасителями, нашими победителями. Командир батареи определяет прицел, а наводчик ставит его и выбирает точное место на цели, куда надо «влепить» снаряд.

Вообще к тому времени у нас были хорошие бронебойные снаряды, бронебойно-зажигательные, осколочные, термитные. Именно в Сталинграде мы особенно почувствовали, что наша промышленность восстановилась и полностью готова снабжать армию необходимым оружием. Она работала просто гениально. Оружия было даже в избытке. Нас при стрельбе уже не ограничивали сорока снарядами (и не больше!). Мы могли их выпустить и шестьдесят, и сто — стреляли, пока снаряды подвозят. Собственно, поэтому мы и выиграли Сталинградскую битву, в которой окончательно решалось — или нам погибнуть, или победить. Поэтому Сталинград и остался во мне навечно.

В. С.: *Вы видели танковые бои?*

Ю. Б.: Ну, а как же. И главное ощущение от этого было всегда одно — грандиозное зрелище. Во время таких боев мы только «вылавливали» выдвинувшиеся немецкие танки и били по ним — в бок, по моторам, по гусеницам, под башню. А вообще, это как бы другая война. Танки двигаются в таком бою как муравьи растревоженного муравейника — каждый ловит танк противника на прицел, бьет в него из пушки в упор, делает всякие маневры. Тут наши Т-34 были лучше. Очень маневренный, «реактивный» танк.

В. С.: *Все батальные сцены в Ваших романах и в фильме «Освобождение» взяты из пережитого и перечувствованного?*

Ю. Б.: И режиссер картины Озеров, и я все это видели, поэтому ничего придумывать нам не приходилось.

Сейчас у нас хотят украсть Победу. И при этом забывают, что союзнички к нам присоединились только в сорок четвертом году. Однако все лавры они хотят навесить на себя. Молодежь на Западе думает, что это Америка победила Германию. Единственное, когда был жив Черчилль, он о наших победах всегда отзывался положительно, а это был авторитетный политик в мире. Сейчас же мелочь всякая кричит, раздирая голосовые связки, что победили во Второй мировой войне они. Нет, победили мы — своим мужеством, своей кровью.

В. С.: *Юрий Васильевич, война такое страшное чистилище, но и она же породила целую плеяду хороших, талантливых писателей, таких как Виктор Некрасов…*

Ю. Б.: Он первым написал о Сталинграде. Я его очень ценил, мы с Виктором были близкими друзьями. Когда он приезжал в Москву, то обя-

зательно звонил. Он не любил встречаться дома, и мы с ним заваливались в ресторан, там сидели допоздна. Это был настоящий мужик без всякой писательской фанаберии. А в нашей братии достаточно мусора — вы сами знаете. Виктор был лишен беспощадной писательской ревности, которая зачастую переходит в зависть, ну а там и до ненависти недалеко. Я это ощутил на себе.

В. С.: *Кроме Некрасова были и другие хорошие, талантливые писатели.*

Ю. Б.: Константин Воробьев. Я был с ним в прекрасных отношениях. Он был серьезно ранен, контужен. Во время войны — разведчик, и вообще много всего выпало на его долю. Незаконченный роман Воробьева «И всему роду твоему», написанный всего на одну треть, а может быть и меньше, обещал многое. Это книга о судьбе фронтовика.

Были Евгений Носов, Виктор Курочкин (о котором Леонид Леонов говорил: «Копнул на один штык. Надо бы еще поглубже копнуть»). Большое дело сделал Константин Симонов, о войне он сказал глубоко и честно. Может быть не всегда, как этого хотелось нам, но все равно это очень талантливый человек. Первая часть «Живых и мертвых» не вызывает никаких возражений. Вторая часть — там уже пошло… Вообще мы должны быть ему благодарны: военную тему он не оставил почти до самой смерти. Он много сделал для справедливого воздаяния должного нашей армии. Я с ним не сошелся близко. Мы пытались сблизиться, все-таки оказались соседи по даче. Как-то он приглашал меня на обед, все было хорошо, по-доброму. Но не произошло того дружеского сближения, которое у меня было с Виктором Некрасовым, Константином Воробьевым. Так бывает, не всегда люди сходятся.

Но Симонов ничем не запятнал себя в жизни, никого не предал. Он вел себя всегда достойно.

В. С.: *Когда Вы встречались с Некрасовым, то вспоминали с ним Сталинград?*

Ю. Б.: Знаете, о войне почти не говорили. Много говорили о литературе. Войну мы не вспоминали потому, что он знал ее хорошо, я тоже. Что же нам обсуждать, о чем друг другу рассказывать? Как и почему остались живы? Кто это сможет объяснить? Это было покровительство Бога, решение какой-то высшей силы, которая помиловала нас, помогла нам выжить. В «Мгновениях» я написал, что жизнь мне была спасена ранением.

В. С.: *Потому что погиб Ваш расчет?*

Ю. Б.: Нет, расчет не погиб. Вообще много погибло солдат в течение боев, но наш расчет остался цел. В Сталинграде исчез один человек. Куда он делся — не знаю. Этот солдат был правильным. У станины есть специальные рукоятки и при команде, например, «танки справа» правильные, взявшись за эти рукоятки, должны были повернуть орудие в окопе в необходимую сторону. Ведь в войну еще не было таких автоматических орудий, как сейчас.

В. С.: *Есть такая фигура в нашей литературе — Виктор Астафьев. Становление его творчества, его известность — все это происходило на Ваших глазах. Вы можете что-то рассказать об этом писателе?*

Ю. Б.: Вы прочитали его «Прокляты и убиты»?

В. С.: *Да. Поэтому я Вас и спросил об Астафьеве.*

Ю. Б.: Ну, и что? Как Вы относитесь к этому произведению?

В. С.: *Довольно плохо. Потому что когда люди попадают в такие тяжелые условия, которые описывает Астафьев в «Чертовой яме», или когда они участвуют в кровопролитных боях, какие он описал в «Плацдарме», то, конечно, и подлость, и благородство выходят более ярко на первый план в человеческих отношениях. Но с такой лютой ненавистью описывать одних, изображать их даже не зверями — людоедами, у которых каждая клеточка плоти пронизана подлостью и мерзостью и, наоборот, с жалостью, как рабов без воли, других — то в таком произведении, я могу это сказать сразу, нет правды. Мир сложен, в нем много всего переплетено. То же самое и в человеке. Злоба и любовь, благородство и предательство в нем живут где-то очень рядом друг с другом. И потому описание в одной плоскости человеческих поступков меня всегда при чтении такой прозы останавливало, настораживало. Я переставал ей верить. Я понимал, что здесь скрыта неправда.*

Ю. Б.: Да, так это и есть в обществе. В моем романе «Бермудский треугольник», в котором описана сегодняшняя наша общественная среда, есть размышления об этом. Конечно, очень жаль, что с Виктором так произошло.

В. С.: *Ведь кроме уже названных нами писателей были и другие, тоже рожденные войной и писавшие о войне. Например, Богомолов.*

Ю. Б.: Очень хороший писатель. Кого еще вспомним?

В. С.: *Кондратьев.*

Ю. Б.: Нет, это совсем другое. Вы посмотрите его стиль. Кто бы не был для меня писатель, но плохой стиль его письма меня сразу от него отталкивает.

В. С.: *А его повесть «Сашка»?*

Ю. Б.: Ну так… ничего…

В. С.: *Как возникли «Мгновения»? Я увидел у Вас тетрадь, в которой записаны отдельные мысли, замечания, не вошедшие в окончательные варианты романов. Так «Мгновения» — это не такие же отрывки?*

Ю. Б.: Нет, это совершенно самостоятельные произведения. И я очень рад, что та сила, которая мне покровительствовала на фронте и благодаря которой я остался жив, послала голубой лучик в моем направлении, и у меня появилась мысль о «Мгновениях», о написании коротких вещей лирико-философского склада. Мне хотелось, чтобы эти короткие рассказы несли в себе большую смысловую нагрузку, которую можно было бы высказать и в романе, но лучше уместить ее в небольших произведениях. Я рад, что такая мысль, как абсолютно самостоятельного творческого явления, у меня появилась.

В. С.: *Возвращусь к тому несостоявшемуся интервью с Маншейном. В когда-то поверженную Германию Вы приехали десятилетия спустя уже известным русским писателем, которым стали после войны и, как не кощунственно это звучит, благодаря ей?*

Ю. Б.: Писателем я почувствовал себя не сразу, даже когда после публикации повести «Батальоны просят огня» прочитал в первой статье о «Батальонах» хвалебную фразу: «Утром Бондарев проснулся знаменитым».

В. С.: *Вы можете сказать, кто из классиков русской литературы оказал на Вас, Ваше творчество наибольшее влияние?*

Ю. Б.: Люблю Чехова с детства. Но этот великий классик, конечно, не единственная моя любовь. Без Пушкина, Льва Толстого, Бунина, Лермонтова, Тургенева, Шолохова нет русской литературы.

В. С.: *Я заранее хочу попросить у Вас извинения, Юрий Васильевич, за вопрос, который, конечно же, очень личный. Если Вы не захотите, то можете на него не отвечать, но я Вам его все-таки задам. После того, как Вам пришлось столько пережить, увидеть столько смертей, горя, человеческих страданий, а потом все это еще раз пропустить через свое сердце, воплощая в художественные произведения, — после всего этого Вы стали человеком религиозным, верующим?*

Ю. Б.: Художественное творчество и религиозное чувство настолько близки и настолько тайна, что коротким ответом в журнале или газете берешь неискупимый грех на душу.

В. С.: *В сегодняшнем мире происходят не только политические и социальные, но и невиданные ранее природные катаклизмы. Основы вроде бы стабильных и не самых бедных государств потрясают социальные взрывы. Ощущение неспокойствия, мятежности охватывает всех людей планеты — бьют по городам, все разрушая и сметая на своем пути, огромные волны цунами. Невиданная жара обрушивается на все континенты Земли, вспыхивают гигантские пожары, которые превращают в пепел города и села. И вот новое, трудно объяснимое бедствие — одновременно в нескольких странах Северной Африки вспыхивают бунты, народные волнения, больше напоминающие психоз. И во всех этих катаклизмах гибнет множество людей. Десятки и сотни тысяч. По-*

являются калеки, обездоленные и злые. Что же происходит с нами и с планетой? Как Вы, писатель, чей талант художника и мыслителя глубоко признан во всем мире, оцениваете происходящее? Насколько во всем этом виновато само человечество, и есть ли выход из создавшейся ситуации? Не отголоски ли это тех военных катаклизмов, что пережило человечество в XX веке?

Ю. Б.: История — не сумасшедший бег, подгоняемый реформами в некую страну обетованную, где царит блаженство неописуемое и текут реки сладчайшие. Более того, когда желанные свобода, демократия, равенство и политика ускоренно превращаются в обещательно-расхожие лозунги нервозных прогрессистов, все становится лицемерием и появляется мысль: не приютившиеся ли это под древними лозунгами и фразами лжебратство навязанной политигры?

Быстрота… Быстрота в изобретении атомного, биологического, геотектонического и прочего смертельного оружия не принесли человечеству ни мира, ни облегчения. Эта быстрота военной реализации напомнила, что каждому на земле приготовлен билет не в бессмертие, а в одноместное купе — и каждому готов плацкарт только туда — в скорбное направление, где уже нет ни любви, ни ненависти, ни красоты, ни безобразия, а останется только физическая пустота, уже никем на обугленной земле непознаваемая.

Вспоминаю лихорадочную поспешность реформы армии, в том числе нашего главного сдерживающего вооружения — тяжелых ракетных войск, затем сокращение офицерского корпуса, уже значительно сокращенного, затем прекращение набора курсантов в военные училища на ближайшие два года. На встречах в академиях и воинских учреждениях мне не раз говорили об этой странной, недальновидной политике, и тревожно возникали мысли о сверх меры опасном разоружении, если к этому присовокупить желание России вступить в НАТО, когда по статусу этой организации следует раскрыть секреты своего силового потенциала. Надо думать, что если будет допущен ряд уступок, как это было в прошлых переговорах, и если ракетный арсенал России будет сокращен до удовлетворяющей «друзей» численности, то победителей в будущей войне не будет, — одержит победу планетарный ужас человеческих жертв. Вот это и есть дьявольское торжество апокалипсиса. Военным политикам России, познавшей сполна кровавые купели, надобно сомневаться на переговорах тысячу и один раз и через роковые «да» — «нет» и «нет» — «да» бесповоротно приходить к мужественно взвешенному решению во имя жизни на земле.

В. С.: *Время конца XIX и начало XX веков сейчас выглядят для нас как предостережение этому же периоду в жизни человечества в XX и XXI веках. Слишком много в этих периодах схожего. Только в наше время сюда добавляются страшное оружие массового уничтожения, современные химические и ядерные технологии, которые усложняют не только взаимоотношения человека с природой, но и человека с человеком, государства с государством. Ведь никто не может чувствовать себя в безопасности на нашей планете. Ведь даже если в твоей стране нет убивающего все живое химического производства или разрушенной атомной станции, то происходящие, пусть даже за тысячи километров,*

губительные процессы все равно тебя настигнут, отразятся на твоей жизни, на твоем здоровье и здоровье твоих потомков. Нет ли во всем этом некоторого предчувствия апокалипсиса? Как оцениваете это Вы — воин, художник, мыслитель?

Ю. Б.: Да, нас оглушали либеральными криками о «новой» и «возрожденной» России. В последние двадцать лет исчезло удивление и непонимание «при виде того, что совершается дома». Вместо накрепко и поспешно запертых школ, библиотек, разрушенных детских садов, яслей, не говоря уже о стыдоподобном количестве бездействующих заводов, более 800 закрытых научно-исследовательских институтов и уехавших за границу 100 тысяч ученых, в «новой ЭРЭФ» никак незаметно ничего значительного, «новорожденного», кроме внешних, особенно поразительных перемен в Москве. Издавна уютная Москва, столица крупнейшего государства со своей историей и архитектурой выглядит ныне чудовищно загроможденным автопарком, забитым миллионами иностранных машин, городом, заклеенным, завешанным из конца в конец пошловатыми рекламами, объявлениями, вывесками наполовину чужестранного происхождения. В прессе засилье тошнотворного слова секс, которое бесстыдно употребляется и варьируется в журналах и газетах, а с улиц и площадей ушло что-то милое, родное, любимое, не забытое моим поколением, как не забыто и прежнее весело-спокойное выражение лиц и глаз соотечественников, ставших устало равнодушными, отчужденными.

В. С.: *Историю вспять не повернуть. Технический прогресс овладел нами настолько, что кажется — человеку невозможно вырваться из его железно-пластиковых объятий. И все-таки, слава Богу, земля не оскудела мыслящими людьми. Только смогут ли они предложить человечеству спасительный выход из сложившейся ситуации?*

Ю. Б.: В политике (как и в литературе) даже выдающийся замысел еще не реализованный сюжет. Наиболее древние формы русского сознания — это духовность, справедливость, любовь, верность, религия, защита родной земли, своей колыбели. Это незаменимые путеводные ориентиры в любом замысле серьезного политика. Поэтому в дни неудач и несчастий только душевное равновесие сохраняет волю и мужество. Нам в последние годы уже не однажды изменяло это ценнейшее качество — мужественное равновесие, совершенно необходимое для обдуманных стойких решений.

В Библии сказано: три существа не оставляют следа — птица в воздухе, рыба в воде и женщина… Но в подлунном мире нет ничего непогрешимо абсолютного; кроме того, вписавший в святую книгу личную строку, надо думать, знал о женщинах нечто свое. Тем не менее, уже не сомневаясь, следует сказать, что в умах государственных мужей всевластно царит политика, прокладывая на земле несчастливый след.

Имея в виду современное состояние мира, на первый взгляд, есть как бы спокойные страны, наподобие Канады, но рядом с ней шевелятся государства с выпукло угрожающими ликами и манерами, в которых таится не библейское «око за око», а изготовленная агрессивность, неутоленная жажда военной мощностью и заговорами подчинить единой воле человечество.

Повсюду, куда шагнула нога контуженного своей особой избранностью американца, упорно и кроваво внедряется американопослушание, американомыслие, и интригами, заговорами, наконец, силой насаждается «диктатура демократии на вынос» в американской железно-пластиковой униформе, способной удушить в объятиях «свободы».

Современный мир находится сейчас в пограничном положении «или-или», и состояние тревоги и неспокойного ожидания владеет людьми.

Атомное и новое усовершенствованное вооружение, геотектоническое, биологическое, климатическое вооружение, созданное в тайных лабораториях и, скорее всего, уже испытанное в разных местах планеты — катастрофа в Японии, в просторах океана, в Мексиканском заливе, сокрушительные цунами на берегах Америки (Новый Орлеан), гибель отдельных островов, глобальные пожары, в том числе в России.

Вместе с этим непрекращающиеся разговоры в ученом мире о возможном в течение десятилетия взрыве Солнца со всей солнечной системой в связи с быстрым повышением температуры и разогрева ядра (от 27 до 50 млн градусов), загадочная гибель сотни тысяч птиц и пчел в разных странах, возможная остановка Гольфстрима и замерзание Европы, тайна физической пустоты, угроза мирового голода… — и это далеко не все, что нависло страшной опасностью над человечеством. Люди, будьте бдительны!

В. С.: *В чем Вы видите наше спасение? Осталась ли еще возможность остановить надвигающуюся на человечество трагедию?*

Ю. Б.: Где же спасительный выход из сложившейся ситуации? Остановить надвигающуюся на мир трагедию способна лишь великая наука и все мы, земляне, вставшие на защиту человеческого существования. Как это сделать действенно сейчас и завтра? Думаю, никто из живущих ныне гениев науки точно ответить пока не сможет.

В. С.: *Значит, Вы не верите в то, что идеи гуманизма, слово художника могут спасти современный мир? Вы не верите, что современная художественная культура способна нас вывести из тупика?*

Ю. Б.: Художественная культура переживает сейчас тяжелую пору, ибо всепозволенность беспредельно царствует в так называемом художественном творчестве. Сама правда изображается вкось, ложь без малейшего стеснения играет на подмостках жизни роль правды, грязная аморальность с наглой смелостью надевает на себя чистые одежды морали; пошлый натурализм, скабрезность, бессовестная порнография властвуют на телевидении, в кинематографе, на книжном рынке, выдавая себя за современную культуру.

Но всему бывает конец и, как говорили древние, одна волна уничтожает другую, а ветер меняет направление…

Но когда?..

Беседу вел Валерий Сдобняков
Москва, 21 июня 2011 г.

Валентин РАСПУТИН

ПОСЛЕДНЕЕ…

К 70-летию Великой Победы

Валентин Григорьевич Распутин (1937–2015). Великий русский писатель. Автор многих книг, вышедших в России и за рубежом и неоднократно переизданных. Лауреат Государственной премии СССР в области литературы, искусства и архитектуры, лауреат премии Фонда Святого Всехвального апостола Андрея Первозванного «За Веру и Верность» и др. Сопредседатель Союза писателей России.

15 января 2015 года исполнилось 90 лет со дня рождения замечательного русского писателя Евгения Ивановича Носова

Последние его рассказы… Последние, какой-то особой чуткости и мягкости слова, которые только он умел расположить даже в самом суровом и драматическом тексте так, что они давали утешение и просветление. Последние мысли о войне и природе, о самом важном, что составляло весомую суть его творчества. Мысль о войне и боль войны — той, Великой Отечественной, которую не могли затмить никакие трагические события последних пятнадцати лет; более того — в эти-то годы и потребовалась новая и решительная защита всего, что защищалось тогда. И сострадание к приютившему нас на земле миру природному, к «братьям нашим меньшим», к птахам малым, ко всему, что нас окружает. Для Евгения Носова эта боль о войне и это сострадание к «меньшим» — что-то краеугольное, опорное в нравственном строении человека и общества, простирающее свое влияние на их дальнейшую судьбу. О грехе непогребения павших в Великую Отечественную он скажет: «Это ж они, не прикрытые землей, теперь не дают ходу России. С таким неизбывным грехом неведомо куда идти… Сохнет у народа душа, руки тяжелеют, не находят дела… И земля не станет рожать, пока плуг о солдатские кости скрежещет… Оттого и не знаем имени себе: кто мы? Также не умеющий заметить голода и холода птах, остающихся зимовать на родине, не заметит и людского голода и холода. И околеет в конце концов сам от нечувствительности и сердечной недостаточности».

По этим рассказам видно, в какой прекрасной писательской форме

Евгений Иванович Носов

до последнего дня оставался Евгений Иванович Носов. А ведь ему было 77. «Уже к последним рядкам укос подобрался: к двадцать пятому да к двадцать шестому году» — это из рассказа «Памятная медаль», одного из прощальных, завещательных, написанных под занесенной косой. Но как написанного, как выпетого, с какой щедростью сдобренного золотой россыпью русского языка! Подобное долгожительство неувядающего таланта, даже в одном ряду с классиками, случается редко. Такое впечатление, что его творческий запас и не мог убыть, его духовная и нравственная чуткость, его мудрость и добродушие и не могли иссушиться, потому что личное, индивидуальное находилось в нем в непрекращающейся связи со всем лучшим, что сохранилось в нашем народе. Творческий источник писателя Носова, наделенного таким «сообщением», был неиссякаем. Невольно любуешься: сколько добрых, светящихся ласкательных слов находит он для самой суровой военной поры, — и когда находит? — почти в подобное же лихолетье! Но без них, считал он, нельзя. И пока не *надышит* он каждое слово добром и теплом — не поставит.

Невольно вспоминаю, как в году 1989-м или 1990-м, когда вовсю правили бал в нашей стране пустые и злобные люди, когда окаянство, как государственный флаг, витало над улицами и площадями, мы с Евгением Ивановичем оказались в одной московской гостинице и по вечерам сходились у меня на чай. Жалобы и требования, разоблачения и ультиматумы, угрозы и подлости — едва ли не одни только эти «жанры» и были тогда в обществе в ходу. И вдруг Евгений Иванович показывает мне массивную общую тетрадь с вклеенными в нее газетными вырезками и собственноручными записями о благородных человеческих поступках, которые, несмотря на непогоду, не попрятались в укрытия. Думаю, эта тетрадь с особой летописью доброклонности нашего народа сохранилась где-нибудь среди бумаг Носова. А может быть, и не одна. «Помогает?» — спросил я тогда в гостинице, перелистывая тетрадь. Евгений Иванович покряхтел-покряхтел и отвечать не стал. А ответил он на него всей своей работой за последнее десятилетие.

Уверен, что в рассказе «Памятная медаль» Евгений Носов продолжил негласный спор со своим другом Виктором Астафьевым о том, как следует им, фронтовикам, писать войну. После публикации романа «Прокляты и убиты» он отправил Астафьеву большое письмо, по пунктам разъясняя, где и почему он расходится с автором романа. К чести Астафьева, он напечатал это письмо в своем собрании сочинений. Но не согласился с Носовым. В войну они были окопниками, знали ее нутро, помнили каждой клеточкой своих израненных тел, и вдруг оказалось, что в нравственной оценке событий их воспоминания расходятся, будто один наблюдал их только глазами, а второй еще и сердцем. Война — штука жесткая, самая жесткая из всего, что существует в мире: Евгений Носов испытал ее на своей шкуре не менее, чем Астафьев, и описывал ее не однажды, а в конце описал и в «Памятной медали».

Война ожесточает людей. Но по нравственному статусу писателя бывший воин не имеет права ожесточаться и переходить на грубый язык, в скверну окопного бытия, отдаваться, как клятвенный свидетель, тому низкому и звериному, без чего никакая война не обходится, и потом делать из этого окончательные выводы. Правда события не есть еще историческая правда. Тем более не духовная правда и не художественная. Смертью персонажа можно грубо, как дубиной, пришибить читателя, а можно его и вдохновить. Такую ответственность и чтил Евгений Носов, автор «Усвятских шлемоносцев», повести, несомненно, самой пронзительной и печальной о начале войны, известие о которой застает жителей деревни Усвяты за сенокосной страдой, но и самой вдохновенной, духоподъемной повести, когда парни и мужики вынуждены переодеваться из крестьянского в ратное. Оратай, то есть пахарь, и ратник, то есть воин — слова однокоренные, так случалось прежде в крестьянской России множество и множество раз: сегодня ты с сохой, а завтра — с мечом. Они уходят, эти усвятские шлемоносцы, далеко-далеко от родных околиц, но уходят не с обреченностью пушечного мяса, а со священной решимостью отстоять землю предков.

Писателю Евгению Носову можно верить. Никогда ничего, не утвердившись в своей правоте, он не сказал.

НЕВОЗВРАТНАЯ НАША ПОТЕРЯ

На блаженную кончину писателя Валентина Григорьевича Распутина

Горькая весть обожгла нас. Никакими словами невозможно передать боль утраты, постигшей Россию и весь наш славянский мир. В ночь с 14 на 15 марта завершился земной путь Валентина Григорьевича Распутина — великого гражданина России, классика русской литературы, нашего национального героя, участника сражений за русского человека, за Русскую землю, за русский Байкал, за Русское Слово… Мы все с нетерпением ждали каждую его новую книгу, мы были благодарными зрителями спектаклей и фильмов, созданных по его драгоценным произведениям. В его Слово вслушивалась вся совестливая Россия. Воистину энциклопедическими трудами и публицистическими статьями Валентина Григорьевича его родная Сибирь прирастала животворной исторической памятью и созидательной духовной энергией. Трудно смириться с мыслью, что этот близкий и родной нам русский человек уже в Небесных обителях, что к нему уже не придешь за советом, за духовной поддержкой, в которых так часто нуждались и которые всегда от него получали… Он остается с нами. Он упрямо предубеждает нас: «Честь, совесть, “не убей”, “не укради”, “не прелюбодействуй”, любовь в образе сладко поющей волшебной птицы, не разрушающей своего гнезда, традиции и обычаи, язык и легенды, покойники и история — все это заметно перестает быть основанием жизни. Основание перестает быть основанием, и чем оно заменится? Победителей этот вопрос не интересует. Чем-нибудь да заменится, на то и завтрашний день»… Как настоящий, природный христианин и русский человек — Валентин Григорьевич жил любовью к людям. Его большое сердце принимало всех, кому Россия была родным Отечеством. Его доброй, широкой души хватало на каждого, кто обращался к нему. Его добрый взгляд внушал Любовь, Веру и Надежду. Валентин Григорьевич Распутин до последнего своего часа оставался сопредседателем Союза писателей России, членом редколлегий многих журналов, организатором праздника русской духовности «Сияние России» в Иркутске, был в числе инициаторов возрождения храма Христа Спасителя и создания Всемирного русского народного собора, Шолоховского центра, литературно художественного конкурса для детей и юношество «Гренадеры, вперед!»… Мы все потеряли друга, соратника и наставника… Прощайте, дорогой наш человек, и простите нас, Валентин Григорьевич…

Писатели России

Валерий ГАНИЧЕВ

ОНИ ВЫИГРАЛИ ВОЙНУ… А ВЫ?

К 70-летию Великой Победы

Валерий Николаевич Ганичев — родился в 1933 г. на станции Пестово Новгородской области. Окончил в 1956 г. Киевский университет. Доктор исторических наук, профессор, лауреат премии Ленинского комсомола. Имеет много наград, в том числе, орден Трудового Красного Знамени, орден «Дружбы» (2014), награды РПЦ. Главный редактор «Роман-журнал. XXI век». Председатель Союза писателей России. Автор многих книг прозы и публицистики. **Живет в Москве.**

Сегодня трудно представить, что мы были способны выиграть самую жестокую, массовую, механизированную войну в истории человечества. И не только выиграть, но укрепиться, утвердиться в качестве второй мировой державы. Жертвы?.. Да, к сожалению, жертвы… А еще что? Самопожертвование? Да, без этого бы победа не состоялась…

А еще что?..

Я и сегодня не знаю ответов на многие вопросы о Войне. Не знаю, ибо лежат в могилах тысячи и миллионы свидетелей и участников. Они лежат в безмолвии, и холодом веет от их ложа. Встань они нынче из своих могил, сделай шаг в сегодняшнюю жизнь и вопроси у нас:

«Мы разбили врага!.. А вы?»

…Что ответим им?

НАЧАЛО

Помню, как поразил меня в начале 70-х годов рассказ Ивана Стаднюка, приехавшего от Молотова. Бывший наркоминдел был тогда в опале. Не такой жестокой, как в 1957 году, сразу после беспомощного бунта единомышленников против Хрущева. Молотов жил в подмосковной элитарной Жуковке рядом с Ростроповичем, Сахаровым, Галиной Брежневой, ведущими академиками и боевитыми политиками. Его жуковские тропки пересекались с тропками опального Солженицына. Казалось, он хранил много нераскрытых тайн, и его слова, принимая различные оттенки, распространялись как среди тех, кто сочувствовал ему, так и тех, кто ожидал скорейшего ухода из жизни политиков старого образца. Мне же, историку, хотелось узнать побольше фактов, которые как бы сами проявят картину прошлого.

Иван Стаднюк писал роман об Отечественной войне и расспрашивал Молотова о тех первых трагических днях ее начала, которые до сих пор являются нашей раной. Все услышанное из уст бывшего наркома было интересно, но особенно меня поразил один эпизод…

22 июня 1941 года Молотову было предложено выступить по радио перед народом. Нарком поехал по улицам города на радиостанцию. Настроение было мрачное. Представляю ту картину по его рассказу.

Москва была залита июньским солнцем, на клумбах цвели сочные и душистые розы. Москвички в ярких цветастых крепдешиновых платьях были им под стать. Многие семьи шли в ЦПКиО имени Горького, в кино, на пригородные поезда, но никто не спешил. У тележек с мороженым толпились дети. Добродушные мороженщицы, положив на дно формы вафлю, накрывали ее ложкой сливочной массы и, нашлепнув другую вафлю, выталкивали кругляшок мороженого в руки счастливого карапуза. Мужчины сдували пену с кружек и, аппетитно причмокивая, прикладывались к светло-коричневому бочковому пиву. Женщины смеялись и тянули их в зеленые аллеи и к торговым палаткам, а дети — на карусели и к разноцветию резиновых шаров. Пахло вкусными шашлыками, жареными хлебцами и пирогами. Пахло духами и свежестью. Пахло летом, скошенной на лужайках травой, цветами. Было весело и светло, радостно и уютно. У скамеек, у ног прохожих копошились и подбирали крошки бойкие воробьи, не обращая внимания на суету людей.

Блестящие брызги фонтанов, зеленая листва деревьев, торжественно плывущие зонтики одуванчиков — все было красиво, просто, естественно и… потусторонне для едущего выступать наркома.

«Они не знают, а я знаю, — с горечью думал он. — Война…»

Когда он ехал обратно — все изменилось. Москва приблизилась к его состоянию. У пивных ларьков никого не было. Одиноко стояли и мороженщицы. Детей как бы сдуло с улиц. Цветы на клумбах поблекли, зелень потемнела, женские платья посерели. Солнце безжалостно жгло увядающие розы, фонтаны выбрасывали стальные иглы воды, разрезая пространство. Старые запахи исчезли, пахло железом, пылью, заводской гарью. По улицам спешили группы встревоженных, озабоченных людей.

Нахохлившиеся и ничего не понимавшие воробьи взлетали с земли и рассеивались по ветвям деревьев. Радость, еще недавно наполнявшая город, испарялась, иссушивалась, исчезала с улиц, из домов, с лиц. В воздухе разлилась напряженность, суровость и тревога. Какая-то невидимая сила отрезала, отсекла прежний мир от дня 22 июня 1941 года.

Началась война…

КТО ПЕРВЫЙ?

Что вдруг заставило недоброжелателей и недругов России заговорить о том, что Сталин и СССР готовили захват Германии и Европы и поэтому-то Гитлер, напав на Россию, упреждал коварные замыслы, спасая европейскую цивилизацию. Удивительно, но каждый раз, когда возникает широкомасштабный разговор о цивилизации, о приобщении к цивилизованному миру — жди жестокой и беспощадной атаки на Россию, ее культуру и историю. Бережно и услужливо массово изданный «Ледокол» теперь уже

небезызвестного предателя Суворова (Резуна) художественно оформил теоретические оправдания оставшихся в живых гитлеровских военных и политических деятелей, стремящихся пристроиться в хвост «всемирной демократии» и «общечеловеческим ценностям».

«Война началась по вине Советов» — эту еще вчера, а тем более в 1945 году, кощунственную идейку сегодня усиленно повторяют, навязывают, утверждают. И нет сомнения, что вскоре она станет господствующей и непререкаемой в западной и нашей «демоуслужливой» теоретической мысли, а затем и в общественном мнении. Да что там говорить, когда нередко можно слышать слова обвинения: «Зачем мы взяли Берлин? Надо было сдаться, и жили бы мы сейчас, как в Западной Германии». Ну, а что касается Запада, то почти 90 процентов опрошенных европейцев заявили после помпезного празднования высадки союзников в Нормандии, что войну в Германии вели Америка и Англия и они ее выиграли.

Почему никто не напомнил Германии в дни празднования Победы о жертвах, о сожженных наших городах и селах, о вывезенных от нас ценностях? Весь мир вспоминает и скорбит о погибших евреях, но почему молчит, да и не ведает, по вине наших МИДов, министерств культуры, «демократических» органов печати, о гибели и убиении жестокими варварами цивилизации десятков миллионов русских, миллионов украинцев, белорусов, сотен тысяч людей других народов СССР?

Почему опустошенная и изувеченная земля наша не получила ни капли того золотого дождя, который получил Израиль и который ей обещали Горбачев и Коль, подводя итоги Второй мировой войны?

Почему вдруг обсуждается безответственное и унизительное решение о передаче культурных ценностей: книг и рукописей в Готскую библиотеку, тогда как сотни и тысячи отечественных памятников культуры, вывезенных в Германию, не выявлены и сокрыты в тайниках, запасниках, которые никто не собирается раскрывать нам?

И все это оттого, что немцам Германии, совершившей одно из самых величайших преступлений в истории человечества, все прощается, чувство вины у них исчезает, а то и совсем исчезло, а русским и России его усиленно прививают. Посмотрите, как усиленно культивировался в США и на Западе тезис «империя зла», как его изящно приняли и трансформировали в вину России перед национальными окраинами и наша внутренняя «демократия», и национально-сепаратистские силы, как периодически возникают заклинания о неспособности русских трудиться, об отсутствии у них цивилизации, об их вековечной дикости и т. д.

И вот за такого рода утверждениями следуют шаги: развал державы, миллионы униженных и выброшенных за пределы нынешней страны соотечественников, развал экономики, междоусобная резня, планы по дальнейшему расчленению России, улюлюканье по поводу любого шага, связанного с развитием национального самосознания и культуры русских. И продолжает утверждаться мысль, что «на Россию следовало напасть, ибо она варварская, дикая страна и сама она готова всегда была напасть на Европу».

А следовало бы напомнить о действиях советской дипломатии, пытавшейся в 1937–1938 годах соединить усилия западных стран и СССР против фашистской Германии. Нам, людям старших поколений, хорошо известно, что именно там, на Западе, они продали, заложили, передали Чехосло-

вакию Гитлеру, и слово «Мюнхен» стало символом предательства. Запад показывал своим перстом и дальше на Восток. Гитлер кивал. Нет, это ныне пытаются засыпать факты пеплом истории, и чешские правители даже и не вспоминают о предательстве своих нынешних патронов, — а что было тогда? Политика штука сложная, и тот, кто готовил капкан для других, попал в него сам. Так было и в 1939–1940 годах. Франция рухнула. Англия готовилась к новому Дюнкерку. Европа была у ног нацизма. И в этот момент, посчитав, что пришел его час, Гитлер отдал приказ о нападении на Советский Союз. Он решил это еще в 1940 году после капитуляции Франции. И был даже уверен, что это будет не менее легкая и победоносная операция. Он заявил тогда Кейтелю в присутствии А. Шпеера: «Мы теперь показали, на что мы способны. Поверьте мне, Кейтель, после этого поход против России будет не более чем тактической игрой на ящике с песком».

Гитлер постоянно радовался, что вовремя напал на СССР. В записках Генри Пикера в ставке «Вервольф» под Винницей эти его слова воспроизведены не раз. 27.7.1942 г. Гитлер говорил: «И чем больше мы узнаем, что происходит в России при Советах, тем больше радуемся, что вовремя нанесли решительный удар. Ведь за ближайшие десять лет в СССР возникло бы множество промышленных центров, которые становились бы все более и более неприступными, и даже представить себе невозможно, каким вооружением обладали бы Советы, а Европа в то же время окончательно бы деградировала и, оказавшись совершенно беззащитной, превратилась бы в объект советской экспансии, направленной на установление мирового господства. И было бы глупо высмеивать стахановское движение. Вооружение Красной армии наилучшее доказательство того, что с помощью этого движения удалось добиться необычайно больших успехов в деле воспитания русских рабочих с их особым складом ума и души.

К Сталину, безусловно, тоже надо относиться с должным уважением. В своем роде он просто гениальный тип. Его идеал — Чингисхан и ему подобные, о них он знает буквально все, а его планы развития экономики настолько масштабны, что превзойти их могут лишь наши четырехлетние планы»[1].

Гитлер решил напасть на Россию, пока она не укрепилась. При помощи тезиса о том, что Гитлер просто упредил агрессора, стараются успокоить общественное мнение Германии и стараются вытеснить вину из памяти. Образ страны-чудовища помогал пригасить чувство собственной вины.

Такой опасностью был встревожен лауреат Нобелевской премии Г. Белль, который писал, что публикации о преступлениях сталинизма «могут побудить граждан ФРГ отказаться от понимания ужасов собственной истории, прежде всего злодеяний, совершенных в России».

Однако здоровые силы немцев все-таки выступают против этого. У нас же благосклонно и, как всегда, массово издали «Ледокол» Суворова (каждый раз, когда издается русофобская книга, она издается массовым тиражом). Я уже писал, что книга Маркиза де Кюстина, пропитанная ядом русофобии, издана в период перестройки почти полумиллионным тиражом. Куда там Аксакову, Хомякову, Соловьеву и другим радетелям за Россию. В этот же период «Ледокол» издается в журнале «Звезда». О нем благо-

[1] *Пикер Г.* Застольные разговоры Гитлера. Смоленск: Русич, 1993. С. 451.

склонно пишет «демократическая» печать. Начинают готовить фильм, в научном журнале «Отечественная история» как-то «вовремя» появилась статья сотрудника Ведомства военно-исторических исследований И. Хофмана, который с полным набором научных атрибутов утверждал, что летом 1941 года Гитлер «имел последнюю возможность упредить другого агрессора».

Последние годы, оторопев от наглого американо-английского самовосхваления, от попыток вырвать Победу из рук России, очернить ее, русский человек выходит из летаргического сна западных прислужников «демократии»; проявляется желание самим во всем разобраться. Помните пушкинскую сцену в корчме из «Бориса Годунова», когда полуграмотный монах Варлаам в ответ на наглую ложь Гришки Отрепьева, переносящую на него свои приметы, что грозило повешеньем, вырвал бумагу у Гришки и твердо, неуступчиво воскликнул: «Постой уж, если дело дошло до шеи, то я прочитаю»? Ныне дело «дошло до шеи» и надо «прочитать» свою историю, как надо.

В середине 90-х годов положение чуть-чуть меняется. В том же журнале «Отечественная история» (№ 1, 1994 г.) появляется основательная статья, разоблачающая тех, кто хотел бы уравнять гитлеровскую Германию и Советский Союз и вполне оправдать фашистское нападение на нашу страну, как «превентивное», спасающее западную цивилизацию. В ней Александр Иванович Борозняк, профессор Уральского университета писал в ответ на восторженные отзывы «ученых» ФРГ по поводу книжонки Суворова, что эти утверждения продолжают звучать: «Как будто не было ни плана “Барбаросса”, ни генеральной директивы “Ост”, ни установок Гитлера о расширении “жизненного пространства на Востоке” и истреблении населения оккупированных стран». Он приводит высказывания немецкого историка Ю. Ферстера о том, что реализация плана «Барбаросса» явилась «военной кампанией, не похожей на предыдущие, это была тщательно подготовленная захватническая, историческая война», в основе которой — «симбиоз расчета и догмы, стратегии и идеологии, курса на мировое господство и расовой политики».

Солдаты и офицеры вермахта, облученные теорией нацизма, русофобией, убеждением, что они имеют дело с низшей расой, не терзались совестью. Таковой нет нынче и у тех, кто пытается принизить нашу Победу, лишив наш народ Александра Матросова, Зои Космодемьянской, Георгия Жукова, тех, кто ставит на одну доску фашистскую Германию и Советский Союз, кто добровольно согласился с тем, что «цивилизация» имела право первой напасть на Россию.

ГИТЛЕР — ЗЛОВЕЩИЙ РУСОФОБ

Навязывая с маниакальной настойчивостью мысль о демоническом характере Советской России и русских, Гитлер мог апеллировать к общественному мнению Германии (если такое все еще существовало) и разнородным западным великодержавным (сей термин относится отнюдь не к России), империалистическим (а этот придуман отнюдь не Лениным), антикоммунистическим (тут была широкая панорама: от представителей крупного капитала, либеральных демократов вплоть до троцкистов и правых социал-демократов, конкретных политиков) и антирусским силам (этот фронт скла-

дывался на Западе на протяжении нескольких веков и передавался как эстафета от одного поколения к другому).

У Гитлера, конечно, была ненависть к коммунистической идеологии. В немалой степени он ненавидел ее как соперничающую в борьбе за власть над миллионами людей, за то, что она стала господствующей в России. А Россию и русских Гитлер ненавидел патологически. Эта ненависть передавалась в Германии от тевтонских псов-рыцарей, битого Салтыковым Фридриха Великого, от кайзера Вильгельма и немецких генералов, считавших, что после Брестского мира они должны были поглотить Россию, если бы не революция в Германии.

Гитлер генетически продолжил эстафету русоненавистничества, а его слова и идеи взяты на вооружение всем сегодняшним антирусским движением, какими бы они ни прикрывались гуманистическими, цивилизаторскими, общечеловеческими, коммерческими лозунгами, словами о правах человека и национальной независимости.

На одном из секретных совещаний Гитлер заявил:

«Надо взять у России все, что нам нужно… нужно разработать технику сокращения чужого населения. Кто может оспаривать мое право уничтожить миллионы людей низшей расы, которые размножаются как насекомые»[1].

16 июля 1941 года на секретном совещании у Гитлера, где присутствовали Геринг, Борман, Розенберг и Кейтель, был окончательно одобрен план расчленения Советской России и включения в состав Германии Прибалтики, Белоруссии, Украины, Крыма, Кавказа и Поволжья. Первая часть гитлеровского плана была выполнена, правда, через 50 лет.

В «Двенадцати заповедях немцев на Востоке» от 1 июня 1941 года, которые распространяло гитлеровское верховное командование, говорилось: «Вы должны сознанием своего достоинства проводить самые жестокие и самые беспощадные меры, которые требует от вас государство». В записной книжке у убитого немецкого лейтенанта Густава Цигеля были обнаружены слова: «У тебя нет сердца и нервов, на войне они не нужны. Уничтожь в себе жалость и сострадание — убивай всякого русского, советского, не останавливайся, старик перед тобой или женщина, девочка или мальчик. Убивай…» И они убивали. Убивали и грабили.

«Нужно всегда исходить из того, — говорил Гитлер, — что в первую очередь задача этих народов — обслужить нашу экономику. И поэтому мы должны стремиться извлечь из оккупации русских территорий все, что можно».

Как совпадает это с мыслями нынешних западных цивилизантов, с их устремлениями и практикой!

Вечером 11 марта 1942 года, готовя наступление на Сталинград и Кавказ, Гитлер развернул потрясающую картину управления Россией. Нужно, говорил он, «сделать все, чтобы эти народы находились на как можно более низком уровне культурного развития…»

«…Ни в коем случае не развивать там промышленность и администрацию, ибо чем примитивнее люди, тем более они воспринимают любые ограничения своей свободы как насилие над собой. К тому же наличие собствен-

[1] *Тельпуховский Б. С., Булычева Г. И., Бурляй А. А. и др.* Великая Отечественная война Советского Союза 1941–1945 гг. М.: Воениздат, 1984.

ной государственной администрации дает им возможность в широких масштабах объединиться и при случае использовать эти структуры против нас».

«…Следует избегать создания единых церквей на более или менее обширных русских землях. В наших же интересах, чтобы в каждой деревне была своя собственная секта»(!)

«Даже если таким образом жители отдельных деревень станут, подобно неграм или индейцам, приверженцами магических культур, мы можем только приветствовать, поскольку тем самым разъединяющие тенденции в русском пространстве еще больше усилятся».

Нельзя не признать, что фюрер разработал плодотворные программы для нынешних «цивилизаторов». Чего стоит высказанная им тогда установка: «Ни один учитель не должен приходить к ним и тащить в школу их детей. Коли русские, украинцы, киргизы и пр. научатся читать и писать, нам это только повредит. Ибо таким образом более способные туземцы смогут приобщиться к некоторым историческим знаниям, а значит, и усвоят политические идеи, которые в любом случае хоть как-то будут направлены против нас».

Ах, вот откуда это сокращение школ, классов и учащихся нынче! А дальше это уже совсем классика современного телевидения, радио, танцевальных тусовок и занятого эфира.

«Гораздо лучше установить в каждой деревне репродуктор и таким образом сообщать людям новости и развлекать их, чем предоставлять им возможность самостоятельно усваивать политические, научные и другие знания. Только чтобы никому в голову не взбрело рассказывать по радио покоренным народам об их истории.

Музыка, музыка, ничего, кроме музыки. Ведь веселая музыка пробуждает в людях трудовой энтузиазм. И… люди могут позволять себе танцевать до упаду».

Ныне по всей России звучит музыка. Даже и не веселая, а просто громкая, беспощадная, бездушная. Даже и не музыка, а скорее оболванивающие звуки. Как был бы доволен фюрер!

Самую жестокую кару уготовил он русской столице — Москве.

«Город должен быть окружен так, чтобы ни один русский солдат, ни один житель — будь то мужчина, женщина или ребенок, не мог его покинуть. Всякую попытку выхода подавлять силой. Провести необходимые приготовления, чтобы Москва и ее окрестности с помощью огромных сооружений были затоплены водой. Там, где стоит сегодня Москва, должно возникнуть море, которое навсегда скроет от цивилизованного мира столицу русского народа[1].

Не лучшая участь ждала и Ленинград. «Для других городов, — говорил Гитлер, — должно действовать правило: перед их занятием они должны быть превращены в развалины артиллерийским огнем и воздушными налетами»[2].

Странно, что этого не знал известный русский писатель Виктор Астафьев, предлагая сдать Ленинград немцам, чтобы не терять гражданское население, — или же это опять надежда на цивилизованную Европу?

---

[1] Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. М.: Юридическая литература, 1957. Т. 1. С. 495.

[2] Там же.

Гитлер видел в СССР, в России лишь жизненное пространство для немецких колонистов. Извечный, по его мнению, конфликт между Германией и славянством делал Россию, независимо от ее устройства, постоянной угрозой немцам. (Ну что ж, эта мысль очень понятна многим нынешним правителям Запада.)

«Славяне — неполноценная нация» — это его утверждение приводило к установке на уничтожение в России любых государственных структур, ведь «рабы не могут управлять!». Правда, его главный теоретик «по делам восточной политики» А. Розенберг видел нюансы и хотел воспользоваться различием наций для раскола Советского Союза. Он предложил изолировать Московию (этот термин часто употребляли и употребляют национал-галицийцы) в лесах и болотах северо-запада, окружив ее с помощью кордона нерусских наций (Украина, Прибалтика, Кавказ). Причем Розенберг добивался организации некоторых государственных самостоятельных структур, но под жестким контролем Германии. (Как был бы доволен этот стопроцентный нацист и ариец ныне!) Контроль, правда, устанавливается не Германией, а Америкой, но, как говорится в известном анекдоте, «яка гарна циль».

Результатом этой теоретической деятельности стали сожженные и уничтоженные древнейшие русские города Новгород, Киев, Смоленск, Псков, Брянск, Чернигов, Витебск. Осквернены сотни храмов, дом-музей Чайковского в Клину, Ясная Поляна, свергнуты и переплавлены многие памятники Отечества. Только чудо стремительного наступления спасло великий памятник тысячелетию России в Новгороде. Немецкие снаряды попали в Эрмитаж, в музеи Москвы. Подумаешь, чего церемониться, ведь это низшая раса! И грабили, грабили, грабили. Увозили тысячи картин, икон, других бесценных сокровищ. Кто ответит, где сейчас Янтарная комната и есть ли цена за восстановление древнейших фресок Новгорода? О неполноценности русских, их неумении работать, мыслить, об их нецивилизованности постоянно писали газеты, трубило радио, выходили теоретические труды. (Какие добросовестные последователи ныне в мире и «в этой стране» у гитлеровских русофобов».)

Думаю, именно сейчас становится предельно ясно, что одним из самых ярых русофобов за всю историю был Гитлер. Его ждала Божия кара, его ждали разгром и смерть. И такая же Божия кара ждет и нынешних его последователей — за их ненависть, злость, клевету против России и русского народа.

КАТАСТРОФА… ИЛИ ЗАПЛАНИРОВАННОЕ ПОРАЖЕНИЕ?

(*Точка зрения профессора Жухрая*)

Многие годы было ясно: Германия напала преднамеренно, все спланировав заранее, подготовившись к войне. Но встают не менее грозные и не менее мистические вопросы: «Были ли мы готовы к войне? Готовились ли? Почему обманулись в сроках? Кто виноват?» Почти вся историческая наука, публицисты, философы, особенно политиканствующая пресса, последние десятилетия, не особо утруждая себя анализом объективных фактов, утверждали: страна по вине Сталина и военно-политического руководства к войне не готовилась. По его вине страну постигла катастрофа и разгром в 1941 году.

Да, вину с них снимать нельзя. Но нельзя и не учитывать многих объективных явлений. Необходимо развернуть панораму всех фактов и событий. На мой взгляд, есть и другая заслуживающая внимания точка зрения, основанная на фактах, конечных результатах, документах, разумном осмыслении событий, а не на политических играх, не на конъюнктуре, связанной с тем или иным лидером, с идеологической программой партии, владеющей средствами печати и телевидения. Наиболее обобщенно в последнее время была изложена эта точка зрения в статье профессора В. Жухрая «Как это было в действительности» — о начальном периоде Великой Отечественной войны 1941–1945 годов.

Мне хотелось бы представить ее читателям. И порассуждать вместе с ним.

Действительно, сравним войну Франции, Англии и Советского Союза с фашистской Германией. Готовилась ли Франция к войне с Германией? Готовилась, да еще как! И линия «Мажино», и танки, и самолеты, и отмобилизованная армия. Франция имела на 1 сентября 1939 года (начало войны) 2500 танков, а Германия 2000 танков, Франция и Англия имели 2276 самолетов, а Германия 3100, в тяжелой артиллерии Франция превосходила Германию. Франция имела 120 дивизий, Англия — 10, Польша — 40, Бельгия — 22, Голландия — 10. Итого 202, а у Германии — 103. Кто должен победить? Тот, у кого сил больше. Но вышло наоборот. Франция была разгромлена довольно быстро, так же, как Польша, Норвегия, Греция, Югославия. Так же как пали и склонили голову Чехословакия, Австрия, Дания. Европа лежала у ног Гитлера.

И в этот момент у нашей страны уже работала стратегия будущей Победы. Мы уже говорили о том, что советская дипломатия не позволила лицемерным западным политикам толкнуть Гитлера на войну против России. Сталин включил в состав СССР исторические территории Русского государства, обеспечив более высокую степень предохранения от внезапности, отодвинув границу вперед на Запад. Черчилль, который питал имперскую, классовую и просто зоологическую ненависть к России, в полной мере осознавал необходимость этих мер. Он в выступлении по радио 1 октября 1939 года сказал: «То, что русские армии должны были находиться на этой линии, было совершенно необходимо для безопасности России против немецкой угрозы. Во всяком случае, с позиции защиты и создан Восточный фронт, на который нацистская Германия не осмеливалась напасть. Когда г-н фон Риббентроп был вызван на прошлой неделе в Москву, то это было сделано для того, чтобы он ознакомился с этим фактом и признал, что замыслам нацистов в отношении балтийских государств и Украины должен быть положен конец»[1].

Итак, почему же поражение или катастрофа? Аргументов несколько: Сталин не прислушался к разведке, не подтянул войска, не перевел на военные рельсы хозяйство. Рассмотрим их.

Да, к Сталину накануне войны поступали сведения о подготовке Германии к войне и о том, что она вот-вот нападет на Советский Союз. Сведения поступали от советского военно-морского атташе в Германии капитана первого ранга Михаила Воронцова. Получил он эти сведения от Черчилля. За две недели до нападения, как известно от английской разведки, Гитлер

[1] «Таймс», 2 окт. 1939 г. // *Лавров. Л.* История одной капитуляции. С. 130.

сообщил югославскому принцу-регенту, что нападение на СССР должно произойти 30 июня 1941 года. Ну, известно также, что сведения поступали от Рихарда Зорге, из других источников.

Профессор Жухрай говорит: И. В. Сталин вполне резонно поставил перед собой вопрос: А не слишком ли много сведений мы получаем об этом? Что в действительности скрывается за этими сведениями, можно ли им доверять? И эта «подозрительность» И. В. Сталина действительно оправдалась. И. В. Сталин сумел разгадать основной замысел гитлеровского плана «Барбаросса», план «молниеносной» войны фашистской Германии против Советского Союза. Суть этого гитлеровского плана «молниеносной» войны состояла в следующем.

Получив достоверные данные о сосредоточении германских войск на границе Советского Союза, Советское правительство должно будет, в свою очередь, не объявляя всеобщей мобилизации, сосредоточить основные наличные в то время у СССР вооруженные силы вдоль новых, фактически еще неукрепленных границ СССР, расположив свои самолеты и танки на аэродромах и танкодромах, на территориях, хорошо известных гитлеровцам, так как все оперативные карты польского генерального штаба, генеральных штабов бывших прибалтийских капиталистических государств — Литвы, Эстонии, Латвии — попали в их руки.

После сосредоточения основных вооруженных сил СССР на новых слабо укрепленных границах гитлеровцы осуществят внезапное нападение и тремя группами армий — Север, Центр и Юг, тремя танковыми клиньями под прикрытием фашистской авиации, захватившей господство в воздухе, прорвут советский фронт. При наличии более чем трехкратного превосходства в количестве танков и самолетов, при вооружении германской армии новейшей по тем временам военной техникой, когда основные вооруженные силы фашистской Германии были на практике обучены новым приемам ведения войны, имели двухлетний опыт ведения современных боевых операций, к тому же превосходили советские вооруженные силы СССР в количественном отношении (в июне 1941 г. 5,5 миллионам гитлеровцев противостояли 2 млн 900 тыс. советских воинов), — удержать фронт невозможно. Прорвав фронт, гитлеровские войска окружают части Красной армии, образуют огромный «котел», в котором и добивают окруженные регулярные части Красной армии, как это они сделали во Франции.

Таким образом, будет одним молниеносным ударом покончено с регулярной Красной армией, уничтожен ее основной костяк, и Советскому правительству будет даже некуда призывать своих резервистов, оставшихся без кадрового командного состава.

Ошибочное же преждевременное разоружение оборонительных вооружений на бывшей старой советской границе дает все основания полагать, что после молниеносного уничтожения основных регулярных вооруженных сил СССР в приграничных районах страны продвижение гитлеровских войск по территории СССР будет проходить более или менее беспрепятственно и война, таким образом, будет выиграна в несколько недель, в крайнем случае в несколько месяцев.

Не случайно в директиве по стратегическому развертыванию ОКХ № 21 от 31 января 1941 года, разъясняющей и дополняющей план «Барбаросса», была поставлена перед германскими вооруженными силами главная

практическая задача при нападении на Советский Союз: «Операцию нужно вести таким образом, чтобы уничтожить находившуюся в западной России массу русских войск путем быстрейшего продвижения вперед ударных танковых групп и помешать отходу боеспособных войск в просторы русской территории».

А вот что об этой главной задаче германских вооруженных сил при нападении на СССР записал в своем дневнике один из самых близких к Гитлеру фашистских деятелей Геббельс 15 июня 1941 года: «Фюрер подробно объясняет мне положение. Наступление на Россию начнется, как только закончится развертывание наших сил… Русские сосредоточились как раз на границе. Самое лучшее, на что мы можем рассчитывать, если бы они эшелонировались вглубь, то представляли бы большую опасность… Они располагают 150–200 дивизиями, может быть, немного меньше, но, во всяком случае, примерно столько же, сколько у нас. Но в отношении материальной силы они с нами вообще не могут сравниться. Мы не полемизируем в прессе, сохраняем полное молчание и в один прекрасный день просто наносим удар»[1].

А вот что об основной идее плана «Барбаросса» писал маршал Жуков: «Однако очень скоро выяснилось, что в целом план “Барбаросса” оказался нереальным. Основной идеей этого плана было, как нам известно, окружить и уничтожить главные силы Красной армии, расположенные в приграничных военных округах. Враг надеялся, что с потерей их Советскому Верховному Главнокомандованию нечем будет защищать Москву, Ленинград, Донбасс и Кавказ. Но эти задачи немецко-фашистскому командованию не удалось осуществить».

Как мы видим, И. В. Сталин совершенно правильно расценил полученные сведения о подготовке нападения Германии на СССР как искусно инспирированные гитлеровцами, разглядел «нордическую» хитрость гитлеровцев с целью:

— Во-первых, в неблагоприятных условиях для Красной армии добиться сосредоточения ее основных сил в приграничных округах, что дало бы возможность гитлеровцам одним ударом уничтожить Красную армию и молниеносно выиграть войну. Сталин правильно понял, что авантюристическая ставка гитлеровцев на «молниеносную» войну не была случайностью. При всей своей политической ограниченности правящая клика фашистской Германии понимала временный характер своих военных преимуществ, понимала и то, что германская экономика в конечном итоге не выдержит затяжной войны против Советского Союза. Именно поэтому заправилы гитлеровской Германии поставили на карту все, чтобы рядом молниеносных ударов разбить Советскую армию до того как развернутся ее главные силы и начнет на полную мощность действовать военно-экономический потенциал Советского Союза. 31 июля 1940 года на совещании в Бергхофе Гитлер заявил: «Россия должна быть ликвидирована… Операция только тогда будет иметь смысл, если мы одним ударом разгромим государство… Начало — май 1941 года. Срок для проведения операции — пять месяцев»[2].

---

[1] *Ржевская Е.* Берлин. Май 1945 г. Записки военного переводчика. М., 1986. С. 57–58.

[2] *Самсонов А. М.* Вторая мировая война. М.: Наука, 1985. С. 84.

Именно по этой причине гитлеровцы в первые дни с начала войны, не жалея сил, не считаясь с потерями (одерживая фактически, во многих случаях, пирровы победы), оголтело лезли вперед.

— Во-вторых, вынудить Советское правительство еще до нападения Германии на СССР провести в нашей стране всеобщую мобилизацию, расценить ее как объявление войны Германии и свалить, таким образом, вину за развязывание войны на Советский Союз.

10 мая Сталин получил возможность убедиться, что он правильно разгадал замысел плана «Барбаросса», директивы ОКХ от 31 января 1941 года, ознакомившись с копиями, снятыми советским разведчиком с этих документов. Не случайно американский обершпион — бывший начальник американского разведывательного Управления США Аллен Даллес — в книге «Искусство разведки» писал: «Информация, которую добывали советские разведчики во время Второй мировой войны, содействовала военным успехам Советов и представляла собой такого рода материал, который является предметом мечтаний для разведки любой страны»[1].

Как мы видим, вся гитлеровская стратегия «молниеносной» войны была построена на надежде и, в конечном счете, на авантюре, что Советский Союз еще до объявления всеобщей мобилизации в стране расположит свои имеющиеся регулярные войска у новых советских границ. Как мы видим, единственно правильным в этих условиях решением было не продвижение войск к новым советским границам, а организация глубоко эшелонированной обороны, рассредоточение советских войск на обширной территории до 4,5 тыс. километров по фронту и свыше 400 км в глубину. Только в этом случае можно было после нападения фашистской Германии на Советский Союз, проведя всеобщую мобилизацию и превратив страну в единый военный лагерь, сорвать гитлеровский план молниеносной войны, организовать активную стратегическую оборону и, ликвидировав преимущество гитлеровцев в самолетах и танках, в конечном счете, выиграть войну.

Именно это и сделал Сталин.

В результате немецко-фашистские войска не смогли расчленить и окружить Красную армию по частям у западных границ Советского Союза и гитлеровский план «молниеносной» войны был сорван.

«Решение И. В. Сталина, накануне войны запретившего подводить основные вооруженные силы СССР к новым неукрепленным западным границам, приведшее, в конечном итоге, к разгрому фашистской Германии, ярко характеризует его как поистине ответственного стратега, серьезного политика и полководца», — пишет профессор Жухрай. Ведь даже в оперативном плане 1940 года, о котором упоминал Г. К. Жуков и который после уточнения действовал и в 1941 году, предусматривалось… «в случае угрозы войны: — сосредоточить и развернуть все отмобилизованные войска в районах западных границ, в соответствии с планом приграничных военных округов и главного военного командования».

Известно и то, что основные победы советские вооруженные силы начали одерживать именно после того, когда начал на полную мощность действовать военно-экономический потенциал Советского Союза, и гитлеровцы

[1] *Даллес А.* Искусство разведки. М., 1965. С. 112.

потеряли свое основное преимущество — превосходство в количестве танков и самолетов.

«Нельзя согласиться и с утверждениями, — писал профессор Жухрай, — что наши вооруженные силы накануне нападения фашистской Германии на Советский Союз, якобы, не были готовы к отражению немецко-фашистской агрессии. Правдивые факты говорят совсем о другом, о том, что наши вооруженные силы, в своем подавляющем большинстве, встретили нападение гитлеровских войск, несмотря на внезапность этого нападения, исключительно стойко и мужественно».

Начальник Генерального штаба сухопутных войск Германии генерал-полковник Ф. Гальдер писал 24 июня 1941 года (3-й день войны): «…Войска группы "Север" почти на всем фронте отражали сильные танковые контратаки противника». 26 июня 1941 года (пятый день войны): «Группа армий "Юг" медленно продвигается вперед, к сожалению, неся значительные потери. На стороне противника, действующего против группы армий "Юг", отмечается твердое и энергичное руководство». 29 июня 1941 года (8-й день войны): «Сведения с фронта подтверждают, что русские всюду сражаются до последнего человека, лишь местами сдаются в плен».

Под влиянием ряда успешных для Германии боев 3 июля 1941 года в дневнике Гальдера появляется более чем оптимистическая запись: «Не будет преувеличением, если я скажу, что поход против России был выигран в течение 14 дней».

Но уже 11 июля 1941 года (20-й день войны) от этого оптимизма не осталось и следа. «Командование противника, — записал в этот день Гальдер, — действует умело. Противник сражается ожесточенно и фанатически, танковые соединения понесли значительные потери в личном составе и материальной части. Войска устали…»

17 июля 1941 года Гальдер записал: «Боевой состав наших соединений, действующих на фронте, резко сократился». К 14 июля 1941 года из 2887 действующих на германско-советском фронте танков у гитлеровцев осталось 1700. С начала войны к 19 июля 1941 года немецкая авиация потеряла более 1300 боевых самолетов.

Начальник же личной охраны Гитлера обергруппенфюрер СС Раттенхубер так охарактеризовал эти дни: 24 июля 1941 года: «Большевики не из трусливых». 1 июля 1941 года: «Русские сопротивляются сильнее, чем предполагалось вначале. Наши потери в людях и материальной части значительны… В общем происходят очень тяжелые бои. О "прогулке" не может быть и речи… Наши солдаты еле сопротивляются».

Как мы видим после реального анализа, повального бегства с поля боя в советских вооруженных силах не было. А ведь без предварительной хорошей подготовки страны к обороне этого сделать было бы просто невозможно. Бои в районах Минска, Киева, Смоленска, Ельни, Ленинграда, Одессы и Севастополя подготовили разгром немецких фашистов под Москвой, сорвали гитлеровский план «молниеносной» войны…

О дате нападения фашистской Германии на Советский Союз. Соответствует ли правде заявление Черчилля, которое он сделал по этому поводу в своих мемуарах?

«Во время одной из моих последних бесед со Сталиным, — писал Черчилль, — я сказал: "Лорд Бивербук сообщил мне, что во время его поездки

в Москву в октябре 1941 года вы спросили его: что имел в виду Черчилль, когда заявил в парламенте, что он предупредил меня о готовящемся германском нападении?"

Да, я действительно заявил это, — сказал я, имея в виду телеграмму, которую я отправил вам в апреле 1941 года. И я достал телеграмму, которую сэр Стаффорд Крипс доставил с запозданием. Когда телеграмма была прочитана и переведена Сталину, тот пожал плечами: "Я помню ее. Мне не нужно было никаких предупреждений. Я знал, что война начнется, но я думал, что мне удастся выиграть еще месяцев шесть или около этого"»[1].

О том, что воевать с фашистской Германией придется, сомнений у И. В. Сталина не было. Однако он действительно сомневался, что война начнется в июне 1941 года. Страна активно готовилась к обороне.

С. К. Тимошенко и начальник Генерального штаба К. А. Мерецков представили на обсуждение в Политбюро ЦК КПСС документ: «Соображение об основах стратегического развертывания вооруженных сил Советского Союза на Западе и Востоке на 1940–1941 годы». В этом документе подчеркивалось, что наиболее вероятным противником на Западе являлась гитлеровская Германия, а на Востоке — империалистическая Япония. В дальнейшем этот план мобилизационного развертывания, на случай возникновения войны, корректировался и уточнялся под руководством нового начальника Генерального штаба Г. К. Жукова. В плане правильно оценивалась военно-политическая обстановка, верно определялись состав и группировка немецких войск и их возможных союзников — королевской Румынии, хортистской Венгрии, маннергеймовской Финляндии и фашистской Италии, направления вероятных главных ударов, группировка наших сил и средств на операционных направлениях (воспоминания маршала Советского Союза К. С. Москаленко).

В выступлении 5 мая 1941 года на приеме в Кремле выпускников военных академий И. В. Сталин предупредил присутствовавших в зале командармов Красной армии и Военно-Морского флота, что международная обстановка крайне напряженная, возможны всякие неожиданности, и что не исключено в самом скором времени нападение Германии на Советский Союз. И. В. Сталин призывал повысить бдительность и быть готовым к отражению любой агрессии[2].

Подготовка к отражению агрессии проводилась на прочной экономической основе. В стране был создан могучий военно-промышленный потенциал. В связи с угрозой нападения фашистской Германии на Советский Союз проводилось спешное развертывание вооруженных сил нашей страны. За период с 1 января 1939 года по 1 июня 1941 года их штатная численность возросла почти в 2,8 раза. С сентября 1939 года по июнь 1941 года было развернуто 125 стрелковых и 25 авиационных дивизий. Началось формирование 29 механизированных корпусов, 27 артиллерийских полков и 10 артиллерийских противотанковых бригад Резерва Главного командования. Эти части в последующем сыграли очень большую роль в уничтожении гитлеровских танков. В конце мая 1941 года около 800 тыс. военнообязан-

[1] *Черчилль У.* Вторая мировая война. Т. IV. С. 489.

[2] *Безымянский А.* Особая папка «Барбаросса». М., 1972. С. 303–304.

ных были призваны из запаса на учебные сборы. Была проведена, таким образом, скрытая частичная мобилизация.

Были ли у Сталина сомнения по поводу того, что нападение фашистской Германии на СССР произойдет именно 22 июня 1941 года?

Безусловно, такие сомнения были. Оставались эти сомнения и после того, как Сталин познакомился с содержанием плана «Барбаросса». Не случайно Г. К. Жуков в своих воспоминаниях писал об этих сомнениях у И. В. Сталина: «Правда, однажды он (Сталин. — *В. Ж.*) сказал мне: «Нам один человек передает очень важные сведения о намерениях гитлеровского правительства, но у нас есть некоторые сомнения».

В чем же причина сомнений у И. В. Сталина, что нападение фашистской Германии на СССР произойдет именно 22 июня 1941 года? Их было несколько.

Во-первых, сведениям самой превосходной и преданной Родине разведки никогда нельзя доверять на все сто процентов, поскольку искусная дезинформация со стороны противников никогда не исключается. Фактов же, чтобы опасаться такого рода провокаций, как со стороны англо-американских правящих кругов, так и со стороны фашистской Германии у Сталина было в то время больше чем достаточно. Голубой мечтой англо-американских правящих кругов было нападение Германии на Советский Союз.

Во-вторых, фашистская Германия, как это ни парадоксально звучит, особенно для людей, не знакомых с секретами большой политики, была не готова к большой войне против Советского Союза в июне 1941 года. Более того, нападение фашистской Германии на Советский Союз в июне 1941 года было равносильно для нее самоубийству.

Дело в том, что в плане «Барбаросса» имелись столь существенные дефекты и недостатки, что такому умудренному политику и экономисту (известно, что помимо военного аспекта война — это еще и очень сложное экономическое явление), каким являлся И. В. Сталин, действительно, трудно было поверить, что в этих условиях Гитлер решится (не ликвидировав хотя бы частично эти недостатки) напасть на СССР.

Фашистская Германия испытывала острую хроническую нужду в нефти, объективно имеющую решающее значение для ведения успешных боевых действий против вооруженных сил СССР.

Начальник отдела экономики и вооружения АКБ генерал Томас, весьма грамотный в экономическом отношении человек, еще 14 августа 1939 года в поданной на имя Гитлера докладной писал: «Скоротечная война и скоротечный мир — полнейшая иллюзия. Нападение на Польшу приведет к мировой войне, для ведения которой Германия не имеет ни сырья, ни продовольствия».

Однако Гитлер с мнением генерала Томаса не посчитался.

Не случайно наиважнейшая задача гитлеровских войск, после нападения на Советский Союз, состояла в захвате, любой ценой, советских нефтяных промыслов. Вот что об этой задаче писал генерал Гальдер: «19 ноября 1941 года Гитлер определил главную цель на 1942 год так: “Задачи на будущий год — в первую очередь Кавказ…”». В директиве Гитлера № 41 от 5 апреля 1942 года говорится: «…захватить нефтяные районы на Кавказе и перейти через Кавказский хребет».

1 июля 1942 года на совещании командующих армейской группировки «Юг» в районе Полтавы Гитлер заявил, что если он не получит нефть Майкопа и Грозного, то должен будет покончить с этой войной.

В-третьих, фашистская Германия накануне нападения на СССР испытывала серьезную нехватку зерна и других видов продовольствия, что делало ее крайне уязвимой в войне. «В Германии, — записал в своем дневнике Геббельс, — очень плохо с продовольствием, предстоит еще снижение нормы на мясо… Итак, вперед! Богатые поля Украины манят».

В-четвертых, в Германии накануне нападения на СССР не хватало железнодорожных вагонов. 23 июня 1939 года на секретном заседании Совета начальник транспортного отдела германского Генерального штаба сухопутных войск полковник Рудольф Герке открыто заявил: «С точки зрения транспорта Германия к войне не готова». Положение это не изменилось и в июне 1941 года. Нехватка железнодорожных эшелонов стала ахиллесовой пятой гитлеровцев, особенно в ходе развернувшейся партизанской войны советского народа.

В-пятых, вступив в пределы такого, в общем-то северного, государства, как Россия, гитлеровцы даже не имели необходимых резервов зимнего обмундирования, надеясь «запастись» им после «молниеносного» разгрома советских вооруженных сил в России.

В-шестых, в плане «Барбаросса» имела место явная переоценка танковых частей и недооценка советской артиллерии, которая в конечном итоге в течение первых двух недель войны в основном и выбила более 50 процентов гитлеровских танков.

Однако гитлеровская команда не посчиталась с этими весьма важными и объективными недостатками плана «Барбаросса» и все же напала в июне 1941 года на Советский Союз. Не выдерживают критики и утверждения ряда политических деятелей, литераторов и историков о том, что якобы в момент нападения фашистской Германии на СССР Сталин растерялся и долго не мог прийти в себя. Сталин — профессиональный политик, человек известного личного мужества и самообладания, который никогда никого и ничего не боялся.

Много раз мне приходилось встречаться с известным писателем Иваном Фотиевичем Стаднюком, выпускать его книги. Особые страсти разгорелись вокруг первой его книги — эпопеи «Война». Уже после того, как «хрущевская» объективная наука утрамбовала общественное мнение на предмет катастроф, связав их только с именем Сталина, писатель решил взглянуть на начало войны объективно.

Боже, что тут началось! В «Литературке», «Комсомолке», «Известиях». Издевательские статьи кликушествовали: «Может, добавить к “Войне” и “мир”». «Куда в калашный ряд!» (То бишь, в стратегию!) Это было разрешено только Вадиму Кожевникову и Александру Чаковскому, а тут какой-то Фотиевич.

Но у Ивана Фотиевича был неоценимый опыт собственного участия в войне, в знаменитом Смоленском сражении, у него были в активе встречи со всеми великими полководцами: Жуковым, Коневым, Малиновским, с маршалами Еременко, Рокоссовским, Покрышкиным, с тысячами военных. И, скажем откровенно, ныне это самая объективная, самая достоверная и

самая художественно-убедительная книга о начале войны. Он скрупулезно сидел над документами, материалами, картами. Да, однажды, зайдя к нему, я увидел карту октябрьских боев под Москвой, расчерченную синими и красными стрелами. «Вот повесил над головой и смотрю, размышляю, что думали они тогда, в самые тяжелые для Москвы дни, где была истина в этих картах, где фронт был уже прорван?» Рядом на кровати был прикреплен листочек с градусами.

— Что это?

— Это сводка погоды по дням за октябрь, ноябрь, декабрь. Гидрометцентр расстарался из исторических архивов.

— Ну, а по первым дням войны у вас тоже есть график?

— Да, до 3-го июля. Я знал каждый шаг Сталина.

— Вот говорят, что генералы хотели в первые дни войны Сталина устранить, ибо он ошибся в сроках начала войны. И чтобы политики не мешали военным.

— Ну, мне тоже эту версию рассказывали, и даже на первые главы «Войны» ссылаются. Когда в один из первых дней Сталин приехал с членами Политбюро в Генштаб и в резкой форме потребовал изменения положения на фронте, ему столь же резко ответили Жуков и Тимошенко.

— Вы пишете, что Жуков положил руку на телефон, а ведь внизу стояла охрана Генштаба?

— Нет, кажется, до этого генералы не дошли, хотя многие просчеты вправе были возлагать и на политиков.

Впоследствии я сам попытался прояснить ситуацию. Осторожно говорил с Жуковым, Молотовым, Коневым, Баграмяном, с адмиралом Кузнецовым и другими военными и политическими деятелями. Пожалуй, до «заговора генералов» дело в первые дни не дошло. Они имели основания быть недовольными, но осознавали, что без авторитета Сталина им с Гитлером справиться будет трудно.

Лишь адмирал Кузнецов нехотя сказал в конце: «А впрочем, от Жукова всего ждать можно было». Да, Жуков имел железную волю. Может, поэтому все послевоенные правители так боялись его и держали под строгим присмотром.

Что касается Сталина, то, по словам Поскребышева, он действительно заболел (возможно, это было нервно-психологическое потрясение), но уже к концу июня оправился, собрался и полностью включился в военно-политическую работу.

К каждому политику и государственному мужу история предъявляет свои претензии, она выносит им свои обвинения и в то же время проявляет в них то, истинно значительное и великое, что остается в веках, она срывает с них маски, которые надевали они или эпоха! И показывает реальный лик.

Ивана Грозного она заклеймила за опричнину, но не могла не признать правильность его борьбы с интриганствующим боярством; Алексей Михайлович совершил великий акт соединения Украины и России, но не без его участия в духовно-церковной жизни России произошел катастрофический Раскол; Петр Первый варварски сломал многие традиции и обычаи России, Патриаршество, законопатил под Петербург сотни тысяч крепостных мужиков, но он же и внедрил технические и научные изобретения, разгромив Карла XII, возвратил России исторические земли Прибалтики; Екатерина II

секуляризировала монастырские земли, вешала бунтовщиков-пугачевцев, нередко вела разгульный образ жизни, но была мудрой державницей: Новороссия, Крым, Западная Украина и Белоруссия, Аляска стали землями Российской империи; Александр I победоносно завершил Отечественную войну 1812 года в Париже, но подчинил потом политику России мрачному Священному Союзу монархов Европы; Николай II — тихий, богобоязненный правитель, обладал высоким семейным чувством, стал мучеником, но ему не хватило твердой воли и из-за его мягкости была проиграна Первая мировая война, раскололась Великая Держава, пала монархия.

Сталин несет историческую ответственность за раскулачивание, ГУЛАГи, выселение народов, гибель многих невинных, но в годы Великой Отечественной войны, если сохранять объективность, он проявил себя как великий стратег и полководец. Богу богово, кесарю кесарево…

ВЫШЛА КНИГА

Веселов В. Р.
Благодарение. Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2012. — 396 с.

На рубеже двух столетий растет драматизм общественной жизни, идут глубокие процессы социальной и духовной инверсии, охватывая историческое прошлое, современные реалии, посылая импульсы в грядущие времена. Эти и другие проблемы человеческого бытия автор книги, русский поэт, историк, осмысливает в системе художественных образов, лирических переживаний и философского оптимизма, любви и благодарности жизни.

Книга адресована широкому кругу читателей.

Павел ДОРОХИН

МОЙ ДЕД, ДОРОХИН ИВАН СЕРГЕЕВИЧ, ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

К 70-летию Великой Победы

Павел Сергеевич Дорохин — родился в 1965 г. в Москве. Окончил Восточное отделение факультета международных отношений МГИМО МИД СССР и Дипломатическую академию МИД РФ. Обучался в очной аспирантуре Института Востоковедения Академии наук. Владеет английским, бенгали, французским и итальянским языками. Имеет богатый опыт работы на ответственных должностях в России и за рубежом. Член СП России. Автор нескольких книг. С декабря 2011 г. — депутат Государственной Думы. Заместитель председателя Комитета по промышленной политике. **Живет в Москве.**

«Моим внукам: Павлику (в день рождения) и Костику (за компанию). Растите и пользуйтесь счастьем жизни, которую мы большой ценой отвоевали для вас у дикарей нацизма. Не давайте в обиду своей Родины». Эту книгу, «Герои огненных лет. Очерки о москвичах, — Героях Советского Союза», я получил от своего деда, когда мне исполнилось 13 лет, в 1978 году. Каждый год, в свой день рождения, открываю раздел, посвященный его подвигу, за который он получил Золотую Звезду Героя и орден Ленина. И сейчас, когда мне за сорок, я взял эту книгу в Италию, где работаю уже несколько лет.

Перелистываю страницы, смотрю на его фотографию: веселое, красивое лицо офицера пехоты. Густые широкие брови, озорные глаза и Звезда Героя Советского Союза на груди. И вдруг ловлю себя на мысли, что ему тогда было 36, меньше, чем мне сейчас…

В одном из номеров фронтовой газеты «За честь Родины», датированном 21 апреля 1944 года, была помещена фотография офицера Героя Советского Союза с подписью: «Тридцать бойцов было у старшего лейтенанта Ивана Сергеевича Дорохина. Тридцать — против двухсот! Враг окружил наш отряд. Советские воины бились, не щадя жизни. Кончились патроны — бросились в рукопашную. Коммунист офицер Дорохин и его бойцы победили».

Эти цифры — 30 и 200 — потом повторялись в материалах, повествующих о подвиге И. С. Дорохина. И не удивительно. Случай, происшедший на берегах Днепра в далеком 1943 году, относился к тем эпизодам минувшей войны, которые стали возможны благодаря беспримерному мужеству и самоотверженности советских людей, их беззаветной любви к своей Родине.

Когда грянула Великая Отечественная, И. С. Дорохин работал в Главном управлении государственных материальных резервов при СНК СССР. Провожая его на фронт, родные наказывали: «Возвращайся победителем». Не сразу он попал на передовую. Сначала учился на офицерских курсах. И только с 1942 года стал командиром стрелкового взвода в действующей армии.

Сейчас даже мысленно трудно окинуть путь, пройденный Иваном Сергеевичем. Этот путь пролег по родной стране и трем зарубежным государствам. Суровые были испытания на фронтовых дорогах. Но особое место в воспоминаниях о тех днях принадлежит боям у древнего города Киева.

В ночь на 28 сентября 1943 года первые подразделения 86-го стрелкового полка 180-й стрелковой дивизии переправились на правый берег Днепра. Сломив сопротивление гитлеровцев, они ворвались на первую оборонительную позицию. В жестокой рукопашной схватке выбили противника, закрепились на плацдарме. Используя успех, командир полка быстро перебросил на правый берег другие батальоны. В составе одного из них была и третья рота старшего лейтенанта И. С. Дорохина. Несколько дней шли ожесточенные бои за расширение захваченного плацдарма. Чтобы дать возможность начать боевые действия главным силам наших войск, полку предстояло занять населенный пункт Лютеж, высоту с рощей и село Старые Петровцы. В этих-то боях и отличился командир роты.

Батальону, в состав которого входила рота Дорохина, была поставлена задача: прорвав оборону противника, проникнуть в тыл и дерзкими действиями посеять панику в рядах фашистов; выйти за село Старые Петровцы и держаться там до начала наступления наших войск. В случае отступления гитлеровцев преградить им путь отхода по шоссе.

…Ночь выдалась темная. Шел мелкий дождь. Хлюпала под ногами грязь.

Но солдаты радовались: главное сделано — прорвались! Правда, это удалось немногим.

А вскоре стало ясно, что из офицеров Дорохин остался один. И солдат из всего батальона набралось не больше роты.

Дорохин решил возглавить группу. Назначил командиров взводов, отделений, связных. И движение возобновилось, уже осмысленное, не бесцельное.

Прямо перед ними несколько домов.

Первой мыслью Дорохина было обойти их и продолжать движение. Но около строений замелькали огни. Раздались выстрелы. Стало ясно: гитлеровцы заметили советских воинов. И Дорохин приказал взводу Севрянского обойти с двух сторон дома и «прощупать» их хорошенько. Но фашисты не приняли боя и отступили. Это и радовало, и огорчало: хорошо, что успех достался легко, но теперь, как говорится, спокойной жизни не жди — враг обнаружил группу и постарается устроить достойную встречу.

Так и получилось: прорыв советскими воинами сильно укрепленной обороны, проникновение в тыл противника, нарушение линий его связи, наконец, разгром штаба артполка (позднее выяснилось, что именно он располагался в тех домиках) не на шутку встревожили гитлеровцев, находившихся в Старых Петровцах. Они подтянули сюда свежие части.

— Окапываться как следует! — приказал Дорохин.

В правильности решения командира солдаты убедились скоро. Лишь только забрезжил рассвет, в небе появилось около десятка бомбардировщиков противника. В такие минуты земля кажется неустойчивой. Нервы напряжены. Легче бежать, атаковать, стрелять во врага в упор. Но надо лежать, уткнувшись лицом в землю. Есть в такой неподвижности что-то от обреченности.

Мучительно тянулось время, до начала наступления оставалось добрых полтора часа. Самолеты сделали несколько заходов. Но рота выдержала бомбовый удар. И все потому, что окопалась, как положено на фронте. У всех полегчало на душе. Изготовились к бою. И вот заговорили наши орудия. Гитлеровцы заметались между домами. Вскоре по шоссе двинулись их машины. Появилась сначала одна, за ней потянулись бронетранспортеры, тягачи…

— По машинам, огонь! — приказал Дорохин.

Грянули выстрелы. Передняя машина резко затормозила.

Образовалась пробка. А с другой стороны села уже слышалось громкое «Ура!». Противник, бросая боевую технику, в беспорядке стал отходить по полю. Меткий огонь солдат из роты Дорохина разил врага.

Но закрепиться в Старых Петровцах не удалось. После интенсивной артподготовки при поддержке танков и самоходок противник перешел в контратаку. Ему удалось прорваться через боевые порядки наших войск и выйти к огневым позициям минометов и противотанковой артиллерии. Село и высота с рощей были им взяты, но опрокинуть в Днепр наши передовые части врагу не удалось. Воины дивизии, перейдя к жесткой обороне, стояли насмерть.

Ежедневно с рассвета до вечера бомбардировщики противника большими группами появлялись над позициями советских воинов, закрепившихся на берегу Днепра. Не успевала улететь одна группа, появлялась другая. Самое обидное то, что невозможно было окопаться: сыпучие пески не давали возможности укрыться в земле. Не прекращались контратаки пехоты противника. На исходе были боеприпасы.

Но вот наступил радостный день: на правый берег Днепра переправились танковый корпус, много артиллерии. Наши войска снова перешли в наступление. Перед ротой старшего лейтенанта Дорохина поставили задачу: выбить противника из небольшого леса. От успеха ее действий зависело выполнение боевой задачи другими подразделениями — лес был на пути движения, обойти его — невозможно.

Бой завязался сразу же. За два часа роте удалось продвинуться всего лишь на несколько сотен метров. И хотя до опушки осталось немного, артиллерийским и минометным огнем враг вынудил залечь советских воинов.

Не давали поднять голову снайперы, засевшие на деревьях. В роте и без того насчитывалась треть состава; снайперы убили еще нескольких бойцов. Обстановка требовала немедленных действий. И Дорохин решил штурмом выбить врага из леса. Он верил в своих товарищей. И они его не подвели: дружно устремились за командиром.

Едва бойцы достигли опушки, как слева, со стороны ближайшего села, появились вражеские танки. Шесть машин, а за ними пехота отрезали роту Дорохина от других подразделений батальона. Воспользовавшись подходом свежих сил, двинулись в атаку и фашисты, находившиеся в

лесу. Кольцо замкнулось, после этого гитлеровцы направили свои танки в другую сторону.

Прошло два часа. Командиры взводов доложили, что патроны на исходе. Вражеское кольцо сжималось, с каждой минутой уменьшая силы к сопротивлению. Фашисты приближались. Почувствовав, что огонь обороняющихся ослаб, они еще больше осмелели. Пулеметный и автоматный огонь прошивал кусты, прижимал к земле. Но враг не решался перейти в последнюю атаку, опасаясь, видимо, рукопашного боя.

Наступила критическая минута. Дорохин посмотрел на своего заместителя, политработника Сергеева. Тот всем видом как бы говорил: «Решай, командир! На тебя надеются люди, на твой ум, находчивость».

А враги ползут и ползут. «Еще минута — и забросают гранатами, — подумал Дорохин. — Что предпринять? Смерть не лучший выход, когда за спиной жизни подчиненных, а в руках боевой приказ, который еще надо выполнить». Созрело решение: «В штыки!» И тут же минутное сомнение: «Поймут ли, что это последний шанс на успех? — Сам же ответил: — Должны понять! Это советские люди!» Он поднялся:

— За Родину! В штыки!

— Ура-а-а! — раздалось в ответ.

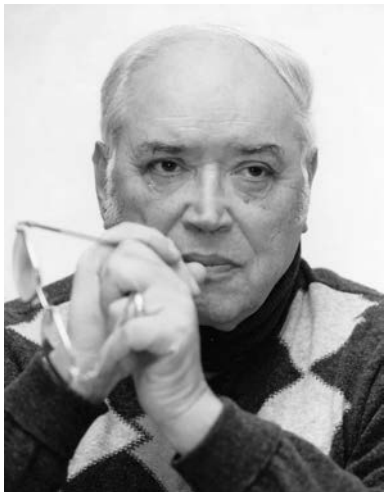
Запрыгали кусты перед глазами. Ветки больно хлестали по лицу. Враг дрогнул, побежал. Дорохин на ходу подхватил автомат около убитого и дал очередь по убегающим фашистам. Воины последовали примеру командира: пошли в ход вражеские винтовки, автоматы и даже пулемет.

Лес был очищен от гитлеровцев. В бою уничтожили около сотни солдат противника, захватили в плен двух офицеров. Боевую задачу выполнили — дорога наступающим подразделениям была свободна.

Форсирование Днепра, смелый выход в тыл противника, ликвидация штаба артполка, уничтожение живой силы и техники врага, отчаянная схватка в лесу — все это потребовало от Дорохина исключительного мужества, находчивости.

От днепровских круч еще долог был путь до Берлина, до Победы. Иван Сергеевич Дорохин прошагал и по нему, но уже со Звездой Героя на груди.

Григорий ГИНЗБУРГ

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

К 70-летию Великой Победы

Григорий Исаакович Гинзбург (1922–2007). С первых дней Великой Отечественной войны добровольцем ушел на фронт. Разведчик в частях морской пехоты, участник обороны Ленинграда, Москвы, Сталинграда. Прошел боевой путь от краснофлотца до лейтенанта — командира взвода разведки. Трижды ранен. Награжден орденами Красной Звезды, Отечественной войны I степени, двумя медалями «За отвагу» и еще более чем 20 наградами. После войны более 55 лет проработал адвокатом. Заслуженный юрист Украины, советник Уполномоченного Верховной Рады по правам человека, член Национального Союза кинематографистов Украины.

В № 4 нашего журнала за 2011 год к юбилею Московской битвы были опубликованы отрывки из мемуаров известного киевского адвоката, правозащитника и общественного деятеля Григория Исааковича Гинзбурга, который в составе 84-й Отдельной Морской стрелковой бригады принимал участие в обороне и контрнаступлении под Москвой в декабре 1941 года (а позднее в составе 154 ОМСБр — в Сталинградской битве). Публикация вызвала большой интерес читателей. По многочисленным просьбам к юбилею Великой Победы мы публикуем часть воспоминаний Г. И. Гинзбурга о Дне Победы, который он встретил в горьковском госпитале после тяжелого ранения на Северо-Западном фронте, а также его размышления о войне и любимые стихи[1].

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Но именно потому, что смерть, разорение, все несчастья и беды войны не обминули меня стороной, я, не задумываясь ни на минуту, ответил бы на вопрос о самом счастливом дне моей жизни, что им был день 9 Мая 1945 года.

Майские праздники 1945 года обитатели 12-й офицерской палаты эвакогоспиталя номер 2817 в г. Горьком встречали в приподнятом настроении. Самыми главными событиями были радостные сводки Совинформбюро. Нас было пятеро: суровый пожилой майор, командир пехотного полка Аракелян без ноги — в депрессии, не говорящий ни слова; командир взвода разведки, весельчак и балагур, мегрел Володя Бокучава с простреленным легким

[1] Цит. по: *Гинзбург Г.* Воспоминания. Киев: Родовид.

(оперировавший его хирург говорил, что ему лучше уехать к себе в Грузию, иначе он погибнет в этом климате — что вскоре и произошло); совсем молоденький харьковчанин, почти не успевший понюхать пороха, — Володя Петрусь, который был в вечной тревоге, что пальцы его раненой руки не обретают подвижность в суставах; танкист Коля родом откуда-то из под Вологды, тяжело раненный в голову в районе виска, с повреждением центра речевой памяти; и я. Все мы учили Колю говорить простейшие слова и считать до десяти, но он, дойдя до цифры «восемь», повторял ее без конца, как ни силился преодолеть это препятствие.

Мы все знали, что со дня на день должен пасть Берлин. Мы понимали, что война уже на исходе, и что лично нас — «отвоевавшихся», она уже никак не коснется, но все пятеро так страстно желали ее окончания! Мы ждали этого дня, но все же он наступил внезапно.

Мы сидели возле окон и обсуждали методику вечерних занятий с Колей. Почти двое суток лил бесконечный серый дождь, уже с девяти часов вечера центральная улица города Свердловка и площадь Минина, куда выходили окна госпиталя, были безлюдны. Блестели лужи на асфальте при свете тусклого фонаря, да по стеклам окон плыли струйки дождевых стрел. Погода навевала тоску и уныние. В госпитале царила тишина. После очередного урока разговорной речи, закончившегося проклятым «восемь, восемь…», даже не дождавшись отбоя, мы уснули.

Ночью все проснулись как по команде, разбуженные веселым гомоном в коридоре и торжественным голосом Левитана. Еще не услышав возгласов «Победа!», мы все поняли.

В одном белье, в госпитальных халатах и тапочках, все, кто в состоянии был двигаться, высыпали на улицу. Впервые наш строгий вахтер, тетя Капа, не задерживала нас у выхода, а любезно распахнула двери. Дождь продолжался, но его уже никто не замечал. Со всех сторон по лужам бежали к нам счастливые жители. Люди обнимались и целовались, радостно кричали, пели песни и танцевали под дождем. В тапочках и на костылях мы плясали в лужах с жителями соседних домов.

До рассвета продолжалась веселая вакханалия среди луж. На эти несколько часов люди забыли о своих горестях и невзгодах, о тревогах и заботах. Перестали болеть раны. Молчаливый майор Аракелян приплясывал на костылях, задорно смеялся и поздравлял каждого с Победой. Володя Бокучава, для которого простуда была смертельно опасна, промокший насквозь ходил между группами людей, сообщал всем, что завтра же он женится на медсестре Тане, устроит свадебный пир на всю Мегрелию и приглашает всех горьковчан в гости. Володечка Петрусь со слезами радости обнимал нас загипсованной рукой и впервые не обращал внимания на неподвижность пальцев. А Коля в эту ночь произнес наконец «девять»!

Никогда ранее и потом за прошедшие после этой ночи более шестидесяти лет мне не приходилось видеть такой непосредственности и чистоты чувств, проявленных одновременно сотнями совершенно разных по возрасту, характерам, интеллекту и привычкам людей. Охватившая всех радость Победы явилась наглядным примером единомыслия и великой сплоченности народа-победителя.

Да, Победа была подлинным всенародным торжеством, это и было Счастье!

МОРСКАЯ ПЕХОТА. РАЗВЕДКА

Пехота теряла больше всех войск, а морская пехота, в которой мне довелось служить с осени 1941-го до осени 1943-го, — еще больше. Ибо ко всему комплексу неподготовленности СССР к войне: плохому, недостаточному вооружению пехоты, безалаберности командования и его безразличию к ценности жизни солдат, добавилось еще неумение моряков воевать на суше и свойственные им необдуманная отвага и бесстрашие, показная лихость и некоторые бравада и позирование. Помню, как во время контрнаступления под Москвой на Клинском и Солнечногорском направлениях в декабре 1941 года в 35-градусный мороз моряки сбрасывали перед атакой серые шинели и зеленые бушлаты, в которые их переодели для «маскировки». Шли во весь рост с винтовками наперевес в черных морских бушлатах и клешах, или даже в одних полосатых тельняшках по белому снегу. Это впечатляло, но заканчивалось всегда огромным количеством убитых и чаще всего — срывом атаки, так как до немецкой линии обороны из тысяч доходили единицы. Через несколько минут снег становился красным от крови, гибель храбрецов была предопределена, а главное — бессмысленна, ибо они не забрали с собой ни одного фашиста.

Но те, кто выжил в первых боях, усвоили науку войны, и уже в 1942 году морские пехотинцы научились и рыть окопы, и ползать, вжимаясь в землю, и маскироваться. А главное, они усвоили, что победить врага, убить его или захватить «языка» можно, только овладев всеми премудростями войны, а сухопутная война кардинально отличается от войны на море.

Из любимых стихов:

ПЕХОТИНЕЦ

Уже темнеет. Наступленье,
Гремя, прошло свой путь дневной,
И в нами занятом селенье
Снег смешан с кровью и золой.
У журавля, где как гостинец
Нам всем студеная вода,
Ты сел, усталый пехотинец,
И все глядишь назад туда,
Где в полверсте от крайней хаты
Мы, оторвавшись от земли,
Под орудийные раскаты,
Уже не прячась, в рост пошли.
И ты уверен в эту пору,
Что раз такие полверсты
Ты смог пройти, то, значит, скоро
Пройти всю землю сможешь ты.

Константин Симонов

Еще бóльшие людские потери несли разведчики (а я служил в подразделении пешей разведки), потому что атаки (и вообще бои) стрелковых батальонов происходили не ежедневно, были передышки, доформирования, пребывание во втором эшелоне, а разведчики ходили в ночные поиски за

«языком» каждую ночь, да и контактировали с врагом плотнее и непосредственнее.

Очень труден был для меня лично и моих разведчиков период обороны Сталинграда. Если под Москвой, на Северо-Западном и Калининском фронтах мы воевали больше всего в лесах, где были укрытия и широкие возможности для маскировки, то под Сталинградом — голая степь, и скрываться от вражеских пуль и мин можно было только в ложбинах, балках и в воронках из-под снарядов. Но незаметно подползти к немцам и взять «языка» было почти невозможно. Впрочем, этого от меня и не требовали.

Из-за нехватки личного состава разведчиков использовали в окопах и укреплениях в качестве стрелков, а за «языком» посылали редко.

О ВОЙНЕ

Подумать только, со дня начала войны прошло 65 лет. Целая жизнь! Для большинства полегших в той войне — три жизни. Ведь им было тогда от 18-ти до 25-ти. Им бы жить да жить, растить детей, заниматься любимым делом, доставлять радость близким. А они совсем юными ушли в небытие. А о большинстве из них уже и вспоминать некому. За 65 лет почти все, даже выжившие в той войне, ушли в иной мир.

Из любимых стихов:

Ветрами чисто метены,
Без памятных камней,
Хранит земля отметины
Погибших сыновей…
И если чудо сбудется
В далекие года,
Война людьми забудется,
Землею — никогда!

Маргарита Алигер, 1945

Многие годы у нас о Великой Отечественной принято было писать и говорить с пафосом, в превосходных выражениях, отмечая массовый героизм, руководящую роль компартии и ее представителей в Красной армии — политработников, восхищаясь готовностью каждого советского человека умереть за Родину, за Сталина. В торжественных речах и в газетных статьях цитировались последние слова смертельно раненного политрука Клочкова или кого-то еще: «За нами Москва… (Ленинград, Сталинград, Россия или Родина) … отступать некуда!» либо: «Коммунисты умирают, но не сдаются!»

Не отрицаю, бывали случаи, когда коммунисты перед смертью произносили нечто похожее из этих лозунгов. Намного чаще эти лозунги цитировались перед боем, перед атакой, или напутствуя разведчиков, уходящих в тыл врага. Несколько раз и мне доводилось слушать эти слова из уст политработников. Обычно же на фронте, особенно от подлинных фронтовых офицеров, а не от заезжих генералов и высоких штабных чинов, никакой патетики и высоких слов никто не слышал.

Их не было. Напротив, говорились обыденные, часто скрепленные крепким матом слова о том, что есть такой приказ и надо приложить усилия

для его выполнения. При этом нужно постараться выжить. Не надо показного героизма: не сбрасывать шинелей и бушлатов, не переть во весь рост, не орать «полундру», не пренебрегать маскировкой и окапыванием и т. п.

Война была, кроме всего, тяжкой и кровавой школой выживания. Кто не пролил крови и не полил потом поле брани, кто не усвоил элементарные правила и хитрости ведения боя, у того почти не оставалось шансов уцелеть.

Если говорить о моем поколении в целом, не дробить его на жертвы жестокой системы и жертвы войны с фашизмом, на хороших и «не совсем», то, во-первых, в 1945 году от родившихся в 1921–1923 годах осталось в живых лишь 3 процента. За 65 лет вымерло от ран и от всяческих хвороб, связанных и не связанных с войной, не менее 2,5 процентов, а осталось 0,5 процента!

Под одной деревней Князево на протяжении нескольких месяцев в бессмысленных атаках полегла практически вся моя бригада — восемь тысяч молодых мужчин…

Только с марта по август 1943 года через мой взвод, где по штату положено 20 человек, прошло около 300 бойцов. 280 были убиты и ранены за полгода. Под Старую Руссу мы приехали в 8-ми эшелонах, а уезжали — в одном, и в том было пусто.

Из любимых стихов:

Мы победили! Помянем!
Тех, что расстреляны — взводы и роты,
Тех, что погибли на минных полях,
Тех, кто был брошен на пулеметы,
Чьи до сих пор догнивают в болотах
Кости в кирзовых «прохорях».

Ким Дворкин

Поэтому я, выживший в 1941–1943 годах, а затем в течение еще 65 лет — счастливчик вдвойне. Мое поколение за всю историю Советской власти было самым чистым. Ушли из жизни все те, с кем, как написал поэт-фронтовик А. Межиров, «сдружились, сплакались и спелись».

Большинство из оставшихся в живых фронтовиков рассказывают, как и я, что те четыре года, когда они могли быть каждый день убиты, были самыми счастливыми для них. Почему — не все могут объяснить. Ну, конечно, были молоды! Но также: была надежда на будущую достойную их светлую жизнь. Ни достойной, ни даже сносной жизни они не дождались, и уже ясно — никто из нас не дождется.

И еще: в войну верность воинской присяге, нравственности и долгу совпадали, а в послевоенные годы это совпадение исчезло. Сейчас чуть-чуть брезжит надежда. Но кто пойдет сегодня на войну, как в 1941 году?

Боюсь, что будут искать справки об отсрочке…

Хотелось написать что-нибудь очень радостное, светлое, майское, а вспомнилось грустное и тяжелое. Что поделать, волею судьбы я оказался среди той части фронтовиков, которые воевали первую половину войны, а вторую — провели в госпиталях, поэтому большие тяготы и утраты заслонили в памяти малые и незаметные радости.

Из любимых стихов:

Что-то очень большое и страшное,
На штыках принесенное временем,
Не дает нам увидеть вчерашнего
Нашим гневным сегодняшним зрением.
Мы, пройдя через кровь и страдания,
Снова к прошлому взглядом приблизимся,
Но на этом далеком свидании
До былой слепоты не унизимся.
Слишком много друзей не докличется
Повидавшее смерть поколение,
И обратно не все увеличится
В нашем горем испытанном зрении.

Константин Симонов
«Словно смотришь в бинокль перевернутый», 1941

ВЫШЛА КНИГА

Важинская И. Н.
Скитанья солнечной души. Стихотворения. — СПб. : Родная Ладога, 2014. — 168 с.

В книгу вошли наиболее яркие стихотворения двух последних десятилетий. Литературная героиня — современная петербурженка. Ее поэтический мир открывается в странствиях души «меж тьмой и светом», в стремлении на «зов нездешней высоты». Лирические темы переплетаются с философскими раздумьями, историческая ретроспектива с современностью.

Издание выпущено при поддержке Комитета по печати и взаимодействию со средствами массовой информации Санкт-Петербурга.

Глеб БОРЩЕВСКИЙ

НА ВОЛНАХ ПАМЯТИ НЕТЛЕННОЙ

К 70-летию Великой Победы

Глеб Аркадьевич Борщевский — студент второго курса факультета Международной журналистики МГИМО, отделение связей с общественностью. Родился и вырос в Новороссийске, **в настоящее время живет и учится в Москве.**

Залп салюта!
И в бухте Цемесской
Бескозырка опять плывет...
Как из боя она воскресла...
Это память не отдает
Этих дней, что для каждого святы.
И в величии самом простом
Шли ребята: матросы, солдаты,
Шел десант...
Сквозь огонь. Напролом!

Надежда Бурцева. Бескозырка

В этом году начало февраля в Новороссийске оказалось на удивление теплым. Снега не было и в помине — его здесь почти никогда не бывает. Однако на этот раз температура даже не упала ниже нуля. Впрочем, весь город знал — через несколько дней наступит похолодание. С гор повеет морозный норд-ост, на море поднимутся волны, а с неба польется проливной дождь. Город знал это вовсе не потому, что о том поведал прогноз погоды. Уже более семидесяти лет подряд ночь с 3 на 4 февраля становится самой холодной, пасмурной и темной ночью года.

72 года назад здесь, в холодных зимних водах Цемесской бухты, высадились два десанта. Один из них — основной — должен был занять поселок Южную Озереевку и оттуда двинуться на оккупированный немцами Новороссийск. У второго десанта, состоявшего всего из 275 человек, была задача высадиться около пригорода Новороссийска Мысхако, на территории ныне известной как Малая земля, и отвлечь на себя вражеский огонь. Участники десанта на Малой земле прекрасно понимали, что у них практически не было шансов пережить эту ночь. В конце концов, таков был план советского командования. План, которому не суждено было сбыться.

Основной десант был разбит еще на подходе к берегу. Бухта наполнилась кровью тысяч солдат, не

ожидавших настолько яростного сопротивления со стороны фашистских оккупантов. Около полутора тысяч человек успели высадиться на берег лишь для того, чтобы быть безжалостно перебитыми. Только небольшому отряду удалось уцелеть и через несколько суток эвакуироваться. Часть кораблей еще на подходе к берегу успела получить приказ к отступлению и спешно выйти из-под обстрела немецких орудий.

Тогда никто не ожидал, что малый отвлекающий десант под командованием Цезаря Львовича Куникова, впоследствии пополненный остатками основного, быстро и организованно высадится под дымовой завесой и уже через час займет берег, а под утро, выдержав десятки атак, захватит вражескую артиллерию и откроет из нее огонь по вражеским позициям. В течение ночи на сформированном плацдарме закрепилось больше 800 человек, в течение месяца — несколько тысяч. Наступление на Новороссийск было невозможным, потому советское командование отдало приказ — любой ценой удерживать Малую землю.

В течение девяти месяцев малоземельцы обороняли свои позиции. В течение девяти месяцев они вынашивали в себе плод победы, оберегая его, как мать оберегает свое дитя. Многое известно о мужестве и героизме этих солдат. И вот уже в сентябре Новороссийск был освобожден — оставлен в руинах, но освобожден!

Эту историю знает любой новороссиец. Каждый житель города неоднократно слышал ее в школе, на городских собраниях, во время праздников и просто в быту. Однако одним лишь знанием о тех событиях дело не ограничивается. Каждый год в Новороссийске проходит «Бескозырка» — акция, посвященная памяти тех, кто воевал на Малой земле.

Все началось 47 лет назад, когда неполные три десятка подростков из юношеского объединения «Шхуна ровесников» в ночь с 3 на 4 февраля 1968 года впервые опустили в волны Цемесской бухты матросскую бескозырку в память о героическом десанте. Местные власти тогда не одобрили эту акцию — более того, находится после 9 вечера около берега было строго запрещено пограничной службой. Однако юноши и девушки все равно зажгли факелы от Вечного огня и прошли торжественным шагом до места высадки десанта на Малой земле, где и спустили на воду венок с бескозыркой. Весть о несанкционированной акции быстро разнеслась по городу, и через год количество ее участников увеличилось в разы. Вскоре власти официально разрешили шествие, и с тех пор «Бескозырка» является городским праздником, а 3 февраля — негласным выходным.

С тех пор прошло уже немало времени, и праздничные ритуалы несколько изменились. Теперь военными из Новороссийского гарнизона зажигается два факела. Один из них, наряду с первой бескозыркой, торжественным маршем несут к Южной Озереевке, на место трагической гибели основного десанта. Эта часть мероприятия, как правило, не сопровождается большим количеством людей и является скорее воинской традицией новороссийских солдат. Второй же факел со второй бескозыркой доставляют на Малую землю курсанты Государственного морского университета имени Ф. Ф. Ушакова. Эта процессия насчитывает, как правило, тысячи человек, идущих со свечами до мемориала «Малая земля».

Я прожил в Новороссийске 18 лет. Однако даже меня застало врасплох резкое похолодание. Когда с гор подул норд-ост, а в небе начали сгущаться

тучи, я, не следивший тогда за календарем, понял — наступило 3 февраля. В этот день, как и почти каждый год до этого, я решил присоединиться к шествию. В этом году марш был приурочен к 70-летию Победы, и организаторы обещали устроить нечто особенное.

Хотя факел зажигался от Вечного огня, народ собирался несколько дальше — около памятника Матросу с гранатой, воздвигнутого на краю обороны Малой земли. Я решил пройтись туда пешком — шествие начиналось в 20:00, и времени еще было достаточно. К тому времени уже начало темнеть, и в окнах зажглись первые свечи. Дело в том, что те новороссийцы, которые не могут по каким-либо обстоятельствам участвовать в шествии, зажигают свечи дома и ставят их на подоконники. Таким образом, к ночи почти весь город озаряется тысячами маленьких огоньков, компенсирующих нехватку звезд, скрывающихся за цементными облаками.

Я вспомнил о том, что сам так и не купил свечу, и зашел в первый попавшийся хозяйственный магазин. Продавщица в ответ на мой вопрос о наличии у них свечей посмотрела на меня понимающим взглядом, улыбнулась и спросила: «Что, Бескозырка, да?». Я ответил утвердительно, заплатил за свечу и собрался уже выходить из магазина, как услышал голос кассирши: «Молодой человек, вы бутылку забыли!». На секунду опешив — я точно знал, что не приносил с собой никаких бутылок — я обернулся и увидел протянутое мне бутылочное горлышко от разрезанной пополам полуторалитровой бутылки. «Погаснет же!» — сказала продавщица, посмотрела на меня так, как, вероятно, жители больших городов смотрят на приезжих, вручила бутылку и позволила мне, наконец, выпроводиться из магазина.

Тем временем на улице начал моросить мелкий дождь. Редкие порывы сильного ветра сдували огни свечей, которые прохожие несли к Матросу с гранатой. Я поспешил закрепить свечу в бутылке — мне наконец стало ясно ее назначение. На подходе к памятнику я попросил прохожего поделиться огнем — так делал каждый второй после очередного порыва ветра. Автомобильное движение уже несколько часов как было перекрыто — оно и не удивительно, учитывая, что уже в двухстах метрах от памятника нельзя было протиснуться через плотную толпу людей, вставших одной широкой стеной в месте, где должно было начаться шествие. Я попытался найти хоть кого-то знакомого в людской массе, однако это не представлялось возможным. На улице собралось уже несколько тысяч человек, и народ все еще продолжал прибывать.

К моменту начала шествия толпа выросла до, казалось бы, баснословных размеров. По официальным — впрочем, не самым скромным — подсчетам набралось порядка двадцати тысяч человек и почти столько же свечей. И вот по заранее подготовленному коридору проехал бронетранспортер (его участие в шествии — нововведение последних лет), за которым чинно, чеканя шаг, шли несколько военных, у одного из них — судя по погонам, лейтенанта — в руках был факел, зажженный от Вечного огня. За ними несколько шатающимся строем шли курсанты, несущие ту самую бескозырку, которая через два часа должна была пуститься по водам Цемесской бухты.

За торжественной, с каждым шагом все более шатающейся процессией пошли все остальные жители города во главе с его администрацией. Меж тем погода все ухудшалась. Небо окончательно потемнело, мелкий дождь усилился, но от того не перестал быть мелким, а порывы ветра все чаще

сдували огни со свечей. Даже несмотря на то, что многие предусмотрительно спрятали свечи в бутылки, банки и прочие защитные емкости, беспощадный норд-ост все равно тушил все огни. Однако каждый раз новороссийцы вновь зажигали свечи, бережно прикрывая их от ветра ладонями — все ради того, чтобы донести хрупкие огни до Малой земли.

В конце дороги, со всех сторон усеянной горящими в каждом втором окне свечами, процессия остановилась. Вернее, остановилась ее передняя часть, в которую мне посчастливилось пробиться — задние ряды едва ли проделали половину пути до Малой земли и только догоняли нас. Несмотря на то, что многие неоднократно были здесь в прошлом, никто не знал, что делать и куда идти дальше. В поле у берега располагались большие шатры, способные уместить в себя несколько сотен человек. Чуть вдали находился сам мемориал, напоминающий переднюю часть корабля, выброшенную на берег. Но путь туда был закрыт.

Бронетранспортер заблокировал единственный проход к мемориалу, к которому уже приближались факел с Вечным огнем и бескозырка. У стелы, воздвигнутой много лет назад в память о десантниках, находился еще один огонь, наподобие Вечного — но зажигался он лишь один раз в год, в эту самую ночь, от этого самого факела.

Когда Вечный огонь наконец-то был зажжен, даже самый скептически настроенный новороссиец, кажется, поверил в чудо. Порывы ветра исчезли, словно их и не бывало, а дождь прекратился, оставив в память о себе лишь несколько мелких луж в пробоинах на дороге. Бронетранспортер отправился обратно в воинскую часть, и народ, оставшийся, чтобы поприсутствовать на спуске бескозырки в воду, смог наконец поставить свечи к основанию стелы. По одному люди подходили к ней, кланялись, оставляли столь бережно хранимый ими огонек и отходили в сторону.

Тем временем бескозырка уже приблизилась к воде. Под звуки Новороссийских курантов — гимна города — курсант по пояс зашел в холодную февральскую воду, и, прикладывая все возможные усилия, чтобы не трястись от холода, осторожно спустил венок с бескозыркой на волны. Корабли, стоящие недалеко от берега, разошлись в стороны, позволив ей отплыть на достаточное расстояние.

Мало кто знал, для чего эти корабли стояли у берега. Они были совершенно ничем не примечательны — особенно во тьме, когда невозможно было даже разобрать, армейские это или гражданские суда. Заметно было лишь то, что они явно были организованы — во время затянувшейся на полчаса дежурной речи мэра Новороссийска Владимира Ильича Синяговского они перестроились, несколько приблизившись к берегу и остановившись лишь в тридцати метрах от него. И вот, вскоре после того, как глава города закончил свои поздравления и почетный караул произвел троекратный залп в воздух, с кораблей посыпались люди.

Началась та часть вечера, которую ждали больше всего — реконструкция событий той самой февральской ночи. Как и семьдесят два года назад, моряки прыгают в холодную февральскую воду и в полном обмундировании плывут к берегу, где их уже ждут высыпавшие из шатров немецкие войска. Под градом холостых выстрелов из боевого оружия замерзшие, промокшие до нитки десантники под громогласное «Ура!» буквально выгрызают каждый метр земли. И вот, когда последний поверженный враг старательно

катается по земле в предсмертной агонии, на возвышенности воздвигается боевое знамя советских солдат. Представление заканчивается, и вот бывшие враги уже жмут друг другу руки, а немецкие солдаты снимают со своих плеч пальто и отдают их своим советским коллегам — на замену их промокшей одежде.

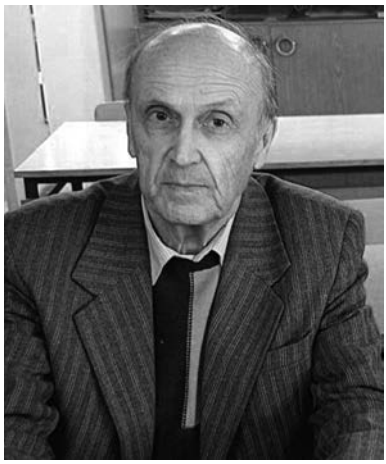
К сожалению, для многих бои на Малой земле кажутся несколько незначительными, а их масштаб — преувеличенным усилиями советского пропагандистского аппарата. Дело в том, что в операции на Малой земле принимал участие (тогда еще) полковник Леонид Ильич Брежнев, совершивший с десантом около сорока высадок на плацдарм и активно участвовавший в его обороне. Впрочем, участие его было настолько подчеркнуто советской машиной, что усилия ее возымели скорее обратный эффект. К малоземельцам стали относиться скептически, а боевые события казались едва ли не выдуманными.

Противнику, впрочем, они таковыми не казались. Немецкий историк и журналист Пауль-Шмидт Карелл писал: «Все шло не так. Была полная неразбериха. Никто не знал, что происходит. Бойцы Куникова окопались поодиночке или маленькими группами и так бешено отовсюду стреляли, что у солдат складывалось впечатление, будто высадилась целая дивизия».

Можно бесконечно долго спорить о значении боев на Малой земле и говорить о мужестве ее защитников. Однако любой житель Новороссийска, хоть немного знакомый с историей города, скажет вам — если бы не малоземельцы, город бы не был таким, каким мы его знаем сейчас. Память о героическом десанте настолько прочно закрепилась в сознании жителей города, что стала частью их самих, частью своеобразного новороссийского темперамента. Любой житель Новороссийска считает себя связанным с Малой землей, сама атмосфера города пропитана ею, как воздух пропитан цементной пылью. И пока раз в год на холодные зимние воды Цемесской бухты спускается черная матросская бескозырка, можно быть уверенным — дух Малой земли продолжит витать в воздухе, незримо оберегая город, столь бережно хранящий память о героизме былых времен.

ПРОЗА

Дмитрий ИГУМНОВ

ЛОБОВАЯ АТАКА

Рассказ

К 70-летию Великой Победы

Дмитрий Васильевич Игумнов — родился в 1937 г. в Москве. Служил на Балтийском флоте (1955–1959). Окончил Всесоюзный заочный энергетический институт (1964). Работал в различных научно-исследовательских институтах. Кандидат технических наук. В настоящее время преподаватель Московского института радиотехники, электроники и автоматики. Автор книг прозы «Рыжий», «Кукуй». **Живет в Москве.**

Командир звена прикрытия старший лейтенант Сергей Бизурин старался не потерять дистанцию, сохраняя при этом пространство для маневра на случай появления вражеских истребителей.

Туман, заволакивающий сумрачную Ладогу, почти всегда воспринимался им двояко. С одной стороны, серая пелена позволяла нашим летчикам скрытно проходить на бреющем полете над поверхностью Ладожского озера. Фашистским асам было трудно обнаружить, а уж тем более сбить транспортные самолеты, которые были почти единственными связующими нитями огромной страны с зажатым в тиски блокады Ленинградом. Особенно помогал туман гражданским самолетам, часто летающим без воздушного прикрытия. Иное дело при особых рейсах, в которых безопасность транспортного самолета ставилась превыше всего. Такими спецрейсами переправлялись в осажденный город и обратно крупные военачальники, а то и представители руководства страны. В этих случаях полагалось надежное прикрытие истребительной авиацией. В условиях плохой видимости от летчиков сопровождения требовалась ювелирная точность. Вот здесь плотный туман являл огромный минус. В ту апрельскую ночь Сергей вел свое звено прикрытия выше транспортного самолета, в котором находилась когорта военачальников во главе со знаменитым генералом — представителем ставки Верховного главнокомандующего. В душе старший лейтенант не только уважал, а боготворил этого сурового генерала. Именно этот генерал помог вывезти старшую дочь Валю из блокадного Ленинграда. И с ним, с этим легендарным полководцем, Сергей связывал все дальнейшие надежды: и личные, и всенародные…

Впервые летчик Бизурин встретил этого генерала еще на Халхин-Голе.

Там в боях с японцами молодой летчик-истребитель принял боевое крещение. В первом воздушном бою его самолет был подбит, и только необыкновенное везение позволило дотянуть до аэродрома и посадить израненный «ястребок». Печальный урок пошел впрок: лейтенант стал более осторожным, расчетливым и выдержанным. Он уже не кидался в бой сломя голову, а старался аккуратно маневрировать, пытался просчитать встречный маневр противника. Но эта осторожность улетучивалась во время схваток. В решающие моменты им овладевало отчаянное чувство безоглядной удали. Уже потом, выйдя из боя, Сергей не мог объяснить даже самому себе логику своих действий, порой выглядевших весьма странной в глазах опытных асов. Тем не менее, незаурядность и отчаянность давали результаты. Не каждый летчик мог похвалиться двумя сбитыми самолетами противника за короткий срок боевых действий на Халхин-Голе. За эти победы лейтенант Бизурин получил свой первый орден.

С тех пор прошло больше двух лет. Началась Великая Отечественная — война, в которой противник был во много раз сильнее, чем там, в монгольских степях.

Перед самой войной, за несколько дней до немецкого вторжения, жена Сергея Саша с двумя дочками уехала в Ленинград погостить у своих родителей. Отец Саши тяжело болел. Угасающему старику очень хотелось напоследок увидеть своих маленьких внучек.

— Негоже медлить с отъездом. Потом, если что, то век будешь корить себя, — назидательно говорила Саше бабушка Сергея. — Одари родителя своего последней радостью… Сережа сейчас на ученьях, так что самое время. Чует сердце мое, что вот-вот случится неладное.

Предчувствие не обмануло старую женщину: грянула война. Может, именно сообщение о вероломном нападении фашистов отняло у больного Сашиного отца последние силы. Единственным утешением осталось то, что успел он увидеть своих дорогих внучек — старшую, неугомонную озорницу, светлоглазую Валю, и младшенькую, тихую и послушную, черноглазую Иру.

…Старшему лейтенанту Бизурину неоднократно приходилось прикрывать с воздуха транспортные самолеты над Ладогой. Случались, конечно, и спокойные вылеты, но чаще все же приходилось вступать в бой с немецкими истребителями. Первая встреча с «мессершмиттами» случилась еще ранней осенью у самой береговой кромки.

В то памятное утро небо было удивительно чистым, что позволило «ястребкам» сопровождения своевременно заметить стервятников и занять боевой порядок. Бой проходил с переменным успехом: были сбиты по одному самолету с каждой стороны. После нескольких безуспешных атак силы немцев иссякли, но уходя на последний разворот, один из «мессеров» неожиданно оказался на встречном курсе «ястребка» Сергея. Самолеты стали быстро сближаться во встречной атаке. Еще несколько мгновений и вот-вот должен грянуть лобовой таран. Опьяненный азартом боя Сергей в те мгновения ни о чем даже не успел подумать. Леденящий душу страх пришел потом, после того как немец не выдержал и успел избежать столкновения — промелькнул над кабиной «ястребка». Самым обидным было то, что Бизурин не успел вовремя нажать на гашетку, и фашист избежал заслуженной кары.

Этот эпизод воздушного боя много обсуждался среди однополчан.

— Как же ты, Серега, дал маху? — недоумевал командир эскадрильи. — Выдержал лобовую атаку, а когда все было в твоих руках, растерялся.

Боевой товарищ Бизурина, опытный пилот, сбивший своего первого «мессера» еще в Испании, говорил свое:

— Немец летчик что надо. Умный, сволочь! Есть чему у них поучиться. Но есть у них изъян: фашисты не выдерживают лобовой атаки. Сам не раз убеждался… Вроде вот-вот идет в лоб, но кишка у них тонка. В самый решающий момент обязательно отвернет. Вот тут-то и нужно угостить его очередью…

Первая лобовая атака еще долго терзала сознание летчика.

…Итак, в студеный январский вечер 1942-го года старший лейтенант Бизурин получил приказ сопровождать со своим звеном самолет, летевший из Москвы в Ленинград. Командир полка особо подчеркнул, что самолет летит с важной миссией. В чем заключалась эта миссия, Сергей, конечно, не мог знать, но для него было вполне достаточно присутствия среди пассажиров самолета легендарного генерала.

Над замерзшей Ладогой сильно вьюжило, но несколько выше, где размещался используемый пилотами воздушный коридор, болтанка была вполне приемлемой. Члены делегации обсуждали животрепещущие вопросы обороны Ленинграда, и тут вдруг в разгар обсуждения из-за облаков неожиданно вынырнули вражеские истребители. Все приникли к иллюминаторам: начинался воздушный бой.

В азарте боя Бизурин забывал обо всем на свете, и время сливалось для него в один миг. Сперва Сергею здорово повезло: в первые минуты он срезал очередью «мессера». Но везение в бою переменчиво, вот и вражеская очередь прошила правое крыло его «ястребка». Пытаясь вывести свой истребитель из опасной зоны, Сергей нечаянно оказался на встречном курсе атакующего «мессершмитта». Вот она, нежданная лобовая атака! Похоже, немец тоже не ожидал такого поворота событий. Самолеты сближались на большой скорости.

— Давай, давай, гад! — Сергей вцепился в штурвал и приложил палец к гашетке. В момент вспомнились слова товарища: «Фашисты не выдерживают лобовой атаки». Еще одно-два мгновения и, действительно, немец не выдержал и, пытаясь уйти от столкновения, поднял свой самолет чуть выше. Этого и ждал Сергей. Над его кабиной, разрываясь во все стороны, промелькнуло распоротое брюхо фашистского истребителя…

После смерти отца Саша не решалась оставить в одиночестве убитую горем маму. Время шло, и тиски блокады все жестче брали в осаду Ленинград. Уже к середине сентября плотное кольцо немецких войск напрочь зажало город. Связь со страной стала крайне затруднительной, поскольку немцы имели значительное превосходство в авиации. Это превосходство давало им возможность контролировать все Ладожское озеро и большую часть прибрежной территории. Только отдельным самолетам удавалось прорываться сквозь смертоносные скопления фашистских орд.

Саша, как и многие ленинградцы, была рекрутирована на строительство оборонительных укреплений сначала на Лужской полосе, а затем и на других стратегически важных направлениях. Ее девочки, Валя и Ира, сначала оставались на попечении слабеющей с каждым днем мамы, а после ее тихой кончины — старенькой соседки Феклы Григорьевны.

В начале зимы нормы выдаваемых по карточкам продуктов опять были урезаны: работающие ленинградцы стали получать лишь 300 граммов хлеба, а иждивенцы и дети — 150. Это уже был голод, самый настоящий голод.

По специальности Саша была гуманитарием, теперь же она, освоив профессию фрезеровщика, работала в металлообрабатывающем цехе. На заводе трудились только женщины, не считая нескольких подростков. Цех изготавливал автоматы для защитников города. Работали круглосуточно, не выходя с завода даже на время коротких обеденных перерывов. Лишь изредка, один-два раза в неделю, удавалось несколько часов побыть дома. Мебели в квартире почти не осталось. Все, что могло гореть, использовалось для приготовления пищи и поддержания хоть какого-то тепла.

…После посадки на аэродроме осажденного города Сергея как командира звена истребителей захотел увидеть знаменитый генерал.

— Молодец, сокол! — даже в этот момент лицо военачальника сохраняло крайнюю суровость. — Родина наградит тебя за подвиги, не останется в долгу… Какие есть просьбы ко мне?

Сергей незамедлительно ответил, потому что постоянно думал об этом:

— Единственная просьба, товарищ генерал: вывезти семью к родителям в Москву.

— Сколько человек у тебя в семье?

— Жена и две маленькие дочки.

— Чего не вывез раньше?! — в глазах генерала блеснул гнев.

Сергей молчал, не стал пускаться в объяснения.

— Ладно, я распоряжусь. Подойдешь потом к коменданту, — сказал генерал.

Наши летчики-истребители были вынуждены совершать по нескольку боевых вылетов в сутки, особенно ночью. Это касалось всех, независимо от того, к какой части принадлежал пилот и каким образом он оказался в блокадном городе. Иного выхода не было, поскольку превосходство немцев в воздухе было подавляющим. Но старшему лейтенанту Бизурину удалось получить увольнительную до 22-х часов. Ночью же ему предстоял очередной боевой вылет.

Улицы осажденного города были пустынны. Сергею казалось, что большой город совсем обезлюдел. Однако Ленинград жил, боролся, работал. Самым страшным были не бомбежки и обстрелы, а *тихий* голод; нормы выдаваемого по карточкам продовольствия продолжали снижаться.

В доме Сашиных родителей уже почти все стекла в окнах были выбиты. Их пытались заменить фанерой, а то и просто заткнуть какими-то тряпками. К постоянным обстрелам и голоду прибавился еще и холод. Из-за царившего в комнате мрака Сергей сначала даже не смог ничего разглядеть. Лишь потом на заваленном чем-то диване произошло шевеление.

— Папа, это ты? — задрожал тоненький голосок Вали. — Ирка, вставай, наш папа приехал!

Сергей отдернул пыльное одеяло с окна и увидел двух выбирающихся из груды тряпья дочек. Девочки бросились к отцу и заплакали. У него и у самого перехватило от слез горло. Худые, чумазые, на них было страшно смотреть…

— А что ты нам принес? — спросили девочки.

Сергей поскорее вытащил из кармана припасенные галеты.

— Кушайте, мои хорошие, — он начал суетиться, вынимая из вещмешка продукты, которые получал в виде сухого пайка как фронтовой летчик. — Мама, наверное, на работе? А где Фекла Григорьевна?

Старшая Валя стала сбивчиво рассказывать, что мама часто целыми сутками остается на заводе, а когда ей удается прийти домой, то всегда

приносит что-нибудь из еды, чаще всего сухарики. Бабушка Фекла тоже заходит к ним в комнату и старается немножко подкормить. Весь разговор был о еде, и только о еде.

— Ничего, мои милые. Теперь все будет хорошо. Скоро с мамой полетите в Москву. Все будет хорошо…

Посидев с дочерьми пару часов, переговорив с закутанной по самые глаза Феклой Григорьевной, Сергей пошел на завод. Саше нужно было оформить выезд семьи из Ленинграда.

А спустя двое суток Бизурин, его жена и дочки, истощенные, изможденные блокадой, с маленькими узелками в руках стояли в кабинете коменданта аэродрома. Уже немолодой полковник с серым лицом и покрасневшими от постоянного недосыпания глазами тяжело вздохнул:

— Слушай, Бизурин, посадить твое семейство в самолет до Москвы нет никакой возможности. Все под завязку забито ранеными.

Чего угодно, но этого Сергей никак не ожидал.

— У вас, товарищ полковник, есть приказ представителя Ставки Верховного главнокомандующего!

— Не учи меня, как выполнять приказы! — вспылил полковник. — Молод еще. Есть у меня и более поздний приказ, в первую очередь отправлять на Большую землю тяжелораненых… Еще вопросы есть?

— Есть, конечно, есть! — резко ответил Сергей. — Что же нам делать?

Комендант неспешно прошелся по кабинету, взглянув на прижавшихся к стене девочек:

— Что ты герой — знаю, а вот что делать в данной ситуации не знаю… Может, одну постараюсь все же пристроить. Самую легкую.

В конце концов было решено посадить в переполненный транспортный самолет Валю, — с одной стороны, еще маленькую, но с другой — старшую и более самостоятельную; а в Москве ее встретит бабушка.

Ну, а Сашу с Ирой комендант пообещал покормить. Действительно, в этот грустный вечер Сашу с дочкой ждал роскошный по тем временам обед — обед, состоящий из настоящего супа, из тарелки перловой каши, заправленной мясной тушенкой, и даже стакан сладкого киселя. Другие ленинградцы об этом не могли даже мечтать…

Еще Сергею удалось заранее получить паек, который он оставил жене и дочке.

— Валя скоро будет в Москве у бабушки, а эти продукты позволят вам продержаться в Питере до моего следующего прилета, — говорил он Саше перед прощанием.

Скоро, надрываясь от явной перегрузки, с взлетной полосы поднялся переоборудованный для нового назначения пассажирский «дуглас». Приблизившись к Ладоге, и так находящийся на небольшой высоте самолет стал опускаться еще ниже. Издалека могло показаться, что он не летит, а просто скользит по замерзшей поверхности озера. Сверху, на некотором расстоянии от него, шло звено истребителей, возглавляемое старшим лейтенантом Бизуриным.

Никогда еще Сергей так не страшился вражеского налета, как во время этого рейса. Там, в летящем рядом «дугласе», находилась дочка Валя. Правы, наверное, хирурги, что стараются не оперировать близких родственников и друзей: в критической ситуации волнение не идет на пользу дела… Но к счастью, перелет из Ленинграда в Москву прошел на удивление спокойно.

…Весна всегда порождает в душе человеческой надежды на лучшее. Несмотря на крайнюю сосредоточенность, командир звена истребителей сквозь пелену тумана над апрельской Ладогой как наяву видел уже завтрашнее утро. Ему представлялось, как он вот так же будет вести свое звено прикрытия, но в обратном направлении, на Москву. Будет вести и чувствовать не только работу моторов, но и стук родных сердец в охраняемом им транспортном самолете. Теперь-то Сергей был уверен, что вывезет на Большую землю, в мирную Москву, Сашу и Ирочку. Перед вылетом Сергей заходил домой, и дочка Валя сунула ему в карман две конфетки с просьбой передать их маме и сестренке.

При подлете к противоположному берегу Ладожского озера туман начал редеть, пропуская в отдельных местах лучи весеннего утреннего солнца. В одном из таких просветов мелькнул фюзеляж «мессершмитта», но только мелькнул и растаял в седой пелене. Вот прошли береговую линию, и пришлось подняться выше. Внизу проносились кроны деревьев и крыши строений. Туман почти рассеялся, уже вдалеке можно было разглядеть контуры пригородов Ленинграда.

Мерный успокаивающий гул моторов наших самолетов вдруг исказился воем появившихся неизвестно откуда трех «мессершмиттов». Ведущий «мессер» в атакующем крене сходу пошел на транспортный самолет. Сергей лишь каким-то чудом успел занять необходимую позицию и длинной очередью отсечь подход вражеского истребителя. Воздушный бой моментально превратился в огненное месиво. Боковым зрением Сергей увидел, как вспыхнул его ведомый, а затем задымил хвост и одного из «мессеров». Но главное, транспортный самолет оставался невредимым и, маневрируя на небольшой высоте, продолжал полет.

Ведущий фашистский ас старался перехитрить Сергея. Он сымитировал атаку на его «ястребок», а сам ловким маневром успел зайти в хвост транспортного самолета. Сергей попытался уйти в вираж, но не получилось. Тогда, испытывая безумную перегрузку, он выполнил некий кульбит, напоминающий петлю Нестерова, и в опасной близости пронесся над транспортником навстречу преследующему его «мессеру».

Теперь старший лейтенант Бизурин вошел в плотную лобовую атаку с фашистским асом, вошел совершенно сознательно, поскольку иного выхода не было. Несколько коротких секунд сближения, и вот уже он различает лицо врага. «Фашисты не выдерживают лобовой атаки»…

«Еще немного, — успел подумать Сергей. — Ведь должен гад отвернуть…»

Мгновенье, еще мгновенье. «Фашисты не выдерживают лобовой атаки»…

— Ну, давай, давай! — крикнул Сергей; онемевший палец лежал на гашетке. Еще одно мгновенье, еще чуть-чуть. «Фашисты не выдерживают…»

Неестественно ярко в грохоте взрыва воспылали два истребителя в лобовом таране. Сергей еще успел увидеть, как рассыпается на отдельные куски его «ястребок», и успел мысленно произнести:

«Милые мои, простите…»

ПОЭЗИЯ

Евгений ЮШИН

«Я ЗДЕСЬ РОДИЛСЯ: В ЭТИХ ТРАВАХ…»

Евгений Юрьевич Юшин — родился в 1955 г. в г. Озеры Московской обл. Детские годы прошли на Оке и на Воже: в рязанской деревне Лужки. Школу и пединститут закончил в Улан-Удэ. С 1978 г. работал редактором в Центральном Доме культуры железнодорожников г. Москвы. Здесь же руководил ЛИТО «Магистраль». В 1986 г. перешел на работу в журнал «Молодая гвардия», где сначала руководил отд. поэзии, а в 1999 г. стал главным редактором. Стихи Е. Юшина широко публиковались в центральных журналах, альманахах и газетах, транслировались по радио и телевидению, переведены на болгарский, немецкий, французский языки. Он автор девяти поэтических книг, лауреат многочисленных литературных премий. **Живет в Москве.**

«Жива душа для правды и обид»

Субъективные размышления о творчестве Евгения Юшина

Конец XX и начало XXI века для меня знаменательны тем, что в этот период по каким-то таинственным законам выросла целая плеяда замечательных поэтов моего поколения. Это Николай Зиновьев из Кореновска, Краснодарского края, Евгений Семичев и Диана Кан из Новокуйбышевска, Самарской области, Юрий Перминов из Омска. Каждый из перечисленных поэтов поразил по-своему. Всех их объединяет незаурядный талант, называемый в народе «искрой Божьей», и самобытность.

В этом ряду творчество Евгения Юшина для меня лично стоит особняком. Как начал я однажды читать книгу «За околицей рая», так и окунулся в дорогую моему сердцу стихию русской жизни, по большей части — в провинциальную. Все в его стихах напоминало и мою малую родину, и мои переживания за нее, и мои мечты о ней.

Одной из особенностей поэзии Евгения Юшина является такая густая образность, а образы настолько ярки и зримы, что осмелюсь утверждать: такое вы вряд ли встретите еще у кого-либо из поэтов. Приведу для примера две строфы стихотворения, в котором что ни строка, то зримый образ:

…Стали травы кудлаты и путаны,
словно овчины.
И упруги, как юные груди,
холмы облаков.
И набухли соски
засидевшейся в девках рябины,
И хмелеют ветра
от настоя лесных кабаков.

И тяжелые, черные грузди настырно, угрюмо
Прорывают покров под тяжелым напором земли.
И в пыли тополиной негромкая древняя Тума
В бортовые машины ссыпает тугие кули…

(«Огневица прошла по лесам и болотам Мещеры…»)

Такой всеобъемлющей картины осени не припомню я что-то ни у одного современного поэта. Зримо представляется приехавший после долгой разлуки с малой родиной поэт, замерший посреди деревенского великолепия поры «бабьего лета» и увидевший внутренним зрением все: от брусничников до настырно лезущих из земли груздей, от мешков с собранным картофелем до неподвижно стоящих в речном полумраке щук. И услышал поэт не только колокольные звоны, но и звоны берез. Значит, душа его не оглохла от городской суеты и шума, от столичного многолюдья и многоголосья. Даже избитые многотысячным употреблением в стихах других поэтов образы покидающих родные пределы перелетных птиц и образы проплывающих под их крылом селений не оставляют впечатления вторичности. Дорого мне это стихотворение еще и потому, что для меня нет лучше времени года, чем ранняя осень с ее задумчивым спокойствием и разноцветьем, с ее свежестью и последним, почти летним, теплом, с ее переполненными кладовыми лесов и болот, с витающим в воздухе ожиданием скорой зимы. Если бы мне было знакомо лишь одно это стихотворение Е. Юшина, то и тогда я считал бы его большим русским поэтом. Ведь, как известно, чтобы понять вкус, не обязательно съедать всю бочку меда, достаточно попробовать одну ложку из нее.

В стихах Е. Юшина много воздуха, воли и чего-то еще такого, без чего русский человек начинает хиреть. Если внимательно прочитать его сборник «Избяная заповедь», то невольно начинаешь не просто понимать, а почти физически ощущать, что это «что-то» есть гармония человека и природы. Веками ведь русский человек селился, как правило, возле рек и находился в окружении лесов и болот. И занимался он не только земледелием и скотоводством, но и ловил рыбу, собирал лесную и болотную ягоду, заготовлял на зиму грибы, выкраивая для этих долгожданных и приятных занятий время в качестве передышки от тяжелого крестьянского труда. Природа кормила человека, благодарно отзываясь на его заботу о ней. И природные ритмы совпадали с внутренними ритмами человека. Поэтому, оторвавшись на годы от родной природы, сбившись в городской суете с ритмов, дарованных природой, но сохранив кровную связь с родной землей, поэт и в песнях своих тоскует о гармонии, которую хранит его душа на генном уровне:

…Ох, как хочется плыть в корабле этом не кругосветном,
Мимо птичьих восторгов, холмов и понурых овец,
И уткнуться в стожок за деревней, за домом последним,
И услышать, как небо плывет возле наших сердец!

И, когда «от баньки дымок посочится, как вечер по саду, // И на синем окошке вишневый затеплится сок», поэт почувствует душой и услышит, как «сады соберутся для тихой вечерней молитвы, // И листва пролепечет свои золотые слова» (стихотворение «Песня»).

Стихам Е. Юшина свойственна и особая мелодичность, они просятся стать песнями. Неоднократно ловил себя на мысли, что, читая его книги, начинаю напевать про себя стихи на давно знакомые мелодии.

Примечательно его стихотворение «Разговор», оснащенное такой густой образной вязью, что кажется: между двумя образами и иголку не просунуть. Чего стоят только две строки: «Закат поет. Он петухами вышит // На ситцевых рубахах облаков»! Чего греха таить, многие привыкли относиться к деревенскому мужику как к простачку, к недалекому человеку, да и сам деревенский быт привыкли считать примитивным. И разного рода «смехачи» для этого немало сделали, особенно в последние десятилетия. Им бы почитать книгу Василия Белова «Лад», но она, видимо, для них неинтересна или опасна уж тем, что опровергает сложившееся в их головах раз и навсегда мнение о деревенском быте и людях, создававших веками свою деревенскую культуру, свой русский мир. Евгений Юшин словами героя стихотворения опровергает снобизм «творцов» нынешней «культуры»:

— У нас не просто все, не все снаружи.
В любом селе — свой ветер, свой мороз.
И потому мне согревает душу
Вот этот хилый выводок берез.

И далее:

— А только здесь-то и жива природа,
Жива душа для правды и обид.
Не всю любовь отняли у народа.
Живу я здесь, — Евгений говорит.

И в продолжение диалога с земляком, после его очередного утверждения: «Не все так просто», поэт искренне заявляет: — Но как желанно.

Вот так просто, казалось бы, двое русских мужиков, живущих совершенно разной жизнью, разными заботами, находят общее и дорогое в деревенском быте и окружающей природе, понимая и принимая их всем сердцем.

И уже в другом стихотворении, анализируя свой жизненный путь, поэт утверждает: «Я не похож на неудачника, // Хоть не нажил златых камней. // Мне гладит щеку мать-и-мачеха // Ладонью нежною своей». А потом и признается: «Я знаю рай…» И я верю поэту, и понимаю, что раем он воспринимает, скорей, природу, позволяющую обрести на какое-то время внутреннюю гармонию. Открываю в очередной раз книгу «Избяная заповедь» и сразу же нахожу полное подтверждение моих догадок: «Исцели меня, родное поле. // До слезы мне ветер душу жмет — // Словно я чужою ношей болен, // Словно сердце правдой не живет…». И далее: «…Вот он, рай: равнина да береза, // В перстнях рос туманная трава. // Щуки плещут у речных откосов, // И скрипит над бором синева…».

Ах, какой образ нашел поэт: «В перстнях рос туманная трава»! И этот земной образ соединен незримой паутинкой печали с пролетающими журавлями, а значит, и с небом. Гармонию-то поэт и находит в соединении земного и небесного. И стихи его гармоничны, что не так уж часто встретишь в творениях современных авторов, увлекающихся чисто формальной стороной стиха.

Евгений Юшин тонко чувствует состояние природы и соотносит его с состоянием своей души, позволяет природе перелить в нее излишки накопленных благ, пополняя силы. И образы поэт находит яркие, не затертые от частого употребления: «Рыжею шерстью сосновых иголок // Штопает август дорогу и дом».

Поэт любит и помнит своих земляков, они для него родные люди. В них поэту дорого все:

Здесь люди красивы, как вольного неба размах,
Но взоры неспешны: душа не откроется сразу.
И девушки царственно носят озера в глазах,
А парни задумчивы, как мускулистые вязы.

И снова идут зримые, свежие образы, да какие!

Туманы буксуют на волнах коричневой Пры.
Лещи из густых омутов зеркала поднимают.

Или:

И спелое яблоко глухо в траву упадет,
И старый баян замолчит, пожимая плечами.

Такие стихи очищают душу, наполняют ее каким-то ностальгическим светом, напоминая нам о бренности нашей жизни и вечности природы.

Стихи о поэзии писали многие, да и нынче таких стихов пишется немало. Не скрою, и я немало строк посвятил размышлениям о ней и о себе в поэзии. А кто не помнит ныне хрестоматийные строки Н. Рубцова о поэзии:

Прославит нас или унизит,
Но все равно возьмет свое!
И не она от нас зависит,
А мы зависим от нее…

Евгений Юшин о своих стихах написал искренне и своеобразно:

Любви — молились,
Ненависть — глушили,
Давили хворь, изничтожали страх;
Они со мною вместе жизнь прожили,
Где — неторопко, где-то впопыхах.

Прищуривались хитро, бушевали,
Рубаху — в отмашь — рвали на груди.
Любили, сомневались и страдали,
И тихо засыпали на груди…

Поэт, протащив свою душу сквозь горнило русской классической поэзии от А. С. Пушкина до А. А. Блока, остался, как мне кажется, в своей

поэзии верным продолжателем традиций Сергея Есенина и Николая Рубцова. Интонации, образные ряды его поэзии, многостопная строка, соразмерная широкой натуре автора, стремящейся к воле, тому яркое подтверждение. Свидетельствует об этом и стихотворение «Запрягите розвальни мохноногим, рыжим», в котором «Русскому привольно мчаться человеку, // Толстые сугробы жарить по задам!», и стихотворение «Снилась мне дорога — люлькой журавлиной», и стихотворение «Какие вихри пляшут над державой», где поэт признается: «Себя я ощущаю беспризорным // В своей — чужой — испуганной стране» (у Есенина: «В своей стране я словно иностранец»). И С. Есенину, и Е. Юшину выпала доля жить в окаянные дни ломки всей государственной машины, когда «иных времен татары и монголы» вздыбили Русь и поставили ее на грань уничтожения, что после Октября 1917 года, что во времена перестройки. И вовсе не случайными видятся в книге такие строки поэта:

В который раз сиротски взвыла степь,
И ясноокий взгляд ее затмился.
Где ратаи твои?
Один — ослеп,
Другой — убит,
А тот, кто выжил — спился.

И завершается стихотворение признанием, под которым многие могли бы подписаться:

Уж больно так, что я не чую боли
И только слышу: стонут провода.

А если вдуматься, то стонет душа поэта. Такие стихи — уже делание русского дела. Их прочтут и задумаются люди не равнодушные к судьбе России.

Поэзия Евгения Юшина современна. Чтобы убедиться в этом, достаточно прочесть его стихотворения «XXI век, перезагрузка» или «Неужто и вправду России не будет», эпиграфом к которому стали скупые факты статистики: «За последние 20 лет население России уменьшилось на 20 000 000 человек».

Сила поэзии Е. Юшина и ее народность (под народностью я понимаю близость ее простому народу) и в том, что в его стихах то и дело обживаются простые люди: то «Бабка в углу прошаркала, // Скинула ватник с плеч», то «Подмигнет, прищурившись, старик, // Рыжий ус цепляя самокруткой», то «Рыжая с обветренным лицом, // Озорная тындинская краля», а то «Идет мужик, грешно и сладко // На всю деревню матерясь», то гармонист дядя Леша на вопрос поэта: «Как живешь ты теперь, // Старый леший окрестностей Вожи?» «— Хорошо я живу, — отвечает, — // Подай-ка гармонь!» И любовно сказанное «старый леший» мне говорит больше, чем иная карамельная патока, льющаяся из-под перьев поэтов либерального толка.

Откроешь любую книгу Евгения Юшина почти на любой странице и поймешь, что он — жизнелюб. Он и нас призывает: «Надо жить и радоваться жизни, // Наслаждаться каждым новым днем, // Потому что

никому не вызнать, // Сколько мы на свете проживем». Но и о бренности бытия поэт не забывает: «Лежу на стогу песнопенном, // Гадаю звезде по лучу. // С каким сквозняком по вселенной // Однажды и я улечу?..» И в конце того же стихотворения, далеко не самого жизнерадостного, он все же отдает предпочтение жизни: «...У вечности — темные очи, // У жизни они — голубы».

Вот на этой оптимистической ноте я и заканчиваю свои размышления о прекрасном русском поэте Евгении Юшине, а подборка его стихотворений, надеюсь, станет самым лучшим подтверждением моих субъективных оценок.

Виталий СЕРКОВ

ИЮНЬ

Какой поэт тебя придумал?!
Каким ты вырвался огнем?!
Май полыхнул, пропел — и умер,
И скачут зори день за днем.

Срывает шапку одуванчик,
Дорога прячется в пыли,
И колокольчик в свой стаканчик
Мед поднимает из земли.

И все гудит: поля пшеницы,
И в жилах кровь, и дальний гром.
И шмель велюровый кружится
Над полыхающим цветком.

Ныряют на веревке майки.
Пеленки детские свежи.
По-женски вскрикивают чайки,
Стрижи черкают чертежи.

И, разомлев под небесами,
Склоняются на водопой
Коровы с волглыми глазами
И кони с бархатной губой.

Я здесь родился: в этих травах,
В счастливом щебете лесном,
В искристых волнах-переправах —
Лучом на листике резном.

Здесь вечерами свет старинный
Зари тягучей, словно мед.
В мохнатой шубе комариной
Июнь по берегу идет.

Его мы ждали с новостями
От земляничных бугорков.
С туманом, с полными горстями
Росы в ладонях лопухов.

И он пришел! Ликуют птахи!
Густы и пенны острова,
И реки синие рубахи
С утра вдевают в рукава.

Пасут мальков Ока и Кама.
Хрустят кабаньи камыши.
О дорогой и близкой самой
Малинник шепчется в тиши.

Звезда сорвалась, словно кречет,
И на стожок туман прилег.
И сердце бьется и трепещет,
Как подфонарный мотылек.

И ты горячая, родная,
У костерка, где сон и тишь,
Зарей колени поливая,
Меня, конечно, соблазнишь.

И долго будет вечер жгучий
Ночною заметать золой
Певучий луг и сад кипучий
Под самоварною луной.

НА ДОНУ

Пахнет степь простором Дона,
Той травой из-под подков,
Что взошла на пепле дома,
На густой крови веков.

Грозы пушки заряжают,
Пыль за конницей гудит.
Бабы мальчиков рожают,
А за ними смерть глядит.

Пахнет степь костром кипучим,
Конским потом, чабрецом.
Только тучи, только тучи
Пролетают над лицом.

Любо, братцы, право, любо
Слышать ветер за спиной!
Горячи казачки губы —
Жарче пули огневой!

А когда зимой поутру
Вьюгой скошены пути,
Я нырну в густые кудри —
Степью пахнут — не уйти.

Словно стрелы печенега,
Словно сабли Ермака,
Травы рвутся из-под снега —
Прорывают облака.

* * *

Оглянешься — полжизни пройдено,
Но светят детства маяки:
Тысячеглазая смородина
И ежевика у реки.

Я не похож на неудачника,
Хоть не наж*и*л златых камней.
Мне гладит щеку мать-и-мачеха
Ладонью нежною своей.

И я люблю вас, подорожники,
И вас, холмы, и синий пруд.
Мне только страшно, что безбожники
И вас, как души, продадут.

И продают! Земля распорота.
Но не купить небесный свет.
Как не греби деньгу и золото,
А у гробов карманов нет.

И за туманами, за деревцем
Густеет солнце над рекой:
То золотой икринкой светится,
То плещет рыбкой золотой.

НОЧЛЕГ

Владимиру Крупину

Дом средь леса, бревно, поляна.
И луна, словно пень, торчит.
Лай собаки истошный, рваный.
Вышел дед на крыльцо, молчит.

— Приюти. —
— Заходи, покуда. —
А в руке у него ружье.
— Опасаешься? —
— Много люда.
Реже добрые, чем гнилье. —

Покурили, попили чая.
Образа в заревом углу.
Ходит кот по избе, скучая.
Точит звонкий сверчок пилу.

Огляделся. Берет зевота.
— Где положишь-то? —
— У икон. —
На повыцветших желтых фото
Над кроватью — она и он.

Улеглись. Из-под пола — сырость.
— Мне-то скоро, наверно, в гроб.
Но, скажи, что с землей случилось?
То — пожарища, то — потоп. —

Что ответить? Молчу нескладно.
Точат ходики: тик да так.
— Не хотишь говорить, и ладно.
И твои дела не табак. —

Светит полно луна в окошко,
Даже видно: на сундуке
Дремлет щупленькая гармошка,
Позабывшая о руке.

— А сумеешь сыграть? —
— Пожалуй. —
Поднимается и берет.
Эти звуки сквозь сердце жалят,
Словно он свою душу трет.

Отыграл. В темноте пошарил
И опять — на сундук ее.
— То — потопы, а то — пожары.
Что же деется, ё-моё! —

Наступи — тишину раздавишь.
За диваном скребется мышь.
— Вот и ты ничего не знаешь.
Утоптался. Поди-ко, спишь? —

В белой майке сидит на лавке
В мироздание погружен.
Тени скользкие, как пиявки,
В листьях плавают у окон.

— А ведь что-то неладно в мире:
У земли развернулся крен…

Расплывается желтым жиром
Лунный свет от сосновых стен.

Тонконогий, как белый аист,
Он поднялся: — Пойду я спать.
Ничего-то и ты не знаешь,
Потому, что не хочешь знать. —

…Вот и думаю о погоде.
За печуркой прилег старик.
— Что в народе, то и в природе… —
Только ходики: тик да тик.

* * *

Я вырос в городе уездном
В пятидесятые года
С каким-то чувством бесполезным,
Что счастье будет навсегда.

В саду мелькала кепка деда.
Я с ним на пасеку ходил.
И зеркальцем велосипеда
Мне зайчик солнечный светил.

Вареньем пахло, огородом.
И в тишине по вечерам
Гармонь бродила за народом,
И мы шныряли по садам.

Открыты, чисты, незлобливы
Мы ликовали, — Боже мой! —
Когда в весенние разливы
Летел Гагарин над страной.

Трубили в горны пионеры,
Знамена яркие несли.
Мы жили в счастье, но без веры,
А значит, слабыми росли.

И вот теперь, когда сломались,
И век, и песня, и страна,
Мы в новой жизни потерялись
Безвольно, горестно, сполна.

Не встали мы с тобой ни разу
За лес и песню у реки,
Когда банкирчик пучеглазый
Всю даль скупал за медяки.

Звенят чеканные монеты,
И воровской жирует класс,
А счастья — нету, счастья — нету
Ни у него и ни у нас.

МОЛЕНИЕ О КРЕСТЬЯНАХ

…Сохрани же, Господь, нашу светлую, щедрую землю
От пожаров, потопов и прочих негаданных бед.
Вот и я твою боль за грехи человека приемлю,
Потому что страшнее, наверное, хищника нет.

Но не все так грешны. Эти люди в деревне у леса
Виноваты лишь в том, что доверились власти чинов —
Не смогли отстоять свои вольные чистые веси
И увязли в морщинах полей и развилках дорог.

Пожалей их, Господь. Без того им по жизни досталось
То пахать, то косить, отправлять сыновей на войну.
Кроме этой избы с огородом у них не осталось
Ничего.
Ничего не могу им поставить в вину.

Сохрани им любовь к этим пажитям, синим болотам,
Буеракам и песням в исчерченных плугом полях.
Здесь полынь на меже пахнет кровью и дедовским потом,
И ладонями бабушки теплится мята в лугах.

ДВЕ СОБАКИ

Разбросало солнце маки
На озерном серебре.
Жили-были две собаки
У соседа во дворе.

Резвецы и забияки —
У крыльца гоняли кур.
Словом, жили, как собаки,
Не дурнее прочих дур.

А сосед — больной и старый:
Гамаши да костыли.

Сели дети: тары-бары,
Да и в город увезли.

Ходят грустные собаки,
Ищут деда — нет его.
Хоть бока у них обмякли,
Вид пока что — ничего.

Но страшит их
двор унынье м,
Дверь, забитая доской.
Зарастает сад полынью,
Как собачий взгляд тоской.

* * *

О любви сказать еще желаю,
О своей негаснущей любви
К снегом запорошенному краю,
К селам, почерневшим на крови.

К этой вот истоптанной дороге,
К трепету весеннему реки,
Потому что на земле не многим
Светят изб родные огоньки.

Всхлипывает лодка у причала,
Яблоня касается руки.

Мне ночная птица прокричала,
Что дороги к детству далеки:

Через дымку сумрачных вокзалов,
Через кровь успехов и потерь,
Через холод ложных пьедесталов —
Ко всему, что дорого теперь.

Этот путь, быть может,
в жизнь длиною.
Но за весь сердечный непокой,
Может быть, глаза рукой прикрою
И увижу маму молодой.

ПОЭЗИЯ

Людмила ЩИПАХИНА

«ЛУЧОМ, КРЕСТОМ И ЗНАМЕНЕМ…»

Людмила Васильевна Щипахина — родилась в Свердловске. Окончила Литературный институт им. М. Горького. Автор более 40 книг стихов и переводов. Член Союза писателей СССР, в настоящее время член Высшего художественного совета московской городской организации СП России, почетный член Ассоциации Эквадора. Награждена орденами: «Дружба народов», «Знак почета», почетной грамотой «Золотое перо» (Польша), всероссийской премией Александра Твардовского, международной премией имени М. А. Шолохова в области литературы и искусства, всеукраинской премией им. Владимира Даля, премией им. Константина Симонова, литературной премией им. Сергея Есенина. **Живет в Москве.**

* * *

Век двадцатый — ротозей.
Нам не впрок твоя забота.
…У России нет друзей,
Кроме Армии и Флота.

Долго ль в мареве тоски
Будем брать свои напасти, —
То у Сороса с руки,
То у дьявола — из пасти?

Всем кагалом, сворой всей
На тебя идет охота.
У России нет друзей,
Кроме Армии и Флота.

А исконные черты
Не сгубили б поколенья.
От избытка доброты —
До нехватки озлобленья.

Осознай, уразумей,
Выбирайся из болота.
…У России нет друзей,
Кроме Армии и Флота.

УКРАИНА

Так будет!

…День придет и час настанет,
На смертях и на крови
Возродится и воспрянет
Вековой простор любви.

Будет путь смертельно-труден.
Позади его — война…
…Над Днепром, который чуден,
Разольется тишина.

Память дней приглушат грозы,
Приутихнет в сердце ком…
Мы утрем святые слезы
Знаменитым рушником.

Вновь Россия с Украиной
На привольный выйдут шлях,
Дети матери единой
На родительских полях…

На бесславную кончину
Не надейтесь, господа!
Ще не вмерла Украина!
И не сгинет никогда!

УКРАИНА — ЛЮБОВЬ МОЯ!

Сестре-украинке

Не разорвать, не разделиться,
А только — заедино жить…
Моя любимая сестрица —
Навеки скрученная нить…

Но в ослеплении жестоком,
Презрев уроки всех веков,
Неужто поддадимся склокам
И ляжем под клеветников?

К коварству и вражде привычка
К нам снова чужаков ведет.
И я, кацапка и москвичка,
Не сплю все ночи напролет,

И грезится мне свет вершины,
Счастливый поворот в судьбе,
Чтоб «неделимый, нерушимый»
И мне стал домом, и тебе…

А на Майдане заварушка —
Позор всеобщий, зло и срам…
Давай обнимемся, хохлушка,
Всплакнем.
И выпьем по сто грамм.

ПАНИХИДА ПО СОЖЖЕННЫМ И УБИЕННЫМ

Ни от шока, ни от стресса
Не укрыться все равно…
Гарь и копоть из Одессы
Валит с ног! И бьет в окно!

Вот уже и слышен глуше
Крик отчаянья в тиши:
СОС! Спасите наши души!
Мы сгораем в пекле лжи!

И глядят, сдержав проклятья,
На трусливый мир людской
Наши сестры, наши братья…
С укоризной и тоской…

А в бандеровском угаре,
Преумножив капитал,
Ходят рядом люди-твари.
Сеют горе.
Правят бал!

От пожара, от угара
С ними мир — несовместим!
…Беспощадна будет кара!
Не забудем!
Не простим!

* * *

На перекрестке узком,
У берега реки,
Дерутся русский — с русским.
Мелькают кулаки.
За морем-океаном
Смеются мудрецы.
Сошлись Иван с Иваном,
Как бешеные псы.
А по телеэкрану
Разносится позор.
Кричит Иван — Ивану:
«Подлец, предатель, вор!»
Страна бедой объята.
Последний луч погас…
Опомнитесь, ребята,
Не зря стравили вас.
И скроют нас бурьяны,
И проклянут века,
За то, что вы, Иваны,
Валяли дурака.

ТЫЛ

Вдалеке от всех сражений,
Но в невидимом строю
Мы — на страже убеждений,
В стратегическом бою.

Незаметно и заочно
Обретаем естество,
«Свой—чужой» — сверяя точно.
Точно зная — кто кого…

Может быть еще не скоро,
Но придет желанный час…
Против нас — такая свора!
Но история — за нас!

Пусть от нас далече беды,
Мы как будто — в стороне…
Но в ТЫЛУ куют победы!
…На невидимой войне.

РУССКАЯ ИДЕЯ

Не тяготясь нагрузкою,
Сквозь зыбкий свет и мрак,
Идею ищем русскую,
Национальный знак.

Не за поклон и премию,
Не за иную мзду…
Идея — стерлась временем
В огне, в смертях, в бреду.

Лучом, крестом и знаменем
Пребывшая всегда, —
Уж чуть заметным пламенем
Мерцает сквозь года…

Святых умов пророчество,
Веков священный труд…
А как ей имя-отчество?
И как ее зовут?

Она зовется — СОВЕСТЬЮ.
И с РАЗУМОМ в ладу:
«Трудиться — по способностям.
И благо — по труду».

НЕАКТУАЛЬНЫЙ ЭТЮД

Слышу, как множатся вздохи,
Как разгораются страсти.
Колокол бьет по эпохе:
Денег! Удачи! И — власти!

Вот завертелась потеха!
Алчет делец и бездельник.
И разлетается эхо:
Власти! Удачи! И — денег!

С хрупкой судьбой не играйте.
Лучше уроки учите.
Что-то одно выбирайте!
Или молчать предпочтите.

Зелень заманчивых пачек…
Жадность решенных вопросов…
Денег! — кричит аппаратчик.
Власти! — взывает философ.

Словно над обликом мира
Кем-то погашена свечка.
Все — и о грубом, и зримом…
А о душе — ни словечка.

Сумрак смешался со светом.
Ложью подернулось слово…
…Нам ли участвовать в этом?
Боже, спаси от такого!

* * *

Рвется, обвязавшая пространство,
Каждая связующая нить…
В мире, где царит непостоянство,
Надо одиночество любить.

На пиру победном, не на тризне,
Яркая лампада зажжена.
Это — я! Аз есмь! Я — воля к жизни!
Это мне внимает тишина…

А вокруг — стреляют, тонут, бьются...
Все в разладе. Все летит в трубу.
Говорят, под вспышки революций
Где-то Правду видели в гробу…

Я — вдали! Я вижу свет высокий!
Бесконечный купол голубой…
Белый парус, путник одинокий,
Странник, очарованный судьбой.

О, не покидай отрада жить
Вдалеке от бренного экстаза!
Надо одиночество любить
И беречь от воровского сглаза.

Чашу бытия неспешно пить
В век, что обворован и оболган.
Надо одиночество любить
Горячо и жадно! И …не долго.

ВЫШЛА КНИГА

Сдобняков В. В.

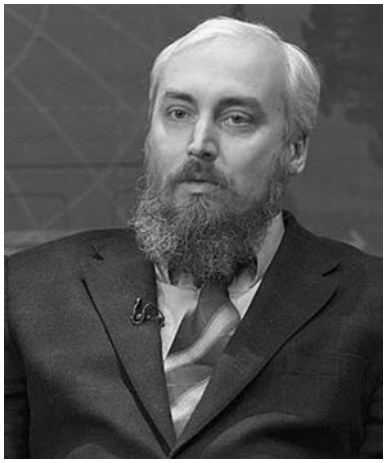
Говорящее дерево. Нижний Новгород: «Родное пепелище», 2014. — С. 168.

КНИГА ГЛУБОКОГО НРАВСТВЕННОГО ЗАРЯДА

«Говорящее дерево» (замечательное название для теплой встречи с детьми) — есть духовное проникновение в мир подростка, оно, как умный собеседник, ведет деликатную беседу с детской душой через благость общения с природой. Найдена истинная интонация разговора, подкрепленная художественным словом и картинами красот окружающих полей и лесов (автор умело владеет палитрой русского народного языка), очаровывает юного читателя. Да, такую книгу можно впустить в дом и в школу. В ней не иссякает нравственный заряд, который чрезвычайно полезен для умного воспитания ребенка в любви к ближнему, к родной природе, к Отечеству. Я давно слежу за творчеством Валерия Викторовича Сдобнякова. И вижу, как набирается сил его природный талант, как нравственно крепчает его гражданский голос, как общественно значимы дела его ума и сердца. Особенно впечатляет общество его самоотверженное служение отечественной литературе на примере создания и тринадцатилетнего выпуска журнала «Вертикаль. XXI век», очень профессионального, умного и заботливого издания. Личное творчество известного прозаика и очеркиста Сдобнякова только подтверждает учительное направление его таланта.

Анатолий Парпара, поэт, историк, лауреат Государственной премии России, вице-президент Российской академии словесности, член Высшего творческого Совета Союза писателей России

Михаил СМОЛИН

САМОБЫТНОСТЬ ИДЕАЛА РУССКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

Михаил Борисович Смолин — родился в 1971 г., окончил Санкт-Петербургский государственный университет, историк русской консервативной мысли, публицист, кандидат исторических наук, член Союза писателей России, руководитель Центра гуманитарных исследований Российского института стратегических исследований. Заместитель директора Российского института стратегических исследований. **Живет в Москве.**

Я хвалю самодержавие,
а не либеральные идеи:
то есть хвалю печи зимою
в северном климате.

Н. М. Карамзин[1]

Если попытаться сформулировать в одном слове то, в чем наши западные и доморощенные либеральные оппоненты отказывают русскому государству и в целом русской цивилизации, — так это, скорее всего, в **самобытности**. **Нам отказывают в возможности своеобразного и жизнеспособного развития русской жизни (и связанной с ней государственности).** Такое отношение исходит из высокомерной неготовности признавать за формами и смыслами русской цивилизации, непохожими на европейские, определенные онтологические ценности. Об этом мы слышим с рубежа XV–XVI веков, со времен появления на большой политической арене еще Московского государства наших великих Иоаннов (третьего и четвертого). Появление Второй Византии (в лице Православной России) — для Европы страшная реальность, от которой европейские политики и идеологи всячески отмахиваются, как от ночного кошмара.

Самобытная альтернатива русской (или более широко — православной) жизни — в мире, в котором главным догматом является безальтернативность западного образа жизни и западного вектора развития — является глубоко неуместным исключением из пропагандируемого правила.

Размеры этого русского «исключения» (в кавычках) все время ставят под вопрос само западное прави-

[1] *Карамзин Н. М.* Письмо И. И. Дмитриеву от 22 ноября 1817 г. // Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866. С. 225.

ло. Само существование России есть вызов этому кажущемуся безальтернативным западному мироустройству.

Наши доморощенные пропагандисты безальтернативности западного пути много и с упоением говорили, что в современном мире нам не нужно иметь никаких имперских амбиций, что православная духовность, большая страна и пестуемая веками военная мощь, все это — доставшаяся нам в наследство устаревшая политическая рухлядь, с которой мы не желаем решительно расстаться только по своему непросвещенному невежеству.

Но возможно ли для страны отказаться от своей исторической географии и от своей исторической миссии? Скорее всего, как высокому человеку невозможно стать меньше ростом без причинения значительного ущерба своему здоровью, как человеку, вошедшему в пору зрелости, невозможно расстаться с тем сознанием, которое он накопил за годы своей жизни, и снова стать ребенком (кроме как по болезни), так и величайшая страна не может стать незначительной, даже если она сузит свои границы, как Византийская Империя сжалась до Константинополя и его ближайших окрестностей.

Государство, игравшее последние полтысячи лет только заглавные роли на мировой сцене, не способно мелькать в эпизодах или играть в политической массовке. С третьесортностью невозможно свыкнуться, так же как невозможно представить балерину Павлову в подтанцовке у Майкла Джексона или пение на заднем плане (бэк-вокал) Шаляпина на концерте у какого-нибудь Элтона Джона.

У Имперского государства, классическим примером которого является наше Отечество, своя логика жизни и развития. Мы можем быть **либо Великими, либо никакими**. Либо мы возродим большое государство с глобальными задачами (Империю), либо дадим миру удивительные примеры ничтожества. Никакой середины, никаких российских швейцарий не получится, не тот климат, без карамзинских самодержавных «печей» большие дела не получаются…

Исторически сложившийся психологический тип русского народа носит в себе стремление к абсолютному идеалу в самых различных областях жизни. Эта идеальность воззрений сочетает настроения, часто совершенно разнонаправленные, что способствует колебанию политического сознания наших соотечественников между широко распространенным желанием в каждом новом лидере видеть **спасительного человека**, который поведет, наконец, Россию к возрождению, и стойким неприятием власти вообще, то есть своеобразной, по-русски понимаемой **вольностью**.

Эти два, часто взаимоисключающие, состояния нашего политического сознания глубоко укоренены в русской психологии. Они на протяжении многих веков формировали облик русской цивилизации, приобретавшей вид то мощного государственного и национального монолита, то аморфной распадающейся общности и атомизированной человеческой массы. Русские способны либо ригористски строить **сверхмощный имперский организм**, с его строгой иерархичностью и внутренней дисциплиной, сужающей проявления личности во внешней свободе, либо стараются дойти в своем стремлении к личной свободе до абсолютного **эгоистического самоудовлетворения**. Теплохладные пути развития у нас как-то не приживаются — видимо, опять же не тот климат (и духовный, и природный) и не та национальная история.

Психологическая двойственность в общественном поведении имеет у нас государственнические и анархические векторы деятельности. Они, как можно утверждать на основании изучения истории, всегда наличествовали в русской психологии. Анархический потенциал — имел более взрывной характер и был менее продолжителен в своих вспышках активности, государственнический же — носил в истории нации менее эмоциональный характер, зато был более приспособлен к длительному действию.

Когда власти удавалось подчинять анархическую стихию в русском характере, — государство и общество могло использовать огромные жизнедеятельные силы нации для реализации национальных интересов страны. Историческая власть была опекуном нации, своеобразным отеческим контролером и порой сдерживала не в меру разыгрывавшуюся народную безудержность. Когда же ей не удавалось справиться со своей обязанностью упорядочения и управления, то анархические асоциальные потенциалы национального характера буквально взрывали наше общество и государство изнутри. Наступали смутные и революционные времена, которые могли за несколько лет разрушительной вседозволенной свободы (без сдерживающего влияния власти) уничтожить результаты вековой поступательной работы нации, откинув ее на столетия назад в своем государственном и национальном развитии…

Наши 90-е стали тем коротким в исторической перспективе периодом, когда под именем либерализма у нас восторжествовала традиционная русская анархическая тенденция — всегдашняя внутренняя опасность для мощи и единства государства. Эти годы можно назвать периодом анархического цивилизационного срыва, которым время от времени подвержен русский национальный характер. Подобные срывы, часто внешне ничем не обоснованные, не однажды бывали в нашей истории и являлись своеобразными перерывами («перекурами») в напряжениях в государственной и национальной деятельности. 90-е годы XX века в этом смысле похожи на смуты начала XVII и XX столетий. Все они начинались сомнением в значимости государства для жизни нации и каждого человека в отдельности, ослаблением национального единства. Но проходило всего несколько лет разрушительной смуты, и в сознании нации анархические настроения сменялись на ригористическую апологию государственной мощи и национального единства. Нация быстро разочаровывалась в эфемерных смыслах смуты, ощущая глубокую праздность столь чаемой еще недавно «свободы», и начинала переживать удивительное по силе чувство сиротства без государства, без той исторической задачи, от которой она поначалу так яростно отказывалась.

В наше время процесс выхода из анархического смутного состояния происходит по той же психологической схеме. Сколько эмоций, громких слов и бездумных дел было произведено за короткое время нашего анархического припадка 90-х годов. Но уже к концу 90-х было явственно видно преодоление смутных веяний и стало живо ощущаться начало стихийного возврата к государственническим настроениям в русском обществе.

Сегодня идея Империи, империализма — как суть политики великого государства — всплывает в сознании нации в виде непосредственной государственной необходимости, сложившейся из тяжелого постсоветского периода и ослабленного разделенного положения России. Это состояние

слабости очень остро чувствуется русскими, у которых государственный инстинкт развит сильнее, чем у кого бы то ни было. Упадок государственности переживается лично и болезненно, из чего и рождается новое ожидание спасительной личности, могущей возродить Империю.

Говорят, и правильно говорят, нельзя войти в одну и ту же воду дважды. Но можно неоднократно входить в реку с одним и тем же названием. Конечно, нельзя точно повторить форму Империи, существовавшую до 1917 года (что и совершенно необязательно), но можно возродить тот же принцип государственной власти, который привел разрозненные славянские и неславянские племена к одному из величайших государств и цивилизаций в мире.

Монархия — принцип всегда возможный, так же как и демократия, и аристократия. Раз демократический принцип смог воскреснуть в конце XVIII века, но в совершенно других формах, нежели они были в античной и рабовладельческой Греции, то почему мы отказываем в этом монархическом принципу?

Монархия Константина Великого или нашего Святого равноапостольного Владимира была отлична от монархии Ивана Калиты, а та в свою очередь от монархии Царя Алексея Михайловича и от монархии Императора Александра III. Старое имперское вино всякий раз вливается в новые меха современных форм государствования. Первый Рим начинал с монархии, прошел через республику и стал Империей. О Древней Греции можно сказать то же самое, имея в виду Македонскую монархию.

Я не поклонник философских штудий Владимира Соловьева, но определение монархической власти как «диктатуры совести», им выдвинутое, мне глубоко симпатично. Монархия как «диктатура совести неизменная в своих нравственных основах» более близка и понятна нашему народу, чем «диктатура безличного и все время изменяемого закона». Здесь, возможно, играет роль тысячелетнее русское предпочтение Благодати перед Законом, высказанное еще первым митрополитом из русских Илларионом (в XI столетии)…

Власть Самодержавная никогда не была чисто юридически созданной властью, ее генезис глубоко связан с историческим путем самой России, в котором она играла волевую, направляющую роль. Именно Самодержавие явилось насадителем Святого Православия на некогда многобожно-языческой Руси, создало из междоусобствующих княжеских земель мощнейшую Русскую империю, сплотило разрозненные славянские племена в единую русскую нацию, успешно охраняло на протяжении тысячи лет наш Православный мир от внешних и внутренних посягательств на него, взрастило все, что современное общество называет наукой и культурой.

Власть Самодержавная, выступая как положительный фактор на протяжении всей русской истории, входит в состав базовых идей нашей цивилизации, в ее генетический код. Самодержавие не может уйти из русского мира без патологии его организма. На Самодержавии лежало множество важнейших государствообразующих и социально-охраняющих функций, возводимых им на уровень нравственного императива. «*Все сложности*, — писал Л. А. Тихомиров в 1905 году, — *борьба социальных элементов, племен, идей, появившиеся в современной России, не только не упраздняют самодержавия, а напротив — требуют его.*

Чем сложнее внутренние отношения и споры в Империи, среди ее семидесяти племен, множества вер и неверия, борьбы экономических, классовых и всяких прочих интересов, — тем необходимее выдвигается единоличная власть, которая подходит к решению этих споров с точки зрения этической. По самой природе социального мира лишь этическое начало может быть признано одинаково всеми как высшее. Люди не уступают своего интереса чужому, но принуждены умолкать перед требованием этического начала»[1].

Это религиозно-политическое предпочтение, выказываемое Самодержавием началу нравственному, собственно, и есть то реальное самоограничение при юридической неограниченности Верховной власти. Самодержавие — как нравственно ценный государственный институт — содействует как нравственному росту общества, так и росту его материального благосостояния.

Идеал Самодержавия возрос в России не в безвоздушном пространстве, а в среде исторического русского народа, посему принцип этот на нашей почве впитал многое из самобытной народной психологии. Преданность Самодержавию была для многих синонимом преданности высшим интересам нации. Это положение совершенно неизбежно в таком огромном государстве, как Россия, поскольку для его скрепы, кроме Православной веры, наследственного и неограниченного Самодержавия, необходимо еще и господство, преобладание какого-нибудь одного народа, наиболее потрудившегося на поприще укрепления государства. Такой народ должен почитаться государствообразующим, и монарх не имеет возможности игнорировать фактическое положение вещей, почему неизбежно вводит в жизнь государства направляющий «дух нации», как некую общую силу, единящую государственность.

Современная эффективная Верховная власть в России должна быть персонифицированной, сильной, концентрированной, авторитетной и требующей к себе уважения. А для таких великих дел, как возрождение России, — нужна Великая Власть. И опорой для этой власти должна стать нравственная поддержка нации того, кто взвалит на себя тяжесть несения ответственности за Россию.

«Идея Самодержавия, — писал один русский консерватор начала XX века профессор В. Д. Катков, — *не есть какая-то архаическая идея, обреченная на гибель с ростом просвещения и потребности в индивидуальной свободе. Это вечная и универсальная идея, теряющая свою силу над умами при… стечении обстоятельств и просыпающаяся с новою силою там, где опасности ставят на карту самое политическое бытие народа.* **Это героическое лекарство, даваемое больному политическому организму, не утратившему еще жизнеспособности…»**

Если Россия хочет укрепить свою жизнеспособность, то должна решиться на это героическое лекарство.

---

[1] *Тихомиров Л. А.* Монархическая государственность. М., 1905. Ч. III. С. 224.

Елена ШАЛЯПИНА

ПАСХА В ВОЕННОМ ЛЕНИНГРАДЕ

К 70-летию Великой Победы

Елена Леонидовна Шаляпина — родилась в Ленинграде в 1955 г. Окончила Ленинградский кораблестроительный институт. Работала библиографом в Центральной военно-морской библиотеке. В настоящее время работает свечницей в православном приходе Крестовоздвиженского собора на Лиговском проспекте. Автор поэтических публикаций в журналах «Нева» и «Аврора», книги стихов «Сад одиночества» (1993). Член СП России **Живет в Санкт-Петербурге.**

Где твое, смерте, жало?
Где твоя, аде, победа?
Свт. Иоанн Златоуст

О, ночное воющее небо,
дрожь земли, обвал невдалеке,
бедный ленинградский ломтик хлеба,
он почти не весит на руке…
О. Берггольц

До войны в Ленинграде проживало около 3 млн человек. Жертвами блокады, с учетом погибших в процессе эвакуации, стали свыше 1 млн 413 тыс. человек, что составляет 57,6 % ленинградцев на начало голода и 47 % по отношению к трехмиллионному населению довоенного Ленинграда.

В первый же день войны Патриарший местоблюститель Сергий (Страгородский) обратился с посланием к пастырям и пасомым Христовой Православной Церкви: «…Фашиствующие разбойники напали на нашу родину. …Жалкие потомки врагов Православного христианства хотят еще раз попытаться поставить народ наш на колени пред неправдой… Наши предки не падали духом и при худшем положении потому, что помнили не о личных опасностях и выгодах, а о священном своем долге перед родиной и верой, и выходили победителями. Не посрамим же их славного имени и мы — православные, родные им и по плоти, и по вере. Отечество защищается оружием и общим народным подвигом, общей готовностью послужить отечеству в тяжкий час испытания всем, чем каждый может… Православная наша Церковь всегда разделяла судьбу народа. Вместе с ним она и испытания несла, и утешалась его успехами… Если кому, то именно нам нужно помнить заповедь Христову: “Больше сея любви никтоже имать, да кто душу свою положит за други своя”

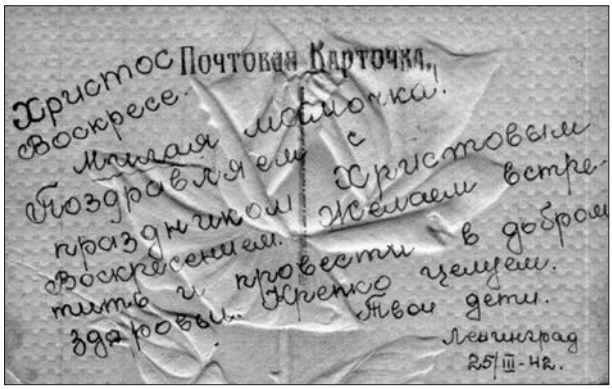
Зенитчики на страже ленинградского неба. Октябрь 1941 г. Фотография Д. М. Трахтенберга

(Ин. 15,13). …Церковь Христова благословляет всех православных на защиту священных границ нашей родины. Господь дарует нам победу». Несмотря на гонения, усилившиеся в 30-е годы, Русская Православная Церковь оказалась на высоте, не отступив от своих патриотических традиций, и с первых дней народного бедствия включилась в деятельность по обороне Отечества. Обращает на себя внимание тот факт, что призыв к защите родины от захватчиков прозвучал с церковного амвона в то время, когда большинство партийных и государственных руководителей находились еще в растерянности. Обращение И. В. Сталина к народу прозвучало только 3 июля. И с самого же начала войны митрополит Сергий однозначно охарактеризовал ее сущность в своей речи на «Молебне о победе русского воинства» вечером 26 июня 1941 года в Богоявленском соборе в Москве: «Мрачная и дикая стихия угрожает стране… Глубоко ошибаются те, кто думает, что теперешний враг не касается наших святынь и ничьей веры не трогает… Известный немецкий полководец Людендорф, посылавший своих солдат на смерть сотнями тысяч, с летами пришел к убеждению, что для завоевателя христианство не годится. Оно своим учением о любви к врагам неизбежно расслабляет животную жестокость, которую Людендорф признавал в человеке за естественное качество. По убеждению этого зоологического генерала, для борьбы за существование жестокость необходима прежде всего, только она и побеждает. Поэтому генерал призывает своих германцев бросить Христа и кланяться лучше древнегерманским идолам… Пусть не подумает кто, что Людендорф под старость… просто сошел с ума и начал чудить. Нет, это совсем не личное только дело Людендорфа: безумие это распространено среди фашистов и даже стремится заразить собою и другие народы, попадающие под германское влияние или владычество… Так вот какая мрачная туча безумия надвигается на нас вместе с германскими полчищами. Можно ли нам благодушно стоять, сложа руки? Можем ли мы променять Христа на какого-то выдуманного другого бога, созданного больным воображением впадающих в озверение людей? …Будем помнить, как Святая Церковь научает нас исповедовать перед Господом: “Тебе Единому согрешаем, но и Тебе Единому служим. Не вемы кланятися богу иному, ниже простирати руки наши богу чуждему” (молитва на вечерни Пятидесятницы) …Да послужит и наступившая военная гроза к оздоровлению нашей атмосферы духовной. …У нас уже имеются некоторые признаки такого оздоровления. Разве не радостно, например, видеть, что с первыми ударами грозы мы вот в таком множестве собрались в наш храм и начало нашего всенародного подвига в защиту родной земли освящаем церковным богослужением? Как хочется сказать вместе с псалмопевцем: “…укрепи, Боже, сие, еже соделал еси в нас” (Пс. 67, 29). Аминь».

Ленинградский митрополит Алексий (Симанский) 22 июня 1941 года, в Неделю Всех Святых, в земле Русской просиявших, служил Божественную литургию в Князь-Владимирском соборе. О начале войны он узнал, возвратившись на свою квартиру после богослужения. Обращение митрополита Сергия сразу же по получении было распространено среди верующих ленинградцев. Уже 23 июня 1941 года начался сбор пожертвований на нужды обороны в приходах Ленинградской епархии, хотя общецерковный призыв Патриаршего местоблюстителя к пожертвованиям в Фонд обороны прозвучал только 14 октября 1941 года. 26 июля 1941 года митрополит Алексий обратился к верующим жителям Ленинграда в послании «Церковь зовет к защите Родины»: «…Все верующие отозвались на этот призыв. Все в минуту общей опасности объединились без различия положения, как граждане единого великого Союза, в одном стремлении — чем бы то ни было помочь участвовать в общей работе по защите отечества… Молебны в храмах и прошения о даровании победы русскому воинству находят живой отклик в сердце каждого молящегося… Среди верующих разных храмов выражены пожелания, чтобы имеющиеся в храмах запасные суммы — в некоторых весьма крупные, в несколько сот тысяч рублей — были отданы государству в фонд обороны, на нужды войны. На эти же нужды поступают и отдельные лепты, пожертвования от верующих… Война есть страшное и гибельное дело для того, кто предпринимает ее без нужды, без правды, с жаждою грабительства и порабощения; на нем лежит позор и проклятие неба за кровь и за бедствия своих и чужих. Но война — священное дело для тех, кто предпринимает ее по необходимости, в защиту правды, отечества. Берущие оружие в таком случае совершают подвиг правды и, приемля раны и страдания и полагая жизнь свою за однокровных своих, за родину, идут вслед мучеников к нетленному и вечному венцу… Церковь неумолчно зовет к защите матери-родины. Она же, исполненная веры в помощь Божию правому делу, молится о полной и окончательной победе над врагом». В своем послании Владыка описывает такой случай: в одном из храмов Ленинграда неизвестные богомольцы положили у иконы Святителя Николая в укромном месте пакет, в котором было 150 золотых десятирублевых монет дореволюционной чеканки, — эти деньги были немедленно отданы на нужды обороны.

Церковная община Князь-Владимирского собора обратилась в Ленсовет с пожеланием открыть на средства общины лазарет для раненых и больных воинов, предлагая предоставить для этой цели все имеющиеся у них средства — 700 тыс. рублей. Приход принимал на себя решение, отказавшись ото всех расходов, кроме самых необходимых по содержанию собора, ежемесячно выделять на лазарет 30 тысяч рублей. Заявление за подписью председателя «двадцатки» общины И. Куракина и членов президиума А. Кораблева и Л. Парийского было подано 24 июня 1941 года. Однако целевая благотворительная помощь не была разрешена. И 8 августа 1941 года выделенные материальные средства были направлены в Фонд Красного Креста и на нужды обороны. Прихожане жертвовали теплые вещи для солдат, продукты питания и другие необходимые предметы (например, полотенца).

Церковная община Никольского собора с августа по ноябрь 1941 года внесла в Фонд Красного Креста 385 тыс. рублей, а в течение 1942 года — еще 595 тыс. рублей. Кроме того, было пожертвовано 300 шт. полотенец, а также личные золотые вещи, золотые и серебряные монеты, и предложено

Пасхальная открытка 1942 г.

внести в январе–феврале 1943 года в Фонд обороны — 100 тыс. рублей и 300 полотенец. Материальные пожертвования поступали от всех действующих в Ленинграде приходских общин. Всего с 1 июля 1941 года по 31 декабря 1944 года патриотические взносы по Ленинграду и Ленинградской области со стороны прихожан и духовенства составили 14 982 395 рублей 65 коп. Общая же сумма пожертвований Русской Православной Церкви на нужды войны превысила к январю 1945 года 200 млн рублей.

8 сентября 1941 года, в день праздника Владимирской иконы Божией Матери, сомкнулось блокадное кольцо вокруг Ленинграда. Жителям города предстоял неслыханный в истории подвиг 872-дневного стояния во вражеском окружении. Часть храмов Ленинградской епархии оказалась в зоне оккупации.

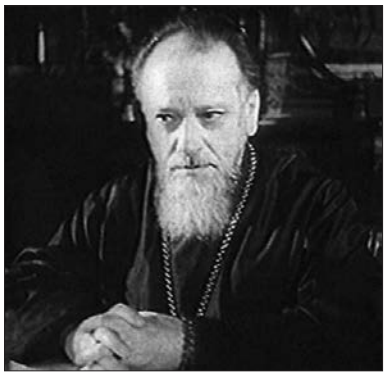
Блокадные годы митрополит Алексий провел в осажденном городе со своей паствой. Своим самоотверженным служением, своими проповедями, проникнутыми горячей любовью к родине и глубокой верой в помощь Божию, и личным примером поддерживал дух осажденных ленинградцев. Много сил прилагал Владыка к тому, чтобы не прерывались богослужения в действующих храмах, сам часто служил, проводил беседы со священниками и мирянами. Первая блокадная зима была особенно тяжкой: лютые морозы, воздушные налеты и артобстрелы, отсутствие воды, канализации, отопления, перебои с электричеством и — голод, голод, тысячи голодных смертей. В своем докладе 8 сентября 1943 года на Архиерейском соборе в Москве митрополит Алексий говорил: «Тени смерти носятся в воздухе в этом героическом городе-фронте, вести о жертвах войны приходят ежедневно. Самые жертвы этой войны… постоянно у нас перед глазами…».

Потрясают показания благочинного церквей Ленинграда и Ленинградской области протоиерея Николая Ломакина, бывшего свидетелем от Русской Православной Церкви на Нюрнбергском процессе: «В 1941 году и в начале 1942 года я был настоятелем кладбищенской Никольской (Большеохтинской) церкви… В зиму 1941–1842 годов положение Ленинграда в блокаде было особенно тяжелым… мирные жители города испытывали неслыханные в истории человечества страдания. Вокруг храма можно было в течение целого дня видеть груды гробов — 100, 200 гробов, над которыми совершал отпевание священник… Кладбище многократно подвергалось жесточайшим налетам немецкой авиации. И вот представьте себе картину, когда люди, нашедшие вечный покой, — гробы, тела, кости, черепа, — все это выброшено взрывами бомб на землю, в беспорядке разбросаны памятники, кресты. И люди, только что пережившие потерю близких, должны снова страдать, видя громадные воронки, где, может быть, только что похоронили

они своих близких… 7 февраля, в день Родительской субботы, перед началом Великого поста, я впервые после болезни пришел в храм, и открывшаяся моим глазам картина ошеломила меня: храм был окружен грудами тел, частично даже заслонившими вход в храм. Эти груды достигали от 30 до 100 человек. Они были не только у входа в храм, но и вокруг храма. Я был свидетелем, как люди, обессиленные голодом, желая доставить умерших к кладбищу для погребения, не могли этого сделать и сами падали у праха почивших и тут же умирали. Эти картины приходилось наблюдать очень часто… Количество отпеваний усопших дошло до невероятной цифры — до нескольких тысяч в день».

В ведении Ленинградского митрополита в блокадном городе находились следующие храмы Московского патриархата: Николо-Богоявленский кафедральный и Князь-Владимирский соборы, кладбищенские церкви: Никольская Большеохтинская и Волковская (св. прав. Иова), Коломяжская церковь св. Димитрия Солунского и Спасо-Парголовская церковь. Обновленцам принадлежали Спасо-Преображенский собор, а также церкви на Серафимовском кладбище и на станции Лисий Нос. Свято-Троицкая церковь в Лесном, где служил иеромонах Павел (Лигор), принадлежала иосифлянам. К концу 1943 — началу 1944 года и обновленческая, и иосифлянская ленинградские общины выразили желание присоединиться к Московскому патриархату. Так, в январе 1943 года Спасо-Преображенский храм «по желанию массы верующих и по решению “двадцатки” перешел из обновленчества в Патриаршую Церковь, и вышли также из обновленчества священники храма Фруктовский и Егоровский». 9 января в Спасо-Преображенском соборе духовенсто храма — протопресвитер П. Фруктовский и архидиакон Л. Егоровский, а также приходская община, — принесли покаяние и были приняты Владыкой Алексием в церковное общение. Присоединились к Московскому патриархату и церкви на Серафимовском кладбище и станции Лисий Нос. 24 июля 1944 года был принят в каноническое общение как мирянин обновленческий лжеепископ Сергий Румянцев. 23 ноября 1943 года прихожане иосифлянской церкви обратились к митрополиту Алексию со следующим прошением: «Отделившись от Русской Православной Церкви, руководимой Его Святейшеством Патриархом Московским и всея Руси Сергием, мы, последователи митрополита Иосифа, совершили великий грех пред Русской Церковью, нарушив ее единство, и одновременно не меньший грех совершили мы и перед Советской властью и Родиной, стремясь поставить себя в какое-то изолированное положение вне государства… Прошедшие годы и особо годы Великой Отечественной войны показали ненужность, несостоятельность существования иосифлян, мы оказались “заблудшей овцой”», оторванной от своего стада. Когда все паствы и пастыри других храмов творили горячие молитвы ко Господу нашему о победе над ненавистниками всего рода человеческого — фашистскими грабителями… и делали посильные вклады в Фонд Красного Креста и на нужды обороны Родины нашей, мы, иосифляне, были в стороне и горько теперь сознавать нам это…». Митрополит Алексий принял раскаявшихся членов прихода Свято-Троицкого храма в каноническое общение, а иеромонах Павел был лишен монашества и сана.

Процесс перехода обновленцев в Патриаршую Церковь начался к концу войны во многих областях нашего Отечества. Этому, безусловно, способствовал рост авторитета духовенства Русской Православной Церкви и

Митрополит Алексий (Симанский)

изменившаяся государственная политика в отношении обновленцев.

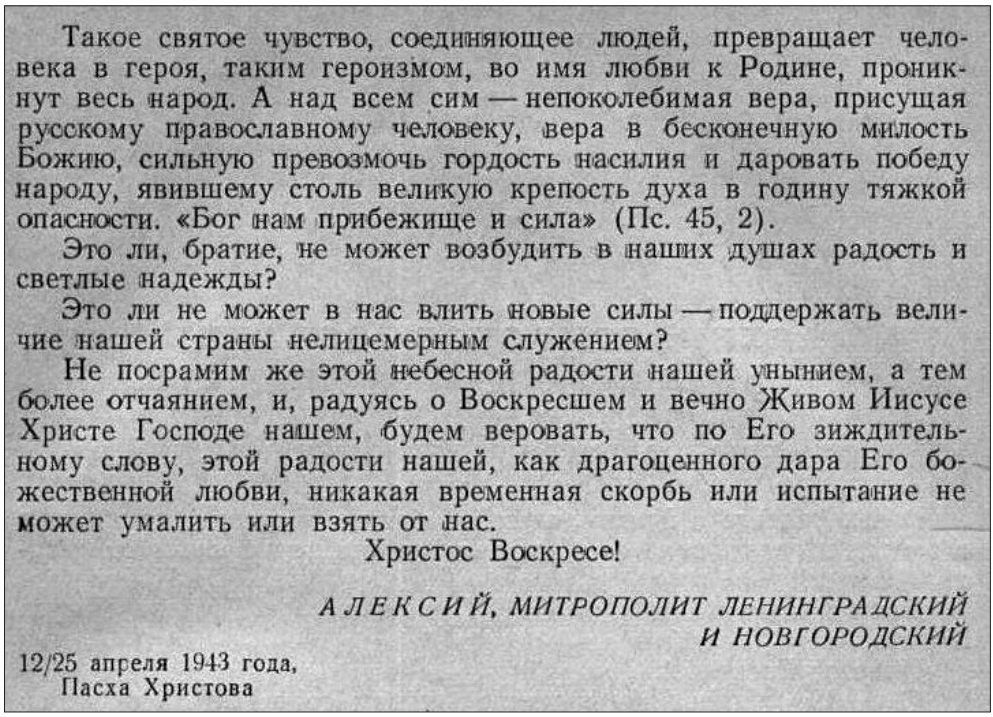
Во время блокады Владыка Алексий проживал в небольшой квартирке на третьем этаже Николо-Богоявленского собора, ставшего кафедральным. Принимал всех приходивших к нему. Очень многим из личных средств оказывал материальную помощь. Молитвенно утешал и духовно ободрял пасомых, часто сам отпевал усопших от истощения мирян. Божественную литургию служил один, без дьякона, сам читал помянники, каждый день служил молебен Святителю Николаю и совершал Крестные ходы вокруг собора. Певчая М. Долгинская, служившая с весны 1942 года в войсках МПВО, вспоминала, что однажды, во время ее возвращения в казарму поздно вечером, начался воздушный налет. Она побежала к Никольскому собору, чтобы укрыться там, и увидела выходивших из ворот храма людей. Впереди всех шел митрополит Алексий, высоко подняв икону «Знамение». Его не остановил даже налет. За ним шли люди, державшиеся в темноте друг за друга. Такие Крестные ходы совершались Владыкой каждый день после вечерней службы.

Посещаемость церквей во время блокады значительно возросла по сравнению с довоенным временем. Постоянная близость смерти обращала людей к вере в бессмертие души и жизнь вечную. Многие принимали святое крещение. Подавались горы записок о здравии и о упокоении. В самом начале войны в одной из своих проповедей митрополит Сергий произнес такие замечательные слова: «…в великий час разлучения души от тела человеку иногда доступны чрезвычайные постижения, недоступные в другое время; …последние несколько минут и даже мгновений этой жизни оказываются иногда несравненно более значительными для судьбы человека, чем вся прожитая им на земле жизнь. Это не наша догадка. Это засвидетельствовано и в Евангелии. …Значит, как бы человек ни был грешен, как бы далеко он ни был от Христа, повременим произносить о нем наш окончательный приговор. Кто знает, может быть, при последнем издыхании этого грешника Христос предстанет его мысленному взору и протянет ему Свою руку спасения, скажет ему, как Петру: “Маловерный, зачем ты усомнился?” (Мк. 14,31). …Тем более надежды на такой спасительный исход для наших воинов, на поле брани живот свой полагающих. Уже одна их решимость пожертвовать собой “за други своя” делает их “недалекими от Царствия Божия» (Мк. 12, 34), как бы родственными правде Христовой». Поразительным подтверждением этих слов, сказанных осенью 1941 года, явилось предсмертное письмо, найденное в кармане шинели солдата Александра Зайцева, погибшего в 1944 году:

Послушай, Бог… Еще ни разу в жизни
С Тобой не говорил я, но сегодня
Мне хочется приветствовать Тебя.
Ты знаешь, с детских лет мне говорили,

Что нет Тебя. И я, дурак, поверил.
Твоих я никогда не созерцал творений.
И вот сегодня ночью я смотрел
Из кратера, что выбила граната,
На небо звездное, что было надо мной.
Я понял вдруг, любуясь мирозданьем,
Каким жестоким может быть обман.
Не знаю, Боже, дашь ли Ты мне руку,
Но я Тебе скажу, и Ты меня поймешь:
Не странно ль, что средь ужасающего ада
Мне вдруг открылся свет, и я узнал Тебя?
А кроме этого мне нечего сказать,
Вот только, что я рад, что я Тебя узнал.
На полночь мы назначены в атаку,
Но мне не страшно: Ты на нас глядишь…
Сигнал. Ну что ж? Я должен отправляться.
Мне было хорошо с Тобой. Еще хочу сказать,
Что, как Ты знаешь, битва будет злая,
И, может, ночью же к Тебе я постучусь.
И вот, хоть до сих пор Тебе я не был другом,
Позволишь ли Ты мне войти, когда приду?
Но, кажется, я плачу. Боже мой, Ты видишь,
Со мной случилось то, что нынче я прозрел.
Прощай, мой Бог, иду. И вряд ли уж вернусь.
Как странно, но теперь я смерти не боюсь.

В чин Божественной литургии были включены молитвы о даровании победы нашему воинству и об избавлении томящихся в неволе. Служился и особый «Молебен в нашествии супостатов» времен Отечественной войны 1812 года. Богослужения в действующих храмах совершались ежедневно и были приспособлены к условиям военного времени. Утренние службы начинались в 8 часов, вечерние в 16 часов, чтобы люди могли вернуться домой до наступления комендантского часа. Зачастую богослужения не прерывались и во время воздушных налетов. Священники в своих проповедях говорили об антихристианской сущности фашистской идеологии, призывали верующих к самоотверженному труду, вселяли веру в победу. При храмах образовывались группы бойцов МПВО. Еще в августе начались работы по маскировке соборов: купола закрывали чехлами, маскировочными сетями или красили в защитный цвет, окна закрывали ставнями. Ленинградские священники, средний возраст которых был 50 лет, наравне со всеми жителями города рыли окопы, участвовали в противопожарной и противовоздушной обороне города, пройдя предварительную подготовку. Например, Василеостровское райжилуправление выдало в октябре 1943 года архимандриту Владимиру (Кобецу) справку, в которой говорилось, что он «состоит бойцом группы самозащиты дома, активно участвует во всех мероприятиях обороны Ленинграда, несет дежурства, участвует в тушении зажигательных бомб». Но, конечно, главным оставалось прямое, поистине жертвенное служение духовенства. Архимандрит Владимир в блокадные годы был священником в Князь-Владимирском соборе, служил почти ежедневно, не останавливал службы даже во время

Такое святое чувство, соединяющее людей, превращает человека в героя, таким героизмом, во имя любви к Родине, проникнут весь народ. А над всем сим — непоколебимая вера, присущая русскому православному человеку, вера в бесконечную милость Божию, сильную превозмочь гордость насилия и даровать победу народу, явившему столь великую крепость духа в годину тяжкой опасности. «Бог нам прибежище и сила» (Пс. 45, 2).

Это ли, братие, не может возбудить в наших душах радость и светлые надежды?

Это ли не может в нас влить новые силы — поддержать величие нашей страны нелицемерным служением?

Не посрамим же этой небесной радости нашей унынием, а тем более отчаянием, и, радуясь о Воскресшем и вечно Живом Иисусе Христе Господе нашем, будем веровать, что по Его зиждительному слову, этой радости нашей, как драгоценного дара Его божественной любви, никакая временная скорбь или испытание не может умалить или взять от нас.

Христос Воскресе!

АЛЕКСИЙ, МИТРОПОЛИТ ЛЕНИНГРАДСКИЙ И НОВГОРОДСКИЙ

12/25 апреля 1943 года,
Пасха Христова

Пасхальное послание митрополита Алексея Симанского. 1943 г. (Фрагмент)

обстрелов. Когда не мог добраться до храма от слабости, его привозили на санках. Настоятель Димитриевской Коломяжской церкви, протоиерей Иоанн Горемыкин, которому в начале войны было 72 года, ежедневно совершал богослужения, хотя добираться приходилось с Петроградской стороны. Зачастую батюшка отдавал свой паек голодающим. Под конец войны, когда у него совсем не было сил ходить, его также привозили в храм на финских санях и он служил литургию. Священник Никольского собора протоиерей Владимир Дубровицкий ежедневно служил в храме. Его дочь, балерина Кировского театра М. В. Дубровицкая, вспоминала: «Бывало, качается от голода, я плачу, умоляю его остаться дома, боюсь упадет, замерзнет где-нибудь в сугробе, а он в ответ: “Не имею я права слабеть, доченька. Надо идти, дух в людях поднимать, утешать в горе, укреплять, ободрять”. И шел в свой собор. За всю блокаду — обстрел ли, бомбежка ли, — ни одной службы не пропустил. …и понять не могу, на чем он держится, ведь последний кусок мне отдавал». Протоиерей Михаил Славницкий в начале блокады был настоятелем Князь-Владимирского собора, затем переведен в Никольскую Большеохтинскую церковь. В феврале 1942 года погиб на фронте его сын, в мае — дочь. Но о. Михаил переносил свои потери мужественно и всегда говорил, что на все воля Божия. Не все священники и члены клира пережили первую блокадную зиму. Не все дожили до Пасхи.

Первая военная Пасха была очень ранней — 5 апреля. Во всех крупных городах, начиная с Москвы, были разрешены ночные пасхальные богослужения и Крестные ходы. Пасха 1942 года совпала с 700-летием Ледового побоища, когда русские войска под предводительством князя Александра Невского

разгромили немцев на Чудском озере. Впоследствии в своей статье «Пасхальные дни в Ленинграде» митрополит Алексий сказал: «Замечательная годовщина, дающая немало материала не только нам, но и врагам нашим для размышления и выводов! За нас, как видим, история и наша нравственная сила, которая все так же велика у русского народа и у русского воина, как и 700 лет назад». Владыка служил Пасхальную Божественную литургию в Никольском соборе. К празднику удалось вставить разбитые стекла, изготовить немного свечей. В помещении храма было темно и холодно, замерзало масло в лампадах. «Но враг не в силах был погасить свет, который горел внутри нас. Мы хранили в себе этот свет, верили в победу», — писал позднее Владыка Алексий в своих воспоминаниях. Вместо куличей за Пасхальной службой прихожане освящали кусочки блокадного хлеба. По окончании богослужения было прочитано Пасхальное послание Патриаршего местоблюстителя Сергия «Преосвященным архипастырям, пастырям и всем верным чадам Святой Православной Русской Церкви». В своем послании митрополит Сергий еще раз обратил внимание на то, что борьба нашего народа с фашизмом по сути есть борьба христианства с воинствующим язычеством. «Но тьма не победит света, хотя бы на время и заслоняла его. Тем более не победить фашистам, возымевшим дерзость вместо Креста Христова признать своим знаменем языческую свастику. Не забудем слов: “Сим победиши». Не свастика, а Крест призван возглавить христианскую нашу культуру, наше “христианское жительство”… да поразит Праведный Судия и Гитлера, и всех соумышленников его и да откроет глаза тем, кто все еще не хочет видеть в Гитлере врага Христова… “Воскресе Христос — и падоша демони. Воскресе Христос — и радуются ангели”… Да возрадуемся и мы с ними, празднуя победу Христову над адом и смертию вовеки и во временной жизни здесь на земле — победу Креста Христова над свастикой».

В Ленинграде праздник Пасхи был омрачен массированным налетом вражеской авиации. Бомбардировки начались в 5 часов вечера в Великую Субботу, длились с небольшими перерывами всю ночь и были явно прицельными: били по действующим храмам. Праздничное богослужение было перенесено на 6 часов утра, что позволило избежать большого числа жертв.

Более всего в пасхальную ночь пострадал Князь-Владимирский собор. Настоятелем собора с февраля по июль 1942 года был протоиерей Николай Ломакин. В своих показаниях на Нюрнбергском процессе он так описывает события Великой Субботы 1942 года: «В 5 часов 30 мин вечера в юго-западную часть Князь-Владимирского собора упало 2 авиабомбы. Люди в это время подходили к Святой Плащанице. Была громаднейшая очередь верующих, желающих исполнить свой христианский долг. Я видел, как человек около 30-ти лежало на паперти ранеными. Эти раненые были в разных местах близ храма… Произошла страшная картина смятения. Люди, не успевшие войти в храм, поспешно стали убегать в близ расположенные траншеи, а другая часть, вошедшая в храм, разместилась по стенам храма, в ужасе ожидая своей смерти, потому что сотрясение храма было настолько сильно, что непрерывно, в течение некоторого времени, падали стекла, куски штукатурки… налет немецких самолетов продолжался вплоть до самого утра, всю пасхальную ночь. Ночь любви, ночь христианской радости, ночь воскресения была превращена немцами в ночь крови, в ночь разрушения и страданий ни в чем неповинных людей». По поводу ущерба, нанесенного

зданию храма, последовало заявление председателя «двадцатки» прихода Князь-Владимирского собора инспектору Ленсовета: «4 апреля 1942 года в 7 ч. 30 мин. вечера при налете фашистской авиации на город осколками сброшенного снаряда частично повреждены стены на южной стороне собора и колонны при входе в собор. Местами повреждена штукатурка до кирпичей. Выбиты почти все стекла с южной стороны собора. Жертв не было. Меры к исправлению приняты. Окна закрыты или деревянными ставнями, или фанерой. Стекла будут вставляться».

(Здесь уместно вспомнить о бомбардировках Сербии в пасхальные дни 1944 года и 1999 года, получившие название «кровавой Пасхи». В 1944 году англо-американские ВВС, в составе более 600 самолетов, обрушили смертоносный груз на Белград. Пострадал только один немецкий объект — здание гестапо. Центр Белграда был полностью разрушен. Погибли тысячи мирных жителей. В 1999 году все повторилось. Многие люди пережили эту трагедию второй раз в жизни, т. е. и в 1944 и в 1999 годах.)

Когда настоятель собора доложил митрополиту Алексию о последствиях бомбежки, Владыка ответил: «И это в Пасхальную ночь!.. Ничего. Будет и по-другому. Христос воскресе!.. Не падайте духом. Бодрите других. Наш долг быть твердыми: мы — русские, мы — православные христиане».

В пасхальном послании к ленинградской пастве, которое было прочитано в храмах в Вербное воскресенье, митрополит Алексий писал: «…враг бессилен против нашей правды и нашей беспредельной воли к победе, которой не могут сломить никакие наши временные неудачи, и каковы бы ни были кратковременные успехи врага, ибо мы знаем, что по слову Премудрого: “Погибели предшествует гордость и падению — надменность”» (Притч. 16, 18) и что “Бог гордым противится”» (1 Петра 5, 5)… Все мы должны крепко помнить, что как …во времена ли св. Александра Невского или Димитрия Донского, на льду Чудского озера, на берегах Дона и на поле Куликовом решался великий спор правды и неправды, так и теперь — в другой обстановке, в непомерно более грозном столкновении — у нас решается спор наступающего германизма против защищающегося славянского мира, и значение его лично для нас, русских людей, расширяется и вырастает до мировых судеб нашего народа и нашего Отечества. Это должен понять каждый из нас, русских патриотов, и стать выше тех сравнительно малых лишений и личных бедствий, которые приходится переживать в это бурное время. И больше, чем когда-либо хранить бодрость и твердость духа, помня слова апостола Павла: “Бодрствуйте, стойте в вере, мужайтесь, укрепляйтесь” (1 Коринф. 16, 13). Наш град находится в особенно трудных условиях, но мы твердо верим, что его хранит и сохранит покров Божией Матери и небесное предстательство его небесного покровителя св. Александра Невского».

18 января 1943 года была прорвана блокада. Но артобстрелы и воздушные налеты продолжались. Пострадали многие храмы Ленинграда, как действующие, так и недействующие. Серьезные повреждения получил храм Воскресения Христова, что на канале Грибоедова (Спас-на-Крови), у которого были пробиты купола и крыша, мозаичные изображения приведены в негодность или уничтожены. У Троицкого Измайловского собора также была разбита во многих местах крыша, почти полностью уничтожен лепной фриз. Повреждены Исаакиевский и Казанский соборы. Почти совсем разрушена церковь на Серафимовском кладбище. Особенно сильно пострадали от бом-

бежек Князь-Владимирский и Николо-Богоявленский соборы. В 1943 году чаще подвергался обстрелам Никольский собор. «Как только великий праздник или просто воскресенье — сейчас же артобстрел. Да и какой обстрел! В Великий пост, на первой неделе, в 1943 году, с самого раннего утра и до поздней ночи ни причт, ни молящиеся не имели физической возможности выйти из храма», — свидетельствовал протоиерей Николай Ломакин, который служил в соборе с июля 1942 года и до конца войны. Во время очередного обстрела едва не погиб митрополит Алексий. Осколками снарядов была разбита келья Владыки. Один из этих осколков он хранил у себя до конца жизни.

В 1942 году Московская Патриархия выпустила книгу «Правда о религии в России». Книга содержала сведения о патриотическом воодушевлении среди духовенства и верующих; о многочисленных пожертвованиях на военные нужды; о варварском отношении немцев к церковно-историческим памятникам в оккупированных местностях, в городах и селах; о надругательствах немцев над святынями, над пастырями, над верующими. По выходе этой книги у митрополита Алексия появилась идея подобного издания на материале Ленинградской епархии. 1 декабря 1942 года Владыка обращался с письмом в Исполком Ленсовета с просьбой разрешить издание документального сборника по истории Ленинградской епархии в годы войны. В сборнике предполагалось дать характеристику положения Ленинградской Церкви в переживаемое военное время; поместить послания и обращения митрополита Ленинградского, а также обращения к пастве приходских священников; статьи и очерки пастырей церквей епархии об участии приходов в общем деле войны; сообщения о пожертвованиях на нужды обороны, на Красный Крест от приходов и от отдельных прихожан; сообщения о вражеских действиях, разрушениях и зверствах на территории области; статьи и сообщения с мест от мирян. Издание это не было осуществлено. Но факт существования таких планов говорит о многом. Государственная политика по отношению к Церкви изменилась. Собственно, она начала меняться с начала Великой Отечественной войны. Одной из причин улучшения отношений между государством и РПЦ была активная патриотическая и благотворительная деятельность духовенства и верующего народа с первых дней войны. Ярким примером помощи фронту со стороны Церкви был сбор средств на танковую колонну имени Димитрия Донского. С призывом начать сбор пожертвований для этой цели обратился 30 декабря 1942 года к верующим страны Патриарший местоблюститель Сергий. 5 января 1943 года он направил И. В. Сталину телеграмму с сообщением об этой инициативе Русской Православной Церкви и с просьбой открыть в Госбанке специальный счет. В телеграмме сообщалось о первых взносах в Москве: от Патриархии — 100 тыс. рублей, от Елоховского кафедрального собора — 300 тыс. рублей, от настоятеля собора — 100 тыс. рублей. В тот же день от Сталина последовала телеграмма митрополиту Сергию с благодарностью «за заботу о бронетанковых силах Красной армии». Счет в Госбанке был открыт. Ко дню Красной армии 23 февраля было собрано 6 млн рублей, помимо золотых и серебряных вещей. И уже к маю была собрана необходимая сумма в размере свыше 8 млн рублей. Лепта Ленинградской епархии составила более 1 млн рублей. В письме к митрополиту Сергию от 20 мая 1943 года митрополит Алексий сообщал: «В исполнение предложения Вашего Блаженства в ленинградских храмах продолжается сбор на колонну им. Димитрия Донского и в мае сего года переведено всего 1 230 000 рублей».

7 марта 1944 года состоялась торжественная передача частям Красной армии танковой колонны «Димитрий Донской». На митинге перед танкистами выступил митрополит Крутицкий Николай (Ярушевич). Колонна состояла из 40 боевых машин Т-34, построенных в Челябинске. На башне каждого танка была надпись «Димитрий Донской». В докладе на Архиерейском соборе 8 сентября 1943 года митрополит Сергий упомянул и о танковой колонне имени Димитрия Донского. По его словам такая форма помощи армии явилась благословением, знаком того, «что Церковь не оставляет воинов и на поле брани, что она их благословляет и готова участвовать с ними в самих боях, чтобы добиться освобождения нашей Святой Руси от нашествия иноплеменников». Также Великим постом 1944 года Церковь призвала верующих к сбору средств на самолеты для эскадрильи имени Александра Невского.

1943 год стал переломным в ходе войны. Наши войска начали наступать, был отвоеван Сталинград. Но Ленинград еще находился в блокаде. Продолжались артобстрелы и воздушные налеты. Тем не менее, на Пасху 25 апреля 1943 года был отменен комендантский час и праздничное богослужение состоялось ночью. В 1943 году митрополит Алексий выпустил два Пасхальных послания: к ленинградской пастве и к пастырям и пастве в городах и селах Ленинградской области, пока еще занятых вражескими войсками. «Второй раз уже встречаем мы светлый праздник в грозных условиях Отечественной войны, — говорилось в послании к ленинградской пастве, — и свет духовного созерцания заслоняется туманом скорби… Сердце содрогается от всего того, что мы знаем и слышим о злодействах наших врагов-фашистов на нашей земле… Но наряду с этими скорбными чувствами и светлые чувства прорываются и радуют наши души… Перед нами встают картины поражения неприятеля… Так поразительны по противоположности начало и продолжение войны!» В послании прозвучала непоколебимая вера в русского православного человека, забывающего о себе ради спасения Отечества и являющего «великую крепость духа» в годину тяжелой опасности. Во втором послании митрополит Алексий призывал пастырей и паству, находившихся в зоне оккупации, «подвизаться за веру, за свободу, за честь Родины», помогать партизанам в борьбе с врагом, самим вступать в ряды партизан, проявлять себя, как подлинно Божий, преданный своей Родине и своей вере, народ.

8 сентября 1943 года на Архиерейском соборе в Москве был избран Патриарх Московский и всея Руси. Им стал митрополит Сергий (Страгородский). Менее года прожил Патриарх Сергий после этого исторического события и отошел ко Господу в пасхальные дни 1944 года 15 мая. Пасхальной радостью были согреты последние дни жизни Патриарха. В Москве пасхальные ночные богослужения 16 апреля 1944 года отличались исключительной торжественностью и многолюдством. Тысячи людей стояли у храмов с зажженными свечами и к звездному небу из тысяч уст неслась пасхальная песнь: «Христос воскресе из мертвых!». После многолетнего перерыва пасхальный праздник в Москве возглавлял Патриарх Московский и всея Руси. Пасхальная радость народа по всей стране многократно усиливалась благодаря победам нашей армии на фронтах, победам, о которых так много молитв возносила Церковь Русская с самого начала войны. Ленинградский митрополит Алексий, согласно завещанию Патриарха Сергия, был назначен Патриаршим местоблюстителем.

11 октября 1943 года 12 ленинградских священников были награждены медалями «За оборону Ленинграда». Первым эту награду получил митрополит Ленинградский и Новгородский Алексий. Среди награжденных были протоиереи: М. Славнитский, П. Тарасов, В. Румянцев, Н. Ломакин, В. Дубровицкий, Ф. Поляков. Впервые за годы Советской власти правительственные награды были вручены священнослужителям. В дальнейшем еще ряд клириков были награждены медалями «За оборону Ленинграда» и «За доблестный труд в Великой Отечественной войне». Начиная с осени 1943 года, представителей ленинградского духовенства начали привлекать к участию в общегородской общественной работе. Благочинный ленинградских церквей протоиерей Николай Ломакин был членом городской и областной чрезвычайной комиссии по установлению злодеяний немецко-фашистских захватчиков и причиненных ими разрушений. Об увиденном он свидетельствовал впоследствии на Нюрнбергском процессе в 1946 году.

Патриарший местоблюститель митрополит Сергий с митрополитом Ленинградским и Новгородским Алексием в г. Ульяновске в июле 1943 г.

В январе 1944 года была, наконец, полностью снята блокада Ленинграда. Описывать радость горожан мы не возьмемся. Но один факт говорит сам за себя. Колокола церкви на Серафимовском кладбище были еще в 30-е годы захоронены под полом храма глубоко в земле (по причине запрета на колокольный звон). Когда утром 27 января весть о снятии блокады собрала прихожан у церкви, то эти обессиленные голодом и невзгодами осадной жизни люди сумели извлечь из промерзшей земли колокола и поднять их на колокольню. Звон колоколов не умолкал более суток. Поистине, «сила Божия в немощи совершается» (2 Кор. 12, 9). (Повсеместный же колокольный звон был разрешен только в 1945 году.) По благословению митрополита во всех храмах были отслужены благодарственные молебны. В Пасхальном послании 1944 года к пастырям и пастве на территории Ленинградской епархии, освобожденной от вражеской оккупации, митрополит Алексий обратился с такими словами: «…весть о Воскресении Христовом, для вас, братие,.. является сугубо радостной и светлой, так как после долгого промежутка времени вы встречаете ее освобожденными от страшного ига фашистских зверств и насилия. Бог судил вам… испить горькую чашу временного порабощения фашистскими злодеями; видеть разрушение родных городов и селений, осквернение вековых святынь и дорогих русскому сердцу памятников… пережить ужасы

страданий и смерти родных, близких, друзей… Вы на опыте изведали, что такое фашизм, убедились, насколько он жесток и враждебен всему русскому, всему славянскому, каким лютым врагом он является Христианству, хотя он и старается льстиво показать себя защитником христианской веры… Теперь отрадно было узнать о том, как многие священники и миряне бестрепетно, всеми имевшимися у них способами боролись против засилия оккупантов: помогали партизанам, укрывали их от врагов, снабжали их продовольствием и одеждой, содействовали их успехам в борьбе с захватчиками… Но благодарение Богу! Эти тяжкие для нас времена, возлюбленные братие, теперь миновали и радость Воскресения Господня, которую мы все вместе празднуем, так же как и для святых апостолов, для нас теперь сугубо радостна и светла после страшной годины скорби».

Пасха 1944 года стала для митрополита Алексия последней, которую он праздновал с ленинградской паствой. С мая месяца он становится Патриаршим местоблюстителем, а Ленинградскую епархию в сентябре 1944 года возглавил архиепископ Псковский Григорий (Чуков). 2 февраля 1945 года на Поместном соборе Русской Православной Церкви митрополит Алексий (Симанский) был избран Патриархом Московским и всея Руси. Вскоре после интронизации, которая состоялась 4 февраля, Патриарх Алексий I посетил Ленинград. За богослужением в Никольском соборе Владыка обратился к прихожанам с такими словами: «Вспоминается мне, как под грохот орудий, под страхом смерти вы спешили прийти в этот святой храм, чтобы излить перед Господом свои скорбные чувства… Вспоминаю я, как мы совершали богослужения под грохот разрывов, при звоне падающих стекол, и не знали, что с нами будет через несколько минут… И хочется мне сказать: “Град возлюбленный! Много горького пришлось пережить тебе, но теперь ты, как Лазарь, восстаешь из гроба и залечиваешь свои раны, а скоро и предстанешь в прежней красоте…” Я призываю благословение Божие на град сей, на братий сопастырей моих, о которых сохраняю самые теплые воспоминания. Они разделяли со мной все труды, испытывали много скорбей, еще больше, чем я, и теперь несут тяжелый подвиг… И будем молиться, чтобы Господь простер благословение Свое над Русской Церковью и над дорогой Родиной нашей».

Список использованной литературы

1. Испытание. Воспоминания настоятеля и прихожан Князь-Владимирского собора в Санкт-Петербурге о Великой Отечественной войне и блокаде Ленинграда. СПб., 2010.

2. Алексий Патриарх Московский и всея Руси: слова, речи, послания, обращения, доклады, статьи (1941–1948). Т. 1. М.: Изд-во Московской Патриархии, 1948.

3. Правда о религии в России. М.: Изд-во Московской Патриархии, 1942.

4. Страж Дома Господня. Патриарх Московский и всея Руси Сергий (Страгородский) / Авт.-сост. С. Фомин. М., 2003.

5. Русская Православная Церковь и Великая Отечественная война. Сборник церковных документов. Б.м., б.г.

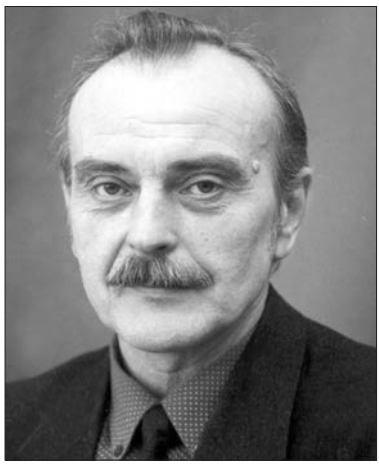
6. Русская Церковь в годы войны: сборник документов. Арзамас: АГПИ, 2011.

7. Молитвослов православного воина. М.: Сибирская благозвонница, 2010.

8. Магаева С. В., Симоненко В. Б. Статистика жертв ленинградской блокады // Изд-во СПбГУ, 2009. № 8.

9. http:/www.leningradpobeda.ru/nesmotrja-ni-na-chto/tserkov-v-gody-blokady

ПРОЗА

Юрий ШУРУПОВ

МЕЖ ДВУХ ОГНЕЙ

Главы из романа

К 70-летию Великой Победы

Юрий Александрович Шурупов — родился на Урале, в г. Усть-Катаве Челябинской обл. в 1952 году. Финалист конкурса «Золотое перо России» (детская литература) и газеты «Труд» (1997), автор книги о строителях Башкирской АЭС «Покорение непокорности». В 1984 г. за защиту интересов заводских рабочих был снят с должности редактора газеты и выдворен из города. С 1972 г. по 1990 г. Член Союза журналистов СССР. Работает руководителем пресс-службы городской администрации. **Живет в г. Агидель, Башкирия.**

Были, есть и будут люди,
которые критиковали и критикуют
священников, совершавших свое
служение во время оккупации.
Но абсолютное большинство из них
было патриотами…
Церковь призвана нести свое
служение в любых условиях.

Патриарх Московский
и всея Руси Кирилл

ГОСПОДЬ НАМ ДАРУЕТ ПОБЕДУ!

Теплое, прозрачное утро июньского воскресного дня — единственного дня отдыха советских людей за минувшую трудовую неделю. Солнце еще только-только глянуло на скинувший ночную пелену город, а он уже ожил звонками трамваев, разноголосыми сигналами автомобилей, гомоном спешащих по своим делам москвичей, многие из которых с рюкзаками, кошелками, тяжелыми сумками, а то и налегке — с одним фотоаппаратом или удочками в руках, направлялись к вокзалам и остановкам транспорта, чтобы пораньше выехать на природу, окунуться в ее тишину и свежесть, хотя бы на несколько часов укрывшись от суеты большого города. И мало чей взгляд из этого многотысячного потока людей хотя бы на мгновение останавливался на величественной, несокрушимой громаде некогда дорогого и любимого сердцу всякого коренного москвича кафедрального Богоявленского собора, стоявшего неподалеку от центра столицы. Зато добродушное утреннее солнце с упоением забавлялось позолотой его куполов, беззаботно радуясь своему ослепительному отражению, да редкие, преклонного возраста прихожане храма степенно осеняли себя крестным знамением перед тем, как войти в его приветливо распахнутые двери. Колокола молчали, больше-

вистской властью они вот уже одиннадцать с половиной лет были лишены права голоса. Потому и не знала Москва, что воскресенье 22 июня 1941 года совпало с великим православным праздником — Днем Всех святых, в земле Российской просиявших.

Огромный храм, в добрые времена вмещавший не одну тысячу богомольцев, был практически пустой. Десятка три-четыре самых ревностных прихожан стояли с одухотворенными лицами перед великолепным пятиярусным иконостасом, благоговейно вслушиваясь в слова Божественной литургии, которую служил митрополит Московский и Коломенский Сергий (Страгородский), бывший в то время Патриаршим Местоблюстителем и фактическим Предстоятелем Русской Православной Церкви. Молебствие уже подходило к концу, как в храм вбежала совсем еще молодая простоволосая женщина.

— Люди добрые, батюшка! Война! Немцы на нас напали… Война! Война! — бросившись перед солеей на колени, женщина уткнулась головой в пол, не переставая повторять сквозь безудержные рыдания одно только слово: «Война!.. Война!..»

Находящийся в храме народ замер в оцепенении. Владыка недовольно обернулся на крик. Будучи глуховатым, он не сразу понял, что случилось. Но как только сослужащий митрополиту на литургии настоятель Богоявленского собора отец Николай (Колчицкий) с алтарником Григорием объяснили причину переполоха, престарелый архипастырь преобразился на глазах. Расправив плечи, он показался выше, моложе. Бледный, но без малейших признаков растерянности или испуга, он решительно взял в руки напрестольный крест и уверенным шагом вышел на солею. Плачущую женщину уже подняли с колен, прикрыв ее голову нашедшимся у кого-то лишним платком. Поддерживаемая добросердечными старушками, она продолжала плакать, без устали твердя, как в беспамятстве, ею же принесенное в храм страшное слово. Увидев митрополита, она неумело перекрестилась и замерла.

— Возлюбленные во Христе, дорогие мои братья и сестры! Только что все мы стали свидетелями страшной вести. Но не первый раз приходится русскому народу выдерживать такие испытания. С Божиею помощью, и на сей раз он развеет в прах фашистскую вражескую силу. Наши предки не падали духом и при худшем положении потому, что помнили не о личных опасностях и выгодах, а о священном своем долге перед Родиной и верой, и выходили победителями. Не посрамим же их славного имени и мы — православные, родные им и по плоти, и по вере… А теперь подходите ко кресту и с неколебимой надеждой на милость Божию возвращайтесь по домам. В сей трудный час не забывайте Господа Бога нашего Иисуса Христа и Пречистую Матерь Его со Всеми святыми, в земле Российской просившими. Будем усердно молиться, мои дорогие, и Господь нам дарует победу!

Закрыв непослушными от волнения руками опустевший храм, отец Николай вместе с Владыкой Сергием поспешили в архиерейские покои, если так можно было назвать старый одноэтажный деревянный дом с мезонином, в котором жил и работал со своими сотрудниками Патриарший Местоблюститель. Дом находился неподалеку от кафедрального собора, в Бауманском переулке. Кроме небольших комнат Владыки, его келейника Порфирия, иеродиакона Иоанна (Разумова), несшего послушание эконома Патриархии, здесь размещались органы управления Русской Православной Церковью и Московской епархией. В доме часто останавливались иногородние архие-

реи, приезжавшие по своим неотложным делам к Владыке. Тут же до недавнего времени работал Управляющим делами Московской Патриархии, один из четырех оставшихся в Советском Союзе к началу сороковых годов митрополитов Сергий (Воскресенский), назначенный несколько месяцев назад главой Прибалтийского экзархата Русской Православной Церкви… Было тесно, неудобно, но на другое помещение рассчитывать не приходилось.

Шли небыстро: сказывался возраст Владыки и его больные ноги. По пути встречались знакомые люди из близлежащих домов. Они машинально кланялись священникам и озабоченно спешили дальше. Только знакомый дворник Алексей, изредка, больше всего по праздникам, посещавший Елоховскую церковь, как по старинке многие москвичи называли Богоявленский собор, остановился и громко спросил:

— Слыхали-нет, честные отцы, беда-то какая приключилась? Немчура проклятая опять на нас полезла. Мало ей, видать, досталось от нашего брата в Первую-то мировую…

— Слышали, православный. Как не слышать! — ответил отец Николай. — Господь не без милости. Одолеем!

Тем же вопросом встретили Владыку выбежавшие ему навстречу уже вернувшиеся из храма домой иеродиакон Иоанн и келейник Порфирий.

— Знаю, — сухо бросил он им на ходу и закрылся в своем кабинете.

Оставшись один, митрополит сел за рабочий стол, подперев голову руками. Только теперь он в полной мере осознал масштаб постигшего страну и ее народ бедствия. Он хорошо понимал, что Германия Гитлера это не Германия кайзера Вильгельма. Вооруженные современной боевой техникой, армии вермахта заявили себя в Европе несокрушимой силой. Но ведь и Наполеон считал себя непобедимым, пока не познал силу духа русского солдата, его готовность до последней капли крови защищать свое Отечество, Царя и веру православную. Теперь нет ни веры, ни Царя… Нет Царя? Но есть великий вождь, кумир народа — Сталин. Нет веры? Да так ли это? Почему же тогда сегодня женщина, явно далекая от Церкви, в своем порыве отчаяния упала на колени не среди улицы, а перед иконами в храме Божием? Выходит, в душе-то ее вера жива! Пусть она загнана в самые потаенные уголки, но жива! Хранят ее до поры, сами не ведая о том, и миллионы красноармейцев, которым предстоит встретиться на полях сражений с жестоким и сильным врагом. И они выстоят, они победят! В их душах проснется вера в Господа, а с нею они станут непобедимыми. Недаром боевой клич Суворова: «С нами Бог!» не раз поднимал его солдат в атаку и вел к победе, триумфу русской армии. Так будет и теперь! Так будет…

Некстати зазвонил телефон. Митрополит нехотя взял тяжелую трубку:

— Слушаю вас.

— Митрополит Сергий?

— Да.

— С вами будет говорить товарищ Сталин.

Телефонная трубка едва не выпала из рук Предстоятеля. И тут же послышался тихий, уверенный, с легким, знакомым акцентом голос:

— Благословите, Владыка!

От столь привычного для других и в той же мере необычного обращения к себе самого Сталина митрополит настолько растерялся, что забыл ответить: «Господь благословит». Он никогда не видел Сталина вблизи, и уж, тем бо-

лее, не разговаривал с ним ни лично, ни по телефону. Звонок из Кремля был чем-то из ряда вон выходящим. Его Владыка испугался больше, чем известия о начавшейся войне. А из трубки тем временем доносилось:

— Мы считаем, что в скорбный час испытаний для нашего Отечества нельзя держать в сердце взаимные обиды и укоры. А поэтому просим вас обратиться с воззванием к священству и пастве. Русская Православная Церковь, верная своим традициям, должна оставаться вместе с народом, питая его духовные силы. Что вы на это скажете, Владыка?

— Я незамедлительно выполню вашу просьбу, товарищ Сталин, — пересохшими от волнения губами проговорил митрополит. — По молитвам заступницы святой Руси Пречистой Богородицы и Всех святых, в земле Российской просиявших, Господь дарует нам победу…

— Без сомнения, Владыка, враг будет разбит. Победа будет за нами!

Положив замолчавшую трубку на рычаг аппарата, митрополит Сергий несколько раз встряхнул колокольчик, стоявший на его рабочем столе. Вошел келейник, поклонился и вопросительно посмотрел на Владыку.

— Порфирий, где у нас пишущая машинка?

— На своем месте должна быть, Владыко, — келейник подошел к большому книжному шкафу и заглянул на его нижнюю полку. — Сей момент… Вот тут она и есть. Подать?

— Подай… И бумагу…

Оставаясь под впечатлением от разговора со Сталиным, митрополит безотчетно смотрел в угол кабинета, где находился большой иконостас из старинных икон, освещаемый огоньком неугасимой лампады. Он не видел, как келейник поставил на край стола пишущую машинку и положил рядом несколько листов чистой бумаги, не слышал, как за ним закрылась дверь. Вдруг Владыка поднялся на ноги, не почувствовав в них боли, подошел под иконы и опустился перед ними на колени. Горячая молитва вернула силы и уверенность, позволила до конца осознать значимость миссии, которую ему предстояло выполнить перед Богом и людьми.

Больше часа из кабинета митрополита доносилось пощелкивание пишущей машинки. Владыка Сергий не искал слова к Посланию пастырям и пасомым Русской Православной Церкви — их диктовало само сердце. И он ему верил, поскольку именно этим сердцем — уже больным и усталым — он всю свою долгую жизнь страстно, беззаветно любил многострадальное Отечество и его народ. «Последние годы мы, жители России, утешали себя надеждой, что военный пожар, охвативший едва не весь мир, — выстукивала послушная мыслям и пальцам Владыки машинка, — не коснется нашей страны, но фашизм, признающий законом только грубую силу и привыкший глумиться над высокими требованиями чести и морали, оказался и на этот раз верным себе. Фашиствующие разбойники напали на нашу Родину. Попирая всякие договоры и обещания, они внезапно обрушились на нас, и вот кровь мирных граждан уже орошает родную землю. Повторяются времена Батыя, немецких рыцарей, Карла шведского, Наполеона. Жалкие потомки врагов православного христианства хотят еще раз попытаться поставить народ наш на колени пред неправдой, голым насилием принудить его пожертвовать благом и целостью Родины, кровными заветами любви к своему Отечеству… Вспомним святых вождей русского народа, например,

Александра Невского, Димитрия Донского, полагавших свои души за народ и Родину. Да и не только вожди это делали. Вспомним неисчислимые тысячи простых православных воинов, безвестные имена которых русский народ увековечил в своей славной легенде о богатырях Илье Муромце, Добрыне Никитиче и Алеше Поповиче, разбивших наголову Соловья Разбойника. Православная наша Церковь всегда разделяла судьбу народа. Вместе с ним она и испытания несла, и утешалась его успехами. Не оставит она народа своего и теперь. Благословляет она небесным благословением и предстоящий всенародный подвиг… Нам, пастырям Церкви, в такое время, когда Отечество призывает всех на подвиг, недостойно будет лишь молчаливо посматривать на то, что кругом делается, малодушного не ободрить, огорченного не утешить, колеблющемуся не напомнить о долге и о воле Божией. А если, сверх того, молчаливость пастыря, его некасательство к переживаемому паствой объяснится еще и лукавыми соображениями насчет возможных выгод на той стороне границы, то это будет прямая измена Родине и своему пастырскому долгу, поскольку Церкви нужен пастырь, несущий свою службу истинно “ради Иисуса, а не ради хлеба куса”, как выражался святитель Димитрий Ростовский. Положим же души своя вместе с нашей паствой. Путем самоотвержения шли неисчислимые тысячи наших православных воинов, полагавших жизнь свою за Родину и веру во все времена нашествий врагов на нашу Родину. Они умирали, не думая о славе, они думали только о том, что Родине нужна жертва с их стороны, и смиренно жертвовали всем и самой жизнью своей. Церковь Христова благословляет всех православных на защиту священных границ нашей Родины. Господь нам дарует победу! *Патриарший Местоблюститель, смиренный Сергий, митрополит Московский и Коломенский. Москва, 22 июня 1941 года*».

В тот же день Послание Владыки было размножено на ротаторе и разослано по всем православным епархиям и крупным приходам. Отдельной депешей ушло в Ригу обращение Патриаршего Местоблюстителя митрополиту Виленскому и Литовскому, экзарху Прибалтики Сергию (Воскресенскому). Предстоятель напутствовал своего наместника продолжать поддерживать и укреплять, несмотря на военное время, единство Русской Православной Церкви на территории Прибалтийских республик, не поддаваться ни на какие провокации со стороны раскольников и беспрекословно выполнять волю Москвы.

…Через две недели, 3 июля, во все города и веси Советского Союза репродукторы донесли пламенное обращение Сталина к советскому народу. Чего только стоили первые слова вождя: «Товарищи! Граждане! Братья и сестры! Бойцы нашей армии и флота! К вам обращаюсь я, друзья мои!..» Патриотический порыв, сразу охвативший страну, всех ее жителей от мала до велика, атеистов и верующих, православных и мусульман, Армию и Флот положил начало тернистого, но славного четырехлетнего пути советского народа к великому Дню Победы добра над злом. И этот путь был благословлен Русской Православной Церковью.

МЕДЛИТЬ БЫЛО НЕЛЬЗЯ

Черный «Паккард» слегка притормозил перед тут же открывшимися воротами во двор старинного одноэтажного особняка с высоким цокольным этажом и окнами, над которыми в свете луны без труда можно было

различить восхитительные барельефы сцен эпохи античности. Из угодливо распахнутой расторопным водителем в форме капитана НКВД дверцы остановившегося у подъезда автомобиля вышел усталого вида человек. Среднего роста, коренастый, в широкополой фетровой шляпе и мешковатом коричневом костюме он походил на рядового служащего советского учреждения. Старомодное пенсне только усиливало это впечатление.

— Свободен, — небрежно бросил человек водителю. — Завтра, как обычно.

— Слушаюсь! Спокойной ночи, Лаврентий Павлович.

Берия, а это был именно он, не ответил. Проводив взглядом бесшумно выкатившийся со двора автомобиль, он взялся за ручку входной двери… и передумал. Несколько минут постояв у подъезда, подставляя лицо свежему дыханию июньской ночи, Берия медленно направился в прилегающий к дому сквер. Он любил в нечасто выпадающую свободную минуту уединиться в этом тихом уголке и спокойно подумать, как лучше решить очередную задачу, поставленную перед ним Хозяином.

Откинувшись на спинку скамейки, Берия запрокинул голову, любуясь манящим безбрежьем небесной выси. Последние дни она была особенно впечатляющей, поскольку прикрытая светомаскировкой Москва не пыталась яркостью своих огней соперничать с извечным, таинственным сиянием звезд. Все было так, как совсем недавно, в мирное, безмятежное время, только непривычные пока глазу москвича аэростаты прикрытия висели в ночном небе огромными чудищами, отливавшимися в свете полной луны мертвенной белизной своих покатых боков.

Тихо. Тепло. Тревожно. В ушах все еще звучат слова Сталина на только что закончившемся совещании. Коба молодец! Ни растерянности, ни страха. Курит много. Трубку из рук не выпускает. Зажигает ее, затягивается, за разговором она потухает, потом снова зажигает… Зачем? Слушает всех внимательно. Вопросы задает конкретно, задачи ставит четко. В сложившейся за последние дни ситуации разобрался вполне. Готовит обращение к народу. Пора! Недоволен командующим Западным фронтом генералом Павловым… Посуровел, надолго замолчал. Медленно вышел из-за стола:

— На сегодня — все. До свиданья… Лаврентий, останься.

Когда участники совещания покинули кабинет, Сталин в очередной раз раскурил трубку и пристально посмотрел на своего старинного друга. Он доверял Берии самые сокровенные мысли, не сомневаясь, что кроме их двоих они не будут известны никому.

— Ты веришь в Бога, Лаврентий?

Вопрос прозвучал настолько неожиданно, что Берия не нашелся с ответом. Он зачем-то снял пенсне и стал тщательно протирать стекла чистым носовым платком, которым никогда не пользовался по прямому назначению.

— А я верю. Душа моя верит, — с непривычной грустью в голосе проговорил Сталин, выпустив клуб ароматного дыма. Некурящий Берия никак не выдал своей неприязни к табачному запаху и продолжал сосредоточенно протирать пенсне, пытаясь понять, куда клонит Хозяин. — Разумом я, конечно, материалист. А вот душа… Ей, Лаврентий, не прикажешь. Не все ладно у нас с церковными делами. Перестарались… Похоже, пришло время собирать камни. Знаешь, как сказано в Ветхом Завете?

— Не знаю… Чего не знаю, того не знаю, — Берия надел пенсне, сцепил перед собой пальцы рук и поднял глаза на Сталина.

— Всему свое время, и время всякой вещи под небом: время рождаться и время умирать; время разбрасывать камни и время собирать камни; время войне и время миру… Хорошо сказано. Правильно. Надо постепенно менять нашу политику по отношению к религии, Православной Церкви. И не только к Православной. Победить в войне сможет крепкий кулак. Вот, — Сталин сжал кулак перед лицом Берии, — когда все пальцы вместе. Убери один, и не будет в кулаке полной силы. Ты меня понимаешь?

— Не совсем, если честно. Что же получается? Мы уже который год стараемся очистить сознание советских трудящихся от религиозного мракобесия…

— Эх, Лаврентий, Лаврентий, — нетерпеливо перебил Сталин. — Неужели тебе не ясно, какой козырь может оказаться в руках Гитлера, если мы не сумеем сделать церковников своими союзниками в этой войне? А вместе с ними, попами, и всех верующих, которые на нас в большой обиде. Помнишь результаты переписи тридцать седьмого? Треть горожан и две трети сельских жителей открыто назвали себя верующими. Открыто! Так что, как ты ни старайся, а веру из русской души не выбить. Уничтожая церкви и церковников, можно только запугать людей, загнать их в катакомбы. Они затаятся. Затаятся со злобой и ненавистью к советской власти. К нам с тобой. Они станут нашими скрытыми врагами. А скрытый враг гораздо опаснее явного. Вот этим врагом как раз и может воспользоваться Гитлер. Согласен?

— Согласен. Но что ты предлагаешь в таком случае?

— Первое. В ближайшее время все верующие должны почувствовать изменившееся к ним в лучшую сторону отношение советского правительства. Никаких арестов, никаких закрытий церквей. И чтобы ни военные, ни партизаны пальцем не трогали попов. Особую деликатность надо будет проявить в западных областях и в Прибалтийских республиках. Ни в коем случае нельзя допустить, чтобы инициативу у нас перехватили католики и сектанты. Их там много, — Сталин встал и размеренно заходил по кабинету с потухшей трубкой в руках. — Второе. Немцы знают неприязнь наших церковников и верующих к большевистской власти. Обязательно постараются этим воспользоваться. В этом сомнения нет. Гитлер безбожник. Христианство, а тем более Православие, он ненавидит. Но почему бы ему не использовать наших попов в качестве информаторов? Разрешит им восстановить закрытые нами церкви, разрешит молебствия. И, пожалуйста — вытягивай из них взамен все интересующие СД и гестапо сведения. Фамилии коммунистов, комсомольцев, активистов, связи с партизанами… Да мало ли чего.

— Ты прав. Это вполне возможно.

— Вот именно — возможно. И не только возможно, но так будет! А поэтому твоя задача, Лаврентий, не допустить этого. Ты знаешь, что наш митрополит Сергий направил в Прибалтику своего наместника-тезку. Воскресенский, кажется, его фамилия…

— Да, Сергий Воскресенский. Живет в Риге. Тоже митрополит, — уточнил Берия.

— Так вот, этого Сергия надо будет срочно проинструктировать соответствующим образом. Немцы должны принять его за своего, хотя на деле он будет нашим человеком, нашим помощником, — Сталин усмехнулся в

усы, раскуривая трубку. — Как это сделать — не мне тебя учить. Но чтобы все православные церковники западных областей и Прибалтики оказались под его контролем. Предоставь ему полную свободу действий — был бы толк. Свяжись с московским митрополитом, пусть и он даст своему наместнику соответствующую установку. Для публики они должны стать врагами. Щепетильная ситуация, сам понимаешь. Не наломай дров, Лаврентий. И еще. Это уже третье. Подумай, как можно будет использовать священников, получивших доверие у немцев, для прикрытия нашей разведывательной и подрывной работы на временно оккупированных территориях. Задача непростая. Думай. Быстро думай.

Сталин замолчал, подошел к вставшему со своего стула Берии и пожал ему руку. На этом они расстались. С этим Лаврентий Павлович приехал домой.

Шел третий час ночи…

Старший майор государственной безопасности Петр Александрович Курбатов три дня назад был назначен начальником Особой группы при НКВД. В новой должности ему поручалось возглавить всю разведывательно-диверсионную работу по линии органов госбезопасности в тылу немецких войск. В самое ближайшее время предстояло наладить надежное ведение разведки против Германии и ее союзников, создать разветвленную агентурную сеть на оккупированных территориях, организовать боеспособные партизанские отряды и соединения, развернуть радиоигры с немецкой разведкой. Работа большая и ответственная. С чего начать?

Имея уже немалый опыт разведчика, успешно выполнившего не одно серьезное задание, в том числе два личных поручения Сталина, Петр Александрович старался сосредоточиться и определить последовательность своих действий. Он подошел к окну, открыл форточку и закурил. День только начинался. Немногочисленные прохожие, редкие автомобили, даже перестук трамвайных колес стали совсем не такими как несколько дней назад… Над городом ощутимо витал если не страх, то напряженное, тягостное ожидание дальнейшего развития событий. Все знали: немцы отчаянно рвутся к столице, в их первоочередных планах значится дезорганизация Красной армии и тыла известием о падении Москвы. «Неужели не устоим? Неужели…», — настойчивость аппарата внутренней связи вывела Курбатова из тревожных раздумий. Поспешно затушив недокуренную папиросу в пепельнице, он снял трубку:

— Курбатов у аппарата.

— Товарищ старший майор, вас вызывает товарищ Берия, — сообщил незнакомый молодой голос дежурного. — Срочно!

Нарком встретил Курбатова сдержанным, но дружественным приветствием. Жестом предложив садиться, сам остался на ногах. Сделав несколько шагов по кабинету, Берия заговорил:

— Есть мнение, Петр Александрович, поручить тебе немедленно связаться с митрополитами Сергием Страгородским в Москве и Сергием Воскресенским в Риге. Суть задачи заключается в том, чтобы, отбросив все обиды на нас, они активно включились в общую работу по скорейшему разгрому ненавистного врага. Сергий Воскресенский должен остаться в Риге, которая, как это ни прискорбно сознавать, со дня на день будет занята

немцами, и взять под свой контроль всех церковников Прибалтики и западных приграничных областей. Подробные инструкции на этот счет получишь позже. А сейчас нам предстоит обсудить другой вопрос.

— Слушаю вас, товарищ генеральный комиссар.

Нарком сел за стол.

— На временно оккупированных территориях немцы наверняка в свои союзники будут привлекать православных священников. Да, они обижены нами… Это факт, — Берия нервно забарабанил пальцами правой руки по столу. — Но в минуту опасности для Отечества русский человек забывает все обиды, какими бы они глубокими ни были. Патриотизм — это великая сила! Он неистребим, как и вера в Бога. Да-да, майор, не удивляйся, поскольку это тоже очевидный факт, который отрицать бессмысленно. И вот эту-то черту характера нашего человека, — Берия поднял палец согнутой в локте руки, — немцы вряд ли учтут, во всяком случае, по отношению к церковникам. Из истории прежних войн они, конечно, знают, на что способен русский солдат на поле боя. Но священники… Нет, достойного врага в их лице немцы не видят. Вот поэтому под прикрытием церковников-патриотов, пользующихся доверием оккупационных властей, мы могли бы небезуспешно развернуть мощную агентурную и диверсионную сеть в тылу фашистов. Что скажешь на это?

Курбатов задумался. Идея наркома интересна и вполне логична. Священников, действительно, можно было бы использовать для общего дела. Не как агентов, конечно. Пренебрегать их нравственными устоями ни в коем случае нельзя, иначе сотрудничества не получится. А вот посильную помощь разведчикам они могут оказать. Если захотят, конечно.

— Что здесь сказать, товарищ генеральный комиссар? Надо действовать. Разработать план — и действовать. Но у меня к вам просьба.

— Какая?

— В мою группу понадобятся профессионалы. Некоторые из них репрессированы. По моему мнению, безосновательно…

— Возможно. И что?

— Разрешите их освободить и ввести в работу. За тех, кого я имею в виду, могу поручиться.

— Возражений не будет. Подготовь список нужных тебе людей.

— Слушаюсь! — едва сдержался от эмоционального всплеска Курбатов. Он не ожидал, что Берия так легко согласится освободить бывших сотрудников НКВД, вина которых заключалась только в том, что они входили в окружение бывшего наркома внутренних дел Ежова, обвиненного в подготовке государственного переворота и расстрелянного по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР. — А вот что касается возможного использования священников в наших спецоперациях… Прошу три дня на подготовку конкретных предложений, товарищ генеральный комиссар.

— Сутки, старший майор. Сутки, и не часом больше!

— Слушаюсь! Разрешите идти?

— Иди. Жду завтра в это же время.

ВОЗЛЮБИ ВРАГА СВОЕГО…

Выйдя из приемной наркома, Курбатов, не раздумывая, направился в кабинет капитана Ершовой. Много лет работая рука об руку, он хорошо

знал эту опытную разведчицу, в числе первых включив ее в состав своей Особой группы. Недавно вернувшись из зарубежной командировки, она сразу же вплотную занялась отбором, обучением и заброской в тыл врага диверсионных и разведывательных групп. Анна Семеновна могла дать дельный совет при решении самых сложных агентурных задач. В этом Курбатов убеждался не раз, за советом шел он и теперь.

— Доброе утро, Петр Александрович, — приветливо улыбнулась Ершова, отодвинув в сторону папку с бумагами, которые она внимательно изучала. За годы работы в НКВД Анна Семеновна научилась тщательно анализировать всю оперативную информацию, которая стекалась к ней от многочисленных агентов. Для профессионального разведчика это всегда не только необходимость, но уже внутренняя потребность.

— Если бы доброе, — махнул рукой Курбатов, садясь с краю стола на круглый стул с высокой мягкой спинкой. — Нарком вызывал. Вот, от него — сразу к тебе. Посоветоваться надо, Аннушка.

— Чем могу — всегда помогу. Выкладывай, чем тебя Лаврентий Павлович так озадачил. Вернее, нас… Прошу прощения.

— То-то же! — с улыбкой погрозил пальцем Курбатов. — А что касается нашего задания… Анюта, тебе с попами работать приходилось?

— С кем? С кем?

— Со священниками, церковниками… Попами, одним словом.

— Нет, такой контингент мне незнаком. Но в чем дело, Петр Александрович? — насторожилась Ершова.

— Так это и есть наше очередное задание. На выработку предложений по его выполнению нарком дал сутки.

Курбатов кратко изложил суть разговора с Берией. Внимательно выслушав его, Анна Семеновна достала из выдвижного ящика стола серую папку со знакомой надписью «Дело».

— Посмотри, может быть, с него и начнем?

В скоросшивателе Курбатов увидел всего один лист из школьной тетради в клеточку. На нем размашистым твердым почерком было написано заявление с просьбой об отправке на фронт. В общем, ничего особенного. Такие заявления от добровольцев ежедневно сотнями поступали в райвоенкоматы Москвы. Однако последнее предложение и подпись были необычными: «…Хочу настоящим делом послужить Отечеству и защитить от фашистских супостатов Православную Церковь. Епископ Владимир (Тимиров)». Курбатов еще раз перечитал заявление. Невольно вспомнились слова Берии о патриотизме православных священников. Да и кто может сомневаться в этом? Достаточно вспомнить Первую мировую войну, не углубляясь в более давнюю историю.

— А говорила, что с попами не работала, — оживился Курбатов, возвращая «Дело». — Как всегда, скромничаете, товарищ капитан.

— Ну, какая же это работа? Просто принесли на согласование заявление, показавшееся военкому странным. Все-таки церковный чин большой — епископ. Кто он такой, этот Тимиров, откуда появился? Надо бы все как следует проверить, да руки никак не доходят. Я пока не знаю, что им ответить.

— Зато я знаю… Давай поступим так. Я сейчас поеду к митрополиту. Приглашать его к нам, по-моему, не надо…

— Правильно. Ни к чему для старого человека лишнее волнение.

— Так вот… Переговорю с ним по поводу его наместника в Риге, а заодно узнаю, кто такой Тимиров. Почти уверен, что отзыв будет положительным. А ты тем временем найди этого епископа и предварительно побеседуй на предмет сотрудничества с нами. И тоже желательно не на Лубянке. Вопрос весьма деликатный. Нужна тонкая, на твоем уровне работа. Действуй, Аннушка! Вечером все обсудим.

В Бауманский переулок старший майор НКВД Петр Александрович Курбатов поехал на черном дежурном «воронке». Зная реакцию людей на эти зловещие машины, к дому митрополита приближаться не стал. Остановившись в тени ограды завода проволочных изделий, он прогулочным шагом отправился к намеченной цели. В обычном костюме с выпущенным поверх пиджака воротником белой рубашки Петр Александрович вошел в приемную Владыки, не обратив на себя особого внимания находившихся там посетителей. Осмотревшись в показавшемся темным после солнечного света помещении, он заметил небольшой столик у двери с рукописной табличкой: *Патриарший Местоблюститель Владыка Сергий*. «Вот сюда мне и надо», — отметил про себя Курбатов и вежливо обратился к человеку в рясе, сидевшему за столиком:

— Скажите, пожалуйста, могу ли я срочно встретиться с Владыкой?

— Боюсь, что срочно не получится, — виновато покачал головой человек. — Владыке нынче нездоровится, да и народищу сами видите сколько. Ведь все к нему…

Ждать некогда, пришлось показать удостоверение, хотя делать это в приемной митрополита Курбатову очень не хотелось. Увидев предъявленный документ, человек поднял на его владельца округлившиеся глаза и с полуоткрытым ртом скрылся за дверью кабинета. Не прошло и минуты, как он вернулся в приемную и полушепотом произнес, испуганно глядя на страшного посетителя:

— Заходите, товарищ…

Курбатов почтительно поздоровался с митрополитом, вставшим ему навстречу. Представился. Попросил разрешения задать несколько вопросов. Задержал взгляд на иконах в углу кабинета, но перекреститься не решился.

— Садитесь, прошу вас, — Владыка показал рукой на стул у его рабочего стола и сел сам, не отводя своего умного, проницательного взгляда от Курбатова. — Товарищ Сталин мне уже звонил, и я выполнил его просьбу. Чем еще могу быть полезен?

— Можете… И даже очень…

В общих чертах, но достаточно четко Курбатов рассказал митрополиту о задачах, которые им вместе необходимо было поставить перед экзархом Сергием (Воскресенским). Владыка глубоко задумался. Чувствовалось, что слова офицера НКВД застали его врасплох. Что ответить? И как ответить?

— Вы хотите привлечь нас к сотрудничеству с организацией, которая вот уже более четверти века надругается над Русской Православной Церковью и ее ревностными служителями?

Курбатов уловил в вопросе митрополита горькую усмешку и внутренне содрогнулся от осознания вины перед этим мудрым, убеленным сединами

человеком. Он не был лично причастен к безжалостной травле и злодейским убийствам священников. Выросший в искренне верующей семье, Петр Александрович не то чтобы сам стал верующим, но и никогда не испытывал неприязни к людям церковным, никогда не считал их своими врагами, а уж тем более врагами народа. Много лет отдав службе в разведке, он стал неплохим психологом и потому отлично понимал внутреннее состояние митрополита, понимал его неприязнь к органам НКВД. Он уже был готов получить отрицательный ответ на свое предложение, как Владыка тихо проговорил:

— В свое время святой Исаия Скитский учил, что когда вспомнишь об оскорбляющих и преследующих тебя, не жалуйся на них, а лучше помолись о них Богу, как о виновниках величайших для тебя благ. Для нас, людей верующих, грех таить на сердце обиды на блуждающих во тьме врагов наших. Господь нам всем судия, — митрополит слегка прихлопнул ладонью по столу, как бы ставя точку в теме обсуждения отношений между Церковью и государственной властью. — Ваше предложение не лишено здравого смысла в дни смертельной опасности для Отечества. А содействовать сохранению и укреплению единства нашей Матери-Церкви моя святая обязанность как Местоблюстителя Патриаршего Престола. В лихолетье, не раз охватывавшее наше Богом хранимое Отечество, священники всегда с охотою помогали воинам. Помогут и ныне…

— Благодарю вас за понимание, Владыка, — обрадовался Курбатов неожиданному повороту в отношении митрополита Сергия к просьбе о содействии НКВД. — Полагаю, вам не составит труда написать краткое наставление экзарху Сергию, которое я завтра же доставил бы в Ригу.

— Хорошо, я сейчас это сделаю. Подождите пока в приемной.

— Но у меня к вам еще один вопрос…

— Пожалуйста.

— Дело в том, Владыка, что нами запланирована очень ответственная операция. Суть ее я раскрыть не могу, вы это сами понимаете. Скажу лишь, что в ней желательно присутствие священника высокого звания. Вы знакомы с епископом Владимиром Тимировым?

— Как же, конечно знаком, — митрополит удовлетворенно разгладил бороду. — Неделю назад я ему хотел доверить кафедру в одной из крупных украинских областей, но он категорически настроился проситься на фронт, если немцы объявят нам войну. Никакие уговоры не подействовали. Пойду, говорит, защищать священную веру православную от гитлеровских супостатов. И уйдет, как есть уйдет! Решительный епископ, напористый, преданный Христу и Отечеству… Из обновленцев, но сие никак не отразилось на его церковной стойкости, многие из нас прошли через этот соблазн ради сохранения нашей Матери-Церкви… Боже милостив, буди нам грешным, — Владыка перекрестился на образа. — А чем епископ Владимир провинился перед вами?

— Не беспокойтесь, Владыка. Мы просто заинтересовались его заявлением, в котором он просится на фронт. Причем, именно, как вы сказали, защищать веру православную. Как вы считаете, согласится епископ Владимир помочь нам в осуществлении задуманной операции? Можно на него положиться?

Митрополит задумался, но не надолго.

— Если ваши действия будут направлены ко спасению Отечества и веры православной, он может согласиться… Хотя, вам самим с ним надо побеседовать. Я могу поручиться лишь за его добропорядочность и неустрашимость, а еще за его чистосердечное уверование во Господа Бога нашего Иисуса Христа. Надежный человек епископ Владимир. Надежный! Больше сказать о нем ничего не могу.

— Вполне достаточно того, что вы уже сказали. Благодарю вас, Владыка, и очень надеюсь на вашу помощь впредь.

Оставшись один, митрополит вызвал келейника и попросил никого не впускать в кабинет. Его продолжали терзать сомнения: правильно ли он поступил, обнадежив офицера НКВД обещанием помощи. «Да, советская власть руками своих спецслужб причинила нам много горя. Но что полезнее для сохранения Православия в России — разумный компромисс или безответственная конфронтация с ней? — мучительно размышлял Владыка. — Откажи Сталину, откажи этому офицеру… И что?»

Не прошло и получаса, как келейник Порфирий передал Курбатову запечатанный конверт с письмом Местоблюстителя митрополиту Сергию (Воскресенскому).

ПОКА ТОЛЬКО ПЛАНЫ

Вернувшись на Лубянку от митрополита Сергия (Страгородского), Курбатов сразу позвонил капитану Ершовой. Как ни странно, Анны Семеновны на месте не оказалось. Набрал номер ее домашнего телефона.

— Вас внимательно слушают. Говорите, пожалуйста.

Если не знать, что на другом конце провода находится капитан НКВД, то мягкий, несколько жеманный голос, раздавшийся в телефонной трубке, можно было бы отнести к избалованной вниманием аристократке. «Анюта в своем амплуа», — усмехнулся Петр Александрович, вспомнив недавний визит капитана НКВД в германское посольство. На приеме, который устроил в честь солистов Берлинской оперы посол Германии в Советском Союзе граф Вернер Шуленбург, в числе званых гостей присутствовала респектабельная представительница Всесоюзного общества культурных связей с заграницей госпожа Карцева. В роскошном бархатном платье с изящным шлейфом она была неотразима. Не случайно именно ее посол галантно пригласил на вальс.

Танцуя с графом, госпожа Карцева, она же капитан Ершова, заметила, что на стенах зала четко просматривались светлые пятна от недавно снятых картин, а через приоткрытую дверь соседней комнаты обратила внимание на множество сгруженных чемоданов и коробок. Озаботили ее и некоторые проскользнувшие в приватных разговорах с дипломатами детали, указывавшие на осложнение отношений между Германией и Советским Союзом. Аналитический ум разведчика сразу сделал заключение, что посольство готовится к выезду, а организованный Шуленбургом прием был затеян лишь для отвода глаз, чтобы опровергнуть с каждым днем нарастающие слухи о неизбежности войны. Собственное наблюдение и множество ежедневно поступающих из надежных источников сведений Анна Семеновна объединила в докладную записку, которая была передана лично Сталину. Увы, должной реакции не последовало, а на рассвете 22 июня случилось то, что случилось…

— Как наш епископ, товарищ капитан? — официально, без дружеских вольностей спросил Курбатов, зная, что все служебные и домашние телефоны сотрудников Лубянки прослушиваются. — Вам удалось его найти?

— С епископом Тимировым, товарищ старший майор, я встречалась. Все в порядке. Вечером доложу подробно.

— Хорошо, в двадцать ноль-ноль я жду вас у себя.

Времени до встречи было еще достаточно, и Курбатов решил составить предварительный план предстоящей операции. Прежде всего, следовало определиться, где и как с наибольшей пользой можно будет использовать епископа. Одному ему, конечно, ничего серьезного сделать не удастся. Значит, Тимирову надо будет найти помощников из опытных разведчиков. Нет! Скорее наоборот: епископ должен стать их помощником. Так будет правильно. Священник высокого сана, пользующийся доверием немцев, как никто другой сможет обеспечить безопасность действующей под его прикрытием агентурной группы НКВД. Понятно, что безопасность эта останется относительной, но все-таки… Епископу нужна надежная легенда. Ну, по этой части Ершова большой мастер, подготовит. Что еще? Наиболее ценной сейчас будет информация о вражеских военных объектах на временно оккупированной территории, продвижении войсковых частей немцев в сторону Москвы, диверсантах, засылаемых к нам в тыл. Значит, группа епископа должна находиться в одном из городов недалеко от столицы. Где именно? Пожалуй, лучше всего подойдет Калинин. Но обосноваться там надо до прихода немцев. Времени в обрез, а группа еще не только не готова, но даже не сформирована. Что завтра утром докладывать наркому?

Курбатов записывал приходящие в голову мысли, курил, снова брался за карандаш… Раздавшийся легкий стук в дверь кабинета вывел его из раздумий. Взглянув на часы, с удовлетворением отметил, что их стрелки показывали ровно двадцать ноль-ноль.

— Войдите!

— Добрый вечер, Петр Александрович, — капитан Ершова легкой уверенной походкой приблизилась к рабочему столу старшего майора и, не дожидаясь приглашения, привычно села на стоящий перед ним стул. Высокая, ладно сложенная, с худощавым смуглым лицом, оживляемым умными карими глазами, в свои неполные сорок лет она была самим воплощением женской красоты, которую не могла умалить даже форменная одежда сотрудника НКВД.

— Надеюсь, что будет добрым, если ты пришла с добрыми новостями… Извини, накурил я здесь, — Курбатов виновато улыбнулся, быстро подошел к окну и настежь его распахнул. Июньский вечер дохнул едва заметной прохладой, с трудом справившейся с недавним дневным зноем, установившимся в Москве в последние дни.

— Вот хорошо… Спасибо, — проговорила Анна Семеновна, повернувшись лицом к окну. — Ну, что — докладывать?

— Давай, Аннушка, давай! Времени у нас с тобой мало, а дел невпроворот. Слушаю тебя.

— Нашла я нашего епископа без особого труда. Человеком он оказался весьма общительным. Ему пятьдесят четыре года, хотя я дала бы лет на пять меньше. Моей принадлежности к органам госбезопасности не испугался. На контакт пошел без особых условий. Только спросил, не будет ли его дея-

тельность связана с кровопролитием и осквернением православных храмов и веры. Встречались мы в моей квартире. Думаю, епископ может быть нам полезен. Нужны только детали готовящейся операции, чтобы можно было начать с ним работать. Но это уже твоя прерогатива, Петр Александрович.

Анна Семеновна замолчала, вопросительно посмотрев на своего начальника. Курбатов положил перед собой листок с записями по поводу предстоящей операции, облокотился обеими руками на стол и склонил голову, собираясь с мыслями. В густую русую шевелюру робко закрадывался набегавший через открытое окно ветерок, но он его не замечал.

— Митрополит Сергий тоже положительно отзывается о епископе Владимире Тимирове. А вот детали операции давай обсуждать вместе.

— Предложения есть?

— Да, кое-что я уже наметил. Вот послушай, — Курбатов взял в руки листок со своими заметками. — Предположим, епископ с двумя или тремя нашими людьми выезжают в Калинин. Его немцам в ближайшее время занять не удастся, я в этом уверен. И наша группа должна обосноваться в городе до их прихода.

— Но кем ты представляешь помощников епископа. Насколько я понимаю, они должны быть тоже священниками. Иначе что их может объединить?

— Вот в этом-то, Аннушка, и вся суть! Ты права. Но на Лубянке нет попов! Ну, нет — и все тут. Что делать?

— Их надо попытаться изготовить, Петр Александрович, — улыбнулась Ершова. — Вылепить из наших сотрудников. Только и всего.

— Как это? Я что-то не понимаю, — растерянно удивился Курбатов.

— Кого можно будет приставить к епископу? Ты определился?

— На мой взгляд, сюда подошли бы лейтенанты Сергей Михайлов и Григорий Павленко. Разведчики молодые, но уже опытные, проверенные. Ты их знаешь?

— Михайлова знаю, а вот с Павленко незнакома. Но это не имеет никакого значения. Если ты их рекомендуешь, значит, с ними и будем работать. Вот только, — Ершова убрала со лба завиток белокурых волос, упорно не желающий занимать положенное ему место в незамысловатой прическе капитана. — Группа из трех человек… Не маловато?

— Для легальной работы вполне достаточно. Не может же епископ привезти с собой взвод помощников.

Оба рассмеялись.

— Хорошо. Но им не обойтись без связи. Нужен надежный радист.

— Безусловно… Кого предлагаешь? Ведь это, Анюта, твои подопечные. Лучше тебя их знать никто не может.

Ершова задумалась. Она отлично понимала, как важна для разведчиков связь с центром, и поэтому к подбору радистов всегда относилась очень ответственно.

— Сейчас у меня в резерве всего пять полностью готовых к работе радисток. Из них я предложила бы Ирину Бережкову. Она не новичок, даже в самой сложной ситуации на нее можно положиться.

— Ну, что ж, пусть будет Бережкова. Записываю…

Долго еще старший майор Курбатов и капитан Ершова обсуждали детали предстоящей операции. Постепенно вырисовывался четкий план дей-

ствий разведгруппы епископа Тимирова в Калинине, который утром должен быть утвержден наркомом.

— Остается придумать название операции и оперативные псевдонимы разведчиков, — облегченно вздохнул Курбатов, отбросив в сторону карандаш. — И на сегодня все, Аннушка, можно будет хотя бы немножко отдохнуть. А завтра… Завтра…

— Что — завтра? — спокойно спросила Анна Семеновна. — Завтра обычная работа. Епископ начнет заниматься с Михайловым и Павленко, чтобы как можно быстрее сделать их хотя бы похожими на священников, а сам будет учить свою легенду. Это я беру на себя, можешь не беспокоиться, Петр Александрович.

— Спасибо, Анюта. Тогда я после доклада Лаврентию Павловичу сразу выеду в Ригу, пока она еще в наших руках… Да, а как все-таки насчет названия операции? — спохватился Курбатов.

— Давай назовем ее «Крест», — не задумываясь предложила Ершова. — Если в ней будут заняты священники, по-моему, это самое подходящее название. Или есть варианты?

— Нет… Других вариантов у меня нет. Я название одобряю… «Крест» — отлично! Тогда уж предлагай, Аннушка, и оперативные псевдонимы лейтенантам. У тебя это здóрово получается, — Курбатов ободряюще посмотрел на Анну Семеновну.

— Михайлов и Павленко?.. Мишук и Павло… Годится? — улыбнулась Анна Семеновна.

— Конечно, годится! Вот на этом — все. Все, Анюта… Отдыхать!

— Тогда, спокойной ночи, — скрывая усталость, проговорила Ершова, подав на прощание руку.

— Да-да, Аннушка… До утра…

Курбатов проводил капитана до двери и, вернувшись к столу, жадно схватил из пачки «Беломора» папиросу: за все время разговора с Ершовой он ни разу не закурил. Подойдя к окну, Петр Александрович еще раз обдумал детали предстоящей операции. Оставшись довольным, он выключил свет и с удовольствием вытянулся на стоящем в углу кабинета диване. Уехать домой Курбатов не мог, поскольку в наркомате для старших офицеров было объявлено казарменное положение.

Натренированная воля разведчика тут же вызвала глубокий, восстанавливающий силы сон, который без всяких будильников прервется ровно в семь часов утра.

Беседа

Интервью с Николаем Николаевичем Селивановским

«ЧЕКИСТЫ ВНЕСЛИ ОЧЕНЬ БОЛЬШОЙ ВКЛАД В ДЕЛО РАЗГРОМА НЕМЕЦКИХ ВОЙСК ПОД СТАЛИНГРАДОМ...»

К 70-летию Великой Победы

Павел КРЕНЕВ

Выпадают такие удачи, и нам удается повстречаться с интересными людьми. Но о такой встрече и не мечталось. Мы однажды узнали, что живет и здравствует на московской земле человек, можно сказать, легендарный. С учетом того, что занимал он крупные посты и в Великую Отечественную войну, и в послевоенный период, имя его встречается то здесь, то там и в мемуарной литературе, и в художественных произведениях. Это историческая личность, и ее никак не обойдешь, когда речь идет о нашей истории. Радость наша тем более объяснима, что, занимаясь подготовкой сборника о чекистах Сталинградского сражения, нам удалось выйти на самое первое лицо — руководителя всей военной контрразведки той исторической битвы. Телефонный звонок, приглашение, и вот мы сидим в гостеприимной и уютной квартире. Наш собеседник — генерал-лейтенант в отставке Селивановский Николай Николаевич, бывший начальник Особого отдела Сталинградского фронта, впоследствии — заместитель министра государственной безопасности СССР, ныне пенсионер.

Первый вопрос наш был такой:

— Расскажите, Николай Николаевич, о Вашей службе в органах государственной безопасности, о том, какой путь Вы прошли в них до Сталинградского сражения?

— Вероятно, можно сказать, что я счастливый человек. И совсем не потому, что жизнь моя, как кому-то может показаться (все же дорос до замминистра!), была безоблачной. Как раз меня-то судьба совсем не жаловала. Но я все равно счастлив, потому что в буквальном смысле являюсь ровесником века (родился в 1901 году), и мне посчастливилось

принять непосредственное участие в самых заметных событиях бурного нашего века, разделить как радости, так и беды своей страны.

Сейчас почти легендарно звучит название Московской школы красных командиров имени ВЦИК РСФСР (в 20-е годы ее называли Школой кремлевских курсантов), а ведь я в ней учился! Я был кремлевским курсантом, готовился стать артиллеристом. Но в 1922 году меня и еще 30 человек-отличников досрочно отозвали из школы и направили учиться на курсы ОГПУ, которые располагались на улице Покровке. Там в течение полугода я постигал науку контрразведчика, а по окончании курсов был направлен на Туркестанский фронт, где воевал с басмачами. Хоть и являлся оперативным работником — уполномоченным 65-го, а затем 12-го кавалерийских полков, но фактически я ничем не отличался от других командиров и солдат — в сабельные атаки ходил вместе со всеми. Честно говоря, никогда не любил отсиживаться за чьей-то спиной, этим и горжусь. Зато всегда мог людям честно смотреть в глаза. Кроме того, я очень боялся уронить звание чекиста. И так было всю жизнь: я этим званием всегда гордился и очень им дорожил.

В начале 1927 года, когда Туркестанский фронт прекратил свое существование, меня направили работать в Особый отдел Ленинградского военного округа. Долго там прослужить не удалось, хотя Ленинград мне очень понравился: уже на следующий год был я направлен учиться в Московскую высшую пограничную школу.

Должен сказать, что это было в тот период лучшее контрразведывательное учебное учреждение в стране. Преподавателями являлись виднейшие чекисты, которые участвовали в таких крупных операциях, как «Трест», «Синдикат» и др. Например, лекции по основам контрразведки читал на моем курсе А. Х. Артузов, виднейший теоретик и практик советской контрразведки.

Когда началась война, я работал в 3-м управлении Наркомата обороны и занимал должность начальника отдела, который курировал все высшие военные учебные заведения страны. Вызвал меня к себе Мехлис, начальник Главного политуправления, вручил документы.

— Поезжай, — говорит, — к Буденному, будешь у него начальником 3-го отдела.

Это означало, что я должен был возглавить военную контрразведку Юго-Западного направления, которое возглавлял маршал С. М. Буденный. Дали мне в помощь шифровальщика. С ним на разведывательном самолете Р-5 я и прилетел под Полтаву, где располагался штаб Буденного. Там началась моя фронтовая жизнь.

Должен сказать, что была эта жизнь, особенно в первые месяцы войны, ох, какой нелегкой. Сейчас тяжело и не совсем удобно об этом вспоминать, но подразделение контрразведки всего Юго-Западного направления первоначально состояло… из двух человек — из меня да шифровальщика. Мне сказали: на месте разберись, подбери себе работников… А из кого подбирать, если специалистов не было совсем? В общем, неразбериха царила несусветная. Правда, в составе Юго-Западного и Южного фронтов, которые входили в Юго-Западное направление, военная контрразведка была, я являлся прямым ее руководителем, но непосредственно мне не подчинялся почти никто. Это был, конечно, нонсенс. Вышел из положения тем, что

Николай Селивановский с Константином Симоновым

набрал несколько человек из местных территориальных органов — они все равно эвакуировались.

Далее события разворачивались трагически. В сентябре немцы несколькими танковыми клиньями пробили нашу оборону, окружили основные силы Юго-Западного фронта. При выходе из окружения тысячи людей погибли. В том числе командующий фронтом Кирпонос, почти весь Военный совет, начальник Особого отдела фронта Михеев.

В Ахтырке, где расквартировался штаб, я сформировал из вышедших из окружения чекистов свой Особый отдел. Эти мои офицеры и вошли почти все в будущий Особый отдел Сталинградского фронта. Боевые были ребята, обстрелянные. Тогда, в Ахтырке, я представил их всех к наградам. До сих пор храню фотографию, где сидят награжденные, только что вышедшие из окружения чекисты рядом с членом Военного совета Юго-Западного направления Н. С. Хрущевым и С. К. Тимошенко — командующим направлением. Жалко только, что меня среди них нет: не мог же я сам себя к награде представить. Хотя сфотографироваться, конечно, с ними можно было, чего уж там.

Потом опять мучительный, длиною еще почти в год путь отступления: Харьков, Воронеж, Ростов-на-Дону… До самого Сталинграда. Постоянные тяжелые бои, потери боевых товарищей… Постепенно, но все же удавалось создавать условия для контрразведывательной работы в тех экстремальных условиях. Начиная с Харькова, мы стали серьезно и системно проводить оперативную работу в тылу — как своем, так и немецком, выявили нескольких вражеских агентов среди военнослужащих, выходящих к нам из окружения. Примерно тогда же занялись формированием и заброской во

вражеский тыл партизанских отрядов. Кстати сказать, мне лично довелось участвовать в комплектовании, подготовке и переброске через линию фронта партизанского отряда знаменитого разведчика, Героя Советского Союза С. А. Ваупшасова. Прибыл он ко мне из Москвы с небольшой группой опытных и умелых чекистов, а отряд мы ему сформировали под Воронежем зимой 1942 года. Оттуда он и пошел по немецким тылам в Белоруссию…

С лета 1942 года началось сражение за Сталинград, и я был назначен начальником Особого отдела Сталинградского фронта.

— Дайте, пожалуйста, свою оценку роли и значения чекистских органов в Сталинградском сражении.

— В этом вопросе, как, вероятно, ни в каком другом мне трудно быть до конца беспристрастным: ведь я лично эти органы и возглавлял. И все же, если уж быть сугубо объективным, я могу сказать однозначно: чекисты внесли очень большой вклад в дело разгрома немецких войск под Сталинградом.

Во-первых, необходимо воздать должное их роли в чисто военном отношении. Я всегда стремился поставить дело так, чтобы мои подчиненные не отсиживались по штабам да по тылам, а всегда, в самой боевой обстановке находились среди воинов тех подразделений и частей, которые они курировали. Только в бою можно по-настоящему узнать человека, и люди начнут уважать тебя лишь тогда, когда они убедятся, что сам ты не трус. Я столкнулся с этой человеческой особенностью еще в гражданскую, когда, будучи молодым чекистом, сам ходил в атаки на басмачей. Чекисты — живые люди. Так же, как и другие солдаты Великой Отечественной, они нередко гибли на полях сражений. Немало полегло их и под Сталинградом.

И наша совесть перед участниками того грандиозного сражения чиста.

Мы всеми силами старались хоть как-то воодушевить людей. Помните, был в Сталинграде дом, защитники которого под руководством сержанта Павлова выстояли в самое суровое время, отбили все вражеские атаки. Честь и слава этим воинам! Не все, однако, помнят, что был еще дом, тоже выстоявший во время самых ожесточенных уличных боев. Это было здание бывшей водолечебницы. В ее подвале размещался Особый отдел Сталинградского фронта. Штаб фронта, а после его перебазирования на левый берег Волги — штаб 62-й армии (командующий — Чуйков), располагались, как известно, на «высоком волжском берегу» под сорокаметровой его толщей. Мы могли бы разместиться там же и быть в безопасности. Но мы остались в городе, вместе с его защитниками жили и работали там под обстрелами и бомбежками в условиях постоянного боя. Я уверен, что это оказывало на участников Сталинградского сражения воодушевляющее воздействие, ведь люди рассматривали это так: если Особый отдел, который знает обстановку лучше, чем другие, не уходит из города, значит, обстановка эта не так уж и плоха. Мы-то, конечно, знали, что положение временами становилось критическим, но решили так: пусть погибнем вместе со всеми, но будем стоять до конца.

Несмотря на тяжелейшие условия, мы проводили большую контрразведывательную и разведывательную работу. Положение на театрах боевых действий и в тылу войск мы знали неплохо. Должен сказать, что ни одно

серьезное решение штабов армий и фронта не принималось без детальных консультаций с военными контрразведчиками.

Вели мы и большую работу по внедрению своей агентуры в спецорганы противника. Со второй половины 1942 года стали активно практиковать перевербовку выявленных агентов абвера и засылку их в Полтавскую и Варшавскую абверовские разведшколы. Под различными легендами направляли туда и своих, полностью подготовленных нами разведчиков. Полученные разведданные сразу же направляли в Центр. В конечном итоге, проводимые нами оперативные мероприятия и предпринимаемые меры не позволили гитлеровской разведке получить своевременные данные о концентрации советским командованием крупной военной группировки под Сталинградом и подготовке ее к наступлению.

Нередко приходилось вмешиваться в кадровые вопросы. Делали это мы не по своей, как говорится, воле, а так требовала боевая обстановка. При назначении кого-либо на руководящие должности командование фронтом обычно согласовывало кандидатуры с нами, особистами — мы ведь действительно знали людей хорошо. Так было, например, с назначением генерала А. В. Горбатова на должность командующим армией. Вызвал меня к себе член Военного Совета фронта Н. С. Хрущев, поинтересовался:

— Какое твое мнение о Горбатове?

А тот был у нас командиром дивизии, смелый человек, старый военный, воевал грамотно. Я так и ответил: знаю только с хорошей стороны.

— Но ведь он же сидел? — задает мне каверзный вопрос Хрущев.

— Если выпущен и ему доверена дивизия, значит, ничего за ним нет, — ответил я, — а воюет он хорошо, всем бы так воевать.

— Ладно, сомнения мои ты развеял, — удовлетворенно мотнул головой Хрущев. — Будем назначать Горбатова командующим армией.

Или вот еще характерный случай. 25 июля 1942 года после снятия Тимошенко с должности командующего Сталинградским фронтом на эту должность был назначен В. Н. Гордов. Я воспринял это назначение как крупную кадровую ошибку, так как знал Гордова как человека грубого, не пользующегося авторитетом среди участников битвы за Сталинград, в военном отношении не очень искушенного. Естественно, у нас имелись все подтверждающие это материалы.

Все это я изложил в телеграмме, которую направил лично И. В. Сталину, а копию — Л. П. Берии. Что тут началось! Меня вызвали в Москву, и Берия долго меня ругал, заявляя при этом, что я сую нос куда не следует, что назначение командующих фронтами — это прерогатива Верховного командования, а не меня — особиста. Потом по указанию Сталина на Сталинградский фронт приезжал В. С. Абакумов и проверял, насколько я прав в своих доводах. Честно говоря, я сильно рисковал и, будь что не так, не сносить бы мне головы… Но данные мои, видно, подтвердились, и вскоре Гордов под благовидным предлогом от командования фронтом был отстранен.

Говоря о вкладе военных чекистов в нашу победу над фашистами, не могу с горечью не заметить, что вклад этот в силу мало понятных для меня причин в мемуарной литературе искусственно замалчивается. Взять того же Н. С. Хрущева. В боевой обстановке он не уставал отмечать славные дела и роль чекистов, а в его нашумевших мемуарах об этой роли — ни слова.

Бывший командующий 62-й армией В. И. Чуйков в 1949 году позвонил мне по ВЧ из Берлина (он был тогда главнокомандующим Группой войск в Германии):

— Николай Николаевич, я книгу воспоминаний пишу о Сталинградском сражении. Хочу твоих ребят-чекистов и тебя упомянуть добрыми словами. Не будешь возражать?

— О ребятах, — говорю, — пожалуйста, буду очень рад. А обо мне не надо.

Прочитал я его книгу в середине 50-х, о чекистах не сказано ни слова. Даже не назван в своей должности и лишь мельком упомянут Витков, начальник Особого отдела 62-й армии. А ведь с ним-то Чуйков состоял не то что в приятельских, а просто в дружеских отношениях.

Все это выглядит не вполне порядочно.

— Нельзя ли привести примеры верности долгу, стойкости и мужества чекистов, проявления ими лучших человеческих качеств?

— С удовольствием это сделаю. Среди моих подчиненных были, например, люди, которых я с радостью представил бы к званию Героя Советского Союза. Таких, например, как Белоусова, Васильченко, Чуракову. Они проявили себя как бесстрашные, мужественные люди, очень квалифицированные оперативные работники. Примеры истинного бесстрашия показывали и представители высшего нашего руководства. Когда на Сталинградском фронте находился В. С. Абакумов, он активно практиковал посещение боевых порядков.

Например, однажды в беседе с командующим стрелковым корпусом Тапасчишиным неожиданно выяснилось, что тот намерен атаковать железнодорожную станцию, чтобы отбить ее у немцев. Со стороны станции раздавались взрывы, над ней летали немецкие самолеты.

— Если станция занята немцами, то почему ее бомбят немецкие самолеты? — спросил Абакумов Тапасчишина, пока солдаты готовились идти в атаку. Не получив вразумительного ответа, Абакумов сел в машину и сказал:

— Еду в район станции. Если там немцы, и я вступлю с ними в бой, то приказываю открыть по моей машине артиллерийский огонь: мне нельзя попадать в плен.

Мне ничего не оставалось делать, как сесть в машину к Абакумову. И на очень большой скорости (чтобы противник не мог вести по нам прицельный огонь), мы поехали к станции. Честно говоря, я прожил при этом не самые лучшие минуты в своей жизни, но что было делать? Не мог же я отправить прямо в лапы немцам своего руководителя. Лучше уж было погибнуть вместе, потому что, если бы с ним что-нибудь случилось, с меня бы потом три шкуры спустили. Кроме того, не хотелось перед бойцами ударять в грязь лицом.

Нам очень повезло: на станции немцев не оказалось. Кое-как вернулись из-под бомбежки назад. Абакумов крепко поругал руководство корпуса, и я считаю, за дело: зачем зря подставлять под бомбы бойцов? Надо было просто провести разведку, вот и все. Чтобы это понять и принять правильное решение, не нужно было быть большим стратегом.

Помню еще случай, когда мне пришлось ходить с бойцами в атаку. Сейчас, когда вспоминаю, улыбаюсь, а в тот момент было не до смеха.

Перед нашим наступлением поздней осенью 1942-го приехал я как-то в Особый отдел одной из дивизий. Ищу начальника. Его нет, говорят, он находится у командира дивизии. Я туда. Но там нет ни комдива, ни моего подчиненного особиста. Дежурный докладывает: они отбыли в такой-то полк. Но и там никого не оказалось. Все руководство, в том числе и мои ребята, ушли в расположение такого-то батальона. Прибыл я туда и увидел такую картину. Командир дивизии жутко ругает комбата за то, что тот не может взять высоту, которая находилась как раз в зоне действий его подразделения, и это мешает выпрямлению рубежей дивизии перед наступлением. А комбат, видно, опытный, обстрелянный и решительный человек, держится твердо и отвечает, что он не может наступать, так как не хочет губить остатки своего батальона, что у него всего-то осталось человек двадцать пять.

— Ах так, — кричит в запале командир дивизии, — тогда мы прямо сейчас пойдем в атаку, и я сам поведу батальон!

И что бы вы думали? Он, действительно, рассредотачивает людей, готовит их к атаке. С ним вызвались идти и мои особисты. Я препятствовать не стал, но куда мне-то самому было деваться в такой ситуации? Сесть в машину и уехать? Это было бы великим позором не только для меня лично как генерала и начальника Особого отдела фронта, но и как представителя военной контрразведки.

И мне пришлось идти в атаку на высоту вместе со всеми. Более того, я вынужден был ее возглавить как самый старший по званию и по должности.

Встали мы, группа офицеров, из траншей во весь рост, я закричал: «Вперед, за Родину, за Сталина!» и все побежали по снегу на высоту, за нами — солдаты. Бежать было ужасно тяжело: я в полушубке, в валенках, одет тепло — не собирался ведь в атаку ходить. Помню, бежал и без остановки палил из автомата. Рядом падали убитые и раненые. Потом была рукопашная… Когда высоту уже взяли, мы вбежали в какую-то деревеньку, я заскочил в дом и у порога свалился без сознания. Трудное это дело — ходить в атаку, когда тебе уже за сорок, да без привычки. Выручила, наверно, память: в гражданскую не раз приходилось хаживать в штыковые атаки на пулеметы…

Потом мое начальство меня ругало и спрашивало, мол, мне, наверно, заняться больше нечем, если уж я в атаки с солдатами стал бегать?

Теперь, на старости лет, не хочу кривить душой и скажу, как считаю: воины-чекисты в период Сталинградского сражения проявили себя более достойно и честно по отношению к защитникам города, чем некоторые представители военного командования.

Взять хотя бы того же Ф. И. Голикова, заместителя командующего фронтом. Н. С. Хрущев в своих воспоминаниях рассказывает, как генерал Голиков в буквальном смысле слезно умолял разрешить ему перебраться из города на другой, безопасный берег Волги. И он все-таки покинул нас. Помню, мы с Белоусовым стояли на берегу Волги, а люди Голикова складывали его хозяйство в лодки. Он сам тоже садился в катер и уезжал… Белоусов затем рассказывал мне, что на моем лице в тот момент отражалось явное желание расстрелять Голикова как дезертира. Не стану отрицать его наблюдения…

Сам Никита Сергеевич тоже, как я считаю, слишком рано без особой на то необходимости переехал за Волгу вместе со штабом.

Он доложил в Москву, что немцы просто одолевают штаб, поэтому надо срочно перебазироваться. Я специально вслед за этим послал на автомобиле одного из офицеров проверить, насколько же реально «одолевали» немцы штаб? Оказалось, что в радиусе как минимум километров пятидесяти их и в помине еще не было. Безусловно, я доложил об этой ситуации своему прямому руководителю Абакумову. Тот, естественно, Сталину. А Сталин дал хорошую взбучку Хрущеву. Никита Сергеевич долго потом на меня обижался… Но все равно, считаю, что был я прав: нельзя крупному руководителю проявлять малодушие. Люди ведь все видят, и их боевой дух отнюдь не становился выше от такого поведения высшего руководства.

Что касается проявлений чекистами лучших человеческих качеств, то их было достаточно. Конечно, тяжелая война — это не время для сантиментов. Мы были вынуждены быть порой суровыми. Но разве нельзя, допустим, отнести к проявлениям высокого гуманизма то, что начальник Особого отдела 62-й армии Битков подобрал потерявшего родителей мальчонку, выходил его, сделал своим приемным сыном?

Помню, когда однажды, в самое тяжелое для Сталинграда время заболел командующий 64-й армией М. С. Шумилов, я пришел к нему. Он с трудом открыл глаза, чуть приподнялся, увидел начальника Особого отдела и забеспокоился:

— Что-то случилось?

— Да нет, — говорю, — пришел навестить вас, Михаил Степанович, пожелать выздоровления.

И так его растрогал мой, казалось бы, совсем обычный человеческий поступок! Он даже прослезился и прошептал: «Надо же, такая тяжелая обстановка, и вы нашли для меня время…»

— Но ведь были, вероятно, в работе военных контрразведчиков и промахи, и просчеты?

— Не обошлось, конечно, и без них, чего уж там. Например, вспоминая теперь нашу работу, с сожалением отмечаю, что в борьбе с противником не всегда отдавали мы должное проведению по-настоящему чекистских, оперативных мероприятий, использованию тонких методов. Да, нам удалось, как я уже отмечал, наладить агентурную работу как на передовой, так и за линией фронта, и в нашем тылу, но вот крупных мероприятий по дезинформации противника мы почти не проводили. Лучшим средством для этого было бы завязывание с абвером радиоигр. Но до такой степени оперативного искусства мы тогда еще не доросли. Хотя, безусловно, могли этим заниматься, ведь нами было захвачено большое количество вражеских лазутчиков. Многие были с исправными рациями… Это наш просчет.

В разговоре с вами я отметил факты малодушия у представителей командования фронтом и армиями. Довольно неприятно об этом вспоминать, но такие факты, хотя и очень редко, встречались и у моих подчиненных. Например, в самый ожесточенный момент битвы за город бросил одну из армий начальник ее Особого отдела и удрал вместе со своим отделом на левый берег Волги. Этот случай я и сейчас расцениваю как дезертирство.

Признаюсь честно, что, будь моя воля, я бы поступил с ним, как это положено по законам военного времени.

О случившемся я доложил телеграммой Абакумову, и тот отстранил труса-руководителя от занимаемой должности. Потом этот дезертир мне отомстил одним из приемов, которыми пользуются такого рода низкие люди. Когда в 1951 году я был вместе с Абакумовым и другими генералами по незаслуженным обвинениям заключен в Лефортовскую тюрьму, он активно строчил на меня всякие доносы. Что поделаешь, подлецы встречались и среди военных чекистов.

С сожалением вспоминаю также, что не всегда удавалось отстоять людей, которые были жертвами чьих-то интриг.

Вот, например, такой случай. Приехали однажды на Сталинградский фронт Г. М. Маленков и Г. К. Жуков. Ночью у меня раздается звонок. У телефона — сотрудник их охраны, просит меня зайти. Прихожу в указанную землянку. Оба они лежат на походных кроватях — раскладушках, — и Маленков, и Жуков. Один слева от двери, другой — справа.

Никто из них меня даже не поприветствовал, как говорится, не сказал ни «здравствуйте», ни «до свидания». Жуков лежит, читает что-то, на меня — ноль внимания. А Маленков, не поднимаясь с постели, спрашивает:

— У нас к вам только один вопрос. Что вы можете сказать о работниках штаба фронта?

Я ответил, что по моей линии претензий к офицерам штаба нет, что все они проверенные и надежные люди.

— Можете идти, — сказал мне после этого Маленков.

Странный это был разговор, и я тогда ничего не понял. Тем более что был обескуражен подчеркнуто пренебрежительным к себе отношением. Мне казалось, и кажется теперь, что, будучи далеко не последним лицом на фронте и, вообще, боевым генералом, я такого отношения к себе не заслужил. Думаю, что это было проявление самого обычного хамства.

А той ночью был арестован и увезен в Москву один из офицеров штаба фронта. Я потом говорил с Абакумовым, спрашивал, за что же был арестован офицер? Абакумов ответил, что это указание идет сверху и обсуждению не подлежит. Сотрудник штаба затем года два сидел в тюрьме и, в конце концов, был отпущен, так как в отношении него, действительно, не было никаких материалов. Ясно, что он пал жертвой чьей-то грязной интриги.

— Было бы интересно узнать, каково Ваше отношение к приказу Наркома обороны СССР № 227 от 28 июля 1942 года?

— Этот известный сталинский приказ, в обиходе называвшийся «Ни шагу назад!», оказал огромное воздействие на ход военных действий, поэтому Ваш интерес к нему вполне оправдан.

Лично я испытываю к нему двойственное отношение.

С одной стороны, он как бы подставил под удар военных контрразведчиков. Потому что именно особисты полностью возглавили деятельность заградительных отрядов, направленных в тыл действующих армий и боровшихся против паникеров, дезертиров, изменников и вражеских шпионов. Особый отдел поэтому приобрел как бы карательные функции, вследствие чего многие бойцы, не знавшие сущности работы военной контрразведки,

стали побаиваться Особых отделов, считать их сугубо репрессивными органами. То есть с выходом приказа № 227 отношение к нам в войсках сильно изменилось.

С другой стороны, полностью признавая довольно жестокий характер сущности этого приказа, нельзя не отметить, что он сыграл серьезнейшую стабилизирующую роль в нормализации боевой обстановки на нашем фронте. Практически полностью прекратились случаи массового бегства солдат в тыл с передовой. Трудно не согласиться с тем, что в тяжелейших условиях Сталинградской битвы это было крайне важно.

Приказ сдержал смятение даже в сфере высшего руководства. В. И. Чуйков уже после войны мне сам рассказывал, как он в тяжелейшую минуту битвы за Сталинград однажды сам дрогнул и вместе со своим штабом хотел было перебраться на другой, безопасный берег Волги.

— Уже сели мы в лодку, — вспоминал Чуйков, — собрались отплывать, но в последнее мгновение я передумал. Я просто представил, что потом сделает со мной Селивановский в соответствии с приказом № 227.

Исходя из всего этого, я считаю, что такой приказ был необходим. Он был вынужденной и суровой, но правильной мерой.

— Николай Николаевич, что бы Вы пожелали сегодняшним и завтрашним чекистам?

— Что может пожелать старый солдат молодым воинам? Конечно же, самой святой любви и верности нашей Родине! Сейчас она попала в беду, в сердцах и душах многих людей царит смятение. Думаю, что корень зла заключается в том, что мы в одночасье позабыли и позабросили идеалы, за которые умирали миллионы наших сограждан на полях Гражданской и Отечественной войн. Идеалы — это ведь стержень человеческого духа, а его-то у многих теперь и нет. Поэтому чекисты, как представители лучшей части нашего народа, должны делать все, чтобы вернуть эти идеалы. И тогда снова вернутся на нашу землю мир, спокойствие и вера в завтрашний день!

Подготовил Павел Кренев

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Беседы с Николаем Николаевичем Селивановским состоялись в октябре 1990 года, почти накануне его девяностолетия. Потом было и участие в его юбилее…

Большое участие в подготовке встреч с этим славным человеком принял генерал-майор в отставке, бывший начальник Управления КГБ СССР по Иркутской области Виктор Иванович Демидов. Именно он разыскал в Москве Н. Н. Селивановского, вместе с автором этого материала он присутствовал на всех встречах с ним, принимал активнейшее участие в беседах, записях этих бесед. В. И. Демидов — полноценный соавтор всей работы.

К великому сожалению, их обоих уже нет рядом с нами. Выразим глубочайшее уважение тому и другому.

Евгения ИЛЬИНА

«ПАМЯТИ ПАВШИХ БУДЬТЕ ДОСТОЙНЫ…»

К 70-летию Великой Победы

Евгения Ильина — выпускница Национального университета кораблестроения им. адмирала С. О. Макарова, Киевского государственного института декоративно-прикладного искусства и дизайна им. Бойчука, член Николаевского духовно-просветительского центра им. Святого праведного воина Федора Ушакова. Победитель международного лититературно-художественного конкурса «Гренадеры, вперед». **Живет в Украине.**

Об истории и современности музея «Подпольно-партизанское движение на Николаевщине в годы Великой Отечественной войны», расположенного в г. Николаеве на улице Лягина, д. 5.

Памяти павших будьте достойны,
Вечно достойны!
Люди, покуда сердца стучатся,
Помните!
Какой ценой завоевано счастье, —
Пожалуйста, помните!
Детям своим расскажите о них,
чтоб запомнили
Детям детей расскажите о них,
чтобы тоже запомнили!
Мечту пронесите через года
и жизнью наполните!
Но о тех, кто уже не придет никогда,
Заклинаю, — помните!

Роберт Рождественский

В сложное время мировой и национальной разобщенности нынешнее поколение неизбежно должно сделать выбор, сказать свое слово в истории. И то, каким будет это слово — животворящим или разрушительным — во многом зависит от внутреннего мотивированного духовного выбора каждой личности, от ее умения ценить, понимать и помнить суть общенародной русской души и истории, ее героев, борьбы и побед, ее непреходящие духовные ценности служения высоким идеалам верности Отчизне, чести и совести.

Одним из таких примеров самопожертвования и беззаветной верности, кровопролитной борьбы и великой общенародной победы, которыми богата наша героическая история, подобно вечному огню памяти, горит в сердцах людей Великая Отечественная война. В этом году исполняется 70 лет со дня, когда по всему Советскому Союзу разнеслась громогласная весть: «8 мая 1945 года в Берлине представителями германского верховного коман-

Бюст В. А. Лягина у школы № 221

дования подписан акт о безоговорочной капитуляции германских вооруженных сил. Великая Отечественная война, которую вел советский народ против немецко-фашистских захватчиков, победоносно завершена, Германия полностью разгромлена. В ознаменование полной Победы над Германией сегодня, 9 Мая, в День Победы, в 22 часа столица нашей Родины Москва от имени Родины салютует доблестным войскам Красной армии, кораблям и частям Военно-Морского флота, одержавшим эту блестящую победу, тридцатью артиллерийскими залпами из тысячи орудий. Вечная слава героям, павшим в боях за свободу и независимость нашей Родины!»

Эта Победа стала истинно общенародным достоянием, где каждый в бою прикрывал грудь товарища, не думая о национальных различиях, о территориальных границах. У всех был общий враг — кровавая рука фашизма, что нависла над миром, плечом к плечу воины — боевые побратимы, а за спиной — родной дом и одна общая Родина, ради которой нельзя «ни солгать, ни обмануть, ни с пути свернуть».

В наше время война идет в душах людей, грозясь выплеснуться наружу и перерасти в мировой конфликт. Борьба за душу человека, за его память и историю, за самосознание и самоопределение молодежи. Западному миру не выгодно, чтобы наши дети помнили правду о войне… В своих абсурдных устремлениях разорвать братскую общность русского и украинского народов они зашли настолько далеко, что ставят под сомнение сам факт этого единства, победы и подвига в русской истории, уничижают все, что было дорого нашим дедам и прадедам, покровительствуют новой украинской власти выращивать новое поколение «ива́нов, не помнящих родства». Предательские попытки стереть само упоминание о Великой Отечественной войне из учебников, уничтожение памятников истории должны лишь усилить наше внутреннее противостояние, стремление и решимость сохранить правду в небезразличных сердцах растущего поколения.

Память об общих героях становится лучшим мостом, способным объединить братские народы в смутное для всех время. Великим примером может послужить бессмертный подвиг героя, профессионального чекиста-разведчика Виктора Александровича Лягина, что навсегда вписан на страницы исторической победной летописи Великой Отечественной войны. Будучи коренным русским жителем, уроженцем поселка Сельцо Брянской области, бо́льшую часть жизни проживший в Ленинграде и Москве, он «погиб смертью храбрых при выполнении специальных заданий в тылу противника» на нашей украинской николаевской земле, защищая в глобальном смысле все Отечество от фашистских оккупантов. Разве не его можем мы поставить в пример грядущим поколениям, не его можем назвать общим героем, сражавшимся за честь, свободу и независимость нашей общей Родины?

Виктор Александрович был направлен на юг Украины буквально через несколько дней после начала самой страшной войны со специальным зада-

нием: возглавить разведывательно-диверсионную группу в тылу врага. В первых числах августа 1941 года Лягин прибыл в Николаев. Из нашего города и ушел в бессмертие…

Музей В. А. Лягина

Война дышала своим мертвенным жерлом в затылок южному трудовому городу. Сподвижники Лягина уже прибыли в Николаев. Все родом из разных уголков большой страны, добровольно согласились работать в тылу врага в отряде особого назначения. Все прошли специальную подготовку. Александр Петрович Сидорчук родился на Волыни. Служил на Тихоокеанском флоте. После демобилизации трудился в Киеве. Александр Васильевич Соколов (Васильев) — из Вологодской области. Демьян Андреевич Свидерский — из Запорожья, в армии служил в пограничных войсках. Григорий Тарасович Гавриленко — с Полтавщины, отслужил срочную в армии, работал в Харькове. Иван Наумович Коваленко — уроженец Кировоградщины, служил во внутренних войсках в Москве. Петр Платонович Луценко — из Киевской области, работал на паровозоремонтном заводе в Киеве, служил в авиации в Борисполе. Петр Андреевич Шаповал — сотрудник Николаевского управления КГБ, родом с Днепропетровщины. Александр Николаевич Наумов — уроженец Горьковской области, служил на Дальнем Востоке, работал в г. Горьком. Иван Егорович Соломин — сотрудник Николаевского управления КГБ, родился в Кировской области.

30 сентября 1942 года в городе была создана организация «Николаевский Центр», которая поддерживала связь с подпольными организациями Николаевской и Херсонской областей. Ее руководителем стал В. А. Лягин. Организация проводила широкую агитацию среди населения, совершала диверсии, срывала планы гитлеровцев по угону в Германию молодежи.

Виктор Александрович, обладая огромным багажом знаний и опыта в вопросах судостроения и превосходно владеющий немецким языком, при оккупантах устроился на работу на Черноморский судостроительный завод, создал крупную резидентуру, наладил активную подпольную работу в оккупированном немцами Николаеве. Разведывательно-диверсионная группа «Маршрутники», которую он возглавил, вела успешную разведработу, снабжая центр важными данными. Кроме того, усилиями группы были полностью сорваны все усилия немцев по организации производства на судостроительном заводе, выведено из строя уцелевшее при отходе советских войск оборудование.

Группа В. А. Лягина провела целый ряд блестящих операций по уничтожению живой силы противника, его военной техники, запасов горючего. Так, в конце 1941 — начале 1942 года были взорваны две автобазы врага, где уничтожены 15 и 20 автомашин соответственно, а также топливохранилища. В марте 1942 года чекист группы Лягина Александр Петрович Сидорчук исполнил диверсию на Ингульском аэродроме — взорваны 2 ангара и топливохранилище, сгорели 27 самолетов. В гавани Николаева был затоплен огромный железобетонный плавучий док, захваченный оккупантами, а затем взорвался стоявший под погрузкой румынский пароход. Как выяс-

Музей В. А. Лягина. Экспозиция

нилось, руководимая В. А. Лягиным группа нанесла немцам ущерб в 45 миллионов марок.

5 февраля 1943 года в результате предательства Лягин был арестован немцами. Подвергался длительным допросам и чудовищным пыткам, но не выдал оккупантам ни одного из своих товарищей. Подготовленный подпольщиками побег сорвался, и 17 июля 1943 года герой погиб от рук фашистов. В книге «Разведка и Кремль. Записки нежелательного свидетеля» Павла Судоплатова (во время Великой Отечественной войны — начальника разведывательно-диверсионного управления НКВД-КГБ СССР) есть такие строки: «…Виктор Лягин, заброшенный в тыл врага, был схвачен немцами и расстрелян: никого не выдав, он отказался бежать, так как ему пришлось бы бросить своего раненого радиста…».

За образцовое выполнение специальных заданий в тылу противника и проявленные отвагу и геройство Указом Президиума Верховного Совета СССР от 5 ноября 1944 года капитану государственной безопасности Лягину Виктору Александровичу посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Нужно ли говорить, как значимо это имя для каждого николаевца, чтущего свою память и историю! В городе корабелов имя Виктора Александровича Лягина присвоено общеобразовательной школе № 22, николаевской областной библиотеке для детей. На пересечении улицы Лягина и проспекта Ленина 28 марта 1974 года установлен бюст разведчика. Авторы — скульпторы Н. Л. Игнатьев, Е. И. Максименко, архитектор Г. Г. Портных. Гостеприимно раскрывает свои двери музей «Подпольно-партизанское движение на Николаевщине в годы Великой Отечественной войны» по улице Лягина, 5 (бывшей Рождественской), дом-памятник исторического и культурного значения, в котором разведчик проживал под прикрытием с семьей русских немцев Дуккартов в 1941—1943 годах. Музей был открыт ко дню празднования 30-летия Победы. В канун 48-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции со стапелей Николаева было спущено судно, которому присвоили имя «Виктор Лягин».

Будучи коренной жительницей города, я с самого детства много слышала и читала о героическом подвиге чекиста-разведчика, о нем рассказывали нам на многочисленных встречах с николаевскими защитниками-ветеранами. Никогда не забыть, как к нам в школу приходила сама Галина Адольфовна Келем, последняя из оставшихся в живых членов подпольной организации «Николаевский Центр», удивительный человек, очевидец и непосредственный участник тех тяжелых военных будней, сложнейших диверсий и блистательных побед. Это она много дней подряд бесстрашно проносила на дне корзины взрывчатку на Ингульский аэродром для дерзкой и масштабной диверсии, спланированной Виктором Лягиным и успешно впоследствии проведенной ее мужем Александром Сидорчуком. Рассказывала нам, юным школьникам, о шокирующих событиях тех военных лет, и они вставали у нас перед глазами, навсегда закрепляясь в памяти и сердце.

Но помнят ли сейчас жители города о героях своего края и великой страны? Как чтят память о вечном подвиге тех, кто не пожалел своей жизни для свободы и мирного неба? И как в свете последних событий на Украине сложилась судьба музея подпольно-партизанского движения? Обо всем этом я была полна решимости узнать, стоя перед массивной дверью старого здания по улице Лягина, 5.

Старший научный сотрудник музея Марина Алексеевна любезно уделила мне время, в неурочный час проведя индивидуальную экскурсию и отвечая на вопросы со всей живостью и искренностью человека, для которого музей — больше чем работа, — это дело жизни и совести.

Я узнала, что музей успешно живет и функционирует, и не только не собирается закрываться, но и переживает успешные времена, поддерживаемый краеведческими организациями города. Сотрудники музея проявили большой интерес к рассказам и публикациям Алексея Викторовича Есипова, внука легендарного разведчика, выразили готовность к сотрудничеству. Оказывается, музей уже ранее поддерживал связь с ближайшими родственниками Лягина: его сын Виктор, дочь Татьяна Викторовна, внук Алексей Викторович присутствовали на торжественной церемонии открытия музея и мемориального бюста героя в 1975 году, о чем свидетельствуют фото в экспозиции музея. В 2013 году жена покойного ныне Виктора Викторовича передала в дар музею личные вещи, семейные фотоальбомы и предметы мебели семьи Корневых времен командировки в США. Им отведено в музее почетное место.

Экспозиция, бережно хранимая сотрудниками музея, до сих пор периодически пополняется жителями города, приносящими из своих семейных архивов живые свидетельства Великой Отечественной войны. Призывные повестки из военкомата, военные билеты, почтовые карточки с фронта, справки о ранениях, военное снаряжение и оружие, карта обороны области свидетельствуют о мужестве и героизме наших земляков в боях на границе. Говорят о формировании в Николаеве с первых месяцев войны народных ополченских дивизий, показывают стойкость и мужество воинов 18-й и 9-й армий Южного фронта под командованием генералов А. К. Смирнова и Я. П. Черевиченко, которые держали оборону города до 17 августа 1941 года.

Музей В. А. Лягина. Экспозиция

В сводке политуправления Южного фронта от 5 ноября 1941 года о хозяйничанье немецких войск в оккупированном Николаеве сообщалось так:

«…работал только один хлебозавод, выпекающий хлеб для армии. Подгоревшие кусочки хлеба выбрасывались через окна для населения. Толпы женщин и детей ловят кусочки хлеба. Эти картины фотографируют немецкие офицеры. Николаев — мертвый город. Магазины закрыты. Воды нет, водопровод взорван, люди ходят за водой в яхт-клуб. Электричество не работает». Расстрелы, облавы, угоны в фашистскую Германию стали ужасающей «нормой жизни». Жестокий оккупационный режим, преступления фашистов на территории области отображают коллекции указов, объявлений, распоряжений, газет немецкой оккупационной власти и местных органов самоуправления за 1941–1944 годы, трофейные немецкие фотографии, документы и вещи николаевцев — пленных фашистских концлагерей Освенцим, Майданек, Бухенвальд, Штукенброк, Равенсбрюк; рабочие карточки, письма и фотографии из немецкого плена жителей области — «остарбайтеров», опросные листы репатриантов, материалы про уничтожение еврейского населения в области.

Основная часть экспозиции раскрывает антифашистское движение в крае. В период гитлеровской оккупации на территории области действовало 110 подпольных групп и организаций и 2 партизанских отряда. Материалы о деятельности диверсионно-разведывательной группы под руководством Героя Советского Союза В. А. Лягина (Корнева) занимают особое место. Живой образ разведчика посетители имеют возможность увидеть в уникальных кадрах довоенной кинохроники, которые демонстрируются во время экскурсии. Трофейные немецкие фотографии зафиксировали диверсии группы на военном аэродроме под Ингульским мостом в марте 1942 года и в морском порту в ноябре 1942 года. С большим энтузиазмом рассказали научные сотрудники музея про жизнь, труд и самоотверженный подвиг Виктора Лягина и членов диверсионно-разведывательной группы «Николаевский Центр», отдавая высокую дань памяти и уважения партизанам-освободителям родного края.

Через документы, фотографии, оружие, военное обмундирование и снаряжение освещаются наступательные бои в 1944 году, в результате которых были освобождены Николаевская область и Украина. Как много говорят названия этих выставок: «Виктор Лягин — человек из легенды», «Война и дети», «Десант в бессмертие», «Уроки войны — уроки мира», «Предупреждение человечеству», раскрывая страшные реалии фашизма и беспримерное мужество и патриотизм его сокрушивших.

Музей сегодня проводит разноплановую экскурсионную и выставочную работу, сотрудничает с другими музеями, посвященными Великой Отечественной войне. Ученической и студенческой аудитории предлагается программа героико-патриотического воспитания «Великая Отечественная — языком кинохроники», которая предусматривает киноэкскурсии с демонстрацией уникальной военной хроники. В музее систематически проводятся Уроки Памяти, встречи с ветеранами-фронтовиками, участниками николаевского подполья, презентации новых изданий по военной истории края, тематические семинары, тренинги для учеников-экскурсоводов школьных музеев, формируются выставки детского творчества на миротворческие темы. Для посетителей младших классов разработана театрализованная программа «Музей — это интересно» с целью привития детям интереса к изучению истории государства, родного края, в том числе в период минувшей войны, воспитания уважения к ветеранам Великой Отечественной войны.

Николаевские школьники активно участвуют в общественных мероприятиях музея, конкурсах, игровых квестах, создают презентации, рисуют

картины… Имя Лягина не понаслышке знакомо им. Каждый год в День освобождения города, 28 марта, и в День великой Победы у мемориалов и памятников появляются живые цветы. Большая заслуга в этом, конечно, небезразличных людей и организаций города, которые, несмотря ни на что, стремятся сохранить память о наших героях и передать эту любовь и уважение молодому поколению. Многая лета благодетелям!

В 2015 году музей подпольно-партизанского движения на Николаевщине будет отмечать сразу два великих по значению события — свой сорокалетний юбилей и 70-летие со дня Победы в Великой Отечественной войне. «У нашего правительства свои взгляды на это, а у нас — свои. Эти подвиги дороги и значимы, их нельзя забывать, это же наша история и наши герои, — убеждены сотрудники музея. — Так что можете не сомневаться: музей, как и в прежние годы, будет чествовать ветеранов, принимать гостей и отметит обе эти важнейшие даты активно и масштабно, как полагается. Особенно это важно в свете последних событий на Украине. Кто расскажет об истории молодому поколению, если не мы?»

Накануне празднования памятной даты — 70-летия Великой Победы в музее действуют культурно-просветительский проект «Подвиг — память сквозь века»; проекты памятных мероприятий: «Увековечение Героев, которые совершили подвиг в годы Великой Отечественной войны на Николаевщине. 1941–1944 гг.», «Золотая коллекция кинохроники»; авторские издательские проекты по истории подпольно-партизанского движения и др.

Музей подпольно-партизанского движения на Николаевщине — в народе «музей Лягина» — стал областным культурно-просветительским центром города по истории Великой Отечественной войны, проводя значительную работу по возрождению нравственных основ общества по отношению к погибшим защитникам Отечества и ветеранам войны, воспитание гордости за подвиг украинского народа в битве с фашизмом, установление тесной связи между старшим поколением и потомками для сохранения Памяти.

Значение имени Лягина в истории одинаково дорого и важно как для российских соотечественников, так и для жителей нашего края. Самоотверженная деятельность его группы в тылу жестокого и беспощадного врага шаг за шагом, путем преодоления невероятных трудностей, приближала день великой Победы! Сейчас многим может быть непонятно — как можно было добровольно пожертвовать своей безопасностью, семейным счастьем, личными интересами ради интересов общественных, во имя большого дела Мира на нашей общей Родине. И только такие примеры бессмертьем своим доказывают, что это возможно.

Мы должны помнить и чтить этот подвиг со всей сердечной благодарностью потомков героев освобожденной нашими дедами родной земли. И не допустить повторения кровавых страниц истории в грядущем, сделав выбор в пользу мира и братства. Чутко стоять на кордонах своих сердец, не позволяя врагу лживыми и льстивыми речами усыпить бдительность и стать на скользкий путь предательства. Ибо такими действиями мы предаем самый подвиг, саму пролитую кровь невинных жертв нацизма. Сделать свой выбор в пользу правды и чести, патриотизма и мужества, служения Родине, быть всегда готовыми без колебаний встать на защиту Отечества, будучи вечно достойными памяти и подвига павших Героев, каковым был и Герой Советского Союза, славный разведчик Виктор Александрович Лягин.

Михаил АЙДИНОВ

ПОДВИГ НА ВЕКА: ЕГО НЕ ЗАБЫТЬ, НЕ УМАЛИТЬ, НЕ ОБОЛГАТЬ

К 70-летию Великой Победы

Михаил Юрьевич Айдинов — родился в Тбилиси. Окончил отделение журналистики Тбилисского государственного университета. Председатель Ассоциации русскоязычных журналистов Грузии, Пушкинского общества русскоязычных литераторов Грузии «Арион», координатор Совета лидеров этнических меньшинств Грузии, главный редактор газет: «Многонациональная Грузия», «Русское Вече», литературного альманаха «На холмах Грузии», кавалер российских и грузинских орденов, заслуженный журналист Грузии, Посол мира, Рыцарь толерантности. **Живет в Тбилиси.**

Есть даты-символы, праздники проходные и всенародно любимые, как Новый год. 9 Мая — день, священный для каждого из нас. Это праздник «со слезами на глазах», как поется в знаменитой песне Давида Тухманова.

Нет, наверное, семьи ни в одной из республик Содружества Независимых Государств, которую бы не опалило войной. Не стал исключением и наш дом. Мой дед по материнской линии Георгий Гвенцадзе погиб, обороняя Севастополь. Всю войну прошел тесть — Анатолий Стукалов. Дед по отцовской линии Михаил Айдинов получил награды за доблестный труд в тылу. Эшелоны на фронт сопровождала мамина мама Татьяна Балибина.

Судьба Георгия Гвенцадзе в этом отношении особенно характерна. Секретарь парткома управления Закавказской железной дороги, как и другие ответственные работники его ранга, имел законную бронь на военизированном в то время транспорте.

Работы в тылу было невпроворот. Но для отца троих детей не возникло ни тени сомнения: в час испытаний все как один должны встать на защиту Отчизны. Вот почему он пошел добровольцем в военкомат в первый же день — 22 июня 1941 года.

Сражался комиссар в составе знаменитой 414-й Анапской дивизии. Погиб в кровавой мясорубке под Севастополем в первый же год войны, не дожив до тридцатипятилетия. Вслед за мужем пошла в действующую армию Татьяна Григорьевна, оставив дома маленьких Бориса, Жору и Эльвиру.

Семнадцатилетним мальчишкой удрал в Москву из Сибири, далекого Красноярского края, Толя Стукалов. После окончания трехмесячных артиллерийских курсов молоденькому лейтенанту довелось командовать

людьми, которым он по возрасту годился в сыновья, а то и во внуки. Немного людей его поколения (а родился Анатолий Федорович 25 декабря 1924 года) дожили до Победы. Он же прошел с боями всю Россию, Белоруссию, Польшу, встретил 9 Мая в Германии.

В послевоенные годы кавалеру орденов Отечественной войны I и II степеней, Красного Знамени, Красной Звезды, многочисленных медалей довелось служить в Прикарпатском военном округе, Венгрии, в Забайкальском военном округе. Умер он в 60 лет — сказались старые фронтовые раны.

…Только одна семья, рядовая, и вместе с тем типичная по своему социальному и национальному срезу для канувшего в небытие Советского Союза. Рабочие, служащие, представители творческой интеллигенции. Грузины, армяне, русские. И всех их объединяла любовь и беззаветная преданность Родине, самоотверженность, повышенное чувство долга.

В конце восьмидесятых годов на волне национальных движений стали всплывать нелюди, пытавшиеся переписать нашу общую историю заново. Особенно усердствовала эта «пена» в Западной Украине и Прибалтике, где новоявленными героями объявили Степана Бандеру, оуновцев — членов организации украинских националистов, эстонский «Кайселлит», литовских «лесных братьев» и прочих отщепенцев, сотрудничавших с фашистским режимом. Там уже не считалось постыдным участие в боевых действиях в составе «оккупационной армии». Началась волна переименований, война с памятниками, забвение ветеранов.

Увы, чаша сия не миновала и Закавказье, где руки вандалов также прошлись по священным памятникам, отображающим всенародный подвиг в годы Великой Отечественной. До сих пор немым укором о недавнем прошлом напоминают поврежденные монументы в парке Ваке (как стыдливо переименовали парк Победы), бюсты генерала Леселидзе, маршала Геловани.

История, увы, не сохранила точной даты этого события и имени его исполнителей. В один далеко не прекрасный день посетители тбилисского парка Ваке не обнаружили на привычных местах восемь бронзовых фигур Мемориала славы, увековечившего ратный и трудовой подвиг народа в Великой Отечественной войне.

К счастью, вандалам не удалось полностью осуществить свой замысел: остались неповрежденными 28-метровая статуя Победы и чаша Вечного огня у могилы Неизвестного солдата. Эта величественная композиция на фоне многоступенчатого каскада воды являлась предметом гордости тбилисцев. Сюда неизменно приводили гостей, любили приходить ветераны и молодежь, чтобы поклониться памяти отдавших свои жизни за наше будущее. И вот на месте некогда величественного мемориала, созданного архитекторами Владимиром Алекси-Месхишвили и Киазо Нахуцришвили, зияющая рана.

А каково положение других памятников, посвященных военной тематике? Вопрос этот особенно актуален сегодня, в преддверии семидесятилетия Великой Победы. Судьба воинских мемориалов мало чем отличается от незавидной судьбы памятников историко-революционной тематики. Исчез в неизвестном направлении стоящий на постаменте на Кукийском кладбище танк. Отбиты нос и часть меча с бюста генерала К. Леселидзе на одноименной улице, название которой тоже было изменено. Был облит краской бюст маршала А. Геловани на проспекте Важа Пшавела. И все это — только в одном Тбилиси.

В присной памяти времена Михаила Саакашвили и вовсе предпринимались попытки переписать историю. В центре Тбилиси был открыт музей оккупации (интересно, о какой оккупации идет речь, 25 февраля 1921 года «красные» грузины во главе с Серго Орджоникидзе свергли «белых» грузин). Даже Великая Отечественная война, в которой приняли участие около 700 тысяч граждан республики, а погибли свыше 300 тысяч, стала подаваться, как «чужая война». Было отменено официальное празднование 9 Мая.

В эти непростые времена всю нагрузку по сохранению памяти о Великой Победе, военно-патриотическому воспитанию взяли на себя неправительственные организации, входящие в Союз российских соотечественников Грузии «Отчизна». Мы ухаживаем за могилами умерших в госпиталях участников войны, мемориалами, памятниками, поддерживаем — морально и материально — живых участников великих сражений.

После поражения Единого национального движения Грузии на парламентских выборах 1 октября 2012 года ситуация в стране, к счастью, стала меняться к лучшему. В последнем праздновании Дня Победы приняли участие первые лица новой власти — коалиции «Грузинская мечта». Ветеранам вновь оказываются прежние почести, проводятся торжественные собрания, возложение венков к могиле Неизвестного солдата, чествование фронтовиков. Надеюсь, так будет и впредь. Ведь уважение к прошлому — в лучших традициях наших народов.

Дороги войны

Александр КОРОЛЁВ

НА ЛЬВОВСКОМ НАПРАВЛЕНИИ

Воспоминания ветерана Великой Отечественной войны об освобождении Правобережной Украины, апрель 1944 года

К 70-летию Великой Победы

Нас, ветеранов войны, часто при встречах с молодежью просят рассказать о самом интересном, самом важном событии или эпизоде, в котором лично участвовал в те незабываемые годы войны. Нелегкое это дело — рассказать о событиях давно минувших дней: и в памяти какие-то важные и интересные детали уже ускользнули, да и возраст сказывается, многое передумано, переосмыслено. Мне повезло в том отношении, что в числе дорогих сердцу реликвий прошлой войны (наград, фронтовых писем, фотографий и др.) сохранился фронтовой блокнот автора этих строк — сержанта 825-го стрелкового полка 302-й стрелковой дивизии, в составе которых мною пройден боевой путь в 1944–1945 годах от Дона до Вислы.

На пожелтевших от времени листках этой записной книжки со-

Александр Иванович Королёв — полковник в отставке, родился в 1925 г. в семье рабочего. В 1943 г. в возрасте 17-ти лет был призван в Красную армию и направлен на фронт, где в составе 825-го стрелкового полка 302-й стрелковой дивизии воевал 2 года на 1-м и 4-м Украинских фронтах и прошел боевой путь от Сталинграда до Варшавы. В 1945 г. был направлен в танковое училище, которое окончил с отличием. В дальнейшем служил в войсках на должностях: заместитель командира полка, заместитель командира бригады. Окончил военную Академию тыла и транспорта. Работал в течение 10-ти лет преподавателем кафедры оперативного тыла 1-й военной Академии тыла и транспорта. С 1972 г. по 1974 г. работал на Кубе преподавателем кафедры тыла Кубинских РВС. В возрасте 50-ти лет уволился из рядов Советской армии в отставку. В настоящее время занимается изучением истории Великой Отечественной войны. Обобщает опыт войны. Награжден: орденами «Отечественной войны», «Славы III степени»; медалями «За отвагу», «За боевые заслуги» и юбилейными медалями. **Живет в Санкт-Петербурге.**

хранились документальные свидетельства тех дней, что дает мне право достаточно объективно рассказать о трудных и героических событиях весны 1944 года, о боях за освобождение Правобережной Украины и, в частности, о боевых действиях за освобождение города Тернополя в марте 1944 года.

Весной 1944 года развернулось грандиозное сражение за освобождение Правобережной Украины. Потерпев сокрушительное поражение на Днепре, немецкое командование принимает меры по укреплению и превращению в оборонительные крепости все крупные города и наиболее важные населенные пункты на Правобережной Украине, такие как Львов, Перемышль, Тернополь, Луцк, Каменец-Подольский и др. Ставка Гитлера беспрекословно требовала сделать из них города-крепости и удерживать до последнего солдата, до последнего патрона, не допуская прорыва русских войск к границам Польши и Восточной Пруссии.

Эти требования фюрера выполнялись немецким военным командованием с присущим ему рвением и педантизмом. В городах были созданы сильные укрепления, подступы прикрыты минными полями, организовано огневое взаимодействие всех видов оружия, подготовлены для ведения боевых действий в городе штурмовые группы, созданы крупные гарнизоны войск. Наиболее прочные здания были превращены в опорные пункты и огневые точки, соединенные развитой сетью траншей и ходов сообщения, включавших в свою сеть многочисленные каменные подвалы и инженерные коммуникации города. Были созданы большие запасы боеприпасов, продовольствия, медикаментов и другого военного имущества, необходимого для ведения длительных и напряженных боевых действий в любых условиях, в том числе и в окружении.

Такие меры гитлеровское командование принимало потому, что дальше на запад от Днепра не было крупных водных преград, пригодных для соединения оборонительных рубежей типа «Днепровского вала», неприступность и прочность которого в свое время широко рекламировала немецкая пропаганда, и который рухнул под мощным натиском наших войск. И теперь делалась ставка на города-крепости, которые должны были принять на себя удар русских войск, сорвать их наступление и прикрыть выход к границам Восточной Пруссии.

Стремительное и безостановочное наступление наших войск на Правобережной Украине весной 1944 года вывело 302-ю стрелковую дивизию, действующую в составе 60-й армии 1-го Украинского фронта, на Львовское направление. Впереди, в полосе наступления дивизии, был Тернополь — крупный город, превращенный немцами в оборонительную крепость, которую предстояло взять штурмом. Командование армии и дивизии принимало меры по подготовке войск к боевым действиям в укрепленном городе: в частях и подразделениях были проведены партийные и комсомольские собрания, где солдаты и офицеры показали решимость взять город штурмом, освободить от немецко-фашистских захватчиков и содействовать общему успеху наступления наших войск на Львов; в ротах и батальонах готовились штурмовые группы, куда подбирались наиболее смелые, сильные и закаленные в боях солдаты и офицеры, отлаживалось взаимодействие штурмовых групп по ведению боевых действий на изолированных направлениях, особенно в ночных условиях при штурме укрепленных домов и кварталов города.

В ротах и батальонах изучалась «Памятка солдату и офицеру по ведению боевых действий в укрепленном городе», изданная по рекоменда-

ции Военного Совета 60-й армии, а также тщательно изучался план города Тернополя и уточнялись задачи по его штурму. Подразделения получили повышенное количество боеприпасов для ведения ближнего боя патронов для автоматов и, в особенности, противопехотных и противотанковых мин и гранат). Полковые артиллеристы и минометчики тренировались по огневой поддержке боя пехоты в населенном пункте.

В штабе полка и в батальонах отрабатывалось взаимодействие по управлению боем в крупном населенном пункте при действии подразделений и штурмовых групп в сложных условиях днем и ночью. Надо сказать, что солдаты и офицеры понимали трудность предстоящих боев, знали, что штурм укрепленного города потребует больших усилий и немалых жертв. Всем было ясно — город должен быть освобожден от врага как можно быстрее, чтобы не задерживалось и не ослабевало общее наступление наших войск по окончательному освобождению Правобережной Украины.

В последних числах марта 1944 года 302-я стрелковая дивизия начала боевые действия на ближних подступах к городу. 825-й стрелковый полк получил задачу по взаимодействию с 827-м стрелковым полком, а 302-я стрелковая дивизия должна была захватить железнодорожную станцию и, наступая на центральную часть города, уничтожить опорные пункты, живую силу и технику противника.

С первых дней боевые действия приняли напряженный и ожесточенный характер и продолжались в течение 15 суток, не прекращаясь ни днем, ни ночью. Борьба шла за каждый дом, улицу, квартал города. Перечитывая записи во фронтовом блокноте и вспоминая те тяжелые, полные героизма дни, представляется возможным воспроизвести некоторые эпизоды боевых действий в память о тех солдатах, сержантах и офицерах, которые проявили в этих боях исключительное мужество, смелость и упорство по освобождению крупного города, гарнизон которого значительно превосходил по численности наши силы. Следует учитывать также, что дивизия в течение трех месяцев (январь-март) 1944 года вела боевые действия на Правобережной Украине и подошла к Тернополю, имея значительные потери в личном составе, технике и вооружении.

31 марта 1944 года стрелковые батальоны 825-го стрелкового полка начали боевые действия на восточной окраине города. В 15:00 началась артиллерийская подготовка по разрушению опорных пунктов и огневых точек противника. В 15:30 на город обрушила удар бомбардировочная авиация. Полк перешел в наступление, захватил несколько опорных пунктов, и к 17:00 передовые штурмовые группы завязали бой за железнодорожную станцию. Основные силы полка к ночи прочно закрепились на восточной окраине города.

Командир полка подполковник А. И. Безносенко руководил боем с командного пункта, местоположение которого приходилось часто менять, так как при бое в городе, в отличие от боевых действий на открытой местности, ввиду часто меняющейся обстановки, большой задымленности от взрывов снарядов, бомб и возникших пожаров, затруднялось наблюдение и управление боем.

Начальник штаба полка майор Г. С. Поздняков штаб разместил в одном из подвалов дома вблизи командного пункта. Командиры рот и батальонов находились непосредственно в подразделениях, на переднем крае, там, где

необходимо было сосредотачивать усилия основных сил подразделений и штурмовых групп и руководить боем.

Первого апреля была взята железнодорожная станция, и подразделения полка приступили к штурму наиболее укрепленной части города, примыкающей к центру. Два последующих дня боевых действий показали, что применение стрелково-пулеметного оружия при ограниченных возможностях применения артиллерии и минометов в уличном бою делает недостаточно эффективными усилия штурмовых групп в борьбе с хорошо вооруженными группами и подразделениями противника, обороняющего прочные кирпичные здания, заранее подготовленные к длительному штурму.

В этих условиях командование дивизии меняет тактику боевых действий и дает на усиление штурмовых групп фугасные огнеметы и 45-мм противотанковые пушки, которые из-за их сравнительно небольших размеров удобно было использовать в лабиринтах улиц и на развалинах разрушенных зданий для стрельбы прямой наводкой по огневым точкам противника, засевшего в домах. Очень эффективными оказались огнеметы, с помощью которых удавалось поджигать нижние этажи забаррикадированных зданий и довершать разгром врага решительной атакой штурмовых групп. Применение огнеметов и малокалиберной артиллерии значительно повысило эффективность штурма города.

Однако, какой бы ни была совершенной и эффективной боевая техника и вооружение, они не могут полностью заменить то главное, что обеспечивает победу в бою, — мужество и храбрость солдат, сержантов и офицеров, их твердость воли и духа. В связи с этим вспоминается целый ряд боевых эпизодов, где воины полка показали эти замечательные качества.

Третьего апреля в ходе упорных боев в центре города продвижению наших подразделений мешала городская гимназия, которая была превращена немцами в прочный опорный пункт. Несколько попыток штурмовых групп выбить немцев из здания гимназии оказались безуспешными. Противник открывал сильный пулеметный и автоматный огонь и забрасывал гранатами каждый квадратный метр прилегающей к зданию площади, заставляя наших штурмовиков отходить с потерями. Здесь оказались бессильными огнеметы, так как размеры площади превышали дальность их действия.

Командир полка приказал провести специальную подготовку к штурму гимназии, а именно: организовать штурмовой отряд в составе 3-х штурмовых групп, куда требовалось подобрать из числа коммунистов и комсомольцев наиболее сильных и смелых. Командование отрядом поручили лучшему офицеру. Действия отряда было приказано поддержать всеми видами стрелкового и артиллерийского огня, было решено использовать на направлении гимназии необходимое количество противотанковых 45-мм пушек, которые в течение ночи установили в захваченных нами зданиях, расположенных напротив гимназии, и подготовили их к стрельбе прямой наводкой. Бойцы отряда были обеспечены достаточным количеством гранат, в том числе и противотанковых.

В ходе выполнения этих мероприятий было решено поручить командование штурмовым отрядом молодому, но опытному и проявившему смелость, решительность в предыдущих боях офицеру — младшему лейтенанту Николаю Гусарову.

Третьего апреля во второй половине дня началось общее наступление всех штурмовых групп полка. Начался штурм и городской гимназии. По

установленному сигналу на здание гимназии обрушился огонь пулеметов, минометов и артиллерии с нашей стороны, под прикрытием которого Гусаров повел отряд в атаку. Противник открыл шквальный ружейно-пулеметный огонь, но остановить прорыв нашего штурмового отряда было невозможно. До стен гимназии оставалось несколько десятков метров. Взрывом гранаты Гусаров был ранен в ногу. Превозмогая острую боль, поддерживаемый другим бойцом, он продолжал увлекать за собой отряд и одним из первых ворвался в здание гимназии, где закипела ожесточенная схватка с врагом.

К концу дня штурмовой отряд младшего лейтенанта Гусарова прочно закрепился в здании гимназии и, сковав действия противника на этом направлении, в целом способствовал успешному продвижению других штурмовых групп и подразделений полка. За совершенный в этом бою подвиг молодой офицер Николай Владимирович Гусаров был представлен к званию Героя Советского Союза, а гимназия, ставшая впоследствии школой, была названа его именем.

Это о нем говорится в стихотворении, напечатанном в дивизионной газете.

Нам город этот дорог стал.
Пусть он еще в дыму пожаров.
Здесь немчуру на части рвал
Гранатой и свинцом Гусаров.

Потеря гимназии — важного опорного пункта в центральной части города привела немцев в замешательство и заметно подорвала их уверенность в возможности удержать город. Это было видно не только по спешной перегруппировке сил и средств осажденного фашистского гарнизона, произведенной немецким командованием с целью укрепления других опорных пунктов, но также по показаниям пленных немецких солдат и офицеров, которые свидетельствовали о растерянности нашего противника и панически принимаемых мерах по восстановлению положения.

Пятого апреля стало известно, что советские войска, наступая севернее и южнее Тернополя, замкнули кольцо окружения. В город были введены отходившие из этих направлений разрозненные немецкие части и подразделения, которые значительно усилили осажденный гарнизон, получивший таким образом пополнение в людях и боевой технике. Но в связи с полным окружением Тернопольского гарнизона противника прекратилось его снабжение по наземным коммуникациям. Немецкое командование принимает меры по обеспечению окруженной группировки с помощью транспортной авиацией, для чего с наступлением темноты транспортные самолеты противника начали сбрасывать над частью города, занятой немецкими войсками, контейнеры, прикрепленные к грузовым парашютам, в которых осажденному гарнизону поставлялись боеприпасы. Главным образом, это были патроны к пулеметам и автоматам, гранаты и мины, медикаменты, продовольствие и листовки-воззвания к немецким солдатам и офицерам, в которых фюрер и верховное командование рейха призывало их к стойкости и обещало за храбрость награды, славу и материальные блага.

Часть этих контейнеров попадала и в расположение наших войск, так как немецкой авиации трудно было ориентироваться ночью над охваченным пожарами городом. Кроме того, наши солдаты вводили в заблуждение не-

мецких летчиков, запуская в ночное небо такие же по цвету опознавательные ракеты, как и немцы, чем сбивали с толку летчиков врага относительно действительной линии переднего края.

В этот же период, начиная с 5–6 апреля, противник приступил к ночной бомбардировке города. Бомбардировочная авиация по ночам наносила массированные бомбовые удары по расположению наших войск, что снизило темп наступления по разгрому окруженной фашистской группировки, так как приходилось отвлекать силы и средства на приведение в порядок штурмовых групп и других подразделений после ночных бомбардировок.

В одну из таких тяжелых ночей был убит заместитель командира полка по политической части майор Н. А. Вовчук. Это был храбрый, волевой человек, он постоянно находился среди солдат на переднем крае и, не зная ни сна, ни отдыха, своим примером, неутомимой энергией поддерживал боевой дух и настроение солдат. Он и погиб, как подобает воину, в бою.

Штурм города продолжался. Десятого апреля командование 60-й армией в целях поддержки боевых действий наших войск организовало удары по окруженной группировке противника с воздуха. В течение двух суток самолеты сбрасывали бомбы на наиболее укрепленные опорные пункты и узлы обороны немцев, которые в промежутках между бомбежками решительно штурмовали солдаты нашего полка.

Двенадцатого апреля из показаний пленных стало известно, что в одной из бомбежек был убит немецкий генерал — начальник осажденного гарнизона. Другой немецкий генерал, пытаясь вырваться из окруженного города на танке, был захвачен в плен. Стало известно также, что по приказу командования гарнизона большая группа раненых немецких офицеров, находившаяся в одном из подвалов, превращенном в лазарет, была, во избежание попадания их в плен, отравлена ядовитыми газами. Осажденный гарнизон переживал агонию.

Несмотря на тяжелые и непрерывные бои, которые вела дивизия по освобождению города Тернополя, несмотря на наши большие потери, понесенные при ликвидации окруженной группировки врага, боевой дух и наступательный порыв бойцов не ослабевал. На страницах дивизионной газеты ежедневно помещались статьи и заметки о героических делах наших солдат и офицеров. Вот некоторые из этих свидетельств (печатается без изменений текста):

Подвиг связного

Связь с соседним батальоном была прервана. Восстановить ее было поручено связному Василию Заздравному. Под пулями, минометным обстрелом заметивших его фашистов полз Василий Заздравный, стремясь поскорее передать новый боевой приказ. Обратно с командного пункта батальона он двигался вместе с лейтенантом Алексиным. Пуля гитлеровского снайпера вывела из строя Алексина. Заздравный, напрягая все силы, тащил тяжело раненного офицера до безопасного места, где сделал ему перевязку и снова двинулся в свой опасный боевой путь.

Старший сержант В. Ерин

Вот еще одна заметка из дивизионной газеты тех дней:

Находчивость

Немцы оборонялись остервенело. Превратив дом в крепость, они не хотели сдаваться и тогда, когда наши славные пехотинцы ворвались в его стены. С боем приходилось брать каждую его комнату. Красноар-

меец Кобец один из первых ворвался в дом, но тут он натолкнулся на закрытые двери. Раздумывать было некогда. Кругом кипел ожесточенный бой. Размахнувшись, Кобец бросил гранату. В следующую минуту на месте двери зиял большой пролом, за которым среди кусков дерева и обломков кирпича лежали два уничтоженных взрывом гитлеровца. Кобец устремился дальше. Своим героическим поступком он расчистил путь своему подразделению.

Красноармеец З. Кривошей

Пятнадцатого апреля части и подразделения 825-го и соседнего 827-го стрелковых полков закончили боевые действия по освобождению города Тернополя и уничтожению окруженной в нем группировки немецко-фашистских захватчиков. Кто к нам с мечом вошел, тот от меча и погиб. На том стояла и стоять будет, как предупреждали наши героические предки, земля Русская.

В эти дни в дивизионной газете 302-й стрелковой дивизии было помещено стихотворение военкора Е. Мееровича, посвященное освободителям города.

ПОБЕДИТЕЛЯМ

Мы брали штурмом каждый дом
И город взяли смертным боем.
Сегодня славу воздаем
Мы нашим воинам-героям.

Пройди по улицам, солдат,
Среди развалин и пожарищ!
Здесь даже камни говорят
О мужестве твоем, товарищ.

Из этих окон пулемет
Захлебывался дробным лаем.
И пушку выкатил вперед
Навстречу пулям Ермолаев.

Пусть все вокруг врагу видать
Из тех домов, как на высотке.
Заставил немцев замолчать
Артиллерист прямой наводкой.

В атаку ринулись стрелки.
— Ура! — звучит подобно грому.
Врага взметая на штыки,
Мы штурмом шли от дома к дому.

Нам город этот дорог стал.
Пусть он еще в дыму пожаров.
Здесь немчуру на части рвал
Гранатой и свинцом Гусаров.

Пройдя дорогами побед,
Гордясь отважными по праву, —
Героям-воинам привет!
Богатырям советским слава!

О значимости Тернопольской операции говорят не только мои записи. Не так давно, к своему удивлению, я узнал, что есть «Воспоминания о боевых действиях 51-й армии при штурме г. Тернополя. Апрель 1944 г.» члена Военного Совета 1-го Украинского фронта генерал-лейтенанта К. В. Крайнюкова в его книге «Оружие особого рода»[1]. Для подтверждения важного значения операции и правдивости своих фронтовых записей позволю себе привести несколько цитат из этой уникальной книги, тем более что генералу Крайнюкову было лучше видно происходящее с высоты его должности и компетенции.

Немецкое командование предпринимало все усилия к тому, чтобы остановить наступление войск 1-го Украинского фронта.

Из показаний пленных и по трофейным документам нам стало известно, что 8 марта 1944 г. Гитлер издал приказ, в котором определил систему крепостей и опорных пунктов, потребовав от своих войск удержания их до конца, до последнего солдата, даже в случае окружения и осады.

В полосе наступления 1-го Украинского фронта противник наметил такие города, которые Гитлер потребовал укрепить как крепости — Винницу, Жлобин, Проскуров, Тернополь, Черновцы и другие населенные пункты. В приказе говорилось, что за оборону этих городов коменданты отвечают головой, вплоть до расстрела. Вот почему противник так упорно и ожесточенно оказывал нам сопротивление (с. 169).

Начиная с 9 марта наши войска вели напряженные бои с окруженной в Тернополе 12-тысячной группировкой врага. Гитлеровцы упорно сопротивлялись, хотя уже ничто не могло их спасти.

Уличные бои в Тернополе шли продолжительное время. Здесь чуть ли не каждое здание было дотом. Гвардейцы продолбили в каменных стенах узкие бойницы, через которые вели огонь снайперы и бойцы штурмовых групп. Многие здания соединялись ходами сообщения, в которых днем и ночью шла ожесточенная борьба с фашистами по их выкуриванию из зданий и уничтожению (с. 178).

Упорство окруженных объяснялось тем, прежде всего, что извне начались атаки крупных сил фашистов, пытавшихся деблокировать «тернопольский котел».

14 марта 44 г. германское командование бросило против наших войск танковую дивизию СС «Адольф Гитлер», 7-ю танковую и 359-ю пехотную дивизии. Однако 15-й стрелковый корпус генерала И. И. Людникова, поддержанный частью сил 4-го танкового корпуса, отразили все атаки гитлеровцев и нанесли им большой урон в живой силе и технике.

Утром 25 марта 44 г. танки, пехота противника снова пытались прорвать кольцо окружения. Пехотные дивизии врага, при поддержке

[1] *Крайнюков К. В.* Оружие особого рода. М.: Воениздат, 1977. 670 с. (Военные мемуары). Далее по тексту ссылки на страницы данного издания.

100–120 танков нанесли еще один контрудар. После больших потерь противник вынужден был откатиться на прежние позиции (с. 181).

Провалилась и попытка немцев со снабжением окруженного гарнизона по воздуху. Наши истребители сбивали транспортные самолеты противника на дальних подступах к Тернополю. А те самолеты, которые все же прорывались к городу, часто, сбитые с толку дымами от горящего города, сбрасывали контейнеры с боеприпасами, оружием, медикаментами и продовольствием в расположение наших войск. Воздушный мост противника к окруженной тернопольской группировке был блокирован и сорван нашей авиацией (с. 182).

В ходе упорных и продолжительных уличных боев войска 60-й армии под командованием генерал-лейтенанта И. Д. Черняховского разгромили окруженный гарнизон врага и 14 апреля 44 г. полностью овладели областным центром Украины г. Тернополем.

В боях за город отличились части 15-го стрелкового корпуса генерала И. И. Людникова. В его составе сражались 302-я стрелковая дивизия под командованием полковника Н. П. Кучеренко, 336-я, 99-я стрелковые дивизии. При ликвидации Тернопольской окруженной группировки противника наши войска уничтожили свыше 10 000 фашистских солдат и взяли большое число пленных и трофеев (с. 183).

После успешной ликвидации «Тернопольской группировки» 302-й дивизии и нашему 825-му стрелковому полку было присвоено звание «Тернопольских», и они были награждены орденом Боевого Красного знамени. Я за участие в боях в составе штурмовой группы был награжден медалью «За боевые заслуги» и орденом «Слава» III степени.

Капитану Г. А. Позднякову было присвоено воинское звание «майор», и он был назначен начальником штаба полка. В это же время он перевел меня в штаб полка и определил в оперативную группу («первый отдел» штаба полка), где я оставался до направления в военное училище в январе 1945 года. После описанных выше напряженных боев я, по решению командования, был направлен в танковое офицерское училище, находившееся в Харькове, которое окончил «с отличием». Боевой опыт и воинская закалка помогали в учебе. После окончания училища я прослужил еще 37 лет в Вооруженных силах Советской армии. В отставку вышел в звании «полковник».

Когда я отбыл в училище, войска моего родного 1-го Украинского фронта, разгромив немцев на центральном направлении, освободив Украину, вышли на территорию Польши и перешли к обороне после длительных и напряженных боев лета и осени 1944 года.

302-я стрелковая дивизия 60-й армии заняла оборону по реке Вислока (приток Вислы), штаб 825-го стрелкового полка расположился в населенном пункте Дембица. Войска стали готовиться к Висло-Одерской операции, последней перед Берлинской, завершающей операцией Великой Отечественной войны. Воинский дух, боевой порыв и настроение солдат и офицеров были высокими. Чувствовалось приближение окончания войны, разгром врага и неизбежная, заслуженная наша Победа!

Русские судьбы

Алексей ПОДЦЕРОБ

УЧАСТИЕ РОССИЯН В БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЯХ В СЕВЕРНОЙ АФРИКЕ

К 70-летию Великой Победы

Алексей Борисович Подцероб — выпускник МГИМО МИД СССР и Дипломатической академии МИД СССР. Работал в Центральном аппарате МИДа и посольствах СССР в Алжире, Ливии и Египте, старшим советником Постпредства СССР/РФ при ООН, послом России в Ливии и Тунисе. Имеет ранг Чрезвычайного и полномочного посла. Ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН. Кандидат исторических наук. Автор многих монографий. **Живет в Москве.**

Военные действия на севере африканского континента велись с 13 сентября 1940 по 13 мая 1943 года. Победа союзников под Эль-Аламейном в Египте в октябре-ноябре 1942 г. определила ход войны на североафриканском театре военных действий. Союзники имели 200 230 тыс. человек, танков — 1440, орудий — 2311, самолетов — 1500. Им противостояли 80—100 тыс. человек, танков — 540, орудий — 1219, самолетов — 350[1]. В ходе сражения немецко-итальянская Африканская армия потеряла 55 тыс. убитыми, ранеными и пленными, 320 танков и около 1 тыс. орудий. Война закончилась в Тунисе капитуляцией 150-тысячных итало-немецких войск и 80 тыс. чиновников[2].

Конечно, на Западе сейчас делаются попытки придать сражению под Эль-Аламейном видимость, что эта битва на Ближнем Востоке явилась решающим сражением всей Второй мировой войны. Против этого сравнения говорят факты. Состоявшаяся почти в то же самое время Сталинградская битва проходила с 17 июля 1942 г. по 2 февраля 1943 года. В ней приняли участие советские войска, насчитывающие 1—1,1 млн человек. Им противостояли войска Германии, Италии, Румынии, Венгрии, Хорватии и Финляндии. В начале операции их было 430 тыс. человек, а к концу операции — 1,1 млн человек. Безвозвратные и санитарные потери Рабоче-крестьянской красной армии (РККА) составили 1,1 млн человек, 4,3 тыс. танков и самоходных артиллерийских установок и 2,8 тыс. самолетов. Безвозвратные и санитарные потери войск союзников составили 1,5 млн человек, 1,7—2 тыс. танков и штурмовых

[1] maxpark.com/community/politic/content/1611095; *Егорин А. З.* Египет нашего времени. М., 1998. С. 75.

[2] Там же. С. 78.

орудий, 3 бронепоезда, 3 тыс. самолетов. Кроме того, по разным данным, от 91 тыс. до 237,8 тыс. солдат сдалось в плен[1].

Тем не менее, битва под Эль-Аламейном имела решающее значение для второстепенного, североафриканского театра военных действий.

Россияне, оказавшиеся после проигрыша Белой армией Гражданской войны в эмиграции в Египте и Магрибе, принимали активное участие в боевых действиях после нападения Германии на Советский Союз. «У нас, русских, есть один только путь доказать нашу верность России — это погибнуть за нее», — сказал в Бизерте один из русских моряков своим товарищам[2].

В конце 1960-х годов автору, работавшему тогда в Алжире, приходилось сталкиваться с людьми необычной судьбы — пожилыми россиянами, заходившими время от времени в консульский отдел Посольства СССР. Оказавшись после разгрома Белого движения за рубежом, они вступили во французский Иностранный легион. Эти белые продолжали ненавидеть большевиков и Советскую власть, но 22 июня 1941 г. главным для них стало то, что их Родина — Россия подверглась нападению Германии. Дезертировав из Легиона, они присоединились к Свободной Франции. После победы им за участие в войне с фашистами было предоставлено советское гражданство. После выхода в отставку многие из них остались в Алжире. Они жили в АНДР, получали как бывшие легионеры пенсию от Французского правительства и при этом имели советские паспорта.

Одним из героев войны в Северной Африке был В. Д. Пеняков (другое написание его фамилии — Пеньяков). Он родился 30 марта 1897 г. в семье в Бельгии, где его отец строил завод. Правда, существуют и другие данные, что он родился в Лондоне[3]. В качестве добровольца В. Д. Пеняков в 17 лет поступил в ряды французской армии и артиллеристом прошел всю мировую войну, будучи к тому же ранен. Он учился в Кембридже и говорил по-английски так же чисто, как и по-русски. С 1924 г. В. Д. Пеняков работал инженером в Египте на сахарном заводе. Работа там была сезонная, до сбора сахарного тростника у В. Д. Пенякова было много свободного времени. Он использовал его для изучения Сахары. Полюбив пустыню, он посвящал долгие дни исследованию Северной Африки, совершал длительные рейды по территории Великой пустыни, знакомился с образом жизни кочевников[4]. Бедуины-проводники учили его находить пищу и воду, ориентироваться и ездить на верблюде и лошади. Он выучил к тому же арабский язык. Кроме того, В. Д. Пеняков научился управлять небольшим самолетом и совершал полеты из Каира в Александрию, Асьют и Асуан. Впрочем, это занятие ему быстро наскучило. Позже он написал в своей книге, что «летать на самолете так же неинтересно, что водить трамвай. Особенно в Египте, где всегда безоблачно»[5].

---

[1] http://ru.wikipedia.org/wiki/; Великая Отечественная война Советского Союза. М., 1970. С. 223.

[2] *Сологубовский Н. А.* Анастасия Александровна Ширинская. Судьба и память. М., 2012. С. 282.

[3] Труд. 23.06.2001; *Беляков В. В.* Эль-Аламейн, или русские солдаты в Северной Африке (1940–1945). М., 2010. С. 82.

[4] http://lib.aldebaran.ru/author/nenahov_yurii/nenahov_yurii_voiska_specnaznacheniya_vo_vtoroi_mirovoi_voine

[5] *Беляков В. В.* Эль-Аламейн в Северной Африке (1940–1945). М., 2010. С. 82.

Когда итальянские войска вторглись в Египет, В. Д. Пеняков вступил в ряды английской армии, произнеся такие слова: «я не питал никаких иллюзий, что могу повлиять на ход событий, но было как-то неловко оставаться в стороне»[1]. Причем он пошел на обман комиссии, скрыв, что ему было 43 года, и получил назначение в чине капитана командиром батальона в Ливийские арабские силы (ЛАС).

В лагере ЛАС в начале шоссе из Каира в Александрию майор В. Д. Пеняков провел целый год, после чего они были переброшены в восточную Ливию. Он познакомился с многими шейхами местных племен. Все они ненавидели итальянцев и были готовы помогать англичанам. В начале марта 1942 г. батальон В. Д. Пенякова вернули в Египет для отдыха.

Коньком В. Д. Пенякова оставалась разведка. Он проанализировал действия в Северной Африке и пришел к выводу, что командованию не достает оперативных разведывательных данных. Для получения их периодических рейдов разведгрупп было мало. Следовало создать на востоке Ливии целую сеть осведомителей из местных жителей. В. Д. Пеняков предложил командованию ЛАС сформировать группу коммандос и забросить ее в Киренаику. На это было получено согласие, и в течение 15 месяцев он сражался во главе диверсионного отряда, в который входили только добровольцы в количестве 22 человек и один офицер. В этом подразделении сражались поляки, англичане, французы и ливийцы — арабы, берберы и туареги[2]. Русских вплоть до войны в Италии у Пенякова не было.

Пеняков полагался на то, что араб не может предать гостя, которого он принимает в своем шатре. Сначала В. Д. Пеняков познакомился с вождем обейдат шейхом Али бу Хамадой. В апреле 1942 г. он встретился с двумя шейхами Али и Матваллой, убедил их созвать совещание представителей племен, и в один день на стоянку, занимаемую шейхами, съехались более шестидесяти вождей племен. В. Д. Пеняков обратился к ним с речью, в которой он, в частности, сказал, что «ваш духовный вождь, ваш эмир уважаемый сейид Идрис ас-Сенуси — да благословит его Бог — предложил свою помощь и помощь своего народа моему королю <…> Черно-белое знамя сейида Идриса развевается рядом со знаменем английского короля. Британское правительство знает, что у него нет более преданных друзей, бóльших энтузиастов, чем вы — арабы Сенуси»[3].

Арабы Киренаики ненавидели итальянцев, и вскоре их разветвленная сеть раскинулась по всей оккупированной Ливии. Верными помощниками В. Д. Пенякова были официанты, прислуживавшие в отелях и барах. Они день за днем собирали информацию о точном расположении итало-немецких войск и встречались на узких улицах городов с агентами для ее передачи. И в течение пяти месяцев В. Д. Пеняков каждую ночь по своему передатчику выходил на связь с центром, сообщая им сведения о положении войск противника. Узнав о жестоких казнях заподозренных в сотрудничестве с англичанами ливийцев, которых подвешивали за челюсть на крюк и остав-

---

[1] *Сологубовский Н. А.* Анастасия Александровна Ширинская. Судьба и память. М., 2012. С. 278.

[2] Там же.

[3] *Жерлицина Н. А., Сологубовский Н. А., Филатов С. В.* Диалог цивилизаций. Очерки из истории российско-тунисских отношений в XVIII–XX веках. М., 2006. С. 80.

ляли умирать на солнце, В. Д. Пеняков направил письмо командующему итальянскими войсками в Киренаике генералу Патти, предупредив, что за каждого замученного араба он будет расстреливать одного итальянского офицера, и казни прекратились[1].

В. Д. Пеняковым был разгромлен аэродром Барс на юге Джебель Ахдар, где было уничтожено от 20 до 32 самолетов противника, и при этом потери атакующих составили всего три человека. Ими осуществлялось минирование дорог в тылу немецких и итальянских войск, взрывались склады горючего и боеприпасов, узлов связи и железных дорог, из концлагерей освобождались десятки военнопленных. Заметную роль сыграло разрушение нефтебазы Аль-Кубба, находящейся в Джебель Ахдар. В результате был уничтожен бензин, которого хватило бы для 200 танков на 12 дней.

Во время последующих операций одним из наиболее известных отрядов коммандос стал действовавший в Северной Сахаре на левом фланге английской 8-й армии Истребительный эскадрон (Demolition Squadron) № 1, находившийся под командованием В. Д. Пенякова. Его отряд вошел в историю как «частная армия Попского» (РРА). Это выражение было брошено одним из офицеров штаба 8-й армии и вскоре стало официальным наименованием подразделения. Отряд состоял из англичан — 5 офицеров и 18 солдат. Автопарк группы был представлен четырьмя легковыми вездеходами «Виллис МБ» и двумя трехтонными грузовиками[2]. Экипаж каждого легкового автомобиля состоял из двух-трех человек, вооруженных двумя пулеметами. 23 ноября 1942 г. эта группа покинула Каир и в Асьюте свернула на юго-запад к оазису Харга. Там дорога кончилась. В. Д. Пенякову предстояло пройти 600 миль по пустыне, чтобы выйти к ливийской Куфре, где находилась база английской разведывательной группы. По пути пришлось преодолевать Аль-Гильф аль-Кябир, где среди песчаных гор проходила одна, пригодная для автомобильного транспорта, дорога. В Куфру РРА прибыла 4 октября 1942 г. и узнала, что Киренаика уже освобождена и фронт проходит уже у Аль-Агейлы, т. е. на востоке Триполитании.

В. Д. Пеняков получил другое задание. Истребительный эскадрон сыграл важную роль в Тунисской кампании после того, как 20–23 марта 1943 г. командующий 8-й армией Б. Монтгомери пытался прорвать укрепления «Линии Марет» на юге Туниса, но, потеряв 150 танков, вынужден был отказаться от лобового штурма[3]. А одновременно к западу от «Линии Марет» командиру Соединения «Л» Ф. Леклерку удалось отстоять Ксар Гилян, что открыло возможность обхода «Линии Марет» с фланга. Английское командование приняло решение перенести направление главного удара с побережья в пустыню. Но для этого надо было разыскать проход через горы Матмата. «Главным моментом моего плана, — напишет позже Б. Монтгомери, — должен был стать обход фланга противника с запада от Матматы <…> Проблема стала одна: можно ли найти путь через пески?»[4]. И проход

---

[1] *Жерлицина Н. А., Сологубовский Н. А., Филатов С. В.* Диалог цивилизаций. Очерки из истории российско-тунисских отношений в XVIII–XX веках. М., 2006. С. 81–82.

[2] *Беляков В. В.* Русский Египет. М., 2008. С. 305.

[3] *Gandini J.* Pistes du Sud Tunisien a travers l'histoire. Clavisson, 2000. З. 53.

[4] *Монтгомери Б.* Мемуары фельдмаршала Монтгомери, виконта Аламейнского. М., 2004. С. 157.

был найден — найден В. Д. Пеняковым! Через этот проход горы пересекли: 10-й армейский корпус, 1-я бронетанковая и 4-я индийская дивизии, обошедшие «Линию Марет», взявшие Аль-Хамму и вынудившие Африканскую армию начать отход на Север.

После Туниса В. Д. Пеняков добрался до Тебессы, где американские войска, занимавшие этот город, щедро снабдили их одеждой и вооружением. После этого соединение РРА продолжало воевать в Тунисе. 13 мая фашисты капитулировали. Истребительный эскадрон был переброшен в Филлипвиль на отдых, а затем в Италию.

После войны В. Д. Пеняков работал в Вене связным офицером между английской 8-й армией и советскими войсками и был награжден орденами Великобритании и СССР. В 1950 г. он издал книгу «Частная армия Попского», вышедшую в Англии. В прессе тогда писали, что «это авантюрная история, которая не имеет равных в литературе о любой другой войне»[1]. В. Д. Пеняков был похоронен в Лондоне.

В Марокко, французская администрация в которой подчинялась правительству Виши, находился русский Р. Касев. Он добрался до Гибралтара и затем до Англии, вступил в Свободную Францию и воевал в Африке в составе летного отряда «Лотарингия». После войны Р. Касев стал известным дипломатом и членом Французской академии и выпустил книгу «Предчувствие зари» под псевдонимом «Р. Гари». В этой книге воспроизводится тяжелая атмосфера вишистского присутствия в Марокко. Р. Гари описывает свою жизнь в Мекнесе и Касабланке до побега в Гибралтар и затем в Лондон, где он вступил в авиацию.

Контр-адмирал А. Васильев, служивший на флоте, выпустил после войны книгу «Неизвестные солдаты минувшей войны». В этой книге он пишет о пережитом им и его боевыми товарищами, и в частности, о высадке десанта в Магрибе в ноябре 1942 года.

8 ноября 1942 г. немцы впервые высадились на аэродроме Аль-Авина близ Туниса. Прикрытие отступавших в Алжир французских частей было поручено Клобуховскому, командиру эскадрона 4 соединения Африканских стрелков. Он отступил к Меджез Аль-Баб, где и окопался. Во второй половине ноября немцы при поддержке авиации бросили против них моторизованные части, однако получили сильный отпор. Это создало возможность подойти американской артиллерии, и фронт стабилизировался[2].

Входившему в состав Соединения «Л» Сражающийся Франции (так Свободная Франция стала называться с 1 июля 1942 г.) командиру 1-го марокканского кавалерийского полка Н. Румянцеву, его заместителю лейтенанту Крешенчуцкому и командующему кавалерийским эскадроном лейтенанту Кашановскому была 8 апреля 1943 г. поручена атака в Тунисе станции Мезуна. При этом Крешенчуцкий ворвался в Мезун и удерживал его до подхода 9 апреля с севера американских частей. 16 апреля 1943 г. при Фаделоне опять отличились части Румянцева. Причем Кашановский ушел далеко вперед, его подразделение было отрезано немецко-итальянской армией от остальных войск, а его самого считали

[1] http://www.ice-nut.ru/tunisia/tunis014.htm

[2] Русская колония в Тунисе 1920–2000. М., 2008. С. 211–212.

погибшим. Но, благодаря ловкому маневру, Кашановский вывел свою часть из неприятельского кольца[1].

В конце тунисской кампании в районе Загуана французский бронированный отряд остановился, наткнувшись на минные поля. Лейтенант Левандовский один на джипе, рискуя каждое мгновение подорваться, пронесся вперед в деревню, занятую немцами. Подскочив к контрольно-пропускному пункту, он потребовал офицера для переговоров. Усадив немца, он помчался обратно в расположение своих войск. Офицер дал указания, облегчившие разминирование.

Капитан З. Пешков, старший брат председателя ВЦИК Я. М. Свердлова и крестник А. М. Пешкова (М. Горького), родился в Нижнем Новгороде в 1884 г., перед Первой мировой войной был вынужден эмигрировать во Францию и добровольцем вступил во французскую армию. По окончании войны он служил в Марокко во французском Иностранном легионе. После поражения Франции З. Пешков отказался признать перемирие с немцами, бежал в 1941 г. в Англию и присоединился к главе Свободной Франции генералу Шарлю де Голлю. Он был командиром батальона в Иностранном легионе и воевал в Африке с февраля по май 1941 г., а затем стал советником Ш. де Голля[2]. В 1941–1942 гг. З. Пешков был представителем Свободной Франции в Южно-Африканском Союзе, а в 1943 г. являлся главой Миссии в Британской Африке. Затем он был послом Франции в Китае в 1943–1945 гг. и Японии. Он получил звание генерала и был награжден орденами Большой крест Почетного легиона и Военным крестом и Военной медалью[3]. В своей книге «Звуки горна. Жизнь в Иностранном легионе» (американское издание) З. Пешков с гордостью пишет о русских: «Мне следует воздать должное неизвестному величию этих людей, по случаю ставших солдатами, этим кочующим труженикам, которые под солнцем Африки выполняют множественные и трудные задачи. Они могли бы сказать о себе, как солдаты Рима: “Мы идем, и дороги следуют за нами”»[4].

Н. А. Туроверов сражался с немецко-итальянскими войсками в составе 1-го французского кавалерийского полка в Магрибе. Впечатлениям от боев он посвятил поэму «Легион»[5].

В рядах союзных войск после высадки десанта в Марокко оказались и русские, жившие в этой стране. В частности, капитан А. Тер-Саркисов, который был награжден орденом Крест освобождения. С другой стороны, не только солдаты воевали в рядах армии союзников. Так, врач И. М. Толстой (1901–1982), внук Л. Н. Толстого, был направлен союзниками в военный госпиталь в Рабате[6].

На кладбищах в гор. Алжире имеется русская фамилия И. Остапченко, надпись «Советские вооруженные силы» и обозначена дата гибели — июнь

---

[1] Русская колония в Тунисе 1920–2000. М., 2008. С. 211.

[2] http:// maxpark.com/community/129/content/1981924; *Пархомовский М.* Сын России, генерал Франции. М., 1989. С. 183; За профессиональную армию. Идеи Шарля де Голля и их развитие в XX веке. М., 1998. С. 221; *Пархомовский М.* Сын России, генерал Франции. М., 1989. С. 221.

[3] *Пархомовский М.* Сын России генерал Франции. М., 1989. С. 95–56.

[4] http://www.maghreb.ru/kolupaeve/voinskie_tradicii5_peshkov.htm

[5] www.infrance.su/forum/showthread.php?t=52756

[6] Там же.

1943 года. К сожалению, предпринимаемые Посольством в Алжире и Министерством иностранных дел попытки выяснить, кто именно похоронен в АНДР, закончились неудачей — их имена неизвестны центральному архиву Советской армии. С другой стороны, на английских кладбищах в Египте имеется еще десяток славянских фамилий[1]. Причем на некоторых из них надписано «Советские вооруженные силы»: в Кантаре лежат сержант Е. Красин, скончавшийся 20 октября 1944 г., и рядовой В. Зимберинг, скончавшийся 20 октября 1944 года.

Один из похороненных — И. Д. Звегинцев[2]. Он родился 29 мая 1912 г. в Санкт-Петербурге. Отец его был полковником, участвовал в Первой мировой и Гражданской войнах. Мать — урожденная княгиня Оболенская[3]. В 1920 г. семья Звегинцевых, эмигрировавших из России, поселилась в Великобритании. И. Д. Звегинцев окончил престижную школу Блоксхем. В начале войны Звегинцева призвали в английскую армию, и он погиб 28 декабря 1941 г. под Аль-Агелией в Ливии[4].

Очень хорошо сражался в войсках Свободной Франции под Бир Хакимом подполковник Д. Г. Амилахвари. Он, будучи грузином, родился в 1906 г. в селе Черлеон в Северной Осетии. В 1920 г. его родители эмигрировали из России во Францию. С 1924 по 1926 гг. Д. Г. Амилахвари учился в Сен-Сире во Франции, а окончив учебу, он поступил в Иностранный легион. Вместе с вооруженными силами Свободной Франции Д. Г. Амилахвари был переброшен в Северную Африку, где он принимал участие в боях под Бир Хакимом, которые начались 27 мая и шли до 10 июня 1942 года. В день прорыва он находился в передовой машине вместе с командующим Кенигом и водителем С. Трэверс. Битва под Бир Хакимом имела важное значение в ходе боевых действий на севере Африки. Все дело в том, что танки командующего Африканской армией генерала Э. Роммеля испытывали постоянную нехватку горючего, а сохранение Бир Хакима в руках Свободной Франции вело к тому, что немцам приходилось делать большой обход для снабжения атаковавших Тобрук частей горючим. Незадолго до своей гибели под Эль-Аламейном в 1942 г. Д. Г. Амилахвари получил из рук Ш. де Голля высшую награду — Крест освобождения, учрежденную генералом в 1940 г., а в 1955 г. он посмертно получил орден Почетного легиона. «Среди солдат Свободной Франции создался настоящий культ памяти подполковника Амилахвари», — писал в 1947 г. другой участник североафриканской кампании В. И. Алексинский[5]. На родине в городе Гори, откуда происходил отец Д. Г. Амилахвари, в память о нем установлена памятная стела, а в музее Ордена освобождения в Париже хранятся его личные вещи.

Другой пример: капитан английского уланского полка Дж. А. Уэрнер, праправнук А. С. Пушкина, происходил от младшей дочери поэта Натальи Александровны. Его мать Анастасия в 1917 г. вышла замуж за английского аристократа баронета Г. Уэрнера и в Россию не вернулась. Дж. А. Уэрнер

---

[1] http://maxpark.com/community/14/content/195728

[2] *Беляков В.* Приютила Африка Жар-птицу. Россияне в Египте. М., 2000. С. 29.

[3] La Noblesse de Russie, T. 2. 1962. P. 490, 493.

[4] http://maxpark.com/communitytv/14/content/1957283

[5] *Беляков В. В.* Русский Египет. С. 309.

был их единственным сыном. Он воевал в Северной Африке и погиб в декабре 1942 г. Ему в тот момент было 25 лет. Дж. А. Уэрнер был единственным погибшим из всех 15 потомков А. С. Пушкина, принимавших участие в войне.

В Северной Африке сражался также Земцов, награжденный двумя Военными крестами, вторым из них посмертно[1].

В своих мемуарах, изданных в Париже, В. И. Алексинский писал о том, что во французских частях в Северной Африки воевало много русских[2]. Среди 1056 человек, награжденных Ш. де Голлем Крестом освобождения, были 10 наших соотечественников.

Часть из эмигрантов перебралась в СССР, чтобы сражаться вместе с советскими солдатами. В частности, Титовы собирались вернуться в Советский Союз. Незадолго до отъезда его жена умерла, но он решил возвращаться один и уехал на Родину[3].

Впрочем, эмигранты из России не только сражались с оружием в руках. Вот что пишет капитан 1 ранга Н. Черкашин, посетивший Бизерту на борту плавбазы «Федор Видясов» в сентябре 1976 года[4]. П. С. Еникеев служил на подводной лодке «Сфакс», потопленной «У-37» под Касабланкой после того, как Франция подписала перемирие с Германией. Отец его, лейтенант Черноморского флота С. Н. Еникеев, родившийся в Севастополе и прибывший в Бизерту на подлодке «Тюлень», находился в то время в Тунисе. Он после эвакуации Севастополя преподавал в находящемся в Бизерте российском Морском корпусе теоретическую механику. Потом, когда Корпус был распущен, началась безработица. В конце концов ему удалось устроиться в аккумуляторную мастерскую, а затем С. Н. Еникеев стал начальником электротехнической службы торгового порта. Когда началась война, он вступил добровольцем во французский флот и был в чине капитан-лейтенанта назначен старшим механиком базы по ремонту подводных лодок. Через год он отравился хлором и был списан вчистую. В марте 1943 г. он был вызван в порт Бизерты, где его заставили ремонтировать электродвигатели немецкой подлодки «У-602». Воспользовавшись ситуацией, он сделал так, что при полном ходе происходит замыкание обоих электромоторов. Ясно это становится, когда субмарина вынуждена давать, находясь под водой, полный ход. 23 апреля 1943 г. «У-602» погибла при неизвестных обстоятельствах. Таким образом, С. Н. Еникеев отомстил гитлеровцам за гибель сына[5]. Правда, в соответствии со справочником «У-602» уцелела во время войны. Скорее, номер подлодки напутан, и речь идет о лодке «У-612»[6].

И эмигранты из России, уехавшие до революции, защищались от фашистов. Так, в семье художника Столова сыновья служили во время войны в английской и американской армиях[7].

---

[1] *Жерлицына Н. А., Сологубовский Н. А., Филатов С. В.* Диалог цивилизаций. Очерки из истории российско-тунисских отношений в XVIII–XX веках. М., 2006. С. 77.

[2] Там же. С. 77.

[3] *Беляков В. В.* «К берегам священным Нила…». М., 2003. С. 182.

[4] Узники Бизерты. М., 1998. С. 260–267.

[5] www.proza.ru/2012/10/16/1966

[6] См.: All the World's Fighting Ships 1922–1946. Annapolis, б/г, p. 242.

[7] *Беляков В. В.* «К берегам священным Нила…». С. 182.

Среди российской колонии в Египте проводился сбор средств, в котором наряду с русскими участвовали также и египтяне, включая правителей этой страны. Египетские газеты в феврале 1942 г. публиковали сообщения об организованных в Каире и Александрии базарах-маскарадах под покровительством короля Фарука, на которых проводились аукционы рукоделий, изготовленных женской частью местной русской колонии. На собранные средства покупались обувь и одежда для отправки детям Сталинграда.

Особенно значительные изменения наступили в настрое российских эмигрантов по мере дальнейшего успеха советских войск. Советник Миссии Д. С. Солод сообщал в Москву 15 декабря 1943 г., что русская колония в Каире и Александрии в основном состоит из белоэмигрантов, подавляющее большинство из которых относится лояльно к Советскому Союзу. «Многие, — писал Д. С. Солод, — выражают желание возвратиться в Советский Союз». В начале 1944 г. был отменен последний параграф устава Русского клуба в Каире, который гласил, что его членом не может состоять лицо, признающее коммунистическую власть в России.

К началу 1944 г. изменившееся положение в Египте позволило создать Египетский фонд под руководством принцессы Ирины Александровны, жившей со своим мужем, греческим принцем Петром в этой стране в период оккупации Греции фашистскими войсками. Фонд возглавлял Шериф Сабри, а его пресс-атташе был писатель Таха Хусейн. Сообщая об его деятельности, поверенный в делах СССР в Египте Н. В. Новиков писал, что «как от других благотворительных фондов, существенной материальной помощи от Египетского фонда ожидать не приходилось, но его политического значения недооценивать не следовало»[1]. Кампания началась показом 15 мая в каирском кинотеатре «Опера» документального фильма «Сталинград», на просмотре которого присутствовал король Фарук. На собранные средства фонд приобрел и отправил в Советский Союз 4,4 тыс. пар обуви для сирот Сталинграда. В свою очередь Правительство Египта передало в Миссию СССР чек на сумму 1 тыс. египетских франков для приобретения вещей для детей Сталинграда[2].

Впрочем, не все русские сочувствовали борьбе СССР. Среди членов Русского клуба в Египте, которые были настроены резко антисоветски, были замечены профашистские симпатии. Англичане даже подумывали об арестах среди русских иммигрантов. В Каире существовал Клуб русской молодежи — организация, которая была настроена крайне монархически. После решения Русского клуба отменить параграф о непризнании Советской власти, туда, выйдя из состава Русского клуба, переместилась группа русских бойскаутов[3]. Более того, в Египте действовал Российский фашистский союз. Его египетское отделение возглавлялось бывшим ротмистром, а в эмиграции — сотрудником египетской полиции А. Л. Марковым. Его члены были настроены антисоветски.

Что касается граждан СССР, то они были в составе Армии генерала В. Андерса, насчитывавшей в феврале 1943 г. 73 тыс. человек. В захоронениях 417 военнослужащих в Египте имеется немало русских фамилий. Более того, после окончания войны только в 1947 г. репатрианты из этой

---

[1] *Новиков Н. В.* Пути и перепутья дипломата. М, 1976. С. 142.

[2] *Беляков В. В.* «К берегам священным Нила…». С. 184–185.

[3] Там же. С. 186 .

армии составили 1024 человека[1]. Кроме того, была сформирована в Сирии Отдельная бригада карпатских стрелков, в составе которой было более 200 украинцев[2]. Позже в Египте в конце 1943 — начале 1944 гг. был сформирован 2-й польский корпус из Армии В. Андерса и польской Бригады карпатских стрелков, который 8 февраля 1944 г. был переброшен в Италию.

Особого упоминания заслуживают «белые рабы Э. Роммеля» — советские военнопленные, использовавшиеся в Африканской армии при строительстве объектов военной инфраструктуры, а также в качестве носильщиков трудовых батальонов Тодта. Тем, что память о них сохранилась, мы обязаны заместителю директора ИВ РАН А. З. Егорину, открывшему эту почти неизвестную страницу Второй мировой войны[3]. Из 20–22 тыс. пленных, направленных в Северную Африку, около трети умерло, не вынеся нечеловеческих условий содержания. Правда, В. В. Беляков выражает сомнение, что в Северной Африке находилось несколько тысяч военнопленных. По его мнению, речь идет о нескольких сотнях советских пленных[4].

Так или иначе, после битвы при Эль-Аламейне союзники освободили значительную часть советских военнопленных[5]. В последующем, после наступления в Магрибе, англичанами было освобождено немалое количество пленных[6]. В Архиве внешней политики имеется документ, представляющий собою ноту, отправленную 29 января 1943 г. Народным комиссариатом иностранных дел Посольству Великобритании в Москве в ответ на ноту от 10 января, в которой выражается благодарность англичанам за «готовность оказать содействие при следовании в СССР советских граждан, находящихся сейчас в Северной Африке»[7]. Уцелевшие 311 человек были освобождены в Тунисе и после окончания войны вывезены союзниками в лагерь Мезонкаре в Алжире, а позже морем в Порт-Саид и грузовиками через Палестину, Ирак и в Тегеран[8]. Правда, среди этого количества были люди, переброшенные в Тунис из Италии. Но при отступлении немцев кое-кому удалось разбежаться, укрыться в оазисах и раствориться, приняв ислам, среди местного населения…

Поскольку было невозможно из-за продолжения военных действий отправить на Родину как освобожденных военнопленных в Египте и Ливии, так и тех из них, которые были освобождены американскими и английскими войсками в Италии с августа 1944 г., т. е. 5,6 тыс. человек, все они оставались в лагерях в Египте[9]. Все эти пленные размещались в транзитных лагерях №№ 190, 305, 307, 379 и 380. В этой связи Москва приняла решение отправить в Каир офицера по связи майора А. В. Карасова, который занимался советскими солдатами. Писатель С. Велиев, репатриированный из

---

[1] http://maxpark.com/communitytv/14/content/1957283

[2] См.: *Квечень З.* Тобрук. 1941–1943. М., 2003 С. 49, 103, 114; *Беляков В. В.* Русский Египет. С. 317.

[3] См.: *Егорин А. З.* Египет нашего времени. С. 80; *Егорин А. З.* История Ливии. XX век. М., 1999. С. 114.

[4] См.: *Беляков В. В.* Эль-Аламейн… С. 115–117, 120.

[5] *Беляков В.* Приютила Африка Жар-птицу… С. 236.

[6] *Толстой Н. Д.* Жертвы Ялты. М., 1996. С. 52.

[7] *Беляков В. В.* Русский Египет. С. 300.

[8] http://maxpark.com/communitytv/14/content/1957283; См.: *Беляков В. В.* Эль-Аламейн… С. 119.

[9] Там же.

Италии через Египет, в своих воспоминаниях так характеризовал А. В. Карасова: «Он принадлежал к числу тех людей, которые сразу же располагали к себе. В выражении лица, глаз удивительно сочетались сосредоточенность, строгость с приветливостью. С первого же знакомства Анисим Васильевич завоевал наши симпатии»[1].

7 ноября 1944 г. в честь дня Октябрьской революции в лагере, где содержались освобожденные пленные, был устроен парад. На парад взирали египтяне и английские военные. Кроме того, военнопленными была показана пьеса У. Гаджибекова «Аршин мал алан». Постановка имела успех не только среди пленных, но и среди египтян. С. Велиев указывал, что «на наши спектакли приходили жители из близлежащих деревень. Мы слышали, как на улицах арабы распевали арии Аскера и Гюльчохры. Даже ребятишки мурлыкали себе под нос мелодии популярной азербайджанской оперетты»[2]. Со своей стороны, администрация лагеря ничего не имела против общения египтян с советскими пленными. Как подчеркивал С. Велиев, местные жители «ежедневно приходили в одиночку и группами, завязывали с нами беседы, забрасывали нас вопросами < …> Мы старались поближе познакомиться с жизнью арабов. Она была тяжелой. Мы глубоко сочувствовали им, и они это понимали и были за это глубоко признательны нам. Мы полюбили этих людей, простосердечных и гостеприимных. Они говорили, что мы для них — это советский народ и, выказывая свои добрые чувства к нам, они выражают свою любовь к советскому народу, к нашей стране»[3].

По-другому к пленным относились англичане и американцы. Американский журнал «Коллиерз» писал, что «страх и подозрение в отношении России так велики, что иной раз невольно возникает вопрос: с кем мы воюем — с Германией или с СССР»[4]. Однажды группа в сто советских офицеров была схвачена и посажена в тюрьму американскими агентами. Понадобилось энергичное вмешательство А. В. Карасова, чтобы похищенные офицеры были разысканы и освобождены. Как-то американские переводчики подошли к группе советских военных и уговаривали их запросить убежище в США или Англии. Но получилось наоборот — переводчики быстро стали попадать под влияние советских солдат. В другой раз в лагерь пожаловала группа офицеров из армии Андерса, уговаривавшая освобожденных из плена людей не возвращаться в СССР. Эта затея тоже провалилась.

Впрочем, один из военнопленных покончил самоубийством. Выяснилось, что он перешел на сторону немцев и служил в полиции.

8 декабря 1944 г. пленные из лагеря 307 были направлены в Суэц, оттуда теплоходом в иракскую Басру и были вывезены в СССР. С. Велиев отмечал, что «арабы молились за нас, за наше благополучное возвращение на родину, за наше счастье. Они раздавали нам хурму, инжир, а тому, кто, смущаясь, отказывался, чуть не насильно всовывали свертки в руки, клали в карманы. Они говорили, что мы для них — это советский народ и, высказывая свои добрые чувства к нам, они выражают свою любовь к советскому народу, к нашей стране»[5].

---

[1] *Беляков В. В.* Русский Египет. С. 325–326.

[2] Там же. С. 329.

[3] *Беляков В. В.* Эль-Аламейн… С. 168.

[4] Там же. С. 170.

[5] *Беляков В. В.* Русский Египет. С. 330.

Вернувшись в Советский Союз, С. Велиев опубликовал сборник воспоминаний «Жемчужный дождь», изданный в Москве в 1963 году. В сборник входит и его «Путь на Родину». Кроме того, он под впечатлением пережитого в Египте опубликовал на азербайджанском языке «Арабские рассказы». Часть из них («Инжировое дерево», «Мечты феллаха», «Кувшин воды») была переведена на русский язык.

В январе 1945 г. советская миссия, которой было поручено заниматься военнопленными, в составе 10 офицеров прибыла в Египет. Возглавлял миссию полковник М. Ставров. Оставшиеся пленные вывозились на грузовиках «Студебекерах» в Иран через Палестину, Сирию и Ирак. Репатриация военнопленных была завершена в апреле 1945 года.

Еще одни советские войны в количестве 156 человек, которые участвовали в составе интернациональных бригад в Испании, оказались в Алжире. После войны в 1947 г. в Москве была опубликована книга «Французские записи. 1939–1943», автором которой был А. Н. Рубакин. В лагере в Верне во Франции он провел до 10 декабря 1941 г., откуда был переброшен в Алжир в маленький городок Джельфа на южном склоне Атласских гор на границе с Сахарой. 4 декабря 1942 г. русские заключенные узнали об англо-американской высадке в Алжире, но высадившиеся войска лагерем не интересовались. Только в начале марта они были переселены в крепость Кафарелли, и 25 марта 1943 г. им разрешили выходить в город за покупками. Наконец, 14 июня 1943 г. советские интернированные были посажены в грузовики и через Средиземное море, Египет, Палестину, Багдад, Тегеран прибыли в Советский Союз. Москва предложила, кроме того, эвакуироваться в СССР интербригадовцам, которых набралось 40 человек, из которых 15 человек были немцы, а остальные — венгры, поляки, чехословаки, прибалты и даже один француз[1].

Среди военных, эвакуированных из Алжира, был Б. Н. Фридман, который изложил свои воспоминания в рукописи, озаглавленной «Мои военные дороги», в которой наряду с Алжиром упоминались также Александрия и Суэц. Он 5 сентября 1943 г. сбежал из плена на Корсике и присоединился к партизанам, а затем ими был переправлен в Алжир.

В память об участии советских военнопленных в боях в Северной Африке была опубликована в 1963 г. книга С. А. Борзенко «Эль-Аламейн», представляющая собой литературное произведение. В нем описывается судьба командира танковой дивизии полковника А. В. Хлебникова, попавшего в плен в первые дни войны. Он и 12 бойцов-танкистов, находясь во Франции на берегу пролива Ла-Манш, совершили побег в Англию. Там они вступили в британскую армию, были переброшены в Северную Африку, принимали участие в обороне Тобрука, и А. В. Хлебников погиб под Эль-Аламейном.

В построенной в 1956 г. в столице Туниса церкви Воскресения Христова есть две памятные доски. Одна из них посвящена памяти погибших шести российских граждан, которые сражались во Второй мировой войне; это — К. Федоров, Г. Харламов, К. Шаров, Н. Александров, М. Груненков, Н. Юргенс. На плите надпись: «Русская колония Тунизии своим сынам, павшим на поле брани. 1939–1945». Вторая установлена Посольством РФ в память тех советских военнопленных, которые погибли на территории Туниса, Ливии и Египта в ходе Второй мировой войны.

---

[1] *Беляков В.В.* Эль-Аламейн… С. 126.

Вячеслав ГОРЕЛОВ

«ЧЕ ГЕВАРА ПРИЛЕТАЕТ УТРОМ…»*

Воспоминания сепаратиста

Вячеслав Николаевич Горелов — родился в 1959 г. в городе Армавире Краснодарского края. Окончил Ленинградский электротехнический институт им. В. И. Ульянова (Ленина). Кандидат физико-математических наук. Автор многих статей, посвященных проблемам русской истории и литературы. Лауреат севастопольского общегородского форума «Общественное признание». Депутат Законодательного Собрания города Севастополя. **Живет в Севастополе.**

*Продолжение. Начало в № 3 2014 г.

ВОСПОМИНАНИЯ СЕПАРАТИСТА

В № 3 журнала «Родная Ладога» за 2014 г. были опубликованы воспоминания, посвященные первой неделе Русской весны в Севастополе. Вторая часть посвящена периоду, который завершился 18 марта выступлением Президента Российской Федерации Владимира Путина в Георгиевском зале Большого Кремлевского Дворца.

2 марта

Ночь с 1-го на 2-е марта мне запомнилась как первая относительно спокойная за долгое время. После того как в Москве было принято решение о возможности применения вооруженных сил за пределами Российской Федерации, появилось чувство защищенности. Не нужно было поминутно просыпаться, прислушиваясь к тому, что творится на улице. Реже стали приходить тревожные ночные смс-сообщения.

Второго марта по распоряжению председателя Координационного совета государственная администрация Севастополя, государственные районные администрации, исполнительный комитет городского совета города Инкерман, исполкомы поселковых советов и различные службы, находящиеся на территории города Севастополя, перешли в подчинение Координационного совета по организации Севастопольского городского управления по обеспечению жизнедеятельности города. Всем вышеуказанным администрациям, исполкомам и службам предписывалось обеспечить нормальное функционирование служб, управлений, отделов коммунального хозяйства и систем жизнеобеспечения.

Таким образом, власть в городе формально перешла к Координаци-

онному совету, но для фактического осуществления всех властных полномочий еще многое предстояло сделать. Особая роль предназначалась Городской Службе Безопасности, учрежденной накануне распоряжением Алексея Чалого «с целью предупреждения, выявления, пресечения и раскрытия преступлений против мира и безопасности населения, терроризма, коррупции и организованной преступной деятельности».

Важное событие произошло в штабе Черноморского флота. Процитируем информационное сообщение Координационного совета:

Воинские части и подразделения Вооруженных сил Украины на полуострове переходят под контроль исполнительной власти Автономной Республики Крым.

2 марта в Севастополь прибыл премьер-министр Автономной Республики Крым Сергей Аксенов. В штабе Черноморского флота Российской Федерации Сергей Аксенов зачитал приказ, из которого следовало, что военнослужащие Военно-морских сил Украины, проходящие службу в Севастополе, должны считать не подлежащими исполнению «любые решения, приказы и распоряжения самопровозглашенных органов и должностных лиц Украины, в том числе незаконно назначенного министра обороны Украины Тенюха И. И.».

Присутствовавший там же контр-адмирал Денис Березовский, указом из Киева от 1 марта 2014 г. назначенный на должность командующего Военно-морскими силами Украины, принял присягу на верность жителям Автономной Республики Крым и города-героя Севастополя.

2 марта Сергей Аксенов объявил днем рождения Военно-морских сил Автономной Республики Крым. Он также сообщил о том, что почти все воинские части и подразделения Вооруженных сил Украины на полуострове перешли под контроль исполнительной власти Автономной Республики Крым.

Военнослужащим сохранены все выплаты и социальные гарантии.

3 марта

Последовала серия распоряжений председателя Координационного совета. Так, например, был сформирован Севастопольский морской торговый порт. В подчинение А. А. Воробьеву, назначенному исполнять обязанности начальника, была передана вся портовая инфраструктура, расположенная на территории города Севастополя и его акватории. Морской торговый порт отныне должен был обеспечивать бесперебойную работу морского транспорта и портовой инфраструктуры, а также торговые и гуманитарные связи, жизненно важные для Севастополя.

Было утверждено Временное положение о Координационном совете, которое установило, что нормативные акты Координационного совета обладают «высшей юридической силой по отношению к другим правовым актам», руководит и управляет Координационным советом его Председатель, который «использует все необходимые ресурсы для обеспечения выполнения задач Координационного совета в переходный период и несет всю полноту ответственности перед жителями города Севастополя». Текст временного

Положения уместился на двух страницах, каждая из которых на обратной стороне завизирована подписью Александра Кулагина, разработчика документа. В этот же день была сформирована Городская прокуратура, и Борис Колесников был назначен представителем Координационного совета по взаимодействию с правоохранительными органами.

Но, пожалуй, лучше прочих характеризует изменение обстановки в городе распоряжение № 4 «О прекращении формирования отрядов народного ополчения и дальнейших действиях добровольцев». Оно достойно того, чтобы быть процитированным полностью:

В связи со стабилизацией обстановки и получением Координационным советом <...> контроля над ключевыми силовыми структурами города формирование отрядов народного ополчения, стихийный сбор средств для их функционирования прекратить.

Участникам уже сформированных отрядов продолжить работу по охране общественного порядка в тесном взаимодействии с сотрудниками правоохранительных органов. Прием благотворительной помощи осуществлять только через счета Координационного совета <...>, реквизиты которых опубликованы на официальном сайте органа исполнительной власти Севастополя http://sevispolkom.info.

Кстати, наш информационно-аналитический отдел располагался в помещении бывшей общественной приемной СГГА, вблизи которой была установлена палатка самооборонцев. Вход в здание администрации контролировался ополченцами на наружном периметре и сотрудниками милиции — на первом этаже у турникета, автомобиль ДПС дежурил через дорогу напротив, у здания горсовета. При этом в течение всех трех недель Русской весны у меня не было удостоверения или иного документа, подтверждающего принадлежность к Координационному совету.

Однако проблем с доступом на рабочее место или в приемную председателя Координационного совета не возникало, и это не было признаком разгильдяйства или небрежности со стороны охраны. Причины иные: во-первых, всех рьяных сепаратистов охрана знала в лицо, и, во-вторых, в Севастополе приезжих и подозрительных персонажей отслеживал весь город, в том числе на пограничных рубежах.

Например, я был свидетелем, как в конце февраля на одном из вечерних митингов у здания горсовета некто заговорил по мобильному телефону на вполне себе украинской мове, после чего он был тут же блокирован бдительными горожанами, под белы рученьки выведен из людской толпы и передан самооборонцам для проверки документов. Таксисты, встречая людей на вокзале, мгновенно по говору и по неумению внятно объяснить, куда ехать, «вычисляли» чужаков, и вместо пункта назначения доставляли их в штаб самообороны или в милицию: на всякий случай, «для выяснения личности». В бортовом журнале моего УАЗа (скорее всего, иного писчего материала в тот момент под руками не оказалось) сохранилась такая, сделанная второпях, запись:

АА3251КР Шкода Фабия. С бородой, усами. Как проехать в училище Нахимова.

Это означает, что кто-то позвонил мне и попросил срочно передать силам самообороны, чтобы нашли и проверили человека с подозрительной внешностью, который на машине «Шкода Фабия» с указанным (не севастопольским) госномером приехал в город и не знает, как добраться до училища им. П. С. Нахимова.

В этот же день, 3 марта, в Координационный совет было направлено следующее примечательное послание (здесь и далее — орфография оригинала):

*Уважаемый Александр (*так в тексте. — *В. Г.) Михайлович!*

Обращается в Вам жительница Севастополя в третьем поколении, жена военнослужащего ВМСУ. В последние дни на телефоны членов семей военнослужащих ВМСУ, имеющих прописку и право голоса поступают сообщения и звонки от неизвестных лиц — как саботировать выборы 16 марта. Среди этих гнусных и противных способов особенно выделяется один, о котором хочу рассказать.

*Предлагается прийти на выборы в день голосования и испортить бюллетени для голосования — **влив кислоту незаметно в щель урны, в которую кидают бюллетени**. Даже предлагается, как пронести — например, во флаконе для духов… и когда бросаешь бюллетень, незаметно из рукава достать приготовленный флакончик и плеснуть в щель урны… или на крайний случай **постараться подойти к столу, где лежат бюллетени на каждом участке и плеснуть также кислотой**, чтобы испортить как можно больше бюллетеней.*

Далее пишется, что максимум, что за это ожидает — только административный штраф… И стараться делать эти все пакости группами, пока одни отвлекают, другие все это делают.

Пишу Вам обо всем этом, так как мой дед воевал и погиб в Великую Отечественную войну и то что сейчас творится в стране — это унижение и боль для наших уважаемых ветеранов.

P.S.

И ОБЯЗАТЕЛЬНО ДОНЕСИТЕ МОЮ ИНФОРМАЦИЮ ДО ВЛАСТЕЙ КРЫМА, ЧТОБЫ ОНИ ТОЖЕ ЗНАЛИ ОБ ЭТИХ ГНУСНЫХ ПАКОСТЯХ.

3 марта 2014 г. С уважением, Ольга (подпись)

На моем ноутбуке сохранился и такой текст, полученный по электронной почте или переданный мне в виде файла (датирован 8 марта).

Владимир Макаров. 21:07 (мск)

Товарищи. Я в сентябре 2008 г. предупредил органы безопасности России о готовящихся провокациях Морских котиков США совместно с боевыми пловцами Украины против кораблей НАТО на рейде в Батуми. Провокации были предотвращены. Теперь обращаюсь к Крыму. В Киеве находятся американские наемники из ЧЕРНОЙ ВОДЫ. Это очень и очень серьезные бойцы. Ждите их в гости в ближайшие ночи. Проникновение на территорию Крыма может быть на дельтопланах или полет на «КРЫЛЕ» с самолетов. Они очень и очень серьезно экипированы. У каждого наручный компьютер, тепловизор и прибор ночного виденья, костю-

мы-невидимки. Есть приборы подавления радиосвязи и телефонной связи, приборы сверхчастотных звуков-страха. Имеются самолеты-беспилотники, которые уже недалеко от Крыма. Они могут управляться как ими, так и операторами с материковой части. Прошу, до референдума примите все меры безопасности. Вам постараются не дать его провести. Семьи руководства отправьте на ЧФ. Генерал-лейтенант РОССИИ.

СРОЧНО, это не паника, нужно максимально обезопасить проведение референдума!

*Электронный адрес: (*исключаю из публикации. *— В. Г.)*

*Ф.И.О., контактные телефоны: (*исключаю из публикации. *— В. Г.)*

Среди документов руководителя службы безопасности Координационного совета Михаила Чалого сохранилась записка:

Львов. За деньги собирают людей от 18 лет для выезда в Крым и осуществления провокаций 9, 10, 11 марта (приблизительно).

Иными словами, накануне референдума севастопольцы были настороже, и о своих тревогах и подозрениях извещали как председателя Координационного совета, так и рядовых сепаратистов.

Вообще единение людей и патриотический подъем были грандиозными. Вот, к примеру, одно из объявлений, которое было приклеено к стволу одного из деревьев в сквере напротив здания администрации:

Обращение

Уважаемые пенсионеры и льготники города, кто пользуется правом бесплатного проезда в общественном транспорте г. Севастополя с целью **поддержания коммунальных служб города просьба (*по возможности*) оплачивать свой проезд, приобретая билеты в любых видах** *общественного транспорта. Это будет поддержка и наш вклад городу в сложное время!*

Небезразличные граждане

3 марта, позабыв о том, что дорога ложка к обеду, спохватился Севастопольский городской комитет Коммунистической партии Украины. Спохватился — и направил председателю Координационного совета следующее послание:

Уважаемый Алексей Михайлович!

В связи с комплектованием Координационного совета <…> рекомендуем от Севастопольской городской организации Компартии Украины включить с состав совета:

Кияшко Романа Владимировича — секретаря городского комитета КПУ;

Мингазова Гумара Халяфовича — члена городского комитета КПУ.

Подписал петицию Первый секретарь Севастопольского горкома Компартии Украины В. М. Пархоменко, который 24 февраля, во время памятного пленарного заседания городского совета громче многих возмущался

российским гражданством Алексея Чалого, называл происходящее «гапоновщиной» и претендовал, насколько мне известно, на роль организатора системной оппозиции.

4 марта

Распоряжением № 9 председателя Координационного совета исполнение функций и полномочий председателя Севастопольской городской государственной администрации было возложено на Дмитрия Анатольевича Белика. Мотивировочная часть звучала так:

С целью недопущения дестабилизации функций исполнительной власти на территории города Севастополя, осуществляемых Севастопольской городской государственной администрацией в соответствии с Законом Украины «О местных государственных администрациях», своевременного исполнения ею задач, установленных законом.

Кроме того, распоряжение ссылалось на решение Севастопольского городского Совета № 7150 от 1 марта 2014 г. «О Заявлении депутатов Севастопольского городского Совета о политической ситуации в Украине», когда на внеочередной сессии депутаты заявили о непризнании киевской власти и приняли решение присоединиться к общекрымскому референдуму.

5 марта

Подписано распоряжение № 10 председателя Координационного совета «Об отстранении от должности прокурора города Пилата И. Г.» в связи с неисполнением распоряжений Координационного совета по организации Севастопольского городского управления по обеспечению жизнедеятельности Севастополя. Распоряжением № 11 исполняющим обязанности прокурора назначен Б. Д. Колесников.

Предположительно в этот день (точную дату назвать не берусь) началась работа информационно-аналитического отдела Координационного совета.

Мы базировались в помещении бывшей общественной приемной, справа от входа в здание горадминистрации, на первом этаже. С самого начала попытались структурировать состав нашего отдела и распределить обязанности. Частично это удалось, частично — нет, ибо процесс был столь скоротечен, что на организационные мероприятия не оставалось времени, а решения, принятые утром, порой устаревали к вечеру того же дня. Разница между первым этапом Русской весны и последующими заключалась лишь в том, что поначалу все занимались всем, а позже — почти все занимались почти всем.

Счастливым исключением стала работа Екатерины Злобиной. Она мониторила интернет-ресурсы и готовила ежедневные обзоры, которые мы передавали председателю Координационного совета. Три файла, которые у меня сохранились, без купюр и редактирования представлены ниже. Сегодня они возвращают нас к тем волнующим дням и дают срез общественного мнения по состоянию на 5–7 марта.

Итак, **обзор за 5 марта**:

Хит-парад сегодняшних массовых вбросов о Севастополе в украинском интернет-пространстве:

1. Чалый уволил Пилата и поставил вместо него Колесникова, а потом все равно оставил Пилата.
2. В Севастополе титушек переодевают в форму военнослужащих Украины и снимают вранье о переходе на сторону РФ и Крыма.
3. Русские захватили объекты зенитно-ракетного полка на Фиоленте.
4. Украинских моряков отрезали от средств существования.
5. Самооборона нападает на женщин Красного креста, несущих в штаб ВМСУ еду.
6. Повсеместный ор про подкуп военных и членов их семей, что им предлагают деньги за переход на сторону РФ и сдачу оружия.
7. Якобы Красный крест объявил, что готов эвакуировать всех желающих из Севастополя и Крыма.

Основные темы городских новостей сегодня (по материалам городских сайтов):

1. События у горпрокуратуры.
2. События у военной прокуратуры.
3. Повышение цен на проезд в топиках.
4. Заблокированные военные в ВМСУ и на кораблях.

Основные брожения в комментариях сегодня:

1. Почему назначаются одиозные люди, неужели Чалый с ними заодно, на него кто-то влияет, а решения принимает не он.
2. Что такое координационный совет и кто конкретно в него входит, какие полномочия у кого, а у кого их нет.
3. Почему вышли российские организации из КС, они действуют самостоятельно и создают свои отряды.
4. Почему все замалчивается, и нет никакой информации об общей стратегии.
5. КС ничего не контролирует, жестких решений не принимает, Чалый рискует стать Януковичем.
6. Почему нельзя срывать флаги и гербы.
7. Почему не выносится на всеобщее обсуждение вопросы референдума.
8. Если на референдуме не будет вопроса о присоединении к России, то КС — предатели, всех — на мыло на таком же народном вече.
9. РФ нас сдала, нас сливают, нас предают, войска вывели, тянут время, градус спадает, надо срочно всем подыматься и активно действовать.
10. Плохая координация действий самообороншиков, блокпостов.

Обзор за 6 марта:

Хит-парад вбросов укросми в Интернете:

1. В Донузлаве затоплены русские корабли, чтобы преградить выход украинским кораблям.
2. Российскими военными в Севастополе захвачен вертолет с киевскими и иностранными журналистами.

3. Окружной администуд Севастополя остановил действие решения горсовета о проведении референдума и признал назначение Чалого незаконным.
4. Прокуратура завела уголовное дело о захвате аэропорта Бельбек.
5. Вооруженные силовики блокируют корабли в Севастополе.

Основные темы городских новостей сегодня (по материалам севастопольских сайтов):

1. Крымский референдум назначен на 16 марта, там есть вопрос о присоединении к России.
2. Над Севастополем кружили вертолеты.
3. Назначен новый начальник СБУ Севастополя, он находится в городе, люди пикетируют управление.
4. ГПУ обвинило командующего ЧФ в подстрекательстве к государственной измене и организации диверсий.
5. Льготников призвали быть патриотами и оплачивать проезд в транспорте — появились листовки «неравнодушных граждан».
6. Многочисленные перепосты и цитаты вчерашнего выступления А.М. для ветеранов, в основном о референдуме и отказе избирать президента.
7. На севастопольский референдум вынесут вопрос о вхождении в состав Крыма.
8. В Севастополе откроют консульство РФ.

Основные брожения в комментариях на Форпосте:

После вчерашних массированных информ-сообщений общая тональность комментариев изменилась со «все пропало!» и «царь-то не настоящий!» на «поняли, пока верим!»

Основные недопонимания пока те же:

1. Почему Чалый единолично назначает руководителей города.
2. Почему мы должны платить налоги в Киев (у многих подошел срок выплат, не знают, куда платить и спрашивают — не подождать ли с оплатой).
3. Многие путают коммунальные платежи и налоги, верят, что коммуналка тоже идет в Киев.
4. Нужно создать КП по перевозкам, чтобы не зависеть от частников.
5. Как будет координирован референдум с Крымским, если у них 16 марта.
6. Что будет, если результаты референдумов с Крымом не совпадут.
7. Какова позиция РФ по Севастополю.
8. Есть ли экономическая программа на случай независимости Севастополя.
9. Почему на сайте КС тишина и информационный вакуум.
10. Кто печатает бланки на референдум, создает список избирательных комиссий, адреса комиссий.
11. Хотелось бы услышать мнение Б. Колесникова и других юристов о правовом поле вопроса о референдуме.

Обзор за 7 марта:

Основные вбросы украинских Интернет-СМИ за день:

1. На Перекопе в Крым прорвались украинские военные (постят через каждые 10 минут).
2. Турчинов запретил референдум и разгоняет ВС Крыма.
3. ООН и Совет Европы называют референдум незаконным и не признают.
4. Денонсация харьковских соглашений и отказ от российского газа.
5. Россиянам Крым не нужен, это бесполезное «приобретение», Путин не уверен.
6. Украина готова после президентских выборов пересмотреть статус Крыма и русского языка.
7. Глава ВР Константинов должен миллионы украинским банкам.
8. Крымчан-беженцев готовы принять в Киеве и на западной Украине.
9. В Севастополе скупают форму украинских военных и делают провокации против Украины.

Основные темы местных новостей:

1. Референдум.
2. Референдум должен проходить с участием иностранных наблюдателей и представителей правительства.
3. Предложение сделать столицей Крыма Севастополь (реакция людей в комментариях подавляюще негативная).
4. Вооруженные люди захватили отдел погранслужбы в Севастополе на ул. Лермонтова.
5. Путину присвоить звание Почетного гражданина города.
6. Над входом в СБУ и рядом со штабом ВМСУ российский флаг.
7. Веселая новость от Кадомцева (глава психбольницы), как не поддаваться информационной атаке — выбрать 1 канал новостей, лучше всего официальный, и остальные игнорировать.
8. Объявлен сбор средств для КС на пластиковую карту. Опубликован номер счета на sevnews: «Взвесив все “за” и “против” редакция сайта совместно с общественной организацией “За справедливость” и советом ветеранов подводников города Севастополя приняла решение открыть карточные и расчетные счета в Севастопольском отделении Сбербанка России.

   Особо подчеркиваем, что это является инициативой общественных организаций, объединенных в движение “Защитим Севастополь”. Счета для сбора средств, инициированного исполнительным комитетом города, возглавляемым законно избранным Алексеем Чалым, опубликованы здесь.

   Средства, которые поступившие на приведенные ниже карточные счета будут направлены на поддержку жизнеобеспечения блокпостов, установленных вокруг Севастополя.

   Владелец многовалютной карты — Соляник Григорий Григорьевич, ответственный секретарь совета ветеранов подводников Севастополя. По согласованию с руководством Севастопольского отделения Сбербанка России в конце каждого операционного дня будет публико-

ваться отчет о движении денежных средств по счетам. Все акции будут проводиться публично и с участием СМИ.

Общественникам Севастополя предлагается войти в состав инициативной группы для надзора за тем, чтобы все средства были потрачены по назначению.

Ответственный — руководитель движения "Защитим Севастополь" — Василий Федорин, +38-050-745-84-90, приемная +38-069-246-64-21».

9. Блокпост возле железнодорожного моста у поселка Фронтовое просит помощи у севастопольцев, не хватает людей и бензина.

Как заявил старший блокпоста Александр, службу несут представители Черноморской казачьей сотни и «Ночные волки».

— Этой ночью блокпост охраняли пять казаков, один «волк», наряд ГАИ и сотрудник патрульно-постовой службы с автоматом. Но смена не подошла, милиция уехала, нас тоже менять некому. Сейчас остается только три человека: два «волка» и один казак.

Александр рассказал, что обстановка в их районе напряженная, это место компактного проживания крымско-татарского населения, и возможны провокации. Оставлять блокпост нельзя, но и охранять некому, срочно нужна помощь самообороны и неравнодушных севастопольцев. Контактный телефон: 099-383-83-71, Дмитрий Баранов, начальник штаба Черноморской сотни.

Обзор брожений в комментариях:

Беспокоит то обстоятельство, что на референдум по городу Севастополю нет третьего вопроса — именно о Севастополе. То, что городской совет принял решение о вхождении города в состав РФ в качестве Субъекта Федерации — это только решение горсовета, а не решение граждан города!!!

Очень прошу Вас ВЫНЕСТИ на РЕФЕРЕНДУМ ОТДЕЛЬНЫМ ВОПРОСОМ вопрос по СЕВАСТОПОЛЮ!

Волнует вопрос опечатки в подлиннике юридического исторического документа «Решения внеплановой сессии. В первом пункте, в самом главном вопросе по Севастополю напечатали "Севастопою", без буквы "Л". Люди теряют квартиры из-за опечаток в юридический документах, а мы не имеем права терять Севастополь из-за такой ерунды. Проследите, пожалуйста, чтобы переделали документ.

КТО И ЗАЧЕМ ПОСТАВИЛ КРАСНУЮ ГАЛОЧКУ ВОЗЛЕ ПЕРВОГО ВОПРОСА??? Это же прямое давление на голосующих! Должно быть свободное волеизъявление! Потом обвинят.

Стать столицей Крыма — нет! нет! нет!

Почему никто не работает с молодежью, эти 10 дней их надо активно привлекать к агитации, только надо разработать единый вид и текст листовок.

Нужны средства связи, радиостанции, нам могут обрубить интернет и мобилки, надо записать обращения к бизнесменам, чтоб помогли, бандеры на месте не сидят, поверьте, они готовят вылазки, могут запросто выкрасть наших руководителей, информация должна поступать мгновенно, саботаж будет.

Идет контр-агитация не ходить на референдум или голосовать за Украину по мотиву: вас все равно не признают.

Информационно-аналитическим центром был составлен также перечень средств массовой информации, способных влиять на общественное мнение, и каждому из них дана определенная оценка. Возможно, мы были не во всем правы. Но таково было наше мнение по состоянию на 5 марта.

Основные СМИ Севастополя и региона, имеющие приличную аудиторию и какой-то вес в информационном потоке.

Интернет:

1. Форпост: http://sevastopol.su/ — главный рупор КС.
2. Севастопол.инфо: http://forum.sevastopol.info/ — форум, второй главный рупор КС.
3. Севньюс: http://sevnews.info/ — политика сайта очень дружественна к Чалому, но иногда дает взбрыки из-за собственных амбиций редактора сайта Карлюка, который является представителем какой-то левой силы.
4. Новый Севастополь: http://new-sebastopol.com/ — сайт был прогосударственный, активно поддерживал СГГА, олигарха Лебедева и Новинского, публиковал официоз. Сейчас в растерянности, риторика по отношению к КС сдержанная, пытаются держать независимую позицию и дают слово больше «свидомым» и бывшим и нынешним чиновникам.
5. sevas.ua: http://sevas.ua/ — сайт с небольшой аудиторией, коммерческий, хватаются за любую «сенсацию», при их отсутствии высасывают из пальца с помощью неадекватных содержанию заголовков. Сочувствуют проукраинской позиции. Охотятся за «жареным» вокруг КС. Моральные принципы редакторской политики очень подвижны.
6. Севастопольские новости: http://sevastopolnews.info/ — позиция за последние несколько дней с очень сочувствующей КС сменилась на нейтральную, играют в независимость с уклоном в прогосударственные настроения. Много новостей со знаком минус о российских военных, общий настрой последних публикаций — минусовой для КС, хотя довольно оперативно дают и новости с нашей стороны.
8. 27.сев: http://27sev.com/ — позитивно настроенный к идеям КС сайт.
9. Гражданская оборона: http://www.911sevastopol.org/ — грантовый сайт, полностью прозападная и проукраинская позиция, провокативные материалы, организованные «репортажи».
10. 0692: http://www.0692.ua/ — коммерческий ресурс, желтый, гоняется за сенсациями. Настрой проукраинский.
11. Меридиан Севастополя: http://meridian.in.ua/ — политика антигосударственная и антиукраинская, но дистанцированная от КС. Играют в независимость. Сочувствующие идеям.

Газеты:

1. Слава Севастополя: http://slava.sebastopol.ua/ — чрезвычайно осторожные, пытаются сохранять нейтралитет, выжидают, кто победит. В первую же секунду сдаются на милость государства и ложатся под официальную позицию.

2. Севастопольская газета. Изначально очень позитивно настроенная к КС, постепенно снизила градус и сейчас увеличила число материалов, в итоге играющих в минус КС, делает проукраинские акценты.
3. Севастопольские известия — газета горсовета. Флюгер.
4. Севастопольская правда — газета коммунистов Севастополя. Сочувствует идеям КС, пытаясь одновременно играть в правовом поле Украины.

Телеканалы:

СТВ — нейтральная позиция, занимаются культурой и искусством, сидят тихо.

НТС — рупор КС.

НК — свободный микрофон растерянных депутатов горсовета и бывших чиновников СГГА, им же принадлежат радиоточки на остановках.

1 Севастопольский — очень позитивно настроенный к КС, но основная часть эфира — не новости.

Бриз — открыто вражеский телеканал, полная проукраинская перманентная истерика.

Не остались без нашего внимания и FM-каналы, которые несли порой полную ахинею, но на общественное мнение влияли, поскольку многие автомобилисты привыкли слушать FM-радио, и услышанные «новости» передавала друг другу, для пущей убедительности порой уродуя уже искаженное и сказанное диктором.

Попытки перестроить новостные сюжеты в нужном нам ключе предпринимались, но оказались неуспешными: новостные блоки готовились не в Крыму и не в Севастополе, а спускались из Киева. На местах дозволялось лишь озвучивать локально ориентированную рекламу. В последние дни накануне референдума заработал канал на частоте 102.0FM, но он не был раскручен, информация о нем в газетах не прозвучала, поэтому этот источник информации, по всей видимости, при подготовке референдума существенной роли не сыграл.

В первые дни марта около здания администрации были установлены два наскоро сколоченных деревянных стенда, на которых мы размещали листовки, сообщения Координационного совета и иные материалы. Помню, что я, памятуя о необходимости «глаголом жечь сердца людей», предложил Сергею Кажанову разместить такие стихи (увы, автора не знаю):

Прощай, Галичина!

Прощай, Галичина! Мне твой несносен взор —
коричнево-кривой, с нацистской поволокой.
Набивши склочный рот слюною тягныбокой,
влачи сама-одна свой тягостный позор.
Ты Гитлеру взахлеб лизала сапоги,
и лижешь до сих пор, насупленная краля.
Твой злобный соловей — наследник «Нахтигаля».
Неси ж на Страшный суд чугунные долги.
Услужница СС, живи, но не со мной,
тиару прославляй и по-латыни ботай.

Спесивая сестра, я сыт твоей заботой.
Прощай, Галичина, будь Риму ветчиной!
Бог знает: какова греха величина
и кто хотел любви, а кто кровищи чаял.
Я заберу с собой мой золотой Почаев,
а ты — ступай долой! Прощай, Галичина!

Сергей Кажанов ответил, что поклонником поэзии не является, но — «вывесим». Впрочем, утонувшие в различных хлопотах, мы эти стихи на стенде так и не разместили. Зря или не зря — сложно сказать. Сейчас, когда результат референдума уже известен, это не существенно. А вот Почаевскую Лавру, действительно, сверхважно сберечь и перенести на восток нынешней Украины. Есть и иной вариант: границу Новороссии переместить далеко на запад, за старинный город Почаев.

Пятого марта высокоторжественно явил себя *urbi et orbi* окружной административный суд Киева, который, рассмотрев иск Генеральной прокуратуры Украины к горсовету Севастополя и Координационному совету по организации Севастопольского городского управления по обеспечению жизнедеятельности города, признал противоправными решения Севастопольского городского совета от 23 февраля «О проведении местного референдума», от 24 февраля «О создании исполнительного органа Севастопольского городского совета…» и от 1 марта «О заявлении депутатов Севастопольского городского совета о политической ситуации в Украине». Решение суда не имело реальных последствий: Киев ситуацию в Севастополе уже практически не контролировал. Город волновали иные проблемы.

Так, например, во второй половине дня состоялась встреча председателя Координационного совета Алексея Чалого с членами семей военнослужащих Украины. Обсуждение проходило в закрытом для прессы режиме в малом зале городского совета. Собралось около шестидесяти человек. Некоторые были возбуждены до экзальтации, другие настроены конструктивно. Все ждали от встречи ясности и гарантий безопасности.

Накануне группа женщин распространила текст своего обращения к Алексею Чалому и Дмитрию Белику. В нем от имени «семей военных моряков ВМСУ, которые до сих пор верны присяге и воинскому долгу» они просили севастопольцев «в этой сложной ситуации оставаться прежде всего людьми!», а руководителей города «снять напряженность, сложившуюся возле штаба ВМСУ».

Отличились и экологи. Ссылаясь на обращения родственников военнослужащих ВМС Украины, председатель Общественного экологического совета Маргарита Литвиненко в письме за № 215 от 6 марта 2014 г. сочла блокирование кораблей ВМСУ проявлением «антигуманного и античеловеческого отношения» и напомнила о том, что «даже военнопленных, по нормам международного права, обеспечивают едой и водой». Ситуация с украинскими военными была неоднозначной, но до крайностей севастопольцы не доходили: ни медицинской помощи, ни пищи, ни воды украинских военных никто не лишал. Тому есть множество подтверждений, и перечислять их — лишь тратить время.

Но проблема действительно была. Ее краткое описание (по состоянию на 17 марта) сохранилось в одной из служебных записок, поступивших в Координационный совет:

ВМС Украины — 12 000 чел. (АР Крым), в том числе — 4000 чел. гарнизон Севастополя.

Характеристика личного состава:

— <…> около половины служащих ВМСУ имеют семьи за пределами Крыма.

— Морально-психологический аспект: военнослужащие в частях ВМСУ имеют подавленное состояние и запугиваются командным составом.

— Основной вопрос, который беспокоит военнослужащих, это законность их пребывания в г. Севастополе после проведения референдума и принятия Государственной Думой РФ новых субъектов Федерации.

— Из личных бесед с родственниками военнослужащих <…> следует, что их интересует конкретный механизм определения их дальнейшей судьбы:

1. *Возможно ли военнослужащим остаться в Севастополе и не выезжать из города, ввиду того, что поступила директива из МО Украины, предписывающая прибыть в ближайшие дни в г. Киев для увольнения?*
2. *Смогут ли военнослужащие ВМСУ в дальнейшем служить по контракту в РФ?*
3. *Как будет осуществляться пенсионное обеспечение служащих ВМСУ?*

Попутно отметим, что аналогичные вопросы были актуальны для сотрудников МВД Украины, Министерства налогов и сборов (налоговая милиция и таможня) и МЧС, дислоцированных в Севастополе. Их количественный состав оценивался следующим образом: внутренние войска МВД — 230 чел., МВД — 1500 чел., налоговая милиция и таможня — 700 чел., МЧС — 575 чел. вместе со служащими.

Был и еще один аспект, который касался военнослужащих (срочной службы, контрактников, офицеров) МО Украины, которые проживали в Крыму, но во время февральско-мартовских событий оказались за пределами полуострова. Их общее число оценивалось как 3000 чел. (призыв осень-весна 2013 г.), четверть — из Севастополя. Основные районы дислокации на Украине — Одесса, Киев и область, Львовская область, Кривой Рог, Днепропетровск. Здесь важно было решить следующие задачи: разработать механизм возвращения к месту проживания и к родственникам в Севастополь и Крым, поставить на учет, обеспечить правовой статус, обеспечить дальнейшее прохождение службы и социальную защиту.

Частично отражает суть проблемы следующий эпизод. В какой-то из дней в информационно-аналитический отдел явился представитель самообороны, который счел необходимым передать следующие пожелания председателю Координационного совета:

Постоянно (например, в виде бегущей строки) давать информацию о заявлениях Яценюка на предмет повышения пенсионного возраста для военных, о сокращении финансирования вооруженных сил и т. п.

Всем военнослужащим ВМСУ и МО предложить несколько вариантов.

Для офицеров: остаться на своих должностях и в своих званиях, не переприсягать, и после 30.03 продолжать служить в том статусе, который

они выберут (здесь указана одна из предположительных на тот момент дат референдума, 30 марта. — *В. Г.*)

Также для офицеров: в случае нежелания их служить на территории Крыма им и их семьям будет обеспечен безопасный выезд за пределы Крыма.

Военнослужащие срочной и сверхсрочной службы их других мест Украины, проходящие сейчас службу на территории Крым, могут обратиться в военкомат Севастополя для получения предписания и убытия на службу в места проживания.

Для военнослужащих срочной и сверхсрочной службы, не желающих по политическим мотивам служить вне Крыма: они смогут остаться в Крыму и после 30.03 принять приемлемый для них статус.

С 30 марта все должностные оклады военнослужащих ВМСУ и МО, решивших изменить свой статус, будут пересмотрены и выравнены по тарифной сетке для ЧФ и армии РФ. Автор предложений подчеркнул важность этого пункта.

*Автор предложения: представитель самообороны Севастополя, в прошлом военный, Иван. Тел. (*исключен из публикации. — *В. Г.)*

Записал: Горелов

Пятого марта с просьбой о встрече ко мне обратился Григорий Григорьевич Донец. На площади Нахимова он от имени ветеранов флота изложил главное опасение: люди в заблокированных воинских частях имели право обоснованно применять оружие, и нужно было, чтобы руководитель города, Алексей Чалый, предоставил украинским военным письменные гарантии того, что в случае неприменения силы им будут сохранены стаж, выслуга лет, льготы и прочие важные для военнослужащих приятности.

Были высказаны и конкретные претензии, одна из них запомнилась. Ветераны полагали, что город допустил ошибку, учинив обструкцию вернувшимся из похода морякам «Гетмана Сагайдачного»: нужно было встретить их на пристани с цветами и оркестром, приняв как родных и желанных, а не выталкивать в Одессу (колоритные, но непечатные подробности нашего диалога опускаю. — *В. Г.*).

Претензии, быть может, и обоснованные, но есть простое русское слово — «обрыдло». За два с лишним десятилетия нам обрыдла и лживая украинская власть, и неродной язык, который пихали с телеэкранов, рекламных щитов и ценников, и невероятная история древних загадочных укров. Обрыдли и опереточные ВМСУ, которые то праздновали себя отдельно, то снова примазывались к священному для севастопольцев Дню флота. Когда горожане почуяли, что украинскость захирела и зашаталась, поздно и неуместно было призывать их к благоразумию и терпимости. Действие породило противодействие.

Тем не менее, все высказанное Григорием Григорьевичем я зафиксировал, а именно:

По непроверенным данным, Турчинов издал указ о том, что военнослужащие Украины, которые сейчас находятся в Крыму, приравниваются к участникам боевых действий. Для них это означает значительные финансовые преференции.

Мы сейчас говорим о том, что для военных Украины сохраняются льготы, пенсии и пособия. Но для военных важен указ. Ко мне обратились ветераны ВМФ СССР (Донец Г. Г.), которые говорят, что важно издать именно распоряжение о сохранении пенсий, льгот и т. п. Слов недостаточно. Военные должны увидеть официальное распоряжение, подписанное действующей властью. Такое официальное распоряжение важно прочитать сегодня на встрече с женами и т. д. в 17 часов.

Ветераны ВМФ предупреждают, что если блокирование воинских частей Украины не приводит к полож. результату, его лучше снять. Блокирование может стать причиной обращения Украины к НАТО с просьбой ввести войска для деблокирования. Сегодня в ВР зарегистрирован законопроект о вступлении Украины в НАТО. Деблокированием несдавшихся воинских частей Украины нужно выбить этот козырь. То есть если сегодня, максимум завтра блокирование не достигнет результата, дальнейшее блокирование нанесет вред.

В тот же вечер информация через Дмитрия Жукова была передана Алексею Чалому. Я не знал, что ранее в тот день уже было составлено «Обращение Председателя Координационного совета <…> к военнослужащим Военно-морских сил Украины и членам их семей». Именно это обращение и стало предметом обсуждения на встрече с родственниками военнослужащих в здании горсовета, которое началось в 17 часов. В архиве Координационного совета этот документ сохранился, но датирован 9 марта.

Вышеупомянутая встреча в горсовете продлилась примерно час. Как сообщили затем родственники военнослужащих, их сыновьям было предложено три варианта: а) встать на сторону севастопольцев и крымчан, б) сохранить верность присяге и покинуть Севастополь, и, наконец, в) подать рапорт об увольнении и вернуться к своим семьям в гражданском статусе.

Алексей Чалый комментировать результаты встречи отказался, видимо, выполняя договоренность о конфиденциальности.

6 марта

Состоялась внеочередная сессия Севастопольского городского совета, на которой депутатами было принято решение № 7151 «Об участии в проведении общекрымского референдума»:

Руководствуясь Европейской хартией местного самоуправления, статьями 38, 39 Конституции Украины, статьей 1 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах, статьей 1 Международного пакта о гражданских и политических правах, на основании статей 7, 26 Закона Украины «О местном самоуправлении в Украине», Севастопольский городской Совет решил:

Городу Севастополю войти в состав Российской Федерации в качестве субъекта Российской Федерации.

Поддержать решение Верховного Совета Автономной республики Крым о проведении общекрымского референдума и принять участие в проведении общекрымского референдума 16 марта 2014 г., на который вынесены следующие альтернативные вопросы:

1) Вы за воссоединение Крыма с Россией на правах субъекта Российской Федерации?

2) Вы за восстановление действия Конституции Республики Крым 1992 г. и за статус Крыма как части Украины?

Председателем городской комиссии по проведению референдума был назначен В. К. Медведев, его заместителем — К. А. Костенко. Финансовому управлению СГГА вменялось в обязанность «обеспечить финансирование подготовки и проведения референдума за счет средств бюджета города Севастополя».

Приложением к решению № 7151 городского совета стало временное Положение о референдуме в городе Севастополе, которое, как и решение внеочередной сессии, подписал Председатель городского совета Ю. В. Дойников.

Вечером в информационно-аналитический центр поступила просьба (ее озвучил Сергей Кажанов) подготовить проект поздравительного текста, который председатель Координационного совета Алексей Чалый смог бы зачитать в день 8 Марта. Роль спичрайтера для меня была новой, к тому же я не сильно верил (и, как потом оказалось, вполне обоснованно), что Алексей Михайлович будет зачитывать по бумажке перед камерами некий, заранее подготовленный для него текст. Но задание, тем не менее, надо было выполнять. Получилось следующее:

Дорогие и любимые севастопольские женщины!

В наш город пришла долгожданная весна. В день 8 Марта мы, как обычно, дарим вам цветы и подарки, говорим слова любви и признательности.

Но сегодня наш общий и самый главный подарок — это будущее возвращение в Россию. Впереди — решающий день. Мы снова должны стать частью великой державы, где русский язык и наша история уважаемы и ценимы. Впереди день, когда мы будем жить в мире и спокойствии, не озираясь на вакханалию очередного киевского майдана. Впереди тот день, которого мы ждали без малого четверть века. Давайте сделаем к этому последний оставшийся шаг. Мы верим, что в этот день, когда свершается исторический выбор, вы, наши жены и матери, сестры и дочери, будете вместе с нами.

Поздравляю вас с весенним праздником, желаю всем счастья, любви и благополучия.

Файл записан на жесткий диск ноутбука в 23 часа 56 минут. Это означает, что текст долго не складывался, и окончательная его версия появилась лишь поздно вечером.

7 марта

Состоялась 40-я внеочередная сессия Нахимовского районного в г. Севастополе совета, на которой было решено утвердить заявление депутатов «О политической ситуации в Украине, городе Севастополе, Нахимовском районе г. Севастополя» и выразить полную поддержку и доверие предсе-

дателю Нахимовской районной государственной администрации П. Н. Сысуеву в вопросах обеспечения жизнедеятельности района. В заявлении, в частности, говорилось:

Стоя на защите прав и свобод народа, Нахимовский районный в г. Севастополе Совет <…> выражает поддержку Севастопольскому городскому Совету, который на внеочередной сессии 06 марта 2014 г. своим решением № 7151 по вопросу поддержки вхождения города Севастополя в состав РФ в качестве субъекта РФ, решения Верховного Совета АРК о проведении общекрымского референдума 16 марта 2014 г., встал на сторону народа и решил применить принципы демократии, гласности, прибег к праву народа определять самостоятельно свою самоидентификацию. <…>

Мы призываем органы государственной власти всячески способствовать волеизъявлению народа, встать на его сторону и принять волю народа.

Нахимовской районной госадминистрации было предписано «обязать руководителей коммунальных предприятий, учреждений, организаций оказать помощь в работе участковых комиссий по проведению референдума». Решение сессии было направлено в Координационный совет 11 марта.

Председатель Координационного совета подписал распоряжение № 13 «О воинском учете». Был создан временный пункт учета и отправки военнослужащих и членов их семей к избранному месту проживания. Военнослужащие по призыву, убывающие за пределы Севастополя, обеспечивались транспортом и компенсацией на питание в размере 100 грн. в сутки. Военнослужащим по контракту и членам их семей предлагалась доставка к новому месту службы, единоразовая компенсация в размере 4000 грн. Те, кто оставался служить на территории Севастополя, должны были встать на учет. Им гарантировались выплаты в течение трех месяцев в размере 2000 грн. в месяц. За это время они должны были определиться с выбором места службы.

Постепенная реализация этого постановления день за днем гасила напряженность, которая существовала в отношении военнослужащих Вооруженных сил Украины и моряков ВМСУ. Деньги на выплату вышеупомянутых компенсаций выделил председатель Координационного совета. Свои части покинули и встали на временный учет около 4000 чел., то есть около трех полков были нейтрализованы без блокирования и штурма военных городков.

Вечером в Координационном совете состоялось совещание с повесткой дня «О подготовке референдума. Организация и проведение референдума с максимальной явкой». Алексей Чалый сообщил, что нам обещаны консультации и поддержка из Москвы, но мы, члены Координационного совета, должны будем выполнить главную часть работы, а именно: представить городское население Севастополя в виде наиболее значимых социальных групп, подготовить спектр вопросов, которые людей волнуют, и продумать, как мы будем реагировать на эти вопросы и на них отвечать.

В ходе совещания были названы: пенсионеры, военные пенсионеры, сотрудники силовых структур (СБУ, МВД, армия, таможня), банковские служащие, неформальная молодежь, педагоги (школьные и вузовские),

студенты, медработники, молодые матери, работники торговли, юристы и нотариат, призывники, творческая интеллигенция, госслужащие, мелкие предприниматели, офисные работники. В этом перечне упомянуты лишь те группы, которые зафиксированы мной в рабочих записях, сделанных во время совещания.

В тот же вечер мы сформировали основной состав экспертов. Их задача была сформулирована так: найти «людей, которые пользуются авторитетом в своей социальной группе», или же самим выступить экспертами. В записях числятся Байсак, Метальников, Аксенов, Горелов, Александр (предполагаю, что это Барулин), Алтабаева, Штанько, Жуков, Хомякова, Кажанов, Соловьев, Кулагин, Курьянова, а также Артем Ларин (в графе «Работники торговли») и Светлана Николаевна (в графе «Молодые матери»). Последних двоих я не знал, потому мной были записаны их телефоны. Не помню, оказали ли Артем Ларин и Светлана Николаевна действенную помощь при подготовке референдума. Если да, прошу простить мою забывчивость.

8 марта

За этот день сохранился всего один документ. Это письмо, полученное мной по электронной почте с блокпоста на Перекопе и адресованное Алексею Чалому.

Нежелание помогать и трусость местных властей вынудили нас обратиться к общественности Севастополя чтоб они организовали контакт с Вами. На данный момент блокпост «Перекоп» не имеет возможности выполнять поставленные нам задачи из-за отсутствия необходимого обеспечения в плане амуниции и спец. оборудования, из-за чего люди, находящиеся на боевых постах, подвержены реальному риску, так как противостоящая сторона имеет передовое снаряжение.

На наш призыв откликнулся Горелов Вячеслав, который пообещал помочь в разрешении ситуации и в полной мере исполнил свое обещание — мы передали список необходимого оборудования и сегодня 08 марта примерно в 15:20 коменданту блокпоста Чернову Николаю позвонил административный работник, представившийся зам. министра обороны (его номер 067-5597772), и, не пытаясь узнать о реальности наших проблем, изначально заявил, что наши претензии не обоснованы и мы занимаемся не своим делом, не входя в подробности дальнейшей беседы уточню, что она закончилась обещанием выслать к нам (может быть в понедельник) человека, который определит, что именно нам необходимо, и только после этого они будут решать, что нам будет предоставлено.

Хотелось бы напомнить, что, оперируя оперативной информацией, возможны провокации или попытка прорыва на нашем направлении. По факту нас добровольцев и граждан городов не пытаются услышать и понять. Помимо материальных проблем, имеется проблема юридического характера, а именно: гражданские лица, и комендатура в том числе, не имеем юридического права на осуществление той деятельности, которую мы несем на постах, ведь мы ни сотрудники МВД, ни служащие вооруженных сил, отчего некоторые из нас уже ощущают давление со стороны некоторых представителей местной власти.

Просим Вас не оставить без внимания нашу проблему, и если кто-то сомневается в ее реальности, то пусть приедет на блокпост и сам убедится на месте.

Вкратце история такова. Днем накануне Сергей Кажанов мне сообщил, что наши бойцы, которые несут дежурство на Перекопе, пытались связаться с центром в Симферополе, чтобы выразить свою озабоченность обстановкой. Их не услышали, и они обратились к администратору сайта Форпост:

Уважаемые редакторы и администраторы интернет-сайта «Форт-Пост», к Вам обращаются из комендатуры блокпоста «Перекоп». Крайне необходима ваша помощь в организации контакта с Алексеем Чалым. В данный момент на блокпосту крайне тяжелая ситуация, которая требует незамедлительного вмешательства. Просим вас, севастопольцев, помочь организовать контакт с Алексеем Чалым. Если вы сможете помочь в данном вопросе, просьба обращаться на сам блокпост или перезвонить по телефонам 099-390-36-24 (Николай Чернов — комендант блок поста), 099-142-87-32 (Бреславский Денис — помощник коменданта блокпоста).

Я позвонил Денису Бреславскому, который сообщил, что с украинской стороны накапливаются мощные ресурсы, которым они не смогут противостоять. Мы договорились, что как только появится комендант блокпоста, Денис найдет способ прислать сообщение с подробным описанием проблемы. Это описание было получено и передано Михаилу Чалому.

9 марта

В этот день председателем Координационного совета было подписано повторное «Обращение к военнослужащим Военно-морских сил Украины и членам их семей». Подтолкнуло к этому, по всей видимости, затянувшееся противостояние у штаба ВМСУ, где сменивший контр-адмирала Дениса Березовского киевский назначенец, командующий ВМСУ контр-адмирал Сергей Гайдук, удерживал не то убеждением, не то угрозами часть украинских морских офицеров.

Нужно, правда, заметить, что действия некоторых особливо ретивых севастопольцев, жаждущих победы здесь и сейчас, тоже не способствовали контактам и взаимопониманию. Наверно, можно было оставить этот штаб в покое — «куда бы он делся с подводной лодки», сдался бы и сам — но оставлять его вовсе без попечительства горожан было, по справедливому мнению многих, неправильно. Ситуация взвинчивалась, обстановка нагнеталась обеими сторонами, но в особо критические моменты на линии размежевания появлялись молчаливые «вежливые люди», и напряжение спадало.

Однажды поздним вечером у одного из наиболее восприимчивых украинских офицеров зашкалило давление. «Скорая помощь» оказалась не совсем скорой, и автор этой статьи на УАЗе отвез захворавшего военного в приемный покой городской больницы, что на площади Восставших. Первая помощь была оказана медиками, которые дежурили в штабе ВМСУ, поэтому один из сепаратистов, врач, вызвался сопровождать офицера — при

передаче больного нужно было квалифицированно сообщить, какие именно меры медикаментозного характера были приняты ранее.

Хорошо помню, что бледный, как полотно, капитан-лейтенант периодически заваливался набок на заднем сиденье УАЗа, пока мы ехали в больницу, и я думал: «Не дай бог, помрет в дороге. Что скажем жене?» Но обошлось, доставили. Из приемного покоя нам выкатили носилки, мы перегрузили на нее больного и передали его врачам. Я пожал теплую и вялую руку каплея — «Держись», и мы вернулись к штабу ВМСУ принуждать Гайдука к миру.

В вышеупомянутом обращении Координационного совета в числе прочего говорилось:

Вы присягали Народу Украины и только перед Народом Вы ответственны за исполнение своего воинского долга. Более ни перед кем! Призываю Вас быть до конца верными Конституции Украины, воинской Присяге и воинскому долгу. Севастопольцы и крымчане, как часть народа Украины, с Вами и ждут от Вас верности данной Присяге. <…>

Заверяю Вас, что в случае обеспечения строгого контроля со стороны народа, который в настоящее время в городе Севастополе представляю я, за деятельностью воинских частей и подразделений мы гарантируем безопасность Вам и членам Ваших семей.

В случае, если кто-то из Вас примет решение покинуть Севастополь и Крым, уже сегодня я гарантирую Вам и членам Вашей семьи всемерное содействие в организации отправки, социальную поддержку и безопасность выезда.

Тем из вас, кто решит остаться в Севастополе с народом, гарантирую социальную и правовую защиту.

Никакому преследованию в Севастополе и Крыму вы подвергаться не будете. Мы будем уважать любой ваш выбор.

Противостояние у штаба ВМСУ продолжалось еще несколько дней и завершилось победой севастопольцев. 19 марта в Симферополе Сергея Гайдука «взяли в плен» бойцы севастопольской самообороны вкупе с «вежливыми людьми». На следующий день, после обращения министра обороны России Сергея Шойгу, он был освобожден и передан украинским военным.

В этот же день было подписано распоряжение № 14 «О совершенствовании организации и централизации управления народной обороны города Севастополя». Был создан единый штаб народной обороны с дислокацией по адресу ул. Маршала Крылова, 8-а, начальником штаба назначен Олег Росляков, а непосредственное руководство народной обороной и контроль за действием сил народной обороны должен был осуществлять Виктор Литвинов. Силам народной самообороны предписывалось взаимодействовать с начальником муниципальной милиции города. Все подразделения народной самообороны, которые, начиная с 10 марта, не подчинялись вновь созданному штабу, считались незаконными и подлежали расформированию.

Вечером 9 марта под председательством Алексея Чалого состоялось второе совещание, посвященное информационной поддержке референдума. У людей накапливались вопросы по поводу того, как после воссоединения Крыма с Россией будет проходить переход на иные образовательные

стандарты, систему здравоохранения, пенсионное обеспечение. Возникали вопросы о будущих зарплатах бюджетников, работе таможенной и правоохранительной системы, о банковской системе, малом и среднем бизнесе, службе в российских вооруженных силах и многие другие, носившие бытовой характер. Кроме того, нужно было объяснить людям, почему именно такие вопросы были сформулированы для референдума: многие севастопольцы опасались, что голосование в Крыму, особенно в сельской зоне, плохо предсказуемо, и поэтому полагали, что голосование в Севастополе и Крыму по вопросу вхождения в состав России следует проводить раздельно. Наконец, важно было донести до людей, чем грозил Севастополю иной выбор — выбор в пользу Украины. Всего в моих записях числятся 22 пункта. Вот они:

1. О чем референдум.
2. Украина против России.
3. Промышленность (что в ней изменится после…).
4. Инфраструктура города.
5. Органы управления.
6. Школьное образование.
7. Высшее образование.
8. Здравоохранение.
9. Малый и средний бизнес.
10. Пенсионное обеспечение.
11. Зарплата бюджетников.
12. FAQ (ответы «сборная солянка»).
13. Будущее Украины.
14. Листовка «как правильно голосовать» с тиками.
15. Все на референдум!
16. Выражение поддержки Крыма («звезды», которые высказались).
17. Барулин. Концерт молодежной группы.
18. Просто концерт (местные рок-группы).
19. Собственность.
20. Таможня.
21. Служба в армии.
22. Жители сельской зоны.

По предложению Алексея Чалого при Координационном совете было сформировано два отдела: идеологический и технологический. Задача первого состояла в том, чтобы выявить критически важные вопросы и, с участием экспертов от Севастополя и со стороны федеральных министерств и ведомств, подготовить на них ответы. В состав идеологического отдела вошли Чалый (Алексей), Аксенов, Алтабаева, Оганесян, Горелов, Кажанов, Барулин, Сандулова, Тимофеева.

Технологический отдел должен был всеми доступными средствами — через газеты и телевидение, интернет-порталы и листовки, выступления экспертов и известных людей, а также активистов и волонтеров донести до населения подготовленную в идеологическом отделе информацию. В технологическом отделе работали Жуков, Белик, Кажанов, Горелов, Мельник, Рындин, Соловьев, Байсак, Прокина.

Активное участие в подготовке вопросов и ответов приняли Екатерина Алтабаева и Виктор Оганесян (среднее образование) Александр Цуканов (высшее и среднее специальное образование), Вячеслав Аксенов (банковская система и экономика), Елена Баженова (туристический бизнес), Александр Байсак (пенсионное обеспечение), Ольга Хомякова (медицина и здравоохранение), Михаил Метальников (правоохранительные органы), Александр Кулагин и Виктор Посметный (налоги, страхование, судебная система). Оперативно, за один день, отработали свои вопросы и заслужили слова благодарности специалисты по таможенному регулированию, но их имена у меня не сохранились.

Методика работы была такой: мы с экспертами по соответствующим направлениям готовили типовые вопросы и такие проекты ответов, которые были бы желательны для севастопольцев, и передавали их Алексею Чалому. Он транслировал эти заготовки в Москву, чтобы в соответствующих министерствах и ведомствах подтвердили возможность реализовать наши пожелания. Только в том случае, если из Москвы было получено одобрение, документ утверждался, ибо все понимали: за обещанное сегодня нужно будет отвечать завтра, и неоправданные иллюзии недопустимы. Как это выглядело на практике, демонстрирует документ, направленный в Москву в середине дня 11 марта.

Приложение
К письму исх. № 29/01-01 от 11.03.2014 г.

Список вопросов к различным министерствам и ведомствам РФ по состоянию на 11.03.14 9:00

1. По линии министерства образования

Есть опасение, что Украина может отказаться выдавать аттестаты о неполном среднем и среднем образовании для выпускников 9-х и 11-х классов школ. Считаем необходимым декларировать, что школьникам в этом случае будут выданы аттестаты российского образца без сдачи ЕГЭ (к нему они не готовились).

Считаем необходимым декларировать, что для выпускников школ Севастополя и Крыма в 2014 г. разрешить поступление в вузы РФ по результатам собеседования без сдачи экзаменов.

Считаем необходимым декларировать, что со следующего учебного года зарплаты учителей и преподавателей вузов в Севастополе и Крыму будут соответствовать средним по РФ.

Считаем необходимым декларировать, что будет организована бесплатная переподготовка педагогов школ под стандарты РФ.

Считаем необходимым декларировать, что школы Севастополя и Крыма будут вовлечены в программы «Сельский учитель» и «Оздоровление».

Есть опасение, что Украина откажется выдавать дипломы о высшем образовании выпускникам вузов 2014 г. Считаем необходимым декларировать, что в этом случае им будут выданы аттестаты российского образца по близким специальностям по фактически пройденным дисциплинам.

Считаем необходимым декларировать, что правила поступления в вузы Севастополя и Крыма в 2014 г. останутся без изменений (то есть соот-

ветствующими требованиям МО Украины) с возможностью замены сдачи украинского языка на русский.

Считаем необходимым декларировать, что в 2014 г. уровень стипендий студентов будет приведен к уровню стипендий в РФ.

Считаем необходимым декларировать, что с начала нового учебного года обучение в вузах будет организовано по стандартам РФ.

Считаем необходимым декларировать, что для студентов из Севастополя и Крыма, обучающихся в вузах Украины за пределами Крыма, будет по желанию предоставлена возможность получения образования в вузах РФ.

Считаем необходимым декларировать, что ученые степени и звания, полученные, начиная с 1991 г., будут признаны.

Ученые на Украине получают дополнительную научную пенсию (порядка 40 % добавки к обычной трудовой пенсии). При этом она, как правило, остается все же ниже, чем соответствующая пенсия в РФ. Считаем полезным декларировать, что итоговая пенсия будет не ниже, чем была.

Считаем необходимым декларировать, что государственные вузы сохранятся (по крайней мере, на переходном этапе) и будут финансироваться из бюджета РФ.

Считаем необходимым декларировать, что негосударственные вузы будут функционировать в том же режиме, препятствий к их функционированию никто чинить не будет, со временем они должны будут пройти переаттестацию в соответствии с требованиями РФ.

2. По линии малого и среднего бизнеса

Считаем необходимым декларировать, что будут объявлены налоговые каникулы на 3 месяца и на 1 год мораторий на применение штрафов.

3. По линии министерства обороны

Считаем необходимым декларировать, что в 2014 г. призыва в ВС РФ в Крыму не будет.

4. По линии пенсионного обеспечения

Считаем необходимым подтвердить, что в течение 6 месяцев будет осуществлен пересчет пенсий в соответствии со стандартами РФ. В течение этого переходного периода пенсии будут выплачиваться в существующем размере.

5. По линии медицинского обеспечения

Считаем необходимым подтвердить, что для перехода к принятой в РФ системе медицинского страхования в Севастополе будет сформирован территориальный фонд обязательного медицинского страхования.

Считаем необходимым декларировать, что для лицензирования медицинских услуг в Севастополе будет сформирована территориальная лицензионно-аккредитационная комиссия.

Считаем необходимым декларировать, что РФ признает действительными дипломы о специальном медицинском образовании, выданные на Украине после 1991 г.

Был, как уже говорилось, специфический раздел, названный «FAQ для разных социальных групп». Он включал вопросы, которые беспокоили людей, независимо от профессии, возраста и социальной принадлежности. Например, всех интересовало, как будет осуществляться снабжение Крыма и Севастополя водой и энергоресурсами, не скажется ли на повседневной

жизни крымчан и севастопольцев отсутствие надежного транспортного сообщения полуострова с материковой Россией через Керченский пролив, и т. п. Поиском таких вопросов (некоторые я сформулировал сам, понимая их актуальность, другие снял с языка у друзей и знакомых) и подготовкой ответов пришлось заниматься самостоятельно, полагаясь в основном на здравый смысл и общую эрудицию.

Подготовленные таким образом вопросы и ответы, коих оказалось тридцать, я разослал на проверку двум или трем коллегам из Координационного совета, получил некоторые дополнения и исправления и откорректированный текст направил в технологический отдел. По мере приближения референдума фактор времени, то есть необходимость устранить неопределенность и снять озабоченность горожан, становился важнее, чем абсолютная точность прогнозов. Кроме того, многолетнее участие в технических разработках, когда решения принимались при наличии большого количества неизвестных, приучило к разумному фатализму.

Как выяснилось позже, по большому счету, была допущена ошибка только по водоснабжению Крыма по Северо-Крымскому каналу. Я полагал, что Украина не перекроет шлюзы, потому что это, во-первых, приведет к подтоплению ее же территории, и, во-вторых, будет экономически невыгодно: продажа воды в Крым сможет стать дополнительным источником пополнения государственной казны. Но нет, в мае обнаружилось, что изобретательная на пакости киевская хунта нашла-таки выход из положения. Дабы пресная вода не поступала в степной Крым для орошения овощных плантаций и рисовых чеков, была прокопана какая-то канава, отводящая эту воду в Черное море. Воистину «шо ни з'им, то понадкусываю».

Примерно в эти же дни, 9–11 марта, Лариса Мельник занималась организацией концерта группы «Чичерина», о чем гласит случайно сохранившийся у меня технический райдер и следующий текст:

Высылаю Вам список участников автопробега и номера машин.
Официальный пресс-релиз сейчас согласуют в МЧС, должен быть завтра утром — сразу пришлю.
График такой:
9 — выезд из Москвы;
10 — прибытие в Порт Кавказ;
11 (утро) — прибытие в Севастополь, разгрузка, съемка фильма;
11, 19:00 концерт на площади Нахимова, отбытие в Москву.

С уважением, Юрий Непомнящих,
руководитель группы компаний «Яхты на колесах»,
кинорежиссер

Далее следовали номера семи автомобилей, включая Land Rover Defender Юлии Чичериной. Должен, однако, сказать, что почти все концертно-развлекательные мероприятия, несмотря на их идеологическую и социальную значимость, прошли мной не замеченными: было не до них. Например, на площади Нахимова неоднократно выступала Вика Цыганова, но ее концерты так и не удалось посетить. Надеюсь на будущее.

В 17 часов 30 минут в Севастополе была принята телеграмма из Москвы:

УВАЖАЕМЫЙ АЛЕКСЕЙ МИХАЙЛОВИЧ НИЗКИЙ ПОКЛОН ВАМ ЗА СОХРАНЕНИЕ ПАМЯТИ О МОИХ РОДИТЕЛЯХ ЗАЩИЩАВШИХ СЕВАСТОПОЛЬ С ОГРОМНЫМ ИСКРЕННИМ УВАЖЕНИЕМ=ИРЭНА ВЫСОЦКАЯ, ДОЧЬ ФРОНТОВИКОВ АЛЕКСЕЯ И АЛЕКСАНДРЫ ВЫСОЦКИХ, ДВОЮРОДНАЯ СЕСТРА ВЛАДИМИРА ВЫСОЦКОГО.

10 марта

Началась работа идеологического отдела. Было подготовлено два документа: «Медицина» и «Туристический бизнес». Последний не относился к приоритетным, но лиха беда начало. Вопросы, на которые севастопольцы ожидали ответов, прислали Михаил Молчанов, мой давний товарищ по тренажерному залу в спорткомплексе им. 200-летия Севастополя, и Юля (ее фамилию, увы, не помню).

11 марта

Продолжалась активная работа идеологического отдела. Были разработаны и направлены на согласование в Москву следующие разделы брошюры для будущих агитаторов избиркома: «Студенты, аспиранты и работники высшей школы», «Статус вузов Севастополя», «Вопросы средней школы», «Судебная система», «Налоговая система», «Работа севастопольской таможни», «Социальная категория: работники образования, родители школьников и воспитанников дошкольных учреждений». В этот же день появились первые, пока еще схематические наработки по документу, озаглавленному «Концепция экономического развития Севастополя в составе Российской Федерации». Был разработан проект документа «Концепция реформирования и работы правоохранительных органов Севастополя в переходный период».

Утром стало известно, что по представлению Государственной службы финансового мониторинга Украины было приостановлено функционирование счетов Благотворительной организации «35-я береговая батарея». На этих счетах, начиная с 27 февраля, аккумулировались пожертвования физических и юридических лиц. Их предполагалось использовать для оплаты тех безотлагательных потребностей города, по которым было прекращено государственное бюджетное финансирование, а именно уборка города и вывоз мусора, покупка топлива для автопарка муниципальной милиции, оплата медикаментов для социально незащищенных слоев населения. Счета были открыты в банках «Сбербанк России» и ВТБ. Позже нас станут обвинять в непредусмотрительности — зачем, мол, было открывать счета в банках, которые подконтрольны Киеву? Объяснение простое: других банков не было. Все финансовые учреждения, даже содержащие в названии слово «Россия», работали в Севастополе, подчиняясь правилам и узаконениям Украины.

Дважды, с перерывом в пару часов, я звонил в Киев председателю госслужбы финансового мониторинга Игорю Борисовичу Черкасскому. В изысканно вежливой форме отвечала секретарь-референт. Первый раз,

услышав, что я из Севастополя и говорю по-русски, перешла на русский, второй раз не снизошла. Ответ был стандартный: «Как только ситуация прояснится, мы с Вами свяжемся». Но так и не перезвонили. По всем доступным каналам — по факсу и электронной почте — в тот же день нами было направлено в Киев открытое письмо следующего содержания.

11 марта мы получили сообщение от обслуживающих банков о приостановлении функционирования счетов Благотворительной организации «35-я береговая батарея». <…>

Сообщаем, что полученные пожертвования используются исключительно в рамках уставной деятельности Благотворительной организации «35-я береговая батарея» в целях финансирования потребностей города-героя Севастополя по охране и сбережению культурного наследия, историко-культурной среды, памятников истории и культуры, мест захоронения участников боевых действий, предоставлению помощи ветеранам Великой Отечественной войны (при условии отсутствия государственного бюджетного финансирования этих потребностей).

Руководство Благотворительной организации «35-я береговая батарея» обращается к вам, как руководителю Государственной службы финансового мониторинга Украины, с требованием разъяснить причины блокирования счетов, а также сообщить о сроках их разблокирования.

Председатель правления Благотворительной организации «35-я береговая батарея» ГОРЕЛОВ В. Н.

Стоит ли говорить, что и это послание осталось без ответа. До получения разъяснений сбор средств на счета «Сбербанка России» и ВТБ был приостановлен. Действующими остались лишь реквизиты партнеров по сбору благотворительной помощи в Российской Федерации, а именно Благотворительного фонда Святителя Василия Великого и Межрегиональной общественной организации «Вече». Несколько дней спустя Шевченковский суд Киева арестовал счета БО «35-я береговая батарея».

Во второй половине дня состоялось заседание технологического отдела. Мы составили план работы по изданию и распространению печатных материалов. Было решено, что состоится четыре спецвыпуска газеты, тираж листовок составит 103 тыс. экземпляров, будут созданы агитбригады. Рабочие записи, оставшиеся от того совещания, схематичны. Не расшифрованные вовремя, они показывают только основные вопросы, которые обсуждались. Подробности растворились в прошлом.

12 марта

Вечером под руководством Алексея Чалого состоялось совместное совещание двух отделов, идеологического и технологического. К этому дню не подготовленными для технологического отдела оставались лишь три раздела: служба в армии, служба в ВМСУ, национальный вопрос. На 13 марта был запланирован выпуск газеты «Слава Севастополя» тиражом 150 тыс. экз., на субботу 16 марта — газеты «Севастопольские известия» тиражом 150 тыс. экз.

Подготовка к референдуму вышла на финишную прямую.

Примерно в эти дни в Координационный совет на имя А. М. Чалого и премьер-министра Независимой Республики Крым (так в документе. — *В. Г.*) поступило следующее обращение:

01 марта 2014 г., выполняя приказ командования в/ч 2382, личный состав кораблей покинули место постоянной дислокации в г. Балаклава, прибыв в г. Одессу в в/ч 1485 02.03.2014.

Более 100 человек военнослужащих изъявили желание вернуться к семьям в г. Севастополь для дальнейшего прохождения службы по месту заключения контракта. В настоящее время командование в/ч 1485 г. Одессы не принимают рапорта на увольнение и всячески препятствуют возвращению домой.

На наших детей оказывается сильное моральное и психологическое давление с угрозами вплоть до уголовной ответственности за желание вернуться в Крым.

В связи с этим наши дети лишены возможности принять участие в референдуме. Просим Вас рассмотреть возможность родителям военнослужащих, находящихся в г. Одессе, проголосовать за своих детей, чтобы их волеизъявления были учтены при голосовании.

Исходя из вышеизложенного, просим Вас рассмотреть наше обращение в кратчайшие сроки и оказать содействие в возвращении наших детей в Крым.

С уважением, родители и родственники военнослужащих в/ч 2382 г. Балаклавы в количестве 12 человек:

(далее 12 подписей с указанием фамилий. — *В. Г.*)

Этот документ приложен к служебной записке, которую для председателя Координационного совета подготовил Михаил Метальников.

13 марта

Распоряжением Д. А. Белика, исполняющего обязанности председателя Севастопольской горгосадминистрации, временно, с 13 марта до 25 мая 2014 г., в целях обеспечения учебного процесса были ограничены проверки в учебных заведениях Севастополя «без предварительного согласования с Севастопольской городской государственной администрацией».

В дни Русской весны на въезде на территорию Республики Крым и города Севастополя были установлены блокпосты и проводился досмотр всех без исключения транспортных средств. Единственным средством доставки оружия для осуществления террористических актов оставалась его пересылка, и этим пыталась воспользоваться украинская сторона. Например, 11 марта в отделении № 1 экспресс-доставки «Новая почта» была обнаружена посылка, содержащая шесть бронежилетов и десять щитов, которые предназначались для лидера Гагаринской организации партии «Удар». Начиная с 13 марта и до подведения итогов референдума 17 марта работа всех пяти отделений службы экспресс-доставки грузов «Новая почта» была временно прекращена. Это доставило определенные неудобства как простым горожанам, так и представителя малого бизнеса, но в канун референдума обеспечение безопасности жителей Севастополя вышло на первый план.

Сохранилось описание ситуации на блокпостах вокруг Севастополя по состоянию на этот день. Общее число блокпостов — пять: Бельбек, Орловский мост, Фронтовое, Верхнесадовое и Терновка. В резюме были сформулированы главные проблемы: отсутствие сплошного перекрытия дорог (например, одна асфальтированная и несколько проселочных дорог были не закрыты), отсутствие необходимого вооружения и снаряжения, а также отсутствие общего командования, способного обеспечить правильную диспозицию и распределение сил. Была отмечена также слабая организация на блокпосту Верхнесадовое (отсутствие единства в управлении), малочисленность блокпоста Бельбек и нехватка продуктов на блокпосту Фронтовое.

На блокпостах дежурили сотрудники ДПС, милиционеры, казаки, ветераны КЧФ, сотрудники охранного предприятия «Рубеж», байкеры клуба «Ночные волки», местные жители. Единовременно несли дежурство от 90 до 100 человек. В день референдума численность людей на некоторых блокпостах предполагалось существенно увеличить.

Кстати сказать, порой возникали неожиданные вопросы по поводу пропускного режима на блокпостах. Например, 27 февраля в Джанкое был остановлен автомобиль ГАЗ 33021 гос. номер АЕ52-75СЕ, который перевозил средства взрывания СИН ПРИМА ЕРА в количестве 7000 шт. для Балаклавского рудоуправления им. А. М. Горького. Автомобиль был вынужден вернуться на Павлоградский химический завод. Поскольку средств взрывания на склад взрывчатых веществ по состоянию на 28 февраля оставалось всего на десять дней работы, председатель правления АО «Балаклавское РУ» В. П. Немченко обратился к председателю Координационного совета с просьбой разрешить въезд на территорию АР Крым автомобиля со взрывчаткой, предназначенной для промышленных целей. Письмо было на имя В. П. Литвинова, но было ли дано разрешение на ввоз взрывчатки, документы не сообщают.

В середине дня 13 марта было подготовлено обращение к ректору Севастопольского национального технического университета Е. В. Пашкову с просьбой оказать содействие в организации встречи представителей Координационного совета со студенческой молодежью. Формат встречи предполагался следующий: вопрос—ответ. Обращение подписал и. о. председателя городской администрации Д. А. Белик. Встреча состоялась в пятницу, 14 марта, на двух площадках — в здании Университета в студгородке в одной из 400 аудиторий и в актовом зале на втором этаже старого здания на улице Гоголя. Со студентами общались Ольга Тимофеева и Александр Цуканов.

14 марта

По указанию председателя Координационного совета Алексея Чалого была создана группа наблюдателей за проведением референдума в следующем составе: Кажанов, Тимофеева, Волков, Кулагин, Хомякова, Соловьев, Донец, Посметный, Горелов, Колесников, Меркулов, Караваев.

Печатались и активно распространялись листовки, которые были подготовлены технологическим отделом Координационного совета, но помимо них в городе можно было увидеть тексты, которые севастопольцы составляли и распространяли на инициативных началах.

У нас было определенное беспокойство насчет качества «самодеятельных» листовок и воззваний, обусловленное тем, что в некоторых из них содержались ошибки. Например, неточно были представлены вопросы будущего референдума, что могло ввести в заблуждение людей, пришедших 16 марта на участки для голосования, но остановить инициативу севастопольцев, которые всеми доступными им средствами и всеми силами желали помочь благому делу, мы не могли — и не считали это правильным. Единственное, что нам удалась сделать, это исправить некоторые тексты, которые авторы, понимающие свою ответственность за качество печатного слова, сами приносили нам для согласования.

Установить тираж листовок, которые были выпущены в Севастополе по инициативе горожан — отпечатаны на принтерах или размножены на ксероксе, — не представляется возможным, но образцы многих из них сохранились. Например:

Все на референдум

Вы за воссоединение Крыма с Россией на правах субъекта Российской Федерации?

Жизнь в составе сильного, стабильного государства.

Сохранения русского языка и культуры.

*Повышение пенсий и заработных плат учителям, врачам и работникам бюджетной сферы (на сегодняшний день минимальная пенсия в России составляет **3000–5000** гривен, заработная плата учителей, врачей и бюджетников составляет **6000–10000** гривен).*

Гарантии нераспространения фашизма и национализма.

Достойное образование и медицинское обеспечение.

Вложение денежных средств в развитие Крыма и Севастополя.

Вы за восстановление действия Конституции Республики Крым 1992 года и за статус Крыма как части Украины?

Подчинение Крыма нелегитимной фашистской и бандеровской власти Киева. Распространение идеологии фашизма и национализма. ***Помните, они доберутся и до нас.***

Жизнь в нищей стране, на условиях кабальной зависимости от МВФ и ЕС.

Возраст выхода на пенсию 60–65 лет.

Ограничение выплаты пенсии работающим пенсионерам (либо пенсия, либо зарплата).

Устанавливается пенсионный возраст офицерам с 60 лет.

Абсолютный запрет на повышение пенсий, пособий, заработной платы.

Уничтожение русского языка и культуры.

Повышение коммунальных услуг: в 2 раза на газ, на 40 % на электричество.

Уважаемые жители и граждане города Севастополя!

16 марта 2014 года сделайте правильный выбор, за который Вам будет не стыдно перед детьми и внуками.

Фашизм не пройдет. Отстаивайте же Севастополь и Крым!

Конечно, листовки и другие информационные материалы понижали уровень обеспокоенности людей, но не сводили к нулю. Среди документов Координационного совета сохранилось следующее обращение:

Руководству Крыма и Севастополя
*от пенсионера (*имя исключено из публикации. — *В. Г.)*

Чтобы не было провокаций и срыва референдума, надо до его проведения запретить въезд на территорию Крыма и Севастополя граждан, не проживающих в Крыму.

Многие пенсионеры, которые доверили свои сбережения частным банкам, могут проголосовать за второй вопрос в избирательном бюллетене.

Необходимо заявление правительства России о гарантии возвращения сбережений граждан при вступлении Крыма и Севастополя в состав России.

Правительство России такого заявления не делало (и не могло сделать по политическим соображениям), но 14 марта председатель Координационного совета подписал распоряжение № 22 «О гарантиях прав граждан на социальное обеспечение»:

В случае, если жители города <…> на предстоящем 16 марта сего года референдуме проголосуют за вхождение в состав Российской Федерации и до принятия в состав Российской Федерации, власти г. Севастополя гарантируют принятие на себя социальных обязательств перед гражданами Украины, иностранными гражданами и лицами без гражданства <…> по выплате назначенных им пенсий, пособий и иных социальных выплат <…> по ранее установленным тарифам (ставкам).

Тем самым снималась обеспокоенность самых незащищенных категорий севастопольцев.

Впрочем, накануне референдума не дремали и недруги. В Севастополе появились воззвания следующего содержания:

Крымчане, посмотрите правде в глаза! Что ждет нас с присоединением к России!

Вы можете лишиться всего имущества! В новом государстве будет необходимо переоформлять право собственности на квартиры, землю и дома по новым правилам и за свои деньги! Вы готовы?

Ваш трудовой стаж обнулят! Все эти годы ВЫ трудились на благо Украине и ей платили налог! Достойной российской пенсии можете не ждать! Вы готовы?

Работа: все, кто работал на предприятиях, связанных с Украиной, потеряют свою работу из-за разрыва экономических связей. Вы готовы терять работу?

Коммунальные услуги! Все останется как прежде, просто станет значительно дороже, потому что воду, электричество и газ будут продавать через границу с учетом таможенных пошлин.

Служба Родине: наконец-то все молодые крымчане смогут как следует проявить себя, выполняя свой накопившийся долг перед Родиной. Год службы, проведенный где-то в Воркуте или Чите, оставит незабываемые впечатления.

Хорошо подумайте перед тем, как сделать свой выбор!

А вот еще один опус:

Севастопольцы!

Эйфория по поводу решения нашего горсовета о присоединении Севастополя к России имеет и обратную — темную — сторону. Ибо совершенно очевидно, что принимаемое решение — на руку президенту Путину и его окружению. Не удивительно, что российские депутаты в один голос рассказывают нам, как хорошо и круто все будет.

Но давайте вместе задумаемся, что реально, так сказать, по факту мы получим от грядущего присоединения.

Итак, у вас дети учатся в Киеве, Харькове, Днепропетровске? Завтра они окажутся … за границей. Вы даже позвонить не сможете по внутреннему тарифу «Моя семья». Будете звонить за границу.

Дети помогают вам деньгами из Киева? Забудьте про мгновенный перевод и «приватовскую» карточку. Ведь завтра этого не будет.

После присоединения к России никто из Крыма ни в какую Одессу «затариться» шмотками не поедет. Почему? Потому, что будет граница, таможня, поборы и налоги.

А коммуналка? Вода — украинская, из Днепровского канала. Электричество — из Николаевской области. И думаете, теперь «заграница» по-дешевке поставлять все это будет?

Туризм будет в упадке. Закупаемые для его развития товары станут «золотыми», «отбивать» их придется годами!

И никакой «Новой Почты», к которой многие из нас привыкли, завтра не будет! Она нам доставляет товары за рубеж.

Уважаемые мамы. Если вашему сыну лет десять или больше, знайте, служить он пойдет в российскую армию. Вы уверены, что он не станет участвовать в следующем конфликте в Чечне?

В заключение. Мы все должны признать, результаты референдума уже решены без нас с вами. Наше мнение никого не интересует. Путину нужен Крым, а не наше волеизъявление.

«План Путина» — это непризнанная республика. Мертворожденный ошметок типа Приднестровья или Абхазии — без будущего, без перспектив, в экономической и политической блокаде, в нищете и голоде.

И последнее. Чтоб вы знали — для узкого круга российских олигархов, представленных в Госдуме, Путин уже пообещал полный дерибан крымского побережья. От Керчи до Евпатории, под бульдозер! Русская элита жить будет!

Инициативная группа «За Город-герой Севастополь»!

В этот день появилось заявление о ликвидации севастопольской городской организации Партии регионов:

Обращаемся ко всем членам Партии регионов, работающим в составе участковых и городских комиссий по референдуму наблюдателями, агитаторами и в силах самообороны обеспечить организованную работу в день голосования, проявить бдительность, не допустить срывов и провокаций, гарантировать честное и свободное волеизъявление севастопольцев.

Призвать всех членов Партии регионов, севастопольцев объединиться и активно проголосовать на историческом референдуме за вступление Крыма и Севастополя в состав Российской Федерации.

Обеспечить максимально высокую добровольную явку голосующих.

Севастопольская городская организация Партии регионов выражает однозначную уверенность в том, что референдум пройдет при высочайшей явке севастопольцев и подавляющем выборе за вхождение в состав Российской Федерации.

Учитывая то, что на территории Российской Федерации не могут действовать иностранные политические партии, мы принимаем решение о ликвидации севастопольской городской организации Партии регионов и ее структурных отделений. Сформировать ликвидационную комиссию в составе: Корюкин Н. В., Колесниченко В. В., Сысуев П. Н., Румянцев О. В., Старый А. П., Рубанов Ф. Ф., Черников Ю. В., Лобач Т. Г.

Поручить руководство ликвидационной комиссии Корюкину Н.В.

От имени севастопольцев выражаем благодарность депутатам Севастопольского городского совета от Партии регионов, которые принимали участие в сессиях городского совета и голосовали за принятие исторических решений в период после 22 февраля 2014 г.

Осудить депутатов от Парии регионов, которые не принимали участие в работе Севастопольского городского совета в период после 22 февраля 2014 г. и своим неголосованием могли лишить севастопольцев законного права на исторический выбор (за исключением «по уважительной причине»).

<…> Организовать новую фракцию «Российский Севастополь».

<…>

Рекомендовать ликвидационной комиссии после окончания всех необходимых расчетов оставшиеся средства направить на обеспечение деятельности общественного движения «Российский Севастополь», как правопреемника Севастопольской городской организации Партии регионов.

Все на референдум!

(Далее — подписи 22-х членов Совета Севастопольской городской организации Партии регионов).

Вечером 14 марта я направился в Бахчисарай пообщаться со своими знакомыми из крымских татар. С собой взял листовки, газеты, распечатку часто задаваемых вопросов и ответов на них — в общем, все те материалы, которые были приготовлены Координационным советом. На выезде из Севастополя попал в колонну автомобилей, которая тянулась вслед за ползущей по Инкерманскому подъему тяжелой военной техникой: север Крыма требовал надежной защиты накануне голосования. Хорошо обустроенный и многолюдный блокпост за Верхнесадовым мой военный УАЗ прошел быстро и без досмотра.

В Бахчисарай я приехал затемно, провел в гостях часа полтора-два. Разрезали торт, пили чай, обсуждали происходящее. Вскоре после рабо-

ты пришли домой дочери моей знакомой. Младшенькая — говорливая и смешливая, старшая, как положено — строгая, рассудительная, серьезная. Передо мной были мыслящие, лучше многих из нас говорящие по-русски люди, о событиях в Киеве и на Западной Украине знающие едва ли не все и отлично понимающие, что там происходит нечто немыслимое, неприемлемое, порочное. Когда хозяйка сказала: «Они заставят нас говорить по-украински, а почему? Я не хочу этого, это не мой язык», я впервые осознал, что мы вместе с крымскими татарами оказались перед лицом одной той же угрозы. Татары понимали, что для нынешней власти враги все те, кто суть не щирые украинцы. Сначала майдауны расправятся с нами, русскими и русскоговорящими, а потом примутся украинизировать крымских татар. Национализм тем и страшен, что нет для него разделения на добрых и злых, честных и лживых, праведников и грешников. Всяк, кто не проорал вовремя «Хэроям слава!», всяк, кто не задергался в истерическом топоте под крики «Хто не скаче, той москаль!» — того или на ножи, или в поденное рабство.

Двумя днями раньше я стал свидетелем важной встречи в Координационном совете. Ее итогом стал документ, сохранившийся у меня в виде ксерокопии рукописного оригинала. Текст говорит сам за себя:

«Дорогие крымские татары!

Обращается к Вам ваш соотечественник, которому не безразлична судьба народа и всего Крыма. Призываю Вас пойти на референдум. Хочу немного об истории напомнить.

Крымский Хан, в силу исторических обстоятельств, присоединил Крым к России. Далее наступил «коммунизм», который принес нашему народу много горя. Хрущев, чтобы скрыть свое преступление против украинского народа, подарил Крым Украине. Вспомним, как он бил туфлей об стол в Америке. Вспомним, как Мы смогли вернуться на Родину. Вспомним те тяжелые времена обустройства и «интеграции». И то, что Нам дала Украина самостийная: по нескольку миллионов гривен, которые расходились по Министерствам и Ведомствам, и ничего более.

Сегодня, когда Украина оказалась под «глобальной политикой», отмечу — «мировой, обобранной до ниточки»… Я благодарю Путина за то, что он услышал голос Крымского Народа, проявляя дальновидность, и Крымский Парламент, который уже принял проект по отношению к крымско-татарскому народу, и в котором участвовал наш уважаемый Рефат ага.

Прошу Вас, Рефат ага, на этапе самосохранения нашего Народа, соблюсти «демократию» и дать народу нашему сделать свой выбор.

Уважаемые соотечественники, призываю Вас пойти на референдум и сделать правильный выбор. Нам, всем жителям Крыма, нужен Мир. Независимо от национальности Мы все находим взаимопонимание. И благодаря «Майдану» наступило время восстановить справедливость.

Спасибо России. Спасибо Путину.

Османов Мидой, житель Севастополя. До 1994 г. активно участвовал в движении за возвращение народа на Родину.

Убедительно прошу компетентные органы довести до жителей Крыма мое «обращение». Все вышеизложенное мое личное мнение. 12.03.14.

Это обращение я привез и передал в Бахчисарай.

Перед моим отъездом Гульнара решила передать мне копию одного документа. Направились в ближайший магазин, где был ксерокс. Шли по улице Гаспринского, мимо старой мечети, в которой в незапамятные времена прадед моей знакомой служил имамом, когда нам повстречались и с нами поздоровались двое худощавых невысокого роста мужчин. Это был патруль из местных жителей, охранявших порядок. «Не хотим провокаций. Сейчас какой-нибудь пьянчуга сдуру ударит ногой по мечети, и люди начнут возмущаться: “Вот, смотрите, нам нельзя жить вместе с русскими!” Нужно, чтобы перед референдумом все было тихо», — объяснила Гульнара.

Из Бахчисарая я уезжал со спокойным сердцем. На блокпосту у Верхнесадового часовой фонариком осветил и осмотрел салон. Потом, обходя машину, заметил наклейку со словами вице-адмирала Корнилова «Отстаивайте же Севастополь» и кивнул: «Проезжай!». Через полчаса я был дома.

В день референдума, 16 марта, моя знакомая позвонила и сказала, что их избирательный участок почему-то оказался закрыт. Тогда она с дочерями пошла на другой участок и попросила внести их в списки. Они проголосовали за Россию. «У меня ощущение, что мы двадцать лет жили на чужбине», — сказала Гульнара.

В повседневной речи мы слово «чужбина» употребляем редко, оно стало для нас чрезмерно литературным, выспренним. Здесь же оно прозвучало плавно и естественно. Воистину, русский язык у Гульнары богаче, чем у многих из нас.

Распоряжением № 23 председателя Координационного совета от 14 марта день, следующий за общекрымским референдумом, был объявлен выходным.

15 марта

После полудня дел уже не было, оставалось лишь ждать, а это, как известно, самое скверное. Чтобы скоротать время, я решил заняться машиной — подтекало масло, надо было поменять пару прокладок. Поехал на авторынок. Там шла бойкая торговля, покупатели перетекали от одного прилавка к другому, что-то спрашивали у продавцов, советовались, обсуждали качество деталей и запчастей. Я смотрел на них с тяжелым смятением.

Мне показалось, что все эти люди столь далеки от происходящих событий, столь погружены в свои нужды, в свои повседневные и важные для них заботы, что 16 марта они не придут голосовать. Нет, они не просто не придут, они о референдуме даже не вспомнят. Зачем мы затеяли все это, кому это нужно, кроме нас самих?

Позже выяснилось, что 16 марта по русскому народному календарю — это день, когда медведь выходит из берлоги.

Наступило воскресное утро, и русский медведь проснулся.

16 марта

Ранним утром в день референдума в городе появились наспех наклеенные листовки, в которых сообщалось о якобы порочном прошлом Сергея Аксенова. Было их, однако, немного и, судя по тому, что размещались они

в укромных, малолюдных местах (по всей видимости, расклейщики листовок опасались схлопотать взбучку от горожан) успеха не имели. Текст этих листовок у меня не сохранился: склизкие, намокшие от дождя, они были сорваны, скомканы и бесславно растворились в истории.

Наверно, каждый из тех, кто был наблюдателем на референдуме, может по-своему рассказать, что происходило на подведомственных избирательных участках. Я в течение дня раз пять или шесть приезжал на избирательные участки, выбранные мной для мониторинга.

Несмотря на скверную погоду, люди шли нескончаемым потоком. Шли поодиночке и семьями, с детьми и без, юные и не очень. Хорошо помню пожилого человека, который передвигался с большим трудом, опираясь на палочку, и после десяти-пятнадцати шагов останавливался на пару минут, чтобы передохнуть. Голосование 16 марта стало воистину всенародным. Периодически созванивались с Григорием Григорьевичем, который также посещал участки в Стрелецкой, обменивались мнениями.

В течение дня мне довелось проезжать мимо авторынка, того самого, где днем накануне я столь нелестно подумал о продавцах и посетителях. Рынок оказался закрыт, на воротах белел листок бумаги в прозрачном файле. Спешился, подошел к воротам, чтобы прочитать объявление. На нем значилось примерно следующее: «В воскресенье, 16 марта, авторынок не работает». Из ближайшего павильона меня увидел и вышел ко мне охранник, молодой парень, коего я вопросил, прикинувшись невеждой, по какому случаю выходной. Тот посмотрел на меня с изумлением, как на помешанного: «Так сегодня же референдум. Всем надо голосовать». Я молча повернулся и пошел к машине.

Сограждане, продавцы и покупатели автозапчастей, простите меня! Днем накануне по отношению к Вам я был неправ. Каюсь.

Во время каждого из своих приездов на избирательные участки я подходил и к членам комиссии, которые заполняли журналы регистрации выдачи бюллетеней, и к урнам. Видно было, как в журналах постепенно уплотняются росписи тех, кто приходил для голосования. Среди заполненных бюллетеней, которые можно было рассмотреть в прозрачных урнах, я не увидел ни одного — ни одного! — где отметка стояла бы против неподобающего вопроса.

Политики всех стран и континентов! Если кто-либо и когда-либо заявит о том, что результаты голосования в Севастополе были подтасованы — не верьте, это будет махровая ложь. И не потому, что таковое физически невозможно: злые языки глаголят, что избирательные «карусельные» технологии позволяют качнуть результаты на несколько процентов в ту или иную сторону. Но на референдуме 16 марта севастопольцы высказались столь однозначно и столь массово за воссоединение с Россией, что в фальсификации результатов волеизъявления не было ни малейшей необходимости.

На избирательном участке у школы № 34, что в старой Стрелецкой, была развернута передвижная станция для передачи сигнала по спутниковому каналу: иностранные журналисты работали в режиме on-line. Подошел к одному из них, убедился в наличии аккредитации, спросил, откуда прибыли. Ответили: из США, работают для канала CNN. В тот же день мои коллеги, Виталий Хворост и Александр Самускевич, нашли в Интернете один из репортажей CNN (сделанный, правда, судя по «заднику», на

другом участке). Журналист, ничтоже сумняшеся, сообщила всему миру, что на севастопольских улицах такое изобилие военных, что голосование, конечно же, не может считаться свободным. Бог ей судья, брехливой представительнице «беспристрастных» западных СМИ.

Побеседовал с председателем участковой комиссии. Она сообщила, что по состоянию на 8 часов 30 минут на этом участке успели проголосовать 200 человек, все проходит абсолютно спокойно, и она беспокоится лишь о том, что в случае малейшей провокации иностранцы снимут ее в выгодном для себя ракурсе и сотворят из мухи слона. У меня тоже складывалось впечатление, что журналисты томительно ожидали «жаренького». Однако такого счастья севастопольцы бедолагам так и не предоставили.

Четырьмя днями позже, 20 марта, уже находясь в Москве, я получил по электронной почте следующее сообщение от Натальи Михайловны Терещук, ранее — заместителя директора Государственного архива в городе Севастополе, в те дни — руководителя архива Севастопольского горсовета: «Бюллетени референдума в опечатанных мешках успешно передали на хранение в Госархив».

16 марта датируется обращение командующего ВМСУ контр-адмирала С. А. Гайдука, которое начинается словами: «Командование Военно-морских сил Украины, руководители Вооруженных сил России и крымских органов власти в диалоге нашли формат, который позволил избежать вооруженных столкновений и человеческих жертв». Далее командующий призывает к примирению, переговорам, мудрости и благоразумию. Обращение завершается прощальными словами «Верю в мудрость, благоразумие и выдержку крымчан и севастопольцев. Желаю вам добра и благополучия». Наступил конец противостоянию между ВМСУ и народом Крыма и Севастополя.

Вечером на площади Нахимова состоялось оглашение предварительных итогов голосования. Народ не безмолвствовал.

Добавить к сказанному в этой главе нечего — за исключением одного.

Мне сообщили (скорее всего, позвонил или Дмитрий Жуков, или Антон Пархоменко), что нужно срочно зайти к председателю Координационного совета для важного разговора. Алексей Михайлович встретил у себя в кабинете, был в приподнятом настроении, и понятно, почему: голосование прошло без нарушений, результат народного волеизъявления очевиден. Слова Алексея Чалого были краткими, я их отлично помню и воспроизвожу почти буквально. Он сообщил, что 17 марта, в полдень, мы поднимаем над ратушей (именно так было сказано — «над ратушей») российский флаг, и сразу после этого военным бортом летим в Москву на заседание экспертной группы по развитию Крыма и Севастополя. Поэтому с утра нужно явиться на работу уже с вещами. О поездке в Москву никому сообщать не следует.

Домой я заявился с видом нескрываемо торжественным. О том, что мы уезжаем в Москву, моя жена Наталья догадалась самостоятельно, ей не потребовались долгие и мучительные допросы с пристрастием. Вообще женская интуиция — субстанция загадочная и мужскому сознанию неподвластная.

Вопрос, однако, был в следующем: для вышеозначенного совещания в Москве (столица-таки!) могла потребоваться официальная форма одежды, коей в наличии не было, и я предложил в понедельник, в оставшиеся полдня, купить какой-нибудь костюм в магазине фабрики им. Нины Ониловой.

Жена немного подумала и произнесла логически безупречную фразу: «Ты революцию делал в свитере — вот в свитере и поезжай».

Как и почему Алексей Чалый оказался в черном свитере в Георгиевском зале Большого Кремлевского Дворца, он рассказывал неоднократно, и это есть самая что ни на есть сермяжная правда: мы действительно направлялись на рабочее совещание. Об ином смысле нашей поездки я догадался лишь в ночь с 17 на 18 марта, когда в «Президент-Отеле» на Большой Якиманке подключил свой рабочий ноутбук к сети Интернет и узнал, что 18 марта в 13 часов состоится обращение Президента к народу Российской Федерации. Поскольку нас просили собраться в холле гостиницы к 11 часам, стало понятно, что истинная цель нашего пребывания в Москве — выслушать обращение Президента.

Но по поводу нашей не вполне торжественной одежки никто в Кремле и словом не обмолвился. Внимание многоопытных, искушенных политиков, которые сидели справа от крымской делегации, в центральном ряду, было всецело приковано к волнующему выступлению Президента. Владимир Путин произнес в тот день, возможно, самую главную, самую знаменательную речь за все годы своего управления государством Российским.

Кто знает, не назовут ли спустя столетия 18 марта 2014 г. датой возрождения великой России, а Георгиевский зал — той новой точкой отсчета, «откуду Руская земля стала есть»?

17 марта

Председателем Координационного совета подписано распоряжение № 25 «О приостановлении проведения регистрации граждан по месту жительства»:

В связи с вступлением в силу официальных результатов референдума о воссоединении Крыма с Россией и вхождением города Севастополь в состав Российской Федерации на правах субъекта временно приостановить регистрацию граждан по месту жительства в городе Севастополь до особого распоряжения о порядке регистрации граждан.

Контроль за исполнением данного распоряжения возложить на Управление государственной миграционной службы в городе Севастополе и его территориальные подразделения.

Утром с главного фасада здания горгосадминистрации был аккуратно демонтирован трезубец, эмблема Украины.

Тризуб явно не жаждал покидать насиженное местечко и сопротивлялся изрядно, но что он мог сделать против тяжелого лома и какой-то матери? Впрочем, потом потребовалась и «болгарка», чтобы отрезать замурованные в стену штыри. Работу выполнял Александр Селицкий. Он вышел на козырек, который нависал над входом, из окна приемной на втором этаже, где в дни революции базировался силовой блок под управлением Михаила Чалого. Когда трезубец, наконец, отделился и повис на стропах, посыпались долу старая листва, мелкие ветки и прочий мусор, накопившийся в пазухе между стеной и символом украинского государства. Трезубец уложили на открытую платформу автомобиля, рядом разместили украиноязычную табличку «УКРАЙНА СЕВАСТОПОЛЬСЬКА МИСЬКА ДЕРЖАВНА АД-

МІНІСТРАЦІЯ», которая до этого висела слева от главного входа. Демонтаж чуждых Севастополю украинских символов запечатлели тележурналисты, в том числе канала «Россия», и в тот же день сюжет был показан по российскому телевидению.

После этого, в полдень или чуть позже, над зданием администрации был поднят российский стяг. Мы с Сергеем Кажановым долго примерялись, откуда будем снимать церемонию поднятия флага, нашли хорошую точку, но я этим не воспользовался: желающих зафиксировать исторический момент было достаточно и без меня. В этот день дул сильный западный ветер. Он подхватил огромное полотнище, и оно торжественно и радостно затрепетало над городом и Севастопольской бухтой. Возобновилась прерванная на 23 года российская история Севастополя!

Примерно в час или два пополудни мы погрузились в автобус, который ожидал нас на площади Нахимова между памятником адмиралу и Домом Москвы, и тронулись в путь. Пока шли к автобусу, Александр Кулагин, зная мою страсть к собирательству, презентовал маленький пластмассовый трезубец, оторванный от диска телефонного аппарата правительственной связи, но он потом где-то затерялся.

В Симферополе, где мы стояли около часа, к нашему автобусу присоединились еще два, с крымской делегацией. Ехали непрерывно, без каких-либо пояснений и объявлений о маршруте, то есть интрига сохранялась полностью. Только в Феодосии сделали короткую «техническую» остановку и смогли испить водицы.

В Керчь прибыли, когда основательно стемнело. Нас поджидал паром, и в сторону Тамани мы отправились без задержек. На борту изголодавшиеся за долгую дорогу сепаратисты ринулись искать буфет, чтобы хоть немного перекусить, но тут случилась легкая неприятность: торговля на пароме шла только за российские рубли, а они были не у каждого. Потому севастопольские владельцы рублевой массы щедро заказывали гуманитарные кофе и круассаны на всех сподвижников, покуда хватало денег. Крымчане к путешествию оказались подготовленными лучше, они изъяли из своих автобусов картонные коробки с бутербродами, водой и наркомовскими, но севастопольцев на праздник жизни не пригласили. Кстати, точно уже не помню, но кажется, что паспорта при пересечении бывшей украинско-российской границы у нас никто не проверял.

По кубанской земле ехали часа полтора или два, пока перед нами не мелькнул дорожный указатель на Анапу. Стало понятно, что полетим с ближайшего к Тамани аэродрома. На летное поле вышли после скоротечной и доброжелательной паспортной проверки. Нас ожидали три самолета, на борту каждого — расцветка российского триколора и надпись «Россия» крупными буквами. Как позже выяснилось, это были самолеты Ту-204-300 из состава специального летного отряда «Россия». Естественно, что автор этих строк не удержался и позаимствовал на долгую историческую память инструкцию по безопасности, изъятую из кармана впереди стоящего кресла: все-таки на таких самолетах летаешь не каждый день.

Мы зашли на борт. Прошли насквозь через первый, роскошный салон и угнездились во втором, где стояло два ряда кресел, парами в каждом ряду. Вскоре появилась миловидная и улыбчивая, несмотря на весьма поздний час, стюардесса. Состоялся короткий диалог.

— Куда мы летим?
— В Москву.
— А сколько лететь?
— Три часа.
— Почему не два? Почему так долго?
— Чтобы мы успели вас хорошо покормить.

Ответ и насторожил, и порадовал.

Покормили и впрямь отменно, в две или даже три перемены подносов. Я был столь голоден, что меню не запомнил. Однако хорошо помню, как пролегал маршрут.

В салоне самолета по центру был установлен монитор, на котором отражалась карта полета. Вместо того чтобы лететь на север, летчик взял курс на восток. Все ясно, подумали мы с Кажановым, совещание состоится в президентской резиденции в Сочи. Но нет: вскоре самолет повернул на северо-северо-восток, в сторону Кисловодска и Минеральных Вод, а оттуда — на Астрахань. Затем пролетели над Волгоградом, Самарой, и лишь не долетая Нижнего Новгорода стали круто подворачивать на Москву. Долго гадали, на какой аэродром приземлимся: ни Шереметьево, ни Домодедово явно не вытанцовывались. Сели в правительственном Внуково-2, и после короткой автобусной «перебежки» вышли в уютном дворике, отгороженном от улицы большой клумбой и высоким решетчатым забором. Я поднял голову вверх и над огромным зданием, которое молчаливо взирало на нас бесконечными темными окнами, прочел: «Президент-Отель». Прибыли.

У стойки администратора мы с Сергеем, как и положено сирым провинциалам, договорились, что разместимся в двухместном номере, но девушка укоризненно покачала головой: «Для всех приготовлены отдельные номера». Нас очень споро оформили. В номере был доступен Wi-Fi. Благодаря вездесущему Интернету, не составило труда «вычислить», что мы прилетели, чтобы выслушать выступление Президента.

Тем временем Киев продолжал жить в мире иллюзий. Как уже упоминалось, первый документ, который отложился у меня в папке «Юридические документы», соотносится с 5 марта. Это «Повістка про виклик» (Повестка о вызове), которой представитель Координационного совета по организации Севастопольского городского управления для обеспечения жизнедеятельности города вызывался в Окружной административный суд города Киева для участия в судебном заседании по делу № 826/2908/14 по иску Генеральной прокуратуры Украины к Севастопольскому горсовету и Координационному совету. В целом сохранилось около сотни листов юридических документов — оригиналов, сшитых белой нитью и скрепленных печатью, копий и факсограмм, полученных из Киева, — но читать и разбирать их задача малопривлекательная, ибо юридические процедуры имели весьма отдаленное отношение к реальности.

Так, например, 17 марта (на следующий день после проведения общекрымского референдума!) судья Б. В. Санин признал противоправными и отменил решения Севастопольского горсовета № 7146 от 23.02.2014 «О проведении городского референдума», № 7147 от 24.02.2014 «О создании исполнительного органа Севастопольского городского совета Севастопольского городского управления по обеспечению жизнедеятельности города», № 7150 от 01.03.2014 «О заявлении депутатов Севастопольского городского

совета о политической ситуации в Украине», а также решения № 7151 от 06.03.2014, №№ 7152, 7153 и 7154 от 07.03.2014. Судья признал противоправными и отменил постановления Координационного совета №№ 1, 3, 7 и 8, постановление Севастопольского горсовета от 11.03.2014, которым подтверждалась «Декларация о независимости Автономной республики Крым и города Севастополя», и постановил закончить предварительное следствие и перейти к судебному рассмотрению дела, которое было назначено на 26 марта на 10 часов 00 минут. Дело должно было слушаться в Окружном административном суде г. Киева по адресу г. Киев, ул. Командарма Каменева, дом 8, корп. 1, каб. № 10, при этом явка полномочных представителей сторон (горсовета и Координационного совета) признана обязательной.

Интересно, понимал ли горделивый судья Санин, что все его запоздалые потуги не что иное, как «Собака лает, караван идет», или, в национальной трактовке, «В огороде бузина, а в Киеве дядька»? Конечно, ни 17 марта, ни, тем паче, 26-го, никакого фактического отношения Севастополь к Киеву уже не имел и иметь не мог. Наверно, судья был прагматиком и все понимал, но предначертанные ему должностные обязанности не мог не исполнить. Отнесемся к этому с иронией, но с пониманием.

Все без исключения юридические документы на государственном (украинском) языке, внимательно читать их сущая морока, и потому ясно понимаешь, с каким высокомерным пренебрежением относилось государство Украина к половине своего населения. К той половине, для которой родным языком был и оставался русский.

18 и 19 марта

Мы спустились в холл «Президент-Отеля» задолго до выезда и сгрудились вокруг одного из столов, на котором все севастопольцы расписались на календарях «Мы имеем право на историю и русский язык» — несколько экземпляров этого календаря взяла с собой Ольга Тимофеева. Расписывались мы и на оборотной стороне обложки книги Василия Аксенова «Остров Крым». История ее появления полна загадок. Книга, как мне рассказывали, оказалась на столе безвременно покинувшего свой кабинет Федора Рубанова — лежала сиротливо, как пророчески спущенная с небес. В России, видимо, не токмо поэт, но и писатель тоже — больше, чем писатель.

Там же, в холле, Александр Кулагин осчастливил меня бесценным подарком, испорченной при переплете «Концепцией экономико-социального развития Севастополя в условиях вхождения в состав Российской Федерации». Распечатанный на принтере текст в бизнес-центре отеля переплели неправильно, по правому обрезу, в итоге книжечка на пластиковой пружинке открывалась справа налево.

Мы въехали в Кремль через ворота Спасской башни. Автобусы остановились недалеко от Царь-Пушки, около которой, по пути к Большому Кремлевскому Дворцу, была устроена стихийная и короткая фотосессия. В здании, после прохождения через металлодетектор и паспортный контроль, нам было велено подняться на второй этаж и зарегистрироваться у стойки «Регионы России». После регистрации мы получили пластиковые карты с надписью «Большой Кремлевский Дворец 18 марта 2014 года». Номер моей карты 01097, она хранится, как величайшая реликвия.

Вскоре мы с Сергеем вошли в полный великолепия Георгиевский зал. Вошли — и в смущении остановились, ибо показалось, что все места уже давно заняты, и нам лучше ненавязчиво постоять на галерке. Но вот где-то далеко впереди, на расстоянии, которое показалось гигантским — столь впечатляющим и светлым было величие Георгиевского зала — выросла фигура Виктора Посметного, который, увидев нас, подавал рукой приглашающие знаки. Мы осмелели, ощетинились и стали протискиваться в его сторону.

Стулья в Георгиевском зале были расставлены тремя параллельными группами. Как выяснилось, на первых десяти-двенадцати рядах стульев из левой группы и на некоторых стульях в центре были зарезервированы места и лежали отпечатанные на плотной белой бумаге таблички «Представитель Крыма». Впрочем, часть стульев, как потом признался Виктор Посметный, была именная, но для того, чтобы увеличить число доступных крымчанам и севастопольцам посадочных мест, наш боевой товарищ эти именные таблички хулиганским образом собрал и спрятал в карман. Это стало мне известно много месяцев спустя, и только тогда я понял, почему Константин Затулин, оказавшись 18 марта в Георгиевском зале, долго блуждал, но так и не нашел предназначенное ему место. В последние минуты перед началом президентского обращения Константина Федоровича, наконец, усадили на дополнительный стул, установленный в проходе, и его массивная фигура весьма мешала нам с Сергеем Кажановым снимать происходящее на камеры.

Немного осмотревшись, мы увидели высокую дверь справа от подиума, на котором стояла трибуна. Президент должен был выйти оттуда, и мне хотелось зафиксировать момент его появления в зале. Долго и с напряжением ждал, «прицелившись» своей примитивной, старенькой и совершенно непригодной для репортажной съемки камерой, но появление Путина в Георгиевском зале стало, тем не менее, неожиданным и стремительным.

Президент поднялся на трибуну. Дальнейшее описывать нет необходимости, это зафиксировано в многочисленных хрониках.

После выступления Президента был легкий праздничный фуршет, на котором, впрочем, не было ни Алексея Чалого, ни Сергея Аксенова, ни Владимира Константинова. Мы понимали, что они — на переговорах с Владимиром Путиным, которые проходят по итогам только что принятых решений и подписанных документов.

Из Кремля мы направились на Васильевский спуск, где проходил митинг. Было довольно холодно и ветрено, но вся Красная площадь, все ее пространство, которое охватывал взор вплоть до Государственного исторического музея, было заполнено людьми. Высились флаги России, знамена партий и общественных движений. Царил невероятный душевный подъем.

На больших экранах, установленных слева и справа от сцены, показывали в записи выступление Президента, которое двумя часами ранее завершилось в Георгиевском зале. Крымскую и севастопольскую делегацию пропустили на небольшую площадку, расположенную у самой сцены. По пути мы развернули флаг Севастополя и люди, которые стояли за металлической оградой со стороны Красной площади, увидев этот флаг и понимая, что к сцене пробираются не голубых кровей ВИП-персоны, а родные соотечественники, приветствовали нас, тянулись к этому флагу и пожимали нам руки со словами «Ура, Севастополь!» и «Крым — наш!».

После митинга мы были в Совете Федерации, на следующий день — в Государственной Думе, затем улетели в Сочи, где нам показали нижний кластер Олимпийской деревни и спортивных сооружений. Калейдоскоп встреч и событий окончился утром 20 марта, по возвращении в Севастополь.

И здесь, видимо, полезно ответить на главный вопрос, который журналисты любят задавать спортсменам, только что установившим рекорд или завершившим победное выступление. «Что Вы ощущаете в эти минуты?» — спрашивают они, и подставляют микрофон к устам человека, который три минуты назад находился на пределе человеческих возможностей, и который, еще не отдышавшись и с бешено колотящимся сердцем, должен, по мнению журналиста, изречь свежую мысль. Самое возвышенное, на что в таких случаях хватает спортсмена, это сообщить представителю второй древнейшей профессии, что осознание случившего еще не наступило.

У меня осознание наступило сразу, но должен заметить, что в Москве, — и во время выступления Путина, и во время посещения высших органов государственной власти, — я чувствовал себя, вопреки свойствам своего характера, вполне уравновешенно, несмотря на суету, радость и волнение, которые окружали. Порой было даже не по себе: историческое ведь событие, а я невозмутим, как деревянная колода. Потом пришлось долго думать, как самому себе объяснить свое же почти олимпийское спокойствие.

Конечно, немалую роль сыграли предыдущие три недели Русской весны, они морально подготовили к восприятию нужного результата. Но была и иная причина: я никогда не верил (или, возможно, заставлял себя не верить), что Украина — это навсегда, что Украина устоит перед внутренним раздраем и внешними угрозами. Во время посиделок с коллегами, когда, на определенном этапе, разговор традиционно заходил либо о работе, либо о политике, мне доводилось многократно объяснять: «Не знаю, когда и как закончится Украина, через год, через пять или через двадцать лет, но это произойдет, и иного ей не дано».

Говорю так не потому, что сейчас, постфактум, мне выгодно выглядеть эдаким провидцем и умником задним числом. Нет, все очень просто: вся мировая история свидетельствует о том, что даже мощные государства, установленные на фундаментальных, базовых принципах, рано или поздно уходят в небытие. Примеры? Извольте — тысячелетняя византийская эпопея.

Что могло быть в те годы сакральнее, чем ортодоксальное христианство, чем священная идея правильно славить Бога и утверждать Символ Веры в окружении еретиков и иноверцев? Да, покачнулась Империя в начале XIII столетия, когда под ударами псов-крестоносцев, науськанных папским престолом, пал Константинополь, и на полсотни лет вознеслась звезда Латинской империи — но ведь поднялись же потом, и Царьград отстроили, и могущество, пусть и частично, восстановили. Но грянула Флорентийская уния, и занедужил народ, потерял скрепы и нравственный стержень, в который веровал и во имя коего мучился. И вскоре под громовые раскаты большой пушки Урбана рухнула одна из величайших империй в истории человечества.

Так что же говорить об Украине, где одна часть страны с презрением ломала через колено другую, изобретая историю и извращая истину? Все те

основы, которые делают народ народом, а их всего-то три — история, язык и культура, оказались изуродованы, преданы и лживы.

Могла ли устоять независимая, суверенная Украина? Могла, если бы киевская власть сказала своему народу: «Люди, мы с вами родом из Российской империи. Своими нынешними границами, заводами и фабриками, наукой и технологиями мы обязаны России и Советскому Союзу, которые суть почти одно и то же, и в лоне которых мы жили и честно трудились более трех сотен лет. Мы, украинцы, неотрывная часть грандиозного русского мира, и должны быть верны своему прошлому — и своему будущему».

Но позабыв, что «всякое царство, разделенное в себе, не устоит», власть предпочла иной путь. Куда он привел эту власть? Туда же, куда привела Византию Флорентийская уния. С той лишь разницей, что Византии от предательства до кончины потребовались полтора десятка лет, а Украине — несколько скоротечных майданных месяцев.

Ибо каково государство, таковы и масштабы.

Спустя две недели, 2 апреля, из старинного российского поселка Судиславль в Севастополь было отправлено следующее письмо:

Мужики! Вы молодцы!

Вы — гордость нации!

Только не завязните в болоте чиновничьего бюрократизма и не утоните в омуте коррупции.

Станьте для России примером того, как надо работать и жить!

С глубочайшим уважением и восхищением,

Галина Витальевна Чумакова, ответственный секретарь редакции газеты «Сельская жизнь» п. Судиславль Костромской области.

P.S. Прошлым летом я была в Крыму в паломнической поездке и влюбилась в ваш край. Теперь он, несомненно, станет еще краше.

К письму прилагалось стихотворение:

Мы вернулись домой!
Свершилось: Крым опять в России.
Вернулся он из плаванья домой.
Шторма истории давно его носили,
Доплыть помог майдановский прибой.
Когда наш Президент в Кремлевском зале
Дал всем понять, что мы уже сильны,
И что своих теперь мы не бросаем,
И нет большой «наклоненной» страны,
Стоял Аксенов, крепкий, как плотина,
Держа удар в бушующих волнах,
С гагаринской улыбкой — Константинов,
И Чалый — со слезами на глазах.
В тот миг Россия стала мощной силой:
Единство, гордость, вера… А в Крыму
Как ликовал народ, и как просил он:
«Нас не дарите больше никому!»

20 марта

Ранним солнечным утром вернулись в город, автобус остановился на излучине Нахимовского проспекта. Мы с Сергеем Кажановым взяли такси и добрались домой, в Стрелецкую, чтобы привести себя в порядок после марш-броска в Москву и обратно.

Примерно в 11 часов Координационный совет продолжил свою работу. Во второй половине дня председателем Координационного совета Алексеем Чалым было подписано распоряжение № 26 «Об образовании прокуратуры города Севастополя и назначении исполняющего обязанности прокурора города». В распоряжении, в частности, говорилось:

Ликвидировать орган прокуратуры Украины — прокуратуру города Севастополя.

До формирования в городе Севастополе соответствующих государственных органов Российской Федерации образовать прокуратуру города Севастополя, подведомственную и подотчетную Координационному совету по организации Севастопольского городского управления по обеспечению жизнедеятельности Севастополя.

Назначить исполняющим обязанности прокурора города Шевченко Игоря Сергеевича. <…>

Определить, что реорганизация и ликвидация прокуратуры города Севастополя осуществляется в соответствии с требованиями законодательства Российской Федерации приказом Генерального прокурора Российской Федерации.

Начался переход Севастополя в законодательное пространство Российской Федерации. На этом в воспоминаниях сепаратиста можно поставить точку и перейти к послесловию.

Послесловие

Более сотни лет тому назад, на излете XIX столетия, два гениальных француза, Шарль-Виктор Ланглуа и Шарль Сеньобос, написали книгу «Введение в изучение истории», которая до сего дня является настольной книгой всякого, желающего прильнуть к стопам раздумчивой Клио.

Исходный постулат звучит так: «История пишется по документам». Это означает, что событие считается историческим фактом, если оно достоверно документировано.

Возвращение Крыма и Севастополя в Россию документировано достоверно. Пусть помнят об этом люди.

Иржи ОПРШАЛ

ПАМЯТИ ЯНА ГУСА И ГУСИТОВ

Иржи Опршал — родился в 1932 г. в городе Гавличкув Брод (Чехословакия). Первый чехословацкий выпускник МГИМО МИД СССР — выпуск 1958 г. Ответственный сотрудник Министерства иностранных дел Чехословакии (1958–1990) — специалист по Франции и западноевропейской интеграции. С 1969 по 1989 гг. — непосредственный участник СБСЕ и всех последующих встреч хельсинского процесса. С 1990 г. — бизнес-советник по экономическому сотрудничеству и контактам Восток–Запад. С 2002 по 2012 гг. — председатель Клуба чешских и словацких выпускников МГИМО. **Живет в Праге, Чехия.**

600 лет тому назад, 6 июля 1415 года, в немецком городе Констанц на берегу Бодамского озера католические палачи сожгли на костре Яна Гуса, чешского мастера религиозных наук, которого они провозгласили неисправимым еретиком. Это печальное событие ознаменовало чешскую историю на столетия, и можно без преувеличения сказать, что дух Яна Гуса живет в чешском народе по настоящие дни.

ГУСИТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ

Чехия на переломе XIV и XV столетий являлась сравнительно развитой страной благодаря своим минеральным ресурсам, прежде всего серебру, которое тогда здесь стало добываться. Возрастала довольно густая сеть городских поселений, где начали процветать ремесла и торговля. В середине XIV столетия при короле Карле IV Чехия стала мощной среднеевропейской державой. Карел IV был назначен римским королем и в 1355 году даже императором. После его смерти, однако, начались распри между феодальной знатью и земледельческой беднотой. Началась также борьба за привилегии между феодалами и королевскими городами, экономическая сила которых возрастала.

В конце XIV и начале XV веков главным предметом недовольства и возмущения людей стала все возрастающая материальная и духовная мощь католической церкви. Ей принадлежало тогда более одной трети земель, лесов и других богатств чешского государства. Папские власти не стеснялись торговать церковными должностями и орденами, которые были в глазах простого народа священными. Более всего противились системе продажи индульгенций, благодаря которым можно было за

оплату католической церкви выкупить любой грех. Против таких практик выступали все более широкие слои населения, к которым присоединялись и рядовые духовные.

К возрастающему социальному недовольству присоединялись и межнациональные разногласия, так как в страну переселялось много горняков и торговцев из немецких земель, что повлекло за собой германизацию чешских городов.

В эту эпоху в бедной семье, проживающей в южной Чехии, родился в 1371 году Ян Гус. Свой талант развивал во время учебы в Карловом университете в Праге, где стал позже деканом философского факультета. Недалеко от здания университета находился придел Вифлеема, в большом зале которого собирались простые пражане, чтобы выслушать проповедников, выступающих на чешском языке. Вскоре самым известным и прославленным стал Ян Гус, который остро критиковал церковные злоупотребления и выступал в защиту простого народа. На почве университета, где разгорелся спор вокруг учения английского реформатора Джона Выклифа, Ян Гус стал на его сторону и возглавил конфликт против немецких профессоров и против пражского архиепископата. С принятием Кутнегорского декрета 1409 года произошли радикальные перемены, в результате которых Карлов университет перешел из немецкого господствования в руки чешских преподавателей. Ян Гус был вскоре избран его ректором, и университет стал центром гуситского движения.

Разрыв между Гусом и католическим архиепископатом градировал и завершился в 1412 году, когда Гус был предан проклятию и по всей Праге провозглашен полный запрет богослужений. Все книги Выклифа были сожжены. Когда папа римский приказал Яна Гуса арестовать, тот покинул Прагу и проповедовал в чешских деревнях, зачастую под открытым небом. Гуситское движение все возрастало и расширялось по всей стране.

В 1414 году был созван в городе Констанц церковный собор, с целью покончить с расколом внутри католической церкви и всеми ее беспорядками. Римский король Сигисмунд пригласил Яна Гуса к участию на этом соборе.

Дал ему сопроводительное письмо, гарантирующее его личную безопасность и свободный возврат на родину. Однако вскоре, после прибытия Гуса в Констанц, он был арестован. Когда отказался безоговорочно подчиниться католической верхушке, Ян Гус был провозглашен неисправимым еретиком и 6 июля 1415 года сожжен на костре. И это с согласия вероломного короля Сигисмунда. Чешский народ, узнав о смерти своего любимого священника, выступил с протестом. Гуситское мирное движение вскоре переросло в вооруженное восстание.

Долгих 15 лет пришлось гуситским войскам отражать атаки венгерских и немецких отрядов короля Сигисмунда. Гуситские войска возглавил полководец Ян Жижка из Троцнова, который неоднократно побеждал врагов.

Он создал свою основную базу вокруг города Табор в южной Чехии, к которой присоединялись другие чешские города. Ян Жижка одержал знаменитую победу под горой Витков (ныне Жижков) в Праге и под Вышеградом.

Ян Жижка со своими войсками пошел в поход в Моравию, но во время эпидемии чумы при осаде крепости Пршибислава он внезапно умер. Хотя после его смерти гуситское движение ослабело, в основном из-за внутрен-

них разногласий и распрей, его значение выходило далеко за пределы Чехии. Оно потрясло догматический авторитет папского престола и явилось началом раскола внутри католической церкви, который завершился отщеплением протестантских церквей от Рима в XVI веке.

Отпор чехов против господства католической церкви и ее чужих союзников длился вплоть до начала XVI века. 8 ноября 1620 года произошла известная битва на Белой горе при Праге, в которой коалиция габсбургских войск победила. С тех пор дом Габсбургов вместе с католической церковью стали господствовать в чешских землях в течение долгих трех столетий. Три четверти чешских земель подверглись конфискациям в ходе тридцатилетней войны. Иезуитский орден взялся за искоренение всех религиозных течений, связанных с гуситскими традициями. Протестантские духовные лица были изгнаны из страны и чешский народ насильственно католизирован. Среди тех, кто вынужден был покинуть страну, находился и великий чешский мыслитель и педагог Ян Амос Кеменский, основатель современной педагогики. Он прожил конец своей жизни в Голландии, где в городе Нарден в 1670 году и умер. Вместе с тем проходила и сильная германизация страны, в результате чего чешский народ находился под угрозой самого своего существования. К счастью, деревенское население и городская беднота продолжали пользоваться чешским языком и пережили это темное время.

ВОЗРОЖДЕНИЕ ГУСИТСКИХ ТРАДИЦИЙ

Многонациональная габсбургская монархия проходила многими сложными периодами, тем не менее, она продержалась до конца Первой мировой войны. Чешский народ, несмотря на продолжающуюся германизацию, не только выжил, но и укреплялся. Этот процесс был связан с индустриализацией и экономическим ростом, которые проходили в Европе XIX века. В рамках Австро-Венгрии чешские земли были в экономическом плане самыми развитыми.

Что касается национального возрождения чехов, большую роль в этом сыграло братство славянских народов, которые все желали освобождения от Габсбургов. Их взоры устремлялись к великому брату на востоке — к России. Все сильнее были надежды, что помощь для них придет именно оттуда. Между чешским населением тогда говорилось: «Не будет мира на чешской земле до тех пор, пока конь русского казака не напьется воды из реки Влтавы».

В 1914 году разгорелась Первая мировая война. В ней погибли и десятки тысяч чехов, которых мобилизовали в австрийскую армию. Памятники павшим находятся во всех чешских городах и деревнях. Правда и то, что тысячи чешских солдат перебежали к союзникам на другую сторону фронтов, т. е. в Россию, Францию, Сербию, Италию. Там они создавали легионы и немедленно включались в военные действия против Австрии и Германии.

Это помогло существенным образом возникновению самостоятельного чехословацкого государства в результате версальских решений о будущем устройстве дел в Европе. Чехи вместе со словаками, которые освободились от венгерского господства, стали организовывать свою собственную жизнь.

Гнев чешского народа и тогда обратился также против католической церкви, тесно связанной с габсбургской монархией. Люди не понимали, по-

чему в этой церкви нельзя молиться на своем собственном языке. Довольно большая часть духовенства, оставшегося до сих пор внутри католической церкви, стала выступать за ее модернизацию и выдвинула лозунг: «Свободная церковь в свободном государстве». Движение за возникновение новой церкви совпало с 500-летием со смерти Яна Гуса. Требовались отделение церкви от государства и другие внутренние изменения, однако папа римский все эти требования чешских духовных категорически отверг.

В такой обстановке наиболее радикальная группа духовенства, выступающая под названием «Очаг», приняла решение о создании «Чехословацкой церкви гуситской». 14 сентября 1920 года правительственные органы ее признали за равноправную с остальными.

Разрыв с католической церковью, однако, не проходил просто, без идейных споров и разногласий. Гуситское духовенство в начале 1920-х годов все ярче разделялось на либерально-свободное христианское течение и на сторонников православного направления. Поиск основ вероучения перерос в «православный кризис», в основе которого находилось осознание факта, что не существует единого понимания существа церкви. В 1924 году епископ Горазд со своими единомышленниками покинул Чехословацкую церковь гуситскую и создал Чешскую Православную епархию в Праге, подчиненную сербской юрисдикции.

УГРОЗА ФАШИЗМА

В Чехословакии, таким образом, существовало, кроме католической, и несколько других церквей: Чехословацкая гуситская, Чешская Православная и Чешско-братская евангелическая. Все они развивали свою деятельность и укреплялись вплоть до конца 1930-х годов. После прихода Адольфа Гитлера к власти в Германии, некатолические церкви сразу почувствовали нависшую опасность и стали искать взаимное сближение, даже возможность объединения. В октябре 1938 года по инициативе Сербской православной церкви собрались недалеко от Праги представители православной и гуситской церквей с целью наладить взаимное сотрудничество.

Владыка Горазд передал в этом направлении конкретные предложения. Патриарх гуситской церкви Прохазка ему в ответ написал:

«Нет сомнений, что мы с радостью приветствовали бы создать унию по причинам внутренне духовным и внешне патриотическим и политическим. Боюсь однако, что как и Православная церковь не сможет уступить от своих условий, Чехословацкая церковь гуситская после своего размаха также не сможет на эти условия приступить. Тем не менее, это ничего не меняет на факте, что в тяжелое время, которое мы проживаем, и с осознанием ответственности, мы готовы как славяне и как христиане искать пути к нашему сближению».

Эти слова подтвердились во время оккупации Чехии и Моравии гитлеровскими войсками. Многие гуситские, православные и протестантские духовные лица участвовали в подпольном сопротивлении чешского народа. Одним из самых ярких примеров — это нацистский террор после атентата, — покушения на Рейнгарда Гейдриха в мае 1942 года чехословацких десантников; совершив приговор, патриоты скрылись в гробнице православной церкви Кирилла и Мефодия в центре Праги. Когда нацисты после

предательства одного из десантников обнаружили скрывшихся солдат, то не только убили всех находящихся в церкви, но и начали бешеный террор против всего народа. Расстреляли десятки тысяч чешских патриотов, уничтожили чешские деревни Лидице и Лежаки, но не покорили чешскую душу. Сопротивление против оккупантов все возрастало, несмотря на угрозу смерти.

От гитлеровского террора сильно пострадала Православная Церковь. Многие ее духовные лица были казнены и Церковь была запрещена. В то тяжелое время помогла гуситская церковь, которой удалось сохраниться.

Ее духовенство зачастую брало на себя проведение обрядов для православных верующих, оставшихся сиротами. В городе Тржебич гуситский священник даже служил мессу за казненного православного коллегу Яна Новотного. В хронике города записано:

«Православные принимали эту братскую помощь с благодарностью. Одновременно с болью переносили, что некоторые католики проявили над страданием православных радость».

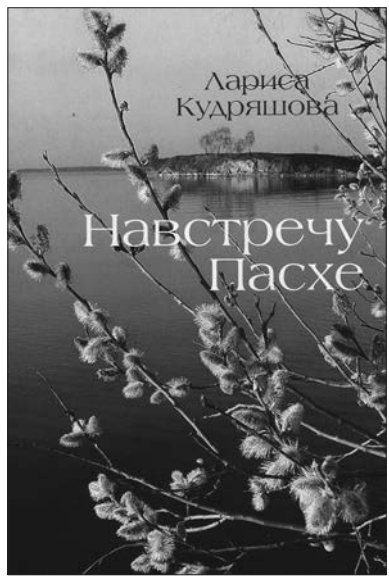
После войны секретарь епархиального совета Православной Церкви в адрес гуситской церкви направил следующие слова:

«За все прожитое и все живое братство мы благодарны и сегодня».

Тяжелое время войны прошло, и началась новая, мирная жизнь. Как церкви, так и весь народ участвуют в ней вплоть до сегодняшних дней — это, может быть, наш последующий рассказ.

Вышла книга

Кудряшова Лариса
Навстречу Пасхе. Сатисъ. СПб., 2015.

По благословению митрофорного протоиерея Владимира Ноздрачева, настоятеля храма в честь Рождества Пресвятой Богородицы в поселке Рождествено.

В книгу «Навстречу Пасхе» вошли новые стихи известной православной поэтессы Ларисы Кудряшовой. Они помогают еще раз увидеть, что краткое земное странствование христианина — это путь от земли к Небу, на котором необходимо обрести свойства души, описанные в Евангелии.

Книга пронизана любовью к нашему земному Отечеству, которое является преддверием Отечества Небесного. В ней — живое ощущение русского национального духа, преданность своим исконным корням, вера в непоколебимость Церкви Православной, в благодатную помощь Божию Русской земле — Дому Пресвятой Богородицы.

Литературный редактор В. П. Филимонов.

ПОЭЗИЯ

Сергей КОРЫТИН

«ЩЕПОТЬ ОГНЯ…»

Сергей Николаевич Корытин — родился в 1954 г. в селе Екатеринино Никифоровского района Тамбовской области. После окончания в 1972 г. Екатерининской средней школы работал токарем, служил в армии. В 1980 г. окончил Гидрометеорологический институт по специальности «Гидрология суши». Работал инженером-гидрологом в Нижнем Новгороде. В настоящее время подвизается на ниве отечественного предпринимательства. **Живет в Санкт-Петербурге.**

СВЯТОСТЬ

Омою душу росою небесной.
Одену в лучший Пасхальный цвет.
И станет душа святою невестой
Того, Кто сказал: да будет свет!

* * *

Снова весна.
Снова листья на ветках…

Откуда явились?..

Роща дерев,
В черную землю
Корнями вцепившись,
Как это чудо
Рождает на свет?..

Кто повелел?..
Какие насосы
Соки качают
Из толщи земли,
И поднимают наверх,
Где в березах
Птицы небесные
Гнезда свили?..

Бог повелел!
Бог так устроил!
Все, подчиняясь,
Живет только Им!
И лишь человек,
Выбиваясь из строя,
Думает, будто бы
Он господин…

* * *

Воскресенье…
Заветный день…

Литургия
В сельской церквушке…

И трудиться,
И жить не лень

Даже самой
Древней старушке.

НА МАЛОЙ РОДИНЕ

Посмотрите на нивы, как они побелели и поспели к жатве.
(Ин. 4:35)

Поле ржаное… Ячменное поле…
За горизонтом другие поля…
И там созревает пшеница на воле…
И там тоже наша родная земля.

И кажется мне, что центр мирозданья
Именно здесь, среди этих полей,
Что именно здесь преддверие рая…
А эти колосья — души людей.

И Бог где-то рядом внимательно смотрит
На нивы пшеницы, ржи, ячменя…
И мысль о Суде — душу в трепет приводит.
И сердце взывает: помилуй меня!

* * *

Последний снег,
Что давний грех,
Едва заметен
В старом парке.

Забытый,
Не прощенный грех
Саднит и множит
В сердце ранки.

ЛИХИЕ 90-е

Враги оседлали Россию.
Вновь обманули народ.
Глумились, плевались и били
В голову, в сердце, в живот.

Но снова вышла осечка,
Как раньше, в другие века…
Лошадь рванула уздечку
И сбросила в грязь седока!

* * *

Всех русских святых
Достойна та память,
Когда в постсоветской Руси

Святость, как знамя,
Духовное знамя,
Будет в великой чести.

Пока же иное:
Ворам, скоморохам
Слава, деньги и честь.

Не потому ли
Войною объята
Вновь Запорожская Сечь?..

* * *

Кричали:
«Слава Украине!..

Хайль Гитлер!..»
Эхо било в грудь.

А в Вашингтоне
И в Берлине

Маскировали
Этот путь.

Им выгодно
Все это было.

И врали,
Врали, как могли…

Но за Россией
Божья сила

И сила всех
Святых Земли!..

Ничтожества!..
Они забыли,

Кто в сорок пятом
Брал Берлин?!.

Не понимают:
Украину

Мы никогда
Им не сдадим!

В ПРЕДЧУВСТВИИ БОЛЬШОЙ ВОЙНЫ

Неужели все
Начнется снова —
Из-за жадности людей —
С нуля…

С камня, палки,
Берега крутого,
Где пещерку выроет
Семья…

Где удастся
Спрятаться от снега,
От мороза, ветра
И дождя…

Господи!
Направи к нам святого,
Мудрого,
И сильного вождя!

* * *

К церковным нашим торжествам
Усилий прилагаем много.

Особенно — цветам, столам…
А что останется — для Бога!

В ПОИСКАХ ИСТИНЫ

Я с ранних лет искал Ее.
И эта огненная сила
Меня носила по России,
Пока я не обрел Ее.

А может быть, Она меня
Тогда нашла и пожалела,
И там, где Дух граничит с телом,
Оставила щепоть огня…

* * *

Брызнул дождь…
И словно окропил
Поле, сад,
Грунтовую дорогу.

Соберу в кулак
Остаток сил
И, как блудный сын,
Пойду навстречу Богу!

* * *

Второе Крещение Руси

А христианство,
Как и в первые века,
Течет из городов
В селенья.

И полнится
Духовная река.
И наш корабль плывет
По назначенью.

ПОЭЗИЯ

Алла ЛИНЁВА

«И НОВЫЙ ВЕК СУЛИТ ИНУЮ РУСЬ...»

Алла Валентиновна Линёва — родилась в Липецке. Поэт, прозаик. Член Союза писателей России. Автор 12 книг, в том числе и детских. Член Товарищества детских писателей. Лауреат Областной премии им. И. А. Бунина, Всероссийского конкурса им. Сергея Есенина, Московского Международного конкурса «Золотое перо». Стихи переведены на украинский, белорусский и болгарский языки. **Живет в Липецке.**

РУСЬ

Ты странная.
Тебя поймет не каждый.
Холмы могил, разбитости дорог...
Но путник, умирающий от жажды,
Перекрестившись, ступит на порог.
Воды живой студеного колодца
Напьется из глубокого ковша —
Бездонного...
И тихо улыбнется
Твоя простая щедрая душа.

* * *

Здесь русский дух.
И так же Русью пахнет:
Ромашками, и клевером, и мятой...
И так же птица
кружит над гнездом.
И здесь, как прежде,
мой родимый дом.
Он в памяти моей такой веселый...
Пусть изменились города и села,
И новый век сулит иную Русь. —
Здесь русский дух —
я за него молюсь.

РОССИЯ

Матушкой, сестренкой,
иль подругой —
Я не знаю, как тебя назвать...
Ветер в стекла ломится упруго:
У тебя же есть родная мать!
А душа поет свирелью тонкой,
Хоть и в сердце разыгралась вьюга:
У тебя же есть уже сестренка,
У тебя же есть уже подруга!
С белыми рассветами, с морозами,
С неподкупной нежностью берез,
Русая, разутая, курносая,
Кто ж ты мне, любимая до слез?..

* * *

Вот оно — царство мое:
Клевер, полынь, осока...
Да в зеленях жнивье,
Да облака — высоко.

За облаками — синь,
Крик одинокой птицы…
Счастье мое — в Руси.
Мне за нее молиться.

БАБУШКЕ ПЕЛАГЕЕ

Угрюмые тучи баюкают солнце,
И в комнате нашей играют лучи…
А бабушка Поля не смотрит в оконце,
А бабушка Поля о чем-то молчит.
И люлька моя, как бесстрашная лодка,
Качается плавно в воздушных волнах,
По мягким, небесным, лазурным протокам
Несет меня бабушка в ласковых снах.
И скрипнет ли досочка под половицей,
И шумно ль вздохнет сонный ветер в трубе…
Все кажется мне, словно райские птицы
И ангелы пели в той старой избе.

* * *

Жизнь продолжалась, продолжалась...
Кружили птицы в вышине…
И что-то в мире оставалось —
И во мне…

Еще звенело за туманом…
И там, где тучи пролегли,
Все бился свет… и непрестанно
Летел из мглы.

* * *

Последние яркие дни,
Вечернего неба забвение…
Берез золотые огни
На тоненьких ветках осенних.
Души и раздолье, и боль,
И радость за все, что случилось,

За Богом дареную милость
И этот нежданный покой.
За все, что осталось в тени
Веселого звонкого лета…
Последние яркие дни,
Грядущих морозов приметы.

* * *

Ближе к полночи время стремится…
И опять нет покоя и сна…
И звезда — перелетная птица —
Не заглянет в просветы окна.

Гложет сердце печаль и тревога
За Россию, за сына и дочь…
И прошу я защиты у Бога,
И вздыхает безлунная ночь.

* * *

Стояла перед образом, молчала…
Смотрела в неподкупные глаза.
И лодкой колыхалась у причала
Душа, и воспаряла в небеса.
Шептали губы:
«Даждь мне по заслугам,
И все как надо, Боже, обустрой!..»

И грезилось, что я иду за плугом,
И зернышки бросаю в перегной.
И полюшку тому не видно края…
И зернами сума моя полна…
Я, грешница, я дочь Его земная,
И пригодилась в эти времена…

Русские судьбы

Галина КУЧИНА

«ЭТОТ СТАРИК ОСТАНОВИЛ НАШ САМОЛЕТ»

Галина Игнатьевна Кучина, урожденная Волегова — родилась в 1929 г. в Маньчжурии, Китай. Отец — Игнатий Волегов — офицер Белой армии, пройдя всю Сибирь, включая Ледяной поход, оказался в Китае, где женился на дочери купца Антонова. Гимназию закончила в Хайларе, продолжала образование в Харбине. Активно занимается общественной деятельностью, возглавляет литературно-театральное общество им. В. Солоухина, многие годы проводит Дни Русской Культуры, организует камерные концерты. Автор книги «Минувшее развертывает свиток» (СПб., 2007). **В 1957 году вместе с семьей мужа и своими родителями переехала в Австралию в Мельбурн, где и проживает до настоящего времени.**

Я уже присылала свои воспоминания о войне, они опубликованы в № 4 2012 г., № 1 2013 г. журнала «Родная Ладога». Сейчас я вспоминаю о последующих событиях и о той радости, которую испытывала я, и, как выяснилось, множество русских людей, волею судьбы заброшенных в Китай.

…Я на станции Хакэ, самая близкая станция от Хайлара. Собираемся ехать в поле за черемухой. И вдруг — гул самолетов, они черной тучей летят над нами, слышим взрывы сброшенных бомб, вспыхнули пожары, которые были видны издали, мы в оцепенении. Ведь это война! Вначале мы думали, что это военная подготовка. Японцы нас мучили этими подготовками, выводили на мнимые пожары всех без исключения — молодых и пожилых женщин и детей: всех одели в безобразные черные штаны (момпэ) и с ведрами проводили подготовку по тушению пожаров. Но сегодня мы поняли, что это не военная подготовка, это — война. Когда осознали случившееся и после того, как встретили первый поезд с беженцами из Хайлара, поселяне решили уйти в степь, но, как я уже писала, скот оставался в поселке, надо его кормить, коров доить, и после проведенной ночи в поле пришлось всем вернуться в поселок. Вернувшись, жители приступили к своим повседневным обязанностям. По окончании хозяйственных работ собирали сведения друг от друга, обсуждали создавшуюся обстановку, и никто точно не знал, что происходит в данный момент, пока не вошли первые советские войска в поселок. Это было событие! Как сейчас помню солнечный августовский день. Без телефонов, которых, кстати, в поселке не было, без радио, новости распространялись с быстротой мол-

нии, хоть иногда и в искаженном виде, однако новости сразу же узнавались народом, и реакция была соответствующая. Так случилось и у нас. Я, услышав о том, что идут войска, побежала встречать победоносную армию. Входили солдаты колоннами мирно, спокойно, мы толпой окружали их, радовались, и какой же я испытывала восторг, услышав родную русскую речь. Несмотря на то, что мы учились в русских школах, говорили на русском языке и в школе, и вне школы, и, казалось, не ощущали недостатка или отсутствия русской культуры, русской речи, тем не менее, услышав русские песни, русскую речь в таком массовом проявлении, я была потрясена. Ведь ежедневно на улицах, в магазинах, на рынке мы слышали китайскую или японскую речь. Я прибежала домой, буквально захлебываясь от восторга, кричала: «Поют по-русски, по-русски говорят!». Конечно, это реакция молодой, восторженной, экзальтированной девушки, какой была я. Но и в зрелом возрасте во время моих путешествий в Россию я испытывала тихую радость, слыша вокруг русскую речь.

Итак, после входа Советской армии жизнь в поселке закипела. Все ходили по дворам, чтобы что-то услышать, что-то узнать. Помню, как я подошла к офицеру-связисту, который получал сведения по радио, установленному в палатке, и он мне сказал, что Советская армия заняла все города Маньчжурии. Как-то не вмещалось в детское сознание понятие о том, что мы свободны от японцев. Русские войска заняли Маньчжурию. В моем представлении это были русские, а не советские войска. Это понятие жило в сердцах многих молодых людей.

Вот так от японской оккупации мы перешли в новую жизнь. Что она принесет нам? До прихода Красной армии жизнь в Китае была очень сложной. С приходом японцев, когда они оккупировали Маньчжурию, мы жили в постоянном страхе. Радость от сознания того, что мы освобождены от ига японцев, омрачалась чувством тревоги и отчаяния из-за неизвестности о судьбе моих родителей. Где они? Почему нет никаких сведений? Почему их никто не видел? А дело, как выяснилось позже, сложилось так. Папин компаньон по заводу, магазину и хозяйству, которое состояло из нескольких коров, лошадей и верблюдов, решил, что они все вместе должны уйти в поле, где многие нашли временное убежище от бомбардировок и пожаров. Мама с папой, обсудив ситуацию, решили, что это неплохой вариант; я нахожусь, как им казалось, в безопасности со своими родственниками, а они при первой возможности оставят семью Рябковых, а сами двинутся на подводе по направлению к Хакэ. Но осуществить этот план не удалось. Лошадей забрали, и им пришлось вернуться в Хайлар, когда прекратились пожары и смолкли взрывы огнестрельных орудий. Две семьи оказались связанными обстоятельствами жизни, пришлось делить одну повозку и одну лошадь, а я страдала от неизвестности и не могла не волноваться о том, что мой отец белый офицер, монархист, враг существующей власти. Что будет с ним? Сейчас, когда я вспоминаю это время, я поражаюсь, как я, маленькая девочка, безумно любящая своего отца, вместила в своем маленьком сердце этот страх за него, и как я все пережила!

Прошел слух, что первый поезд, по-видимому, из Харбина идет в Хайлар. Остановка на всех станциях. Я еду в Хайлар, невзирая на все уговоры родственников не рисковать и подождать более спокойное время. Но я неумолима. Я должна найти своих родителей!

Там меня встретила страшная картина разрухи. Если мы знали каждый дом в городе и знали, кому он принадлежал, то теперь узнать это было невозможно. Улицы, изрытые воронками от бомбардировки, завершали печальную картину трагедии, постигшей Хайлар. Но, как мне помнится, пострадала центральная часть города, вокзал, а большая часть построек все-таки сохранилась. Началась новая жизнь в Хайларе. Город представлял собой страшное зрелище. Вокзал был взорван. Остался перрон и какое-то случайно уцелевшее помещение, в котором находилась административная часть железной дороги.

Выбравшись из руин, я помчалась домой, не зная, что меня ждет там. И, о Боже! Наш домик и вся наша улица с прилегающими домами, что составляет так называемый Остров, — не тронуты. Бомбили только центральные части города. Мама с папой живы, здоровы и невредимы! Радости нашей встречи не было конца.

Школа, естественно, не работала. Здание школы сгорело, учителя разъехались, конечно, не все, но, например, наш учитель математики, сын начальника Бюро эмигрантов, уехал к себе на заимку и там скрывался довольно продолжительное время. Так спасались многие от арестов, происходивших часто по указке подлых людей. Пострадали и невинные люди, и люди, действительно работавшие с японцами.

После того как отпылали пожары, смолкли взрывы орудий, все мои подружки-соученицы были вынуждены идти на работу, потому что они потеряли все — и дом, и имущество, но, слава Богу, у моих подруг не было убитых в семье. Все были живы, но остались без крова. Девочкам пришлось искать работу, но какую? Город разрушен, учреждений, как таковых не существует. Единственная работа — это служба связи на железной дороге. И вот мои соученицы устроились на работу телефонистками. В зданиях, принадлежавших железной дороге, наскоро отремонтированных, с дымящимися буржуйками в комнатах, среди солдат и густой брани пришлось работать девочкам, зачастую даже не понимавшим этой «русской речи».

Нашей семье повезло, что у нас уцелел дом, хотя и начисто разграбленный, но все же крыша над головой была. И во мне заговорило чувство долга перед родителями. Я тоже захотела идти на работу, потому что все мои подружки работают. Школы нет, до окончания гимназии осталось четыре месяца. Что делать? Надо работать. Вот тут-то мне и пригодился пройденный курс машинописи — да как пригодился! Я проходила его с преподавателем И. И. Куклиным в свои обеденные перерывы. Закончила до войны, родители купили мне пишущую машинку, на которой я так и не успела поработать — украли.

Пришла я прямо в штаб полка. Подала заявление на должность машинистки. Мне 15 лет. Ростом я мала, а с большими открытыми наивными глазами выглядела еще моложе. Все смотрели на меня как на девочку, а мне ох как хотелось выглядеть постарше и быть поскорее барышней. Меня спросили, сколько слов я печатаю в минуту, но я честно сказала, что училась я печатать десятью пальцами, но практики у меня не было и нет, машинку я не видела в течение полугода, потому что ее украли, как и остальные вещи, но я хочу работать.

В комнате сидел пожилой сержант, печатал двумя пальцами с невероятной скоростью. Посадили меня как раз напротив и попросили что-то напе-

чатать. Почему меня приняли на работу, остается для меня загадкой, ибо и скорости, и способности печатания во мне заметить было нельзя. Я думаю, что пожалели маленькую девочку, и все. Итак, я оказалась в штабе полка. Как потом выяснилось, этот сержант был единственный в штабе полка в чине сержанта. Все остальные были в высоких офицерских чинах, а начальником части Китайской восточной железной дороги был полковник Гуляев.

Работала я в чистой светлой комнате с сержантом, потом почему-то дали мне отдельный кабинет и должность секретаря начальника железной дороги. В мои обязанности входило распределение и пересылка указов, расписания движения поездов, но ввиду того, что в послевоенное время поезда ходили редко из-за недостатка, а иногда и полного отсутствия горючего, то и указов и расписаний рассылать приходилось мало. Делать было нечего. Все дни проходили в разговорах, в беседах. Ввиду того, что в штабе был высший офицерский состав, я ни разу не слышала ругани, мата и не была свидетельницей непристойного поведения. Мне кажется, что отношение ко мне было как к дочери полка. Вели себя все безупречно. Ни грубых поступков, ни грубых выражений не было никогда.

Получив отдельный кабинет, письменный стол, телефон и табличку на двери «Секретарь полковника Гуляева», я вступила в свои обязанности, которых фактически не было и о которых я не имела ни малейшего представления. Причиной тому, как я понимала, был переход администрации дороги на советский строй, а именно — перешивка колеи железной дороги, смена скатов на вагонах и смена скатов на паровозах, снабжение углем и т. п.

Итак, я стала секретарем без особых обязанностей и работы. Ко мне приходили служащие из разных отделов, но главным посетителем был капитан Панченко, белокурый врач с голубыми глазами. Мы с ним вели долгие беседы о литературе, которая была моим любимым предметом в школе, о жизни, с которой я в свои 15 лет была мало знакома. Однако, живя под страхом во время японской оккупации и потом в разрыве с родителями в течение целого месяца, я уже пережила достаточно и повзрослела. Безграничная любовь к моим родителям заставила меня перестрадать, пережить страшные дни в незнании и страхе за них. Но, как обычно бывает, плохое забывается, а светлые моменты жизни выступают ярче, а их было много. Школа, друзья, мальчики, увлечения, волнения, школьные вечера, пикники, танцы — все было прекрасно и радостно. Самое главное — это стабильность в семье. Любовь родителей, отношения между ними, дружба между мамой и сестрами и братьями и, конечно, любовь и уважение к бабушке Варваре Михайловне — все создавало гармонию хорошей патриархальной семьи. Я впитывала в себя рассказы бабушки и мамы об их жизни в России на Урале, в Миассе, слушала папины рассказы, и у меня складывалось какое-то впечатление о жизни. Вот об этой жизни мы говорили с Владимиром Панченко.

Война, разразившись в августе, помешала нам закончить десятилетку. В декабре у нас должны быть выпускные экзамены. Три месяца, и мы бы закончили гимназию. Вот тут-то у меня и родилась блестящая идея. Не откладывая, я иду к начальнику этого участка железной дороги полковнику Гуляеву, кабинет которого находился около моего, и излагаю ему ситуацию. Объясняю, что у нас курс десятого класса практически закончен, экзамены должны быть в декабре, и прошу его, полковника Гуляева, организовать

нам выпускные экзамены. Он выслушал меня внимательно и сказал, что он поговорит с комендантом города, имя которого я не помню, потому что никогда с ним не встречалась. Ответа он меня не заставил ждать. Сказал, что не видит причины, которая бы помешала исполнению этого плана. «Собирай педагогов и готовьтесь к экзаменам».

Тут я столкнулась с проблемой. Некоторые преподаватели уехали из Хайлара. Пришлось о. Ростиславу Гану взять на себя подготовку к экзаменам. Некоторые преподаватели оставались в Хайларе, всех собрали, назначили экзамены по всем предметам в здании школы, уцелевшем от пожаров, которые устраивали японцы, уходя из Хайлара. Мы получили аттестат зрелости, подготовили по старой традиции скромный послевоенный «Белый бал», на котором ничего белого не было, кроме белой бумаги на столах, заменявшей белые скатерти, потому что все было разграблено.

Как потом выяснилось, наши выпускники Русской хайларской гимназии получили возможность продолжать свое образование в Харбине в высших учебных заведениях. Мы избежали изучения истории советской Коммунистической партии и выиграли целый год, потому что в дальнейшем все школы Харбина должны были повторять последний год гимназии и проходить его по советской программе.

С приходом Красной армии жизнь маленького городка приняла новый облик. Как только жизнь встала на мирные рельсы, началось знакомство коренного населения с военными. Некоторых из них селили в частные дома, и, таким образом, жизнь шла в тесном контакте с русскими. Политических разговоров, как мне известно, в нашей семье не было, а люди оценивались по их личным качествам — положительным или отрицательным.

В моей памяти запечатлен один случай, как будто бы это было вчера. Это касается семьи отца Ростислава Гана, к которому я относилась с безграничным уважением и любовью.

В то время у него и у матушки Софии было два сына, Адриан и Серафим. Ждали третьего ребенка, отец Ростислав сказал, что я буду крестной этого ребенка. Ребенок родился с врожденным пороком сердца. Надежды на жизнь нет. Ночью отец Ростислав проводит таинство Крещения, дают ему имя Алексей, а утром отец несет маленький гробик в Храм Казанской иконы Божией Матери, настоятелем которого он был. Хоронят в прицерковной ограде. Все прошло тихо. Мне о. Ростислав сказал, что я записана в метрику, как воспреемница — крестная, даже не видевшая ребенка.

Узнав об этом печальном событии, я иду по улице и плачу.

Встречаю молодого лейтенанта Владимира, фамилию не помню. Этот лейтенант знаком всему городу. Он всегда бывал на танцах, был очень красив и вел себя безупречно. Он спрашивает меня: «Галя, о чем ты плачешь, что случилось?» Я ему рассказала, что ночью умер мой крестник, ребенок, которого я даже не видела. Следующий вопрос был о причине смерти. Когда я ему сказала, что ребенок родился с сердечной недостаточностью и был крещен о. Ростиславом ночью, он мне сказал: «нужно благодарить Господа Бога за то, что Он взял его к Себе сейчас». Эти слова я услышала от советского лейтенанта, молодого красавца, в котором трудно было подозревать глубокую веру.

Еще один случай, который врезался в мою память, и он тоже связан с о. Ростиславом. Несколько раз я встречала в семье священника пожилого,

как мне казалось, полковника, а лет ему, может, было 40–45. Он всегда беседовал с о. Ростиславом, а в храме его видели молящимся на коленях. Хочу напомнить, это был 1945-й или 1946 год.

Итак, гимназия закончена, пути сообщения с Харбином в какой-то степени наладились, правда, ехали неделю вместо 12 часов. Мама привезла меня в Харбин для продолжения образования. К сожалению, вопреки моим мечтаниям обрести свободу, снять комнату, мама без особых усилий и благодаря антоновской семейной сплоченности, определила меня к моей крестной, маминой сестре. О свободе оставалось только мечтать, но, к моему счастью, моя крестная и ее муж полюбили меня и окружали заботой. Своих детей у них не было.

Жизнь в Харбине кипела! Храмы открыты, японское намерение поставить в наших храмах японскую богиню Оматарассу Омиками кануло в Лету. Кстати, противостояние этому требованию японцев вынес на своих плечах митрополит Нестор (Анисимов). Никаких богов и идолов в наших храмах не было никогда. Театры работали, Железнодорожное собрание было отремонтировано и в нем еженедельно проходили спектакли, опера, концерты эстрады и симфонические концерты. В Коммерческом собрании, ныне переименованном в Советский клуб, шли концерты, спектакли труппы В. И. Томского, Ю. Хороша, В. Пановой. Оперетта была всегда популярна в Харбине. Оперетта шла с огромным успехом, были постоянные аншлаги. В «Модерне» по воскресеньям проходил «Кинотеатр» — между двумя фильмами шла эстрадная программа. Учебные заведения все открыты. Конечно, самый мощный, известный Х.П.И. — Харбинский Политехнический Институт — выпустил большое количество высоко эрудированных инженеров, которые разъезжались по всему свету, были признаны в Советском Союзе, Австралии, Америке, Канаде, Чили, Бразилии. Это только те инженеры, которых я знаю лично, и они внесли огромный вклад в строительство этих стран.

Мне даже мечтать о Х.П.И. не приходилось, потому что я с математикой не в дружбе. Я всегда хотела быть врачом, но в Харбине был один медицинский институт, образование в котором велось на японском языке. Естественно, что он был закрыт, поэтому мне пришлось поступить в Медицинский техникум, который я благополучно закончила, и он дал мне возможность в Австралии работать на медицинской ниве.

Молодежь была объята духом патриотизма. В политику не вдавались, наслаждались русскими песнями, распевали их везде и всюду, танцевали под русские мелодии, а ведь какие песни войны дошли до нас! Какие фильмы мы смотрели, не пропуская ни одного, эстрадные концерты, кто из нас думал о политике, о перевороте 1917-го года?

Появилась тяга вернуться на родину. Молодежь стала подавать заявления о разрешении выехать в Советский Союз, — разрешения не последовало. Некоторые стали уходить «под проволоку», как у нас говорили в то время. О трагической судьбе их мы узнали много лет позже.

4 сентября 1945 г. Владыка Нестор, экзарх Московской Патриархии в Восточной Азии встречал русских воинов-освободителей на многочисленном митинге, который состоялся на Соборной площади. Сохранились кадры кинохроники этого замечательного события. Время от времени они и сейчас демонстрируются на каналах российского телевидения. Встречали

с энтузиазмом, с цветами. На кадрах крупным планом показан Владыка Нестор[1].

В связи с этим приведу строки из письма своей бывшей знакомой Евгении Коростелевой.

«Дорогая Галя! Я с удовольствием вновь перечитала твои Путевые заметки о России. Я очень рада, что тебе так дороги родные края, что ты так любишь Россию, ее культуру, литературу, историю. Судьбу, говорят, не выбирают, но в нашей жизни был момент, момент истины, когда нужно было сделать выбор. Я имею в виду пятидесятые годы прошлого столетия, когда и мы, и вы, и многие другие должны были заглянуть себе в душу и определиться — куда ехать? на родину или мимо нее за тридевять земель, за моря и океаны, как тогда говорили "за бугор". Выбор был нелегкий, непростой, но судьбоносный. Я вспоминаю настроение в нашей семье, как и в каждой другой, к какому берегу плыть? Надо было опуститься с неба на землю, чтобы понять, что оставаться в Харбине стало нереально. У нас были попытки сорваться с места и уносить ноги куда подальше, но вот судьба вмешалась в нашу долю и распорядилась по-своему. Нежданно-негаданно пришла весть в наш дом — телеграмма — Указ Патриарха Алексия I, приглашение потрудиться и послужить Церкви Христовой у нас на Родине нашему Владыке Никандру (Викторову) и отцу Симеону (Коростелеву). Тут уж, действительно, выбирать было не из чего. И от судьбы не уйдешь никуда. Дальнейшая наша жизнь определилась. Сразу стало ясно, куда лежит наш жизненный путь. Как сказал тогда Владыка: "Домой, ближе к святительскому омофору"! Вот и впрямь "пути Господа неисповедимы".

Вот ты, Галя, пишешь, будучи в Переделкино: "В Переделкино есть очень старая церковь. Мы попали как раз в канун престольного праздника. Храм мыли, все медные подсвечники, ковры и дорожки были вынесены в сад, откуда можно было видеть скрытую деревьями и кустами летнюю резиденцию Патриарха".

Удивительное совпадение! Но как раз, приехав в Москву 5 марта 1956 года, Владыку Никандра (Викторова) и отца Симеона (Коростелева) и всю нашу семью встретили на перроне представители Патриархии и увезли нас на эту самую Патриаршую дачу в Переделкино, о которой ты пишешь. Там мы прожили недели две, пользуясь искренним русским гостеприимством, хлебосольством и радушием. За это время Патриарх приглашал нас в свою домовую церковь, где мы получили его святительское благословение на жизнь на родной земле. Особенно ему понравился наш мальчик (Лерочке тогда было 6 лет). Святейший подарил ему бюст А. С. Пушкина в назидание любви к русскому языку, Русской земле и вере Православной.

Ты пишешь далее: "На церковном кладбище находится могила митрополита Нестора (Анисимова), известного всем харбинцам".

Да, именно тут, на Патриаршей даче, когда поздно ночью мы добрались до Переделкино, чудо! нас встречал на пороге дома старец митрополит Нестор, только что освободившийся из мест исполнения наказаний ГУЛАГа, и оба старца — наш Владыка Никандр (Викторов) и

[1] Русская Атлантида. 2003. № 9, 10.

Владыка Нестор (Анисимов) обнялись и не скрывали своих слез. А мы все, глядя на них, рыдали. Владыка Нестор был близок нашей семье. Он рукополагал в сан диакона отца Симеона, чин хиротонии во епископа Владыки Никандра тоже совершал Владыка Нестор (Анисимов).

В 1948 году он был необоснованно обвинен, осужден и увезен, пробыл в заключении более 8 лет, после чего оправдан, освобожден, реабилитирован за неимением состава преступления. Святейший Патриарх Алексий I пригласил его на свою дачу для отдыха после тюрьмы и всего пережитого.

А я, Галя, прочитав твои "Заметки", мысленно перенеслась в то историческое для нас время, и нахлынули воспоминания. Как сейчас перед глазами эта дача — терем, бывшее имение бояр Колчиных. Вспоминаю, как было особенно снежно в ту пору года в Москве. Помню, сугробы на дачном дворе были такие огромные, такие высокие, что нижняя часть окон была заметена снегом. И мне было так грустно, когда я глянула из своей комнаты в окно, так захотелось вслух пропеть эмигрантскую песню:

Занесло тебя снегом, Россия,
Запушило седою пургой,
И печальные ветры степные
Панихиду поют над тобой!

Ну вот и все, жду новостей, пиши. Ты же знаешь, как я люблю твои интересные, содержательные письма.

Целую и обнимаю Женя К.»

И в заключение хочу рассказать один случай, о котором я слышала от протоиерея Лазаря Новокрещеных, брата о. Илии. Отец Илия находился в храме, в котором он служил, на Короткой улице в Модягоу в Харбине. Это был 1945-й или 1946 год. В храм зашли два советских летчика. Начали осматривать храм, и, вдруг, остановились. Священник спросил — может ли он им быть полезным, и тут они оба, указывая взволнованно на икону Николая Чудотворца, говорят: «Этот старик остановил наш самолет». Как выяснилось, эти два летчика получили приказ бомбить Харбин. Погода была нелетная, и среди облаков они увидели образ Николая Чудотворца, который распростер руки, и они не могли лететь дальше. Они могли только повернуть обратно. Я представляю, что они пережили, не понимая, что происходит: прямо лететь не могут. После некоторых размышлений и подумав, они развернулись и полетели обратно в Хабаровск, сказав начальству, что задание выполнить не смогли, потому что погода была нелетной.

НА ХАРБИН НЕ УПАЛА НИ ОДНА БОМБА!

Джалина ЗЭЭЛЕ

ДЕТИ ВОЙНЫ

К 70-летию Великой Победы

Джалина Зээле (Селиванова Галина) — окончила Московскую Медицинскую Академию им. И. М. Сеченова. Профессор, доктор медицинских наук, Кавалер Золотого Ордена I степени «За заслуги перед Обществом». Ведущий эксперт Всероссийского общества «Здоровье» по проблемам активного долголетия. Автор многих научных и научно-популярных статей и тренингов. **Живет в Москве.**

Моей бабушке
Матвиенко Юлии Николаевне
посвящается

Детство — сказочная страна, полная радости и солнечного света. Мы бываем в ней гостями так недолго, но всю жизнь храним в сердце маленький островок теплоты и нежности, который согревает нас, придает силы, дарит надежду, остается неиссякаемым источником оптимизма, потому что в детстве «все сказки имеют счастливый конец»…

Мне повезло, мое детство было по-настоящему чудесным. Оно было наполнено любовью и заботой моих родителей, реальность переплеталась со сказочным миром игрушек, детские фантазии черпались из книжек, мультфильмов, спектаклей и путешествий. Частью моего детства всегда была моя бабушка. Я помню ее с самых первых моих слов, с первых стихов и сказок, с первого букета цветов для первой учительницы, с первых пятерок и первых неудач… Бабушка проживала это детство со мной, взамен того, военного, голодного, затерянного на дорогах войны. Бабушка часто по вечерам, вместе со сказками, рассказывала мне о своей жизни, о своем детстве, но далеко не все можно было рассказать ребенку…

Только спустя много лет я узнала всю правду. Случилось это совсем недавно. В этом году вся наша страна готовится к празднованию 70-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне. Мне захотелось узнать как можно больше о той войне. Со мной рядом живет очевидец тех событий — моя бабушка. Правда, она была еще совсем маленькой, когда началась война, ей было всего три года. Я попросила бабушку рассказать о том, что она помнит об этом. То, что я услышала, превзошло мои, даже самые страшные, впечатления, полученные из фильмов и

прочитанных книг. В книгах подспудно я допускала элемент вымысла, а в фильмах точно знала, что кровь не настоящая. Весь ужас бабушкиной истории в ее правдивости и в том, что речь шла не о каких-то, пусть реальных, но незнакомых мне людях, а о членах моей семьи. Только теперь я понимаю, насколько близка эта война, даже сегодня — семьдесят лет спустя…

Я узнала, что много раз во время войны жизнь моей бабушки держалась «на волоске», а значит, стояло под вопросом и мое появление на этой Земле. И знакомый с детства стишок: «Снежинки, снежинки в ладошках у Нинки…», которые с улыбкой читала мне бабушка, зазвучали вдруг для меня как-то иначе… Они как вырванный листочек из любимой детской книжки, сгоревшей в пожарище прошедшей войны…

* * *

…«Снежинки, снежинки в ладошках у Нинки
Смотрите, какая случилась беда:
В ладошках у Нинки осталась вода…», —

с выражением рассказывала трехлетняя Юля на утреннике в детском саду, для убедительности раскрывая свои маленькие ладошки гостям. Гостями были родители, дедушки и бабушки малышей. Они сидели в небольшом уютном зале детского сада летного военного городка. Среди гостей была ее семья: папа — офицер летной части в чине майора, мама — красивая хрупкая женщина и младший брат Юра. Праздник был веселый, и время было счастливое. Никто еще не знал, что это последние дни перед вселенской катастрофой под названием ВОЙНА. И что волею судьбы жители военного городка, расположенного в Белой Церкви, близ Киева, узнают о начале военных действий не по радио, как все люди, а по повалившемуся с неба «раскаленному свинцу» в ночь на 22 июня 1941 года.

Несколько стратегических точек бомбила в ту ночь гитлеровская Германия на территории Советского Союза без объявления войны. В этом траурном списке оказался и военный аэродром в Белой Церкви…

* * *

…Меня зовут Юля, я уже большая, мне целых три года, а моему брату только два… В это утро я проснулась от сильных раскатов грома. В комнате было светло не то от восходящего солнца, не то от какого-то сказочного гигантского костра. Мама провожала папу на работу и плакала, тогда я не понимала, отчего она плачет, ведь это так красиво, когда полнеба выкрашено в розовый цвет, а папа вечером вернется с работы, и мы будем играть… Но папа не вернулся с работы ни вечером, ни на следующий день, НИКОГДА!..

В памяти всплывает железнодорожный вокзал и поезда. Мы стоим с мамой у вагона. Я держусь за большой узел с вещами, а мама держит на руках моего брата. Мама просит проводника в красивой форме взять нас в вагон, но он не соглашается, говорит, что свободных мест нет. Поезд долго стоит на платформе. Другие поезда с грохотом трогаются и растворяются в дымке наступающих сумерек, а этот все стоит и стоит. Мой брат начал плакать и, глядя на него, я заплакала тоже. Проводник сжалился над нами. Он сказал, обращаясь к маме: «Так, возьму вас в тамбур, только без узла.

Надень на себя все что сможешь, а остальное брось». И вот мы мчимся в открытом тамбуре поезда в город Кривой Рог, где живет родная сестра мамы и родители папы. Я прижимаю к груди свою любимую куклу Аню. Все что угодно мы могли оставить в нашем прежнем доме, но только не куклу. Она такая красивая — моя кукла. У нее длинные белые волосы, голубые глаза с ресницами и платье как у настоящей девочки. Вдруг раздался пронзительный скрежет, и поезд резко затормозил, на миг я потеряла равновесие, показалось, что земля уходит из-под ног. И в этот самый момент я выпустила куклу из рук. Она упала между вагонами прямо на рельсы. Я хотела броситься за ней, но мама схватила меня за рукав. Поезд с визгом начал снова набирать скорость. Это была первая осознанная потеря в моей жизни. Я до сих пор не могу спокойно думать об этом. Я долго плакала, не подозревая, что я оплакиваю не только потерянную куклу, но и растоптанное немецкими сапогами свое детство. Впереди были годы горьких испытаний, долгие годы ада. Больше у меня никогда не было такой красивой куклы, ни такой, ни какой другой. Но тогда я еще не понимала значения слова «никогда», но горько плакала о своей любимице, пока не уснула. Мама молила Бога, чтобы поезд увез нас подальше от войны, хотя бы ненадолго. Она уже тогда знала, что город Кривой Рог, скорее всего, будет оккупирован немцами, но даже не подозревала что это такое…

Еще задолго до войны мама много болела, и перед самым ее началом чуть не умерла, как говорили, от заражения крови. И сейчас была еще очень слаба. Мой отец был заместителем начальника аэродрома и мог оставаться на своей службе. Но после начала войны он настоял на отправке его на фронт. Его просьба была удовлетворена, а маму вызвали в политотдел, где предложили эвакуацию по нескольким направлениям, но она отказалась. Она попросила отправить нас в город Кривой Рог. Она боялась, что по состоянию здоровья может не выдержать дальней дороги и умрет в пути. «Что же будет тогда с детьми?» Больше всего ее пугало, что если с ней что-нибудь случится на чужбине, дети потеряют друг друга. Поэтому ее решение ехать в Кривой Рог было окончательным. «Там родственники, они помогут», — успокаивала она себя. Не перестаю удивляться мудрости моей мамы… Как она могла предвидеть, что одним из страшнейших последствий этой войны будут разбросанные по всей земле и потерявшиеся родственники, которые по сей день ищут друг друга и не могут найти.

…Мы живем у моей тети Доры — маминой сестры. Стоят теплые осенние дни. Меня поздравляют с днем рождения. Мне исполнилось четыре года. Тетя ласково дергает меня за ушки. Моему младшему брату Юре — три. Мама радуется, что он, наконец, заговорил. После той ужасной ночи бомбежки он не мог сказать ни слова, а только «укал», издавая звук «у-у-у». К нам пришел дед Федор, отец моего папы, и уговорил маму перебраться к ним. Они с бабушкой Евфросинией живут в большом собственном доме, где много места…

Город бомбили все чаще и чаще, но мы, дети, быстро к этому привыкли, как привыкают малыши выживать, например, в платяных шкафах и под мостами. Неподалеку от дома, где мы теперь жили, была железнодорожная станция. Вскоре после нашего переезда на станции разбомбили продовольственные склады, и жители окрестностей собирали разметанные по полям продукты. Кто круг говяжьего жира раздобыл, кто мешок крупы, а

маме помогли притащить домой целый мешок муки. Внезапно я услышала какой-то сильный гул — это приехали немцы. Их было очень много. Они приехали на машинах и мотоциклах и начали обыскивать каждый дом и забирать продукты. Тех, кто сопротивлялся, — били, тех, кто прятал продукты, расстреливали прямо у всех на глазах. И здесь нас спасла мамина мудрость и интуиция. Накануне их прихода мама высыпала муку в матрац, аккуратно зашила и положила матрац на кровать, где мы спали с братом, равномерно распределив муку. Когда немцы делали обыск у нас, им и в голову не пришло, что мука в кровати в виде матраца. Даже сейчас страшно подумать, что было бы с нами, если бы они нашли эту муку. Впоследствии мама готовила нам из нее суп-затерку. Это специально она придумала, чтобы расход муки был небольшой и как можно дольше ее хватило. На мой нынешний вкус этот суп не мог быть съедобным, но кто бы это мне сказал тогда. А еще была коза Белка, которую кто-то подарил маме. Она давала пол-литра молока в день. Вот эта коза и мешок муки спасали нас от голодной смерти в течение долгих двух лет, пока длилась немецкая оккупация. Хотя теперь мне кажется, что это длилось целую вечность.

Я помню немецких солдат — они ходили в форме мышиного цвета с большими накладными карманами на груди и алюминиевыми пуговицами. Помню, как выглядели немецкие офицеры — высокие, в черной форме и в странно изогнутых фуражках. Они приветствовали друг друга поднятием вверх правой руки.

Мы сидим дома и играем с братом деревяшками, представляя их настоящими игрушками. В комнате очень холодно, потому что зима, а топить нечем. Мама штопает одежду. Вдруг дверь с грохотом распахнулась, и на пороге появился немецкий офицер с тростью. Он обошел комнату и уселся на свободный стул, заложив ногу за ногу. Окинул взглядом убогое наше жилище и, повернувшись к моей маме, поманил ее пальцем. Мама молча подошла к нему, лицо ее было напряженным и бледным. Тростью офицер приподнял ее длинную юбку, из-под которой показались поношенные солдатские штаны «галифе». «Партизан», — коряво сказал он. «Нет, что вы, надеть нечего, холодно», — извиняющимся тоном ответила мама. Но по-русски он не понимал. Он встал и со всего размаху ударил маму по лицу. Она отлетела и ударилась о дверной косяк головой. Мама упала на пол, а из ушей потекли струйки крови. Мы с братом даже не закричали, а онемели от ужаса. Офицер сказал что-то грубое по-немецки и вышел, а мама так и осталась лежать на полу. Мы подошли к ней, и нам показалось, что она умерла. Мы горько заплакали, прижимаясь к ее измученному лицу, а она слабо повернула голову и тихо застонала. После этого случая мама долго болела, потом у нее всю войну болели уши, и она некоторое время плохо слышала. В свои тридцать лет моя мама, худая и бледная, выглядела как глубокая старуха. Может быть, поэтому никто из окружающих не донес немцам, что мы семья командира Красной армии, и нас не расстреляли.

Благодаря грустной, но счастливой случайности немцы не угнали в Германию мамину сестру — тетю Лену. Тогда выбирали молодых и здоровых женщин и увозили в Германию для особо тяжелых и вредных работ. Тех, кто пытался укрыться, находили и расстреливали вместе со всеми родственниками. Немецкие солдаты пришли к нам, когда тетя была у нас, и хотели забрать ее. Но моя мама в это время упала и потеряла сознание от истоще-

ния. Очнувшись, на вопрос немца, что с ней, она ответила, что у нее тиф. Немцы тут же выбежали вон. Они очень боялись тифа, и на двери нашего дома мелом написали какие-то знаки. Это было счастье — к нам перестали врываться немцы.

Мы тифом не заболели, но были слабыми и часто простужались, особенно мой брат Юра. Он подолгу болел, и у него все чаще появлялись приступы кашля. Маме посоветовали выводить нас на свежий воздух, ведь за время оккупации мы почти не бывали на улице. Стояли холодные зимние дни, а обуви у нас не было. Мама снимала свои солдатские ботинки, выставляла их за порог на улицу, а потом по очереди ставила в них нас с братом. Ходить в этих ботинках мы не могли, они были для нас слишком тяжелыми. Вот мы и стояли на улице как оловянные солдатики, не в силах пошевелиться. Как-то Юра во время такой «прогулки» увидел птицу и, забыв про обувь, попытался за ней пойти. Он упал плашмя на землю лицом вниз и разбил себе лоб. Рана была большой, а из нее торчал какой-то острый камень. Мама так испугалась, что, забыв обо всем, понесла брата к немецкому доктору. Доктор оказался добрым, он обработал и перевязал рану, дал Юре какую-то таблетку и даже сказал прийти на перевязку.

Однажды мимо нашего дома немцы гнали колонну советских пленных. Мы стояли у ворот, прижимаясь от страха к маме, и наблюдали, как немцы безжалостно погоняли измученных оборванных людей разных возрастов, и даже детей. Среди них шла женщина с девочкой лет пяти. Воспользовавшись неразберихой, женщина вытолкнула девочку из строя, и она очутилась рядом с нами. Конвоиры этого не заметили, а мы, конечно, промолчали. Наша мама забрала девочку в дом и поделилась с малышкой всем, чем мы были «богаты». Девочка забилась в угол и за все время не проронила ни слова. А в глазах застыл такой ужас, что было даже трудно вообразить, что пришлось пережить этой крохе. В тот же день к нам забежала мамина подруга по прозвищу Любка-еврейка и, узнав в девочке свою племянницу, рассказала, что всю колонну немцы расстреляли за связь с партизанами, а девочку спасло чудо. Любка тоже была партизанка, но ее никто не выдал. Женщина забрала ребенка с собой, больше мы девочку никогда не видели.

Наступил февраль 1944 года. Приблизилась линия фронта. Пули свистели прямо в нашей комнате. Мы бóльшую часть времени проводили лежа на деревянном полу. Помню, мне надоело лежать, и я попыталась встать. Мама резко прижала меня к полу. Я ударилась головой об пол и заплакала. А мама погладила меня по голове и сказала: «Лучше ты ударишься об пол, чем останешься без головы». Мама не разрешала нам даже поднять голову, не то что встать во весь рост. В оконных стеклах было много круглых дырок от пуль. Мама закрывала окна подушками и кусками досок, пытаясь защитить нас от холода и шальных пуль.

Я знаю, что такое «передовая линия» не понаслышке. Она проходила через нашу улицу, наш дом. Почти каждый день были воздушные налеты и бомбардировки. В один из таких дней, когда особенно ожесточенно бомбили железнодорожную станцию и взрывы раздавались совсем близко, мама забрала узелок с документами, который у нее всегда лежал наготове, и мы спрятались в погребе во дворе дома. Бомба взорвалась прямо над нами, разрушив наружный вход в погреб, похоронив нас заживо. Двое суток мы провели в абсолютной темноте, голоде и страхе, что нас не найдут. Нас

откопали, обессиливших от жажды и голода, но, волею Господа, все еще живых.

И вот наступила какая-то непривычная тишина. От этой тишины мы долго не могли заснуть. А под утро в этой звенящей тишине послышался грохот сапог. Мы выбежали к воротам. По улице шли русские солдаты. Серые от усталости, в мокрых грязных шинелях, но такие долгожданные и родные. Мама плакала от счастья. К ней подошел незнакомый офицер, поцеловал и сказал: «Спасибо»! Некоторые женщины бросались к солдатам, обнимали и целовали их. Это была радость!

Солдаты размещались по домам. У нас тоже останавливалось много солдат, они спали прямо на полу, укрываясь шинелями. Мама грела им воду для чая и промывала и перевязывала раны. Есть у нас было нечего, и они кормили нас консервами. Никогда в жизни больше я не ела таких вкусных консервов, или мне это тогда только так казалось. А еще я узнала, что солдаты на фронте варили суп из конины, то есть лошади, убитой накануне в бою. Они сварили такой суп и у нас дома, но я не смогла его есть, несмотря на голод. Очень было жалко лошадь.

По этой же дороге, мимо наших ворот, но в другую сторону проходили колонны пленных немцев. Они были тоже в грязи, в рваных шинелях и выглядели какими-то жалкими. Их никто не встречал.

Заканчивалась весна, близилось лето. Мы с братом все чаще стали бывать на улице, потому что летом на Украине обувь не нужна. …Я вышла на улицу и увидела на песке перед домом игрушку. Она была темно-зеленого цвета, круглая, с ярко-малиновым кольцом и совершенно ничья. Я взяла ее в руки, она оказалась тяжелой, и я решила оторвать себе кольцо. Я с силой тянула его, но оно не отрывалось. Вдруг ко мне подбежал испуганный военный и сказал: «Отдай». Но я не отдавала, ведь это была теперь моя игрушка. Тогда он взял мои руки и, аккуратно разжав пальчики, забрал игрушку себе… Откуда мне было знать, как выглядит боевая граната.

Еще запомнилось, как перед нашим домом стояла машина, ее называли «Катюша». Она стреляла поочередно из каждой трубы, но очень быстро, так что казалось, что звучит какая-то музыка. Разве можно когда-нибудь забыть эту злую музыку войны.

После окончательной победы над гитлеровской Германией война еще долго не уходила из нашей жизни. Мама берегла нас с братом как могла. Потому что опасности подстерегали на каждом шагу, особенно детей. Весной 1945 года мы впервые сажали картошку на отведенном нам в поле участке. Мой шестилетний брат нашел там снаряд, взял его, но он был ржавый и брату не понравился. Тогда Юра бросил его неподалеку в лужу, раздался взрыв. Юра получил осколочное ранение, но чудом остался жив…

Но не всем так повезло… Весной 1946 года, когда я училась в первом классе, погиб мой одноклассник. В сарае их дома взорвался ржавый снаряд. Его хоронила вся школа. Я не могу забыть, как ноздри погибшего мальчика были закрыты ватой, из-под которой сочилась кровь. Ветер шевелил его волосы и эту вату. Его мама плакала и все время повторяла: «Ну почему? Война же закончилась!»

Нет, война не закончилась. Она продолжалась еще в послевоенном голоде и разрухе, в тысячах искалеченных людских судеб. Помню, как выглядели хлебные карточки. На них мы каждый день получали хлеб — че-

тыреста граммов на маму и по двести граммов на нас с братом. Однажды у мамы украли наши карточки. Это было настоящее горе. Мама лежала в постели, опухшая от голода, а мы еле передвигали ноги. От других детей мы узнали, что неподалеку есть столовая для летчиков. И мы с братом побрели туда, как за последней надеждой. Детей там было много. Все они просили хлеба, протягивая руки. Некоторые дети даже громко просили: «Дяденька, дайте хлеба!» Юра тоже протянул руку, а я не смогла. Я стояла в стороне и тихо плакала. Офицеры, выходя из столовой, выносили кусочки хлеба детям. Всем хлебом, который нам давали, мы делились с мамой. Однажды мне тоже дали два кусочка хлеба. Я, как всегда, стояла в стороне. Офицер прошел через толпу детей и отдал хлеб мне. Я не помню, черным он был или белым, но он был самым вкусным на свете.

Узнав о столовой, мама отправилась туда в надежде устроиться на работу. Как вдова офицера, она получила разрешение чистить там картошку по вечерам. В первый же вечер она принесла полведра картофельных очисток. Наутро мы с братом испекли их на костре и наелись. Целую неделю нас рвало, и мы не могли подняться с постели. Тогда мы чуть не умерли от отравления. Голод для нас закончился, когда маму приняли на работу в столовую мыть посуду. Она приносила нам кашу, кусочки котлет и хлеба, а мы, хорошо знавшие, что значит голодать, делились со своими друзьями.

Недалеко от железнодорожной станции, за колючей проволокой в бараках жили немецкие военнопленные. Они строили дома в окрестностях, потому что почти не осталось уцелевших домов в городе. Как-то раз мы с другими детьми пошли посмотреть на пленных немцев. Мы стояли у колючей проволоки и увидели, как пожилой немец сидел в туалете. Туалетом служила наспех сколоченная из досок будочка, даже без дверей. Ему, этому немцу, некуда было укрыться от наших глаз. А мы, не понимая этого, начали насмехаться над ним и кричать: «Ай-ай-ай!» И этот пожилой немец тихо и горько заплакал…

Вспоминая этот эпизод, я теперь понимаю, что в нем плакал тот же ребенок, который расстался с любимой куклой, потерял родителей или волею злой судьбы оказался на чужбине. Потому что большинство простых немцев были тоже жертвами, многие из них уходили на фронт по принуждению. Война, развязанная фанатиками, принесла страдания всем народам и немцам тоже. И если разобраться, то, в сущности, все МЫ, КТО ВЫЖИЛ, независимо от возраста, национальности и вероисповедания, НАВСЕГДА останемся ДЕТЬМИ этой ВОЙНЫ…»

Сегодня, в канун 70-летия Победы, когда все меньше и меньше остается участников Великой Отечественной войны, хочется по крупицам собрать все истории того времени, что еще не записаны. История детства моей бабушки нужна не только мне, но и всем тем, кто хочет знать историю своей страны. Ведь история государства складывается из множества судеб простых людей. Пусть читают и пусть плачут, как плакала я, когда слушала этот рассказ. И тогда есть надежда, что каждый, от ребенка до президента, сделает все возможное, чтобы подобное никогда не повторилось.

Каждый год мы отмечаем День Победы по-разному: несколько раз побывали на параде на Красной площади, ходили на Поклонную гору или просто собирались всей семьей, общались, вспоминали тех, кого уже нет.

Я смотрю на свою бабушку и удивляюсь, сколько же в ней теплоты, доброты и детской доверчивости, искренности и оптимизма, которые, казалось бы, пережив войну, невозможно было сохранить. Откуда она черпает эту бесконечную бодрость духа, неуемную энергию, умение радоваться и удивляться? Ведь говорят, что заложено в детстве… А что могло быть заложено в ее детстве? Но теперь, когда я знаю историю моей бабушки, поняла, что, несмотря на ужасы войны, у нее в детстве было главное, чего лишены многие дети и в наше время — это любовь родных и близких. Эта любовь помогла ей справиться со всеми трудностями и лишениями, научила радоваться каждому мигу и дарить тепло тем, кто так в этом нуждается. Значит, есть сила, способная исцелить израненную детскую душу и «вдохнуть» жизнь в холодеющее от бесконечного страха сердце, — это сила любви. Не потому ли таким отзывчивым человеком стала моя бабушка, остро реагирующая на чужую боль и всегда спешащая на помощь.

Будут проходить годы, и я знаю, что когда-нибудь я расскажу своим детям об этих событиях… чтобы помнили… Значит, не нарушится связь времен, не потеряются традиции и сохранится преемственность поколений. В них — величие нашей души и такая огромная нравственная сила, что даже нежное, хрупкое ДЕТСТВО способно ПОБЕДИТЬ страшную ВОЙНУ.

Вышла книга

Рязанцев-Седогин Г. Н.

Становящийся смысл. Роман. — М.: ИПО «У Никитских ворот», 2014. — 352 с.

Сюжет романа прост. Через жизнь священника, который на протяжении десяти лет строит храм, проходят судьбы людей разных сословий, достатка и образования — от простого народа до власть имущих. Он созерцает жизнь такой, какой ее не могут видеть люди других профессий: болезни, страдание, горе, одиночество, смерть. Слезами и молитвами простых людей создается величественный храм.

По обыкновению, история не помнит маленьких людей. Они приходят в жизнь из неизвестности и уходят в безвестность, как будто и не жили на свете.

Но бывают времена, когда маленькие люди становятся определяющей силой истории. Движимые первобытной энергией, этой живой плазмой земли, объединенные иногда в созидательную силу, но чаще в разрушительную стихию, подобную катастрофическим явлениям самой природы, которые никто не может ни прогнозировать, ни предупредить, они проливаются горячей лавой, медленно пожирающей все формы, все условности жизни. И мы видим на историческом ландшафте остывшие, бесформенные образования, которые напоминают нам о выплеснувшемся первобытном хаосе.

Автор благодарит за помощь в издании книги Пещерова Александра Николаевича.

Вышла книга

Военный дневник Тани Вассоевич: 22 июня 1941 — 1 июня 1945. *К 70-летию Великой Победы* — СПб.: ТО «Балтийская звезда»; Изд-во «Аврора», 2015. — 336 с., 343 ил.

Предисловие Директора Российского института стратегических исследований, канд. истор. наук, генерал-лейтенанта Л. П. Решетникова, вступительная статья д-ра философ. наук, канд. истор. наук, проф. А. Л. Вассоевича.

Предисловие

Любой человек, хотя бы немного знакомый с военной историей XX века, может легко сопоставить две даты. Первая — 10 июля 1941 года — день, когда немецкие и финские войска перешли в наступление на юго-западных и северных подступах к Ленинграду.

Вторая же дата, — 9 августа 1944 года, — фиксирующая победное окончание битвы за «город над вольной Невой», отстоит от первой на три года и один месяц. Это означает, что битва за Ленинград была самой продолжительной битвой в истории Второй мировой войны. Однако она, вместе с тем, должна быть признана и самой жестокой битвой, если мы вспомним о том огромном количестве людей, которые погибли не только на фронте, но и в осажденном городе.

Среди тех, кто оставался в блокадном Ленинграде в самую страшную зиму 1941—1942 годов, была и 13-летняя школьница Таня Вассоевич, сначала похоронившая своего 16-летнего брата Владимира, а затем и свою мать Ксению Платоновну.

С самого первого дня войны до победного мая 1945 года Таня вела дневник, который сегодня бережно хранится ее сыном — ведущим научным сотрудником нашего института, профессором Андреем Леонидовичем Вассоевичем.

Светло-коричневая общая тетрадь еще из довоенного времени содержит помимо очень аккуратных записей, сделанных перьевой ручкой или же карандашом, также множество цветных рисунков. Они превращают военный дневник Тани в своеобразное произведение детского изобразительного искусства. Таким образом, интереснейший исторический документ, свидетельствующий

о духовной стойкости жителей осажденного Ленинграда, приобретает еще и эстетическую ценность. Именно это побудило издателей опубликовать дневник в цвете, в его впечатляющем первозданном виде. Такой характер издания исключал, конечно же, возможность подстрочных примечаний с дополнительными разъяснениями. Именно поэтому все сведения, необходимые для лучшего понимания рукописного текста, надо было дать во вступительной статье, которую для настоящего издания и написал А. Л. Вассоевич. В этой статье автору в полной мере удалось показать, как семейная история вписывается в контекст масштабных исторических событий XIX — первой половины XX века. Дневник же Тани Вассоевич — это не просто дополнительный источник, рассказывающий о ленинградской блокаде и Великой Отечественной войне, это еще и свидетельство об удивительной духовной стойкости девочки, потерявшей самых близких людей и, тем не менее, не сломленной ни врагом, ни тяжелыми житейскими обстоятельствами.

Лучшее доказательство тому — документальный фильм, в котором уже 83-летняя Татьяна Николаевна за год до своей болезни и смерти вспоминает суровое блокадное детство.

Директор Российского института стратегических исследований, канд. истор. наук, генерал-лейтенант Л. П. Решетников

О значении «Военного дневника» Тани Вассоевич в условиях информационно-психологической войны против России

Хлопоты похоронные мне десять лет после блокады снились, — запишет Татьяна Николаевна 25 декабря 1985 года. — *Еще чаще снилось, что я маму спасаю, должна спасти ее от смерти. Вариантов было много, но смысл был один: надо спасти, оживить или что-то в этом роде.*

Этой записи, сделанной в рождественскую ночь (по григорианскому календарю), предшествовал сон — тяжелый и очень реальный по деталям. Вот запись самого начала этого сновидения, сделанная Татьяной Николаевной:

Будто я должна хоронить двоих: один мужской труп, но кого-то не близкого мне, а второй — себя. Да, я, живая, знаю, что должна себя хоронить и все готово. Затем начинаю подсознательно чувствовать, что я хороню себя и в то же время не исчезну, а останусь… Но все более во сне я начинаю чувствовать, что я останусь жива, даже похоронив себя. И Женечку[1] спрашиваю: «Ты знаешь?» — «Я то, конечно, знаю, что ты вернешься», — так лукаво и ласково он мне говорит…

Выход в свет воспроизведенного в цвете рукописного текста военного дневника Тани Вассоевич поставит ее в один ряд со всеми теми нашими соотечественниками, что и через столетия не дадут забыть Великую Отечественную войну в целом и битву за Ленинград, как одну из самых страшных

[1] Евгений Александрович Овсянников (1973–1991) — сын художника-графика Александра Леонидовича Овсянникова (1934–2001), внук заслуженного деятеля искусств РСФСР, профессора Леонида Федоровича Овсянникова (1881–1970).

ее частей. Более того, можно надеяться, что «Военный дневник» Тани поможет нам и сегодня в той информационно-психологической войне, которая неустанно ведется против России. Ведь одна из важнейших задач наших геополитических «партнеров» со времен горбачевской «перестройки» состоит в том, чтобы дискредитировать те социальные идеалы, которые сделали в 1941–1945 годах народ СССР народом-победителем.

Известно, что правдивые или же искаженные сведения о прошлом составляют основу любой интеллектуальной экспансии, направленной на изменение сознания людей посредством психологических качеств информации[1]. Поэтому страшные жертвы, понесенные нашими соотечественниками в первой половине XX века, являются предметом особого внимания для тех, кто хотел бы вызвать у граждан великой страны ужас и отвращение к собственной истории. В этом отношении Ленинградская блокада с ее бесчисленными смертями благодатная тема для антипатриотических импровизаций в стиле: Сталин ненавидел Ленинград и ленинградцев и поэтому бросил город на произвол судьбы; Д. С. Лихачев хотел перебежать к гитлеровцам, но не успел; от захвата Ленинград спас Карл Густов Эмиль Маннергейм — русский офицер — маршал Финляндии; в Смольном А. А. Жданов обжирался пирожными; в блокированном городе расцветал каннибализм.

Но, пожалуй, главное, к чему стремятся те, кто со времен так называемой «перестройки» (1985–1991) пытается опорочить подвиг ленинградцев, — это показать, что от голода и холода горожане впали в полуживотное состояние, утратив какое бы то ни было патриотическое чувство, какую бы то ни было духовность. Подобного рода пропагандистская установка была задана еще в 1942 году доктором Йозефом Геббельсом в его знаменитом сочинении «Die sogennante russishe Seele» («О так называемой русской душе»): «Sie sind stumpf und von einer wilden Animalitat. Gewohnt an ein hartes und entbehurngsraiches Leben hangen sie gerade auch deshalb nicht allzu stark daran»[2].

«Они бесчувственны, словно животные. Лишения и нищета — обычные условия их жизни, и потому они не так уж сильно к ней привязаны»[3].

Но разве в этой геббельсовской тональности не описывались жители осажденного Ленинграда в целом ряде статей и книг, изданных в нашей стране, начиная с «перестроечных» времен. При этом, конечно, не следует забывать и того, что тенденция к дегероизации блокады наметилась еще при И. В. Сталине сразу же после «Ленинградского дела», когда разгрому подвергся даже Музей обороны Ленинграда[4]. Коль скоро на самом высшем уровне было принято политическое решение, что городом в период Великой Отечественной войны руководили сплошь «враги народа», Ленинград уже не мог быть как, например, Сталинград, — символом подвига, а только

---

[1] *Вассоевич А. Л.* Информационные войны. К истории становления приемов психологического воздействия // Вестник политической психологии, июнь 2004, специальный выпуск: А. Л. Вассоевич. Избранные статьи. С. 22–44.

[2] Goebblis. Die sogennante russishe Seele // Das Ehrne Herz. Berlin, 1942. S. 397.

[3] Подробнее об этом в статье: *Вассоевич А. Л.* Нацистская русофобия перед судом истории (К 65-летию завершения Нюрнбергского процесса) // Труды кафедры истории Нового и Новейшего времени Санкт-Петербургского государственного университета. № 7, СПб.: Изд-во РХГА, 2011. С. 73–90.

[4] «Ленинградское дело» / Сост. В. И. Демидов, В. А. Кутузов. Л.: Лениздат, 1990. С. 114–117.

Таня Вассоевич

символом жуткой трагедии. И сражающийся город постепенно начали изображать в виде гигантского морга, где были лишь голод, холод и смерть, а люди впали в полуживотное состояние, толкавшее их к каннибализму.

В этой связи уместно привести отрывок из письма Тани Вассоевич, которое было отправлено в 1941 году из блокированного Ленинграда в Ташкент — Ире Разумовской, где она находилась в эвакуации с матерью Любовью Вячеславовной Разумовской (Арасимович)[1], теткой — Наталией Вячеславовной Барановской (Арасимович) и ее сыном Толей Барановским.

Ира, сейчас очень много новых книг можно купить. Я купила «Два капитана» Каверина. Мне очень она понравилась, но я ожидала большего. Лия говорит, что читать отрывками интереснее. Читала ли ты книгу Л. Кассиля «Великое противостояние». Это очень хорошая, если можешь, прочти ее в Ташкенте. Я записана в районной библиотеке. Сейчас была и взяла «Дом с привидениями». Еще не начала, но «чую», что интересно. Ира, ведь «Старая крепость» идет сначала, а «Дом с пр.» окончание, продолжение? Да? Я говорю библиотекарше, а (это была та плохая) говорит, что это одно и то же. Читала «Дружбу», но она не очень хорошая. «Рыжая дев.» лучше.

Ира, помнишь, мы с тобой уславливались о событиях: девочка — мальчик; все так, как мы думали [т. е. договаривались], [если в городе] *все хорошо*, то *я пишу все о девочке, если нет, то «мальчик». Ира, в первом же письме ты придумай условные* [слова, знаки] *и пришли* [мне]. *Это очень важно.*

[1] Любовь Вячеславовна Разумовская (1897–1969) — доктор исторических наук, специалист по истории средневековой Польши.

Даже один этот отрывок из блокадного письма 13-летней девочки опрокидывает многие представления, насаждавшиеся в течение четверти века нашей антипатриотической публицистикой. Первое, что заставляет осознать переписка Тани и Иры, так это то, сколь безупречно функционировала почта в военное время. Почтовая связь между блокированным Ленинградом и «Большой землей» никогда не прерывалась. «Не хлебом единым жив человек…» (Евангелие от Матфея, IV, 4). И похоже, что военно-политическое руководство в 1941—1945 годах это прекрасно понимало. Второе, что мы можем для себя уяснить: в блокированном городе работали библиотеки и книги находили своих читателей. Наконец, третье — были и такие блокадники, которые, несмотря на голод, а потом и холод, продолжали свою насыщенную интеллектуальную жизнь.

Кто-то же, конечно, скажет, что приведенный отрывок из письма никакое не доказательство, так как блокадное кольцо еще не сомкнуто и голод еще недостаточно силен. Поэтому сошлюсь еще на письмо Ире Разумовской от 19 октября 1941 года:

19/X-41 г. Дорогая Ирочка!

3 дня назад послала тебе письмо. Прости, что вышло недоразумение: т. е. оно пошло доплатное. Дома не было марок, я и попросила Люсю купить марки и отправить письма — тебе и Басе, а Люся просто опустила.

Ира, школы у нас до сих пор нет. В жакте Софья Иосифовна и др. [угие] *занимаются с ребятами с 1-го класса по 7-й. А, говорят, 20-го будет совещание о том, будем ли мы учиться. Может будем в школе. Вечером была у вас в квартире. Твой папа дал мне книгу Толстого «Трагическая трилогия: Смерть Иоанна Грозного» и др. 1-ю я почти прочла. Читала ли ты эту вещь? Вчера вечером во время вечерней тревоги приходит ко мне Аврора. Ее я очень давно не видала. Она дружинница, сестра, санитарка. Работает в госпитале. Обещала зайти еще сегодня. Я очень скучаю без подруг. Именно, не вообще, т. к. пока с Сережей повозишься, почитаешь, и день ушел. Но ведь ты понимаешь, что Сережа и книги не то. Не поговоришь — ничего.*

Взяла книгу «Развороченный муравейник» А. А. [Аркадия Аверченко], *ее содержание как нельзя лучше подходит к* [нашему] *времени. Эру встретила недавно. Она только* [и] *стоит в очереди в столовую и за вином и за конфетами, бумагой и др. для раненых, т. к. ее мама работает тоже, кажется, при госпитале. (Не знаю, что она там делает, ведь ты знаешь, ее специальность по глистам!!).*

Лия говорит, что «как-нибудь» напишет тебе письмо.

Ира, раздобыла твою старую книгу «Том Сойер» и блокнот и рисовала как прежде с тобой, только не отдельные фигурки, а целые сценки.

Лена Люткевич заболела корью. До этого, до последнего дня она была у нас и с Сережей, хотя и не играла, но соприкасалась. А сейчас Сереже что-то нездоровится, поэтому мы боимся (но вернее это у него зубки режутся).

Но главное чувство, которое овладело в те суровые годы миллионами наших соотечественников, это желание бескорыстно помогать своей Родине в битве с коварным и жестоким врагом. Вот концовка письма Иры Разумовской от 21 февраля 1943 года к Тане Вассоевич:

Одна только большая радость — упорное продвижение наших войск вперед. Ведь каждый день приносит новые победы. Почему папа и все наши не дожили до этого? Так временами становится ясно, что папы нет, что хочется выть и стучать ногами от горя. Но ведь тебе еще хуже, чем мне. Я представить не могу, что бы я делала без мамы. Мы очень бережем друг друга. Ах, Танечка, почему мы не вместе! Ты, пожалуйста, пиши. М. б. я поступлю на 3-месячные курсы сандружинниц, при госпитале. Я уже записалась, но не знаю, что выйдет. Очень хочется приносить какую-нибудь пользу. Ну, Танечка, пиши. Крепко тебя целую. Твоя Иришка.

В преддверии празднования 70-й годовщины полного освобождения Ленинграда от вражеской блокады в наших средствах массовой информации наметился долгожданный перелом в освещении блокадной тематики. Так, газета «Санкт-Петербургские ведомости» (№ 241 [5517] от 13 декабря 2013 года) опубликовала пространное интервью с президентом Международной ассоциации историков блокады и битвы за Ленинград Юрием Ивановичем Колосовым. Тем самым главная городская газета начала оспаривать известный тезис писателя Д. А. Гранина: «Сталинград — символ подвига, Ленинград — трагедии». Журналист Сергей Глезеров своим искушающим вопросом: *«Вы не согласны с последним утверждением?»*, как будто специально подводил гостя редакции — некогда юного участника битвы за Ленинград — к жесткому ответу. И Юрий Иванович Колосов ответил: *«Категорически не согласен!»*

Затем последовал еще один вопрос: *«Можно ли считать, что Вы с Граниным оппоненты?»* И тут Ю. И. Колосов сказал:

— К Гранину я отношусь очень осторожно. Еще с тех времен, когда он обратился к ветеранам с просьбой предоставить ему блокадные дневники. Мы, юные участники обороны Ленинграда, собрали ему 600 дневников. Мы считали, что это будет настоящей книгой памяти, для меня это было делом чести. Я ведь сам всю блокаду пробыл в Ленинграде. Бежал на фронт, и только из-за ранения меня вернули обратно… Но Даниил Гранин и Алесь Адамович по-своему обработали дневники, которые мы им предоставили. И обратите внимание, какой же дневник лег в основу книги? Дневник Юрия Рябинина — мальчишки, который не работал, не учился. Он выживал…

— Вы считаете, — наседал на гостя редакции опытный журналист, — *что создатели «Блокадной книги» отбирали только те материалы, которые работали на их концепцию?*

— Бесспорно! — отвечал Ю. И. Колосов. *— И с этой концепцией мы не согласны. Сейчас вообще в освещении блокадной темы бытует масса совершенно нелепых небылиц, искажающих подлинную картину блокады.*

Трудно не согласиться с собеседниками в том, что тенденциозный подбор материала способен очень сильно повлиять на восприятие современными людьми событий блокадного прошлого. Когда же речь идет о вырванных из контекста отрывках, «доказать» практически можно все, что угодно. Проиллюстрирую это на примере одного отрывка из уже приведенного мною полностью блокадного письма от 20 августа 1941 года, которое Таня Вассоевич отправила Ире Разумовской:

Ира, ты хорошо сделала, что не берешь пример с Беллы — вот уж не знаю, зачем она подписывалась под письмом: «Твоя вечная подруга

Страница из дневника Тани Вассоевич

*Я /*забелла*/ Танхельсон». Я даже не знаю, быть может, она не знает, что мы воюем с Германией, а просто живет себе в лагере, на курорте, на даче? Даже, если бы у меня в Ленинграде жила не подруга, а просто кто-нибудь з/*накомый*/, и то я волновалась, интересовалась бы как там. Ну, в общем, не стоит о ней думать.*

Подобрав пару-тройку подобных цитат из других блокадных писем, исследователь-фальсификатор сможет, к примеру, без особого труда провозгласить, что в 1941 году «значительная часть» советской молодежи была «абсолютно равнодушна к немецкому вторжению». А ведь это далеко не так.

Но вернемся к публикации Сергея Глезерова «Когда пробил час мужества?». Этот материал невольно заставил десятки тысяч людей в нашем городе задуматься над тем, может ли Петербург — Петроград — Ленинград, как и Сталинград, быть символом подвига, или же нашему городу навсегда отводится совершенно иной исторический образ, столь выразительно созданный Даниилом Граниным 27 января 2014 года во время выступления в Бундестаге:

У матери умирает ребенок. Ему было три года. Мать кладет труп между окон, это зима… И каждый день отрезает по кусочку, чтобы накормить дочь. Спасти хотя бы дочь. Дочь не знала подробностей, ей было двенадцать лет. А мать все знала, не позволила себе умереть и не позволила себе сойти с ума. Дочь эта выросла, и я с ней разговаривал. Тогда она не знала, чем ее кормят. А спустя годы узнала. Вы представляете? Таких примеров можно много приводить — во что превратилась жизнь блокадника.

Сегодня каждый петербуржец, да и любой гражданин России, вправе сам для себя решить, что в символическом плане лучше характеризует «город над вольной Невой». Сегодня каждый может определиться в своих симпатиях либо к воззрениям Д. А. Гранина, либо к позиции Ю. И. Колосова.

Как известно, битва за Ленинград была самой продолжительной и самой кровопролитной битвой в истории Второй мировой войны. Более того, она во многом предопределила исход самой страшной войны XX века. Однако скупые статистические данные, взятые из истории 872-дневной Ленинградской блокады, сами по себе не отвечают на вопрос о том, что сегодня может символизировать град Святого Петра. Не случайно и Д. А. Гранин, и Ю. В. Колосов придают такое большое значение блокадным дневникам.

Показательно, что Мария Позднякова из «Аргументов и фактов» завершила свою статью, посвященную «Военному дневнику» Тани Вассоевич, такими словами: *«Из него современные подростки могли бы почерпнуть больше знаний о войне, чем из некоторых учебников и современных фильмов».* Здесь отмечу, что не только фильмы и учебники формируют чувство уважения к подвигам былых поколений, но и школьные учителя истории.

В военное время (и об этом свидетельствует издаваемый дневник) авторитет и влияние учителя могли быть огромными. Татьяна Николаевна Вассоевич до конца своих дней с искренней благодарностью вспоминала Надежду Кузьминичну Сокол-Черниловскую (родом с Украины), которая оставалась для нее не только любимым преподавателем истории, но и высочайшим нравственным авторитетом. Надежде Кузьминичне посвящены многие записи в «Военном дневнике».

Так, ленинградская девочка, оказавшаяся после ужасов блокады в советском Казахстане, позволяет нам сегодня вспомнить своего алма-атинского учителя, ушедшего из жизни в далеком 1969 году и, наверное, уже почти позабытого.

Не скрою, что моя личная убежденность в Величии Духа ленинградцев, отстоявших свой город в период немецко-финской блокады, сформировалась под влиянием дневниковых записей военного времени и, конечно же, в первую очередь дневника моей собственной матушки.

Руководитель Санкт-Петербургского регионального информационно-аналитического центра РИСИ, д-р философ. наук, канд. истор. наук, профессор А. Л. ВАССОЕВИЧ

Лариса КУДРЯШОВА

«СМЕРТЬ ПОПРАНА. СИЯЕТ ВОСКРЕСЕНИЕ»

Лариса Пахомьевна Кудряшова — родилась в Латвии. По образованию — филолог. Работала учителем, библиотекарем, корреспондентом газет. С 1992 по 2003 гг. была членом Союза писателей Латвии. Здесь издано несколько книг поэтической лирики. Инициатор, составитель и участник альманаха «Дни поэзии» поэтов, пишущих в Латвии на русском и других славянских языках. В 1998 г. переехала в Россию. Автор многочисленных публикаций в православной периодике и известных песен. Ее книги духовной поэзии: «Свет Святого Валаама», «Предстою пред Господом», «Между ранним и поздним дождем», «Время исповедания», «От Рождества до Воскресения», «Навстречу Пасхе». **Живет в Санкт-Петербурге.**

ВЕСНА 2014-го

1

Салютов залпы, марши и весна,
И с фотографий смотрят
наши деды.
Какой сегодня горький
День Победы —
На Украине началась война.

Штурмуют села, веси, города
Во исполненье натовских проектов
Боевики, армейцы,
«Правый сектор»
И наглая наемников орда.

Дома горят и жители горят.
Наказанные хунтой —
в чем повинны?
Разорвана на клочья Украина,
И смотрят грозно установки «Град».

Одессы окровавленной ожог,
А наступленье не идет на убыль —
В огне пылает мирный Мариуполь.
И боль, и удивление, и шок.

Стреляют в спину и из-за угла, —
Как будто банды по стране гуляют,
В детей и в стариков
в упор стреляют.
И кровь, и слезы, и кострищ зола.

История знакома и проста,
И времени оптическая призма
Высвечивает вновь оскал фашизма:
«На Русский мир,
на русских, на Христа!»

В ветвях деревьев птицы не поют,
И длится залпов и огня свеченье,
И мужество святого ополченья,
За други грудью вставшего в бою.

В который раз набросились враги,
И снова тучи ходят над Отчизной,
И наши братья
смотрят с укоризной:
«Россия, встань!
И русским помоги!»

2

Весна в Одессе, а на сердце — стынь,
И не сдержать отчаянья и боли —
В который раз сожженная Хатынь
Явилась в мир по злой фашистской воле.

Кровь на асфальте, свечи и цветы.
Весна горька, орошена слезами.
И мученики наши с высоты
Глядят на нас печальными глазами.

3

Беда. Нагрянула беда.
Отверзлись будто двери ада —
Горят, пылают города,
Не умолкает канонада.

Рассвет кровав, кровав закат,
Окрестность стала полем минным,
Земля горит, дома горят —
Тела убитых и руины.

Жизнь балансирует стократ
На грани призрачной и тонкой,
И как пронзительно глядят
Недетские глаза ребенка.

* * *

Страстной Седмицы скорбь и чистота,
Бессилье наше, и Господня сила.
Как сотник у подножия Креста,
Земля на миг как будто бы застыла.

Сад Гефсиманский, воинов налет,
Апостол, что внезапно устрашится…
Душа трепещет, верует и ждет —
Вселенское Спасение вершится.

Пилатов суд, изменчивость толпы,
Голгофы каменистая дорога,
И жажды огнь, и боль, и зной, и пыль,
И гордецы, ругающие Бога…

Ты погляди, душа, ты погляди
На Крест Христов, на кротость и смиренье.
Уже светает. Бездна позади.
Смерть попрана. Сияет Воскресение.

* * *

День равноденствия.
Прозрачней и светлее
И будто бы просторней небеса.
Сугроб осевший о зиме жалеет,
А утро льет свет солнца на леса.

Становится спокойнее и легче,
Когда светлеет неба высота,
А душу грешную и радует, и лечит
Святая тишь Великого Поста.

Земля пьет свет, ручьями умываясь
И радуясь весенним чудесам…
Душа поет и плачет, оживая,
И тянется навстречу Небесам.

* * *

Лишь только в белой мгле
печалились
Поля, и озеро, и лес,
Как вдруг нежданно и нечаянно
Апрель вспорхнул из-под небес.

Ручьи, капель и ветер ласковый,
Набухли почки у ольхи —
Земля как будто бы оплакала,
Как люди в дни Поста, грехи.

И все длиннее дни весенние,
Прозрачней неба глубина.
Земля в надежде воскресения
Вверх, к Небесам, устремлена.

Светло. И вербы тянут веточки
Навстречу Пасхе и весне,
И сердце ждет, и сердце верует,
И так легко, спокойно мне.

НАВСТРЕЧУ ПАСХЕ

Посветлело. Отшумели ветры,
Над землею — колокольный звон.
И деревья тянут к небу ветви,
И сияют свечи у икон.

Строгие, торжественные лица —
Ждет, с надеждой молится народ.
А навстречу радостною птицей
Воскресенье Вербное плывет.

А за ним —
печаль Страстной седмицы,
И душа трепещет у Креста.
Пятница… И вынос Плащаницы.
Утрени пасхальной чистота.

И на сердце радостней и легче,
А душа уже поет без слов.
И идет сквозь ночь —
лишь светят свечи
Крестный ход под звон колоколов.

Плач и удивленье мироносиц
У открытых в Небеса ворот…
А земля ликует, цветоносит
И о Воскресении поет.

В храме так тепло и многолюдно,
Ясный свет нисходит к нам с Небес.
— Господи! Как радостно и чудно
Снова петь и петь:
«Христос воскрес!»

ПОЭЗИЯ

Эмма МЕНЬШИКОВА

«ДУША МОЯ РОССИЯ…»

Эмма Петровна Меньшикова — родилась в городе Шауляе Литовской ССР. Окончила Латвийский государственный университет. Работала в университетской библиотеке, преподавала в школе, воспитывала детей в детском саду, служила в Советской армии. Переехала в Россию, в Липецкую область, село Доброе в 1993 г. Редактор отдела областной «Липецкой газеты». Член Союза писателей России, член правления Липецкого отделения СПР. Автор четырех поэтических сборников и книги литературной публицистики. Лауреат литературных премий и конкурсов. **Живет в Липецке.**

КАЗАЧЬЕ

Глухие стылые места,
А трогают до боли…
Часовня с образом Христа,
Стога у старого скита
И — воля! воля! воля!

Снега — и взглядом не объять,
Вдали березки строем…
И как такую благодать
В чужие руки отдавать?!
Чего тогда и стоим…

Кто мы — без этого села,
Без этих круч над Доном?
Здесь русских с русскими свела
И примирила как могла
Земля, с тяжелым стоном

Укрывшая своих детей
Одним на всех покровом…
И нет для нас земли святей.
И обойдемся без гостей
С горящим жадным взором,

И обойдемся без родни,
С которой общей болью
И верой не породнены…
И пусть не зарятся они
На нашу волю…

СЕМЕЙНЫЕ ИКОНОСТАСЫ

Крестьянские лица — как лики.
Т. Королева

Крестьянские лица — как лики…
Взирают из рам вековых —
И в избах печальных и хлипких
Как будто светлее от них…

Оконца в минувшее время,
Где живы ушедшие ввысь:
Далекое дивное племя
Федотов, Матрен и Анфис.

Во всем уповая на Спаса,
Держались они за родню.
Семейные иконостасы
Крепили простенков броню.

Казалось бы, что в них святого?
Солдаты в шинелях до пят,
Солдатки в суконных поневах,
Ребята на лавке сидят…

Но словно лучатся их лица —
И взгляда от них не отъять…
Нам есть за кого помолиться,
За нас есть кому предстоять…

ДУША ЖИВАЯ

Что бабке — куршавели и гавайи,
Она в избе убогой доживает.
Идет ли дождь,
сияет в небе солнце —
Сидит она, сутулясь, у оконца

И глаз не сводит с этого «экрана»,
Где все ее родное мирозданье —
Калины куст, скамейка у порога,
Косой плетень, разъезжая дорога…

И день за днем —
в окне ее все то же,
Но нет на свете ничего дороже,
Чем улица и хатки по соседству,
Все, без чего не выжить ее сердцу…

И что ей — демократия, свобода,
Когда в деревне нет ее народа?!
Глядит в окно —
но пусто у колонки,
Давно уже не видно почтальонки…

Покрестится она на красный угол,
Переберет медали за заслуги —
И вновь в окно воззрится, уповая,
Что есть еще за ним душа живая…

* * *

На Земле обычный зимний вечер —
Неба синь и снега тусклый свет…
Что ж так душу тянет этот вечный
И непритязательный сюжет?

Слишком хрупким стал миропорядок,
Слишком неспокойно стало жить —
И вздыхают бабки у лампадок:
Ах, успеть бы смертное сложить…

С каждым днем все гуще мгла
над Русью,
Каждый год в России — недород.
И темнеют ликом Ржев и Усмань,
Снова ворог Русь в полон берет…

Оттого и на душе тревога:
Ускользает в прошлое сюжет —
Русь святая, зимняя дорога,
Неба синь и снега тусклый свет…

* * *

Ветераны уходят в землю,
Не сдавая своих позиций…
Снова раненые под Ельней,
Шепчут хрипло: — Сестра, водицы…

До рассвета не спят от боли,
О друзьях вспоминая павших.
А к утру по команде «К бою!»
Рвутся яростно в рукопашный…

Со штыками идут в атаку,
Упираясь во вражьи цепи,
Грозно бьются в кровавой схватке
За родные поля и степи.…

Не в постелях — в сраженьях святых,
Захлебнувшись огнем свинцовым,
Умирают от ран солдаты
Под Смоленском и под Ростовом…

Сколько лет на переднем крае,
За Москву и за Курск воюют…
Кто-то в танке опять сгорает,
Кто-то в небе врага штурмует.

И в пылающем Сталинграде,
Как товарищи их когда-то,
Погибают Победы ради
Жизнь отдавшие ей солдаты…

Бьются насмерть в Орле и Бресте,
Льнут под выстрелами к землице.
И уходят в иные веси,
Не сдавая своих позиций…

* * *

Уже весною пахнет первозданной —
Весною света, неба и земли…
Но веет кровью «беркутов» с майдана,
Их на щитах оттуда унесли…

А те, что со щитом держались стойко
Под градом пуль и смрадом жженных шин,
Домой вернулись, сломлены жестоко
Продажной властью масок и личин.

Но мало ворогам невинной крови,
Бандеровская ненависть кипит!
И на коленях «беркуты» во Львове
Покаялись за тех, кто был убит,

Кто на майдане был расстрелян в спину,
Кто заживо горел, кто был распят…
И как теперь любить мне Украину,
Где Русь — и ту во зле испепелят?!.

* * *

Чем ни займусь, а в мыслях — Украина,
Куда ни посмотрю — а все она.
Смеются дети во дворе наивно,
И думаю: а там идет война.

Гремели выпускные по России,
Салюты разрывали небеса.
А там «Не убивайте нас!» просили
Ребята со слезами на глазах.

Там по жилым кварталам били «Грады»…
И люди из домов бежали прочь.
«Мы украинцы, но скажу вам правду:
Что все мы стали русскими в ту ночь, —

Так говорила женщина с младенцем,
Прошедшая с ребенком через ад:
— В моей стране устроили Освенцим,
И нет теперь для нас пути назад…»

А сколько их, вновь испеченных русских,
Крещеных не водою, а огнем,

Спешат в Россию по проселкам узким,
По воздуху, по морю, ночью, днем…

Чем ни займусь — а в мыслях Украина.
У нас гроза — а там опять обстрел.
У нас повсюду ломятся витрины,
А там мальчишка хлеба не поел.

У нас любовь, а там сплошные страсти.
А ночь у нас — тиха и высока…
А там к Луганску через город Счастье
Подтягивают танки и войска…

МОЕМУ ПОКОЛЕНИЮ

А нам не будет оправданья!
Мы сдали Родину без боя —
Не заслонив ее собою,
Как наши деды и отцы.

Нас обложили тяжкой данью,
А мы все грезили о звездах,
Кичась свободою, — и в воздух
Бросали радостно чепцы.

Не погнушались рабской долей —
В обноски вырядились споро…
И пели аллилуйю хором
Всем новоявленным «святым».

Очнулись — ни земли, ни воли.
Под вражьей властью прозябаем.
Но либеральным краснобаям
Во рты по-прежнему глядим.

Мы труса празднуем безбожно —
Нас взяли голыми руками!
Что мертвые не имут сраму,
Так это еще как понять…

Кто нас отмолит, кто поможет?
Но будет предков суд — суровым,
Да и потомки добрым словом
Навряд ли станут поминать…

* * *

Есть простые слова, но за ними
И судьба, и любовь, и земля.
Это хрусткие снежные зимы,
Это древние стены Кремля.

Сколько б времени дальше ни виться,
Будут вечно звучать и спасать
Красный угол, святая водица,
Пустынь Оптина, Павлов Посад…

Есть слова как пароль, как примета
Уз надежных и скреп вековых.
Это строки державных поэтов,
И молитвы великих святых.

Это имя, которым крестили,
Это мамина тихая грусть…
И встает за словами простыми
Наша кровная родина Русь…

* * *

Душа моя Россия…
Ты свыше мне дана.
И никакою силой
Не отлучить меня

От усманских просторов
И добровских твердынь…
Намоленных соборов,
Восставших из руин

В Ельце и Лебедяни,
По всей Руси святой —
И в деревеньке дальней
Теперь есть купол свой.

И колокольным звоном,
Вздымаясь до небес,
Над лесом и над Доном
Плывет благая весть…

Не отлучить мне сердце
От милости такой —
От церкви по соседству
С избушкой вековой,

От праведного слова,
Взыскующих икон…
От поля Куликова,
Где ставили на кон

Судьбу и волю нашу,
Где кровь лилась рекой…
Ужель всего за «Рашу»
Дружину вел Донской?

Нет, это от бессилья
Они возводят ложь…
Ведь ты душа, Россия,
А душу не убьешь…

СВЕТ В ДУШЕ

Ни краски за окном: уныло, хмуро.
Все передашь простым карандашом —
Унылый фон, деревьев строй понурый,
Прохожих крючковатые фигуры
Под семенящим вкрадчивым дождем…

Таким пейзажем трудно умилиться —
Дороги вдрызг и пасмурные лица,
А все стою у тусклого окна —
И свет в душе…
И хочется молиться
За все, за все, чем жизнь озарена…

Великая ПРОВИНЦИЯ

Виктор ПОТАНИН

«Я СЧАСТЛИВ БЫЛ С ВАМИ»

Из Таманского дневника

К 70-летию Великой Победы

Виктор Федорович Потанин — родился в 1937 г. в с. Утятском Курганской обл.; окончил Курганский педагогический институт, лит. институт им. М. Горького; работал в областной газете лит. консультантом Курганской писательской организации, редактором книжного издательства; избирался депутатом Курганского областного Совета, секретарем СП России, членом правления СП РСФСР. Заслуженный работник культуры РСФСР; лауреат многих литературных премий; автор более тридцати книг. Член Высшего творческого совета СП России. **Живет в Кургане.**

1

В жизни нашей есть странные люди, мы их зовем однолюбы. Понять их сущность совсем не легко. И порой мы даже их осуждаем, посмеиваемся над ними. А все потому, что в душе завидуем им и, может быть, даже любим. Да и как не любить их, если сами они могут любить и обожать всего одну-единственную женщину, если в друзья выбирают себе какого-то одного-единственного человека. Как говорят, одного из тысячи. И потом десятки лет берегут его, не дают в обиду и, конечно же, пытаются помочь ему, буквально во всем — в большом и в малом. Да, это правда. Ведь о таких однолюбах часто писалось в книгах, впрочем, есть эти люди и среди читателей. И потому, признаюсь сразу, я и сам из той же породы. И меня тоже можно назвать читателем-однолюбом. Но почему? Да все потому, что всю жизнь не расстаюсь с томиком Лермонтова, на котором написано: «Стихи и проза». И я не знаю, какой из этих жанров ближе мне и дороже, потому что читаю эти дорогие страницы почти ежедневно, и это тоже правда. А они — страницы эти — властвуют над душой, и душа благодарна. Да и как не благодарить, если читаешь такое:

Я жить хочу! Хочу печали,
Любви и счастию назло.
Они мой ум избаловали
И слишком сгладили чело.
Пора, пора насмешкам света
Прогнать спокойствия туман;
Что без страданий жизнь поэта?
И что без бури океан?..

Конечно, так писать мог только гений, какой-то сверхчеловек. Впрочем, настоящий писатель и есть такое создание, божественное творение, но

постоянно напоминающее нам, простым смертным, что есть на белом свете какие-то высшие небесные смыслы, которые нам никогда и не разгадать. Но он-то понимал их. Предчувствовал? Конечно! Так, значит, все-таки он был сотворен Создателем для какой-то великой и неохватной цели, что даже страшно подумать. Но если все ж дерзнуть и раскинуть мысли, то можно додуматься до того, что проживи поэт хоть лет на 10, на 20 дольше, то мог бы затмить и самого Пушкина. Да-да. Мог бы шагнуть и дальше, чем «наше всё». Впрочем, хорошо понимаю, что такая мысль грешна и нелепа, как нелепы никогда не стихающие споры, кто же выше для читающей публики: Достоевский или Толстой? Но давайте не будем углубляться в эти филологические дебри. К тому же я думаю сейчас совсем о другом. Мои думы о сегодняшнем дне, о той печали, которая вдруг случилась с русской литературой. Ее ведь почти перестали читать. И на смену ей пришел Интернет и какие-то малопонятные для меня электронные книги. Но, наверное, лучше не думать об этом, к тому же мой любимый поэт давно уже написал: «Печально я гляжу на наше поколенье! Его грядущее иль пусто, иль темно…» Да что уж теперь рассуждать, если на наших глазах вырастает это самое поколение, которое едва слышало о Чехове и о Бунине, для которых и Пушкин с Лермонтовым — малознакомые люди. Но все-таки все живут надеждами, и верится, что вернутся в наш обиход прежние времена. Да, вернутся, куда же им деться. Я говорю сейчас не о коммунистической идее, а о тех временах, когда писателям поклонялись, когда о прекрасных книгах писались школьные сочинения, когда стихи того же Лермонтова приравнивали к молитве. И мне тоже пришлось жить в те недавние времена, и мои первые книги тогда и появились на свет. И эти книги принесли автору известность, и у меня появились свои читатели. И среди них обнаружились даже добрые друзья и поклонники. И вот эти люди пригласили меня однажды в Тамань. Надо ли говорить, как встрепенулась моя душа. Но почему? Да потому, опять повторяю, что я однолюб и никогда не расстаюсь с томиком Лермонтова, и еще потому, что всегда мечтал побывать в тех краях, о которых рассказал поэт в своем бессмертном романе…

И вот я в дороге. А на моих коленях лежит дневничок — мой неразлучный спутник и друг. И на первой странице у меня что-то вроде эпиграфа: «Боюсь я сердцу волю дать». Эти слова Лермонтов написал в трагическом 1841 году, когда 15 июля (во вторник) около 7 часов вечера был застрелен Николаем Мартыновым. И сразу осиротела Россия, ведь погиб величайший ее сын — Поэт от Бога… И вот я поехал тогда по лермонтовским местам, и впереди у меня — Тамань.

2

Кто-то из умных людей сказал, что дорога — это всегда волнение. И я бы добавил, что не только волнение, но и непрерывное ожидание каких-то чудесных встреч и событий. Именно такие чувства и испытывал я в те дни и часы. Да и молод я был тогда, суеверен, и потому так трепетала душа. И чтоб успокоиться, как-то прийти в себя, я все время что-то писал в свой дневничок. И вот сейчас я открываю для всех эти странички. Но не судите меня строго: я просто писал о том, что видел. А увиделось многое. И мой дневничок — свидетель…

И начну я, конечно, с первой страницы, на которой сделана и вторая запись. Она появилась у меня еще дома, в Кургане, и эта запись — слова из романа: «Тамань — самый скверный городишка из всех приморских городов России. Я там чуть не умер с голода, да еще вдобавок меня хотели утопить. Я приехал на перекладной тележке поздно ночью…» Эти откровения о Тамани принадлежат самому поэту, и я их полностью поместил в своем дневничке. А для чего поместил, я и сам не знаю. Может быть, для того, чтобы подготовить себя к дороге… И вот записи уже с дороги: «Сегодня увидел Темрюк, а Тамань где-то рядом. Надо просто запастись терпением, а пока смотрю во все глаза и не могу насмотреться. Я ведь впервые в этих местах. А Темрюк — городок небольшой, веселый и какой-то по-южному суетливый. Очень много солнца, и с утра — сильный ветер, и этот ветер такой же жаркий и проникающий, как и само солнце. А сразу за городом синеет полоска воды. Иногда узнаешь, что это и есть Азовское море, и не веришь. А потом мы приехали на берег моря. И снова не веришь, что здесь бывают шторма, не веришь, что когда-то здесь плавали турецкие фелюги и грозные казачьи лодки, не веришь, что это море — самое рыбное из морей…»

Но спустя час, во время заката солнца море себя показало. Открылась вода такого небесного цвета, такая почудилась даль впереди, такие истории раздались у рыбацкого костра, что я поверил — значит, с нами и возле нас — настоящее море. А потом погас закат и сразу погасло, померкло море, и вдруг нестерпимо захотелось очутиться сейчас же в Тамани, которая жила где-то рядом, на расстоянии двухчасовой дороги. И это желание росло с каждым часом, и ничего с этим не сделать, разве только приказать себе: потерпи, дорогой, потерпи. А потом пришла ночь, зажглись первые звезды, но это чувство не проходило — ожидание святого места, ожидание Лермонтова — его красок, его моря, его солнца. И его дум:

Нет, я не Байрон, я другой.
Еще неведомый избранник.
Как он, гонимый миром странник.
Но только с русскою душой.
Я раньше начал, кончу ране,
Мой ум не много совершит,
В душе моей, как в океане,
Надежд разбитых груз лежит.

Какой дух, какую смелость надо иметь, чтобы делать такие признания! А может, эта исповедь и должна была успокоить его, дать новые силы?.. Я думал об этом и о близкой дороге в Тамань, а сам смотрел в глаза старой рыбачки Елены Максимовны Панченко. Мои новые друзья познакомили с этой удивительной женщиной, которая прожила в этих краях многие годы. И вот я смотрел в родные уже глаза старой рыбачки и старался не пропустить ни одного ее слова. Но поразили меня все-таки не слова, а сам голос ее, какой-то пологий, неторопливый и по-настоящему материнский. И чувствовалась в нем скрытая, потаенная сила. Такие люди чаще родятся в сибирской суровости, в наших непроезжих снегах, и, уж родившись, не поддаются никакому горю, несчастью. Такие люди всегда стоят на горé, а все горести у подножия. И в самых сложных, самых гибельных делах на-

шей жизни они крепки и выносливы. Ведь не счесть тех бед, испытаний, которые свалились на Елену Максимовну. Но она не сломалась, потому что ни одного дня не прожила без работы. И какой работы! Ведь море уважает только сильных, решительных. А она такой и была. И потому теперь на всех больших собраниях ее выбирают в президиум и дают самое первое слово. Но говорить она не охотница. Вот и сейчас отмалчивается, и я страдаю. Но я, наверное, упорный, потому что мне все-таки удается ее разговорить, и она сразу же наступает на больное: «Небось, не заснешь эту ночку. Тебе же скоро в Тамань?» И я соглашаюсь: «Да, скоро, совсем скоро. Я уже считаю часы и минуты». Она кивает головой и на миг затихает. Потом снова оживает лицо: «Вот и потолкуешь с Михаилом Юрьевичем. Как говорят, по душам. И не таи ничего, исповедуйся...» Она хочет еще что-то сказать и обиженно поджимает губы. Но кто ее обидел — не знаю. Может, просто что-то встало в душе. Да и обида быстро проходит, и у ней веселеют глаза: «Так и скажи ему, как своему, я, мол, долго к тебе добирался, дорогой Михаил Юрьевич. И на самолете, и на поезде. И о многом хотел бы сказать. Но вначале, конечно, поклонись от курганской земли...» Она замолкает, а мне удивительно, ведь она говорила о поэте, как о своем родном и близком человеке, точно он проживает где-то недалеко, на соседней улице — в той самой крайней хатке под белым шифером. И даже в тоне ее голоса те же нотки и ударения: «А мы, мол, знакомы с нашим поэтом, и человек он добрый, хороший и никому не досадил, а, наоборот, со всеми в согласии...» И уж потом, в Тамани, я тоже слышал подобные речи и такую же интонацию, и было удивительно, точно и не было той далекой дуэли, точно не сменились на земле поколения...

А наш костерок между тем догорал. Отдыхала и Елена Максимовна, и я не тревожил ее разговорами. А рядом, в плавнях, чудились какие-то непонятные шорохи. И не только чудились — мои уши, непривычные к южной ночи, все время напрягались от звуков, еще не слышанных нигде и никогда. Так бывает, когда на ранней зорьке плавится и играет рыба в очень богатой реке. И ты слышишь, что каждая рыбина ударяет по-своему, и эти звуки не передать. Так было и здесь: что-то било и ударяло по камышам, и камыши вздрагивали, оживали, и в них тоже пряталась какая-то тайна. И я стремился понять, отгадать ее, но она не поддавалась разуму, ускользала. Потому было смутно и тревожно на сердце, и хотелось, чтоб быстрее закончилась ночь.

И вот ночь прошла, промелькнуло и утро, и вот уже наступил беспокойный, по-южному пеклый день. И опять мой дневничок не закрывался, потому что были разговоры с Еленой Максимовной, и я записывал каждое ее слово. Ведь наконец-то старая рыбачка позволила заглянуть к себе в душу и стала вспоминать свою молодость, разволновалась. А потом с рыбаками мы вышли в море. Как ждал я этой минуты, как к ней готовился! И все случилось так, как мечталось: вначале мы шли на веслах, потом рыбаки подняли и посмотрели сети, а после этого запустили моторы. И мы полетели! Лодка, на которой я был, напоминала нашу плоскодонку, только была пошире, побольше. И какой вокруг простор, какой воздух! И если бы не кричали чайки, если бы не постукивал мотор на самых малых оборотах, можно бы даже подумать, что наша лодка сейчас не в море, а где-то в небе, в бесконечно огромном небе... И сразу, сразу приходят на ум его строки: «Я не для

ангелов и рая всесильным Богом сотворен, но для чего живу, страдая, про это больше знает Он…» А все же, как он мог написать такое — почти еще юноша, мальчик?.. Почему душа его все знала и понимала, точно прожила уже сто лет на земле, а может, и больше. Кто же он все-таки: то ли Бог, то ли Человек, то ли то и другое вместе?..

Мы выключили моторы, и лодка наша пошла совсем тихо, бесшумно — от воды поднимался легкий парок-дыхание. Но все-таки где мы — то ли на небе, в облаках, то ли в море? Я пытался это понять, но так и не понял. К тому же мы плыли уже обратно. И вот уже берег…

А потом снова была уха из свежей рыбы, снова разговоры за жизнь и сердечные клятвы и обещания — однажды обязательно вернуться сюда, на этот заветный берег. И опять мой блокнот-дневничок не закрывался, ведь рядом со мной, на расстоянии дыхания, звучал голос старой рыбачки. И снова о том же: «А ты не волнуйся и наберись терпения. Еще одна ночка — покатишь к своему поэту. Я и сама бывала в Тамани, ведь это святое место…»

3

И вот пришли мои главные волнения. Автомобильная сирена вновь зовет в дорогу. Прощайте, Елена Максимовна, не поминайте лихом. Если повезет — снова сюда приедем. Лишь бы нас ждали, не забывали.

А дорога наша недлинная, быстрая — через семь километров возник Темрюк. Он возник внезапно, точно бы упал с неба, и сразу же нас опустил в городские огни. А море исчезло за последним поворотом. И тоже как-то внезапно, точно приснилось. Да и было уже темно — на юге быстро темнеет.

А меня ждала гостиница, обо мне позаботились. Я выложил свой дневничок и подошел к окну. А там, за стеклами, уже была ночь. Но спать не хотелось, совсем не хотелось. И чтоб успокоиться, я открыл свой заветный томик, открыл наугад, но что из того, ведь глаза сразу прочитали любимое:

В минуту жизни трудную
Теснится ль в сердце грусть,
Одну молитву чудную
Твержу я наизусть.
Есть сила благодатная
В созвучье слов живых,
И дышит непонятная,
Святая прелесть в них.

Я повторял эти строки по несколько раз, но нервы все равно напряжены, нет им покоя. Да и городок жил как-то тревожно. За окнами все время двигались люди, звучали магнитофоны, по тротуарам стучали каблучки, а по большой дороге шелестели автомобильные шины. И в свете прожекторов блестел высокий шпиль памятника Таманской армии. Где-то здесь проходил со своими полками легендарный Ковтюх, и где-то здесь же по этим пыльным дорогам скакал на перекладных опальный поэт. О чем он думал тогда, о чем страдал? Впрочем, наверное, об этом он и признавался в сти-

хах: «Когда я унесу на чужбину под небо южной стороны — мою жестокую кручину, мои обманчивые сны…» Но, может быть, хватит уже на сегодня, и я закрываю томик…

А потом я пытаюсь заснуть, но тщетно. А там, за окнами, все еще не стихают какие-то звуки, а по небу гуляют всполохи. Кажется, скоро начнется гроза. Ну как здесь заснуть! И моя ладонь опять открывает книгу, и я не могу оторваться: «Янко сел в лодку, ветер дул от берега, они подняли маленький парус и быстро понеслись. Долго при свете месяца мелькал парус между темных волн; слепой мальчик точно плакал, долго, долго… Мне стало грустно…» Я с трудом оторвался от страницы. Правда, и городок тоже еще не спал. Наверное, до самого утра не стихнут голоса за окном и стук каблучков. И вдруг подумалось — а ведь Темрюк чем-то похож на мой летний Курган. Ночью все города похожи. И причина тому — городские огни. В этих огнях всегда есть что-то таинственное, непостижимое. Они всегда куда-то зовут, о чем-то напоминают. И всегда хочется быть поближе к этим огням, и я распахнул окно. Господи, какая ночь, какой воздух, он так и приподнимает. Да, таких ночей в моем Кургане мне не увидеть, как не увидеть и белого паруса, и синей морской волны. Да что уж… Ведь никогда-никогда не встанут над курганскими крышами такие вот близкие, пронзительно-чистые звезды. И от этой невозможности стало почему-то печально. Значит, есть счастливые города, а есть несчастливые, и ничего, совсем ничего нельзя изменить. А вот завтра будет Тамань и снова море, а рядом с морем — удивительный и знаменитый на весь мир кусочек земли. И эту славу принес ему великий русский поэт. Ведь недаром сказано: «Вся русская проза вышла из лермонтовской “Тамани”». Эти слова мы услышали еще на школьной скамье. И вот завтра… Господи, уже завтра будет встреча с Таманью.

Да, я знал уже, что завтра состоится митинг, большой литературный сход, на который съедутся таманцы и гости из ближних станиц. И мне тоже придется встать на трибуну. Но о чем же мне сказать свое слово? Какой привет передать от своих земляков, от курганской земли? И как убедить таманцев, что и наши края тоже славные и богатые, и у нас есть чему поучиться? Только вот далеко от нас море. И оно для нас всегда как мечта, как надежда. В конце концов, каждая курганская семья мечтает однажды побывать у моря. И эти мечты сбываются — а как же!..

А вот мой отец никогда не встречался с морем и никогда не видел белого паруса и морского прибоя. Не видел и чудесных кипарисов, и зеленых предгорий. Он просто не дожил до этой радости, потому что погиб летом сорок первого года. Погиб двадцати восьми лет — в самый разгар жизни. Наверное, об этом я и расскажу завтра на митинге. А потом приглашу таманцев в свое родное село Утятское. И пусть они зайдут на сельскую площадь. Там — памятник, на котором выбиты фамилии погибших в войну. Там фамилия и моего отца, Потанина Федора Степановича. И моего дяди, родного брата матери, там много и другой моей дальней и недальней родни — в деревне через дом роднятся…

Да, я так и сделаю — буду говорить о своих земляках. Конечно, далеко от Кургана до Тамани, но так ли уж далеко. А может быть, они находятся друг от друга на расстоянии всего лишь одной человеческой жизни? Ведь мой отец — солдат-пограничник — погиб за то, чтобы море под Таманью

всегда было спокойным и чистым и чтобы волны никогда не выбрасывали на берег патронные гильзы. И чтоб таманские школьники всегда читали своего любимого Лермонтова под мирным небом. Наверное, завтра эти школьники придут на митинг вместе со своими учителями. И, конечно же, кто-то из них будет читать стихи поэта о Родине, о Бородинской битве, о великих победах во славу России. Да, я уверен — так и будет. А может, и мне пойти тем же следом? И рассказать завтра о победном дне — дне Девятого мая сорок пятого года? Ведь как мы ждали его и вот дождались…

Но вначале было утро, самое обычное утро. Когда я проснулся, моя бабушка стояла у плиты и варила нехитрую похлебку. А моя мама — учительница — сидела за столом и проверяла тетрадки. И вдруг в дверь постучали, и стук какой-то нетерпеливый и суматошный, как будто в доме у нас пожар и надо спасаться. И вот дверь открылась, и на пороге у нас Иванова Варвара Степановна — наш директор школы. Глаза у нее блестели, волосы разметались:

— Дорогие мои! Война же закончилась. Сейчас позвонили мне из района.

Бабушка сразу схватилась за стул, но стул ей не помог, она повалилась на стенку. А мама закрыла лицо руками, а потом медленно-медленно стала его открывать, но руки не подчинились. И вот теперь пытаюсь вызвать в памяти это лицо, но все старания напрасны. Оно как-то сжалось, это лицо, и стало уплывать, уплывать от меня, уменьшаться. Так свивается, погибает береста на сильном огне. Один миг, другой — и вот уж точно одна зола от нее, один прах, пустота…

— Ну вот что, я жду вас в школе, — это голос Варвары Степановны. И сразу скрипнула дверь и наступила долгая звенящая тишина, от которой у меня пропало дыхание. Еще б миг — лопнуло бы мое слабенькое сердчишко, но тишину эту смяли крики. Это закричали мать с бабушкой обе сразу, точно сошли с ума. Да и как было выдержать, если в наш дом за войну пришло несколько похоронок. И теперь это горе встало у горла. И вот они схватили друг друга в беремя и зарыдали. Эти рыданья-то и выходили, как крики… А потом, потом? Я закрываю глаза: опять в памяти те часы, те минуты. Но мамы уже нет рядом — за ней прибежали из школы. А я оказался на улице. И теперь жил в каком-то зыбком и смутном сне. Началось с того, что я заблудился. Я смотрел по сторонам и ничего не узнавал: та же улица, но вроде не та. И вокруг столько людей! Неужели это наша деревня? А толпа все росла и росла, и все шли в сторону клуба. Здесь, на большой поляне, и собирался митинг. А у ограды клуба табунились уже мальчишки, и я тоже примкнул к ним и стал озираться. И опять не узнавал своих деревенских — вроде бы давно знакомые люди, а лица стали другие. И походка у всех другая. Да и не шли они вовсе, а точно летели. Наверное, так и было: душа у них приподнялась от земли и полетела. А мы, мальчишки, присмирели, притихли.

Что же будет дальше что же? А люди все прибывали и прибывали. Вот к самой ограде клуба приближается целая колонна. Впереди всех Христина Петинова. В руках у ней — фотография сына. Голова у Христины немного приподнята, а глаза не мигают. В них — горе и слепая решимость. Она как будто что-то задумала, ведь фотография — это все, что осталось от сына. Да еще дома лежит похоронка, после которой она чуть с ума не сошла.

Рядом с ней Нина Игнатьевна Сартакова. И ей некого ждать с войны. На ее мужа Петра тоже пришла похоронка. А чуть поодаль Мария Ивановна Родионова. Она тоже потеряла на фронте мужа. Плечо в плечо с ней шагает Луканина Евдокия Ефимовна. Она осталась вдовой с пятью ребятишками на руках. Тут же и Менщикова Прасковья Егоровна, потерявшая на фронте двух сыновей — Ивана и Анатолия. А рядом с ней Шевалдышева Антонина Ивановна. Она осталась вековать с пятью сиротами. Здесь же и Чистякова Мария Александровна — тоже вдова… Женщины шли и рыдали. Вот уже много десятилетий минуло с тех минут, а плач этот так и стоит во мне. И я знаю, он будет со мной до последнего часа.

Вдовы шли босые, с непокрытыми головами. Одежда на всех ветхая, изношенная, а ведь по возрасту многие из них молодые, тридцатилетние. Но выглядели как старушки. И шли они теперь как-то боком, с усилием, как будто пробивались сквозь ветер. Есть у знаменитого художника Питера Брейгеля картина «Слепые»: там идут такие же люди и смотрят куда-то вверх, в облака, а сами натыкаются друг на друга. И в пустых глазницах — мольба и страдание. Так и у этих вдов в глазах — печаль и печаль. А в руках у многих флажки или красненькие косынки. А некоторые просто держали в руках кусочки красной материи. И руки у всех как по команде то поднимались, то опускались. Они точно кого-то встречали или с кем-то прощались. Так и было, наверное, — они встречали Победу, они прощались со своими мужьями и сыновьями. И вдруг где-то в середине толпы разлились звуки гармошки. Эти звуки были какие-то совсем не земные, а точно бы падали с неба и проникали в саму душу. Я вспомнил об этом, а сам все еще стоял у окна и всматривался в южную ночь. А совсем рядом под окнами раздавались голоса и топот прохожих. И мне совсем расхотелось спать. К тому же, в голове все еще не стихали звуки той далекой гармоники. И чтоб унять их, я открыл свой заветный томик. Но что это, что?! Ведь я хотел забыться, отвлечься, но поэт мне напомнил о том же:

Что за звуки! неподвижен, внемлю
Сладким звукам я;
Забываю вечность, небо, землю,
Самого себя.
Всемогущий! что за звуки! Жадно
Сердце ловит их.
Как в пустыне путник безотрадный
Каплю вод живых!..

Даже само стихотворение зовется «Звуки». Я открыл эту страничку совсем случайно — и вот… Может, это какая-то мистика, а может и кто-то свыше напомнил мне, что завтра у меня очень важный, особенный день.

4

А все-таки о чем я скажу завтра таманцам? Наверное, они захотят услышать о наших зауральских хлеборобах, которые прославили мой край на всю страну. Значит, надо говорить о Терентии Мальцеве — народном академике, замечательном человеке. Значит, надо говорить о Григории Ми-

хайловиче Ефремове — Герое Социалистического Труда, бывшем директоре совхоза «Красная Звезда». Этот совхоз продавал государству ежегодно по 80 тысяч центнеров мяса. Это был рекорд, небывалое, это был подвиг… И вдруг вспомнилось, как много лет назад я ездил к этому человеку, как волновался перед встречей, как долго подыскивал слова, чтоб начать с ним беседу. Но Ефремов оказался простым и сердечным, и мне показалось, что я знал его уже многие и многие годы. Тогда же и рассказал мне Ефремов, как он ездил за опытом к Терентию Мальцеву. И поразили его тогда не поля, не лаборатория — об этом читал и слышал, а сам Мальцев. Он увидел его в стареньком френчике, без фуражки, и эта простота больно царапнула сердце. И еще поразили его взгляд и голос. Такие глаза не бывают у взрослых, да и не у каждого ребенка — небесная синева, удивленность. И сразу подумалось — сколько забот, усталости потерялось в этой синеве. И все время поражала бодрость его и одновременно усталость. Она была в глазах, в том, как он помешивал ложечкой чай. И тут же внезапно вспоминал молодость, говорил, как худо жила земля без науки. А потом опять остывал и погружался в себя. И подумалось тогда Ефремову — сколько здоровья и сердечной боли истратил этот человек за свою долгую и трудную жизнь… И еще тогда поразило, что обо всем у Мальцева было свое особое мнение, свои особые слова…

Вот бы и мне завтра найти такие слова…

Как было бы здорово и хорошо! И я снова широко распахиваю окно. Темрюк уже засыпал, ночь светлела, красные полосы зари прорезали небо. Какая красота вокруг, какое счастье жить среди этой природы! Вот и поэт однажды не утерпел и воскликнул: «Я счастлив был с вами, ущелия гор, пять лет пронеслось: все тоскую по вас…» Интересно, как бы повел себя Лермонтов, если бы внезапно ожил, если бы распахнул глаза навстречу живому солнцу? Чему бы порадовался, чему бы удивился, какая бы строчка родилась в первый же миг?.. И мне снова и снова чудится море, залив и далеко-далеко в волнах — белый парус. И так проходит минута, другая, но вот видение начинает слабеть, истончаться, как будто на него наплывает туман или чье-то дыхание. Но вот уже и дыхания этого нет, уплывет и парус, а само море сливается с небом, с тем моим родным, близким небом, которое осталось в далеком Утятском. Но эта встреча, это слияние происходит, видно, уже во сне, потому что возле меня останавливается такая тишина, такая радость, которая никогда наяву не бывает. Она забирает меня и несет по волнам.

Дороги войны

Анастасия ДЕНИСОВА

ДОРОГА ПАМЯТИ — ДОРОГА ЖИЗНИ

К 70-летию Великой Победы

Анастасия Олеговна Денисова — родилась в г. Курске в 1996 г. Победитель и призер заключительного этапа Всероссийской олимпиады школьников по литературе и английскому языку. В 2013 г. окончила с золотой медалью МБОУ «Гимназия № 44». Студентка 2 курса факультета Международной журналистики МГИМО. Пресс-секретарь Японского клуба НСО МГИМО. **Живет в Курске.**

2015 год — 70-летняя годовщина Победы в Великой Отечественной войне. За эти 70 лет было очень много сказано и написано. Мое поколение, к сожалению, последнее из тех, кто еще мог поговорить с ветеранами войны и воспринять Великую Отечественную не просто как факт истории, но как нечто, перекроившее жизни реальных людей. Для нас парады и конкурсы чтецов, ежегодно проводившиеся в школах, были еще не просто красивой формальностью или поводом пропустить уроки. Мы приглашали своих прабабушек и прадедушек на вечера памяти, смотрели на их медали, рассказывали стихи не в пустоту зала, а обращаясь к родным людям, пережившим страшные события 1941—1945 годов.

Но, честно говоря, мы все равно не могли оценить и осознать в полной мере героизм и мученичество живущих рядом с нами людей. Они оставались для нас просто бабушками и дедушками, а не героями войны. Оглядываясь назад, я сейчас понимаю, сколько возможностей было упущено, сколько вопросов не задано, сколько историй не рассказано.

Моя прабабушка, Таирова Лидия Петровна, родилась 23 июня 1922 года, она пережила блокаду Ленинграда, по собственному желанию оставшись работать в госпитале. Однажды вечером я попросила рассказать о тех далеких и страшных событиях, я до сих пор помню, как предвкушала долгий и интересный рассказ, но все закончилось буквально двумя предложениями общего характера вроде «Да как-то жили, да вот возили. Да, тяжело было». Зато мне вручили старую серую книгу, на обложке которой была изображена женщина в платке, прижимавшая к груди ребенка, а красными буквами значилось название «Дорога жизни». Текст был

отпечатан довольно мелким шрифтом, и я помню, как тяжело было читать вечером историю о тех страшных днях. Однако некоторые слова и образы отчеканились в памяти настолько, что я вспомнила их спустя десять лет и нашла ту книгу. Оказалось, что ее автор, Ариф Васильевич Сапаров, был журналистом и освещал в газете «На страже Родины» и в ряде других фронтовых изданий героические будни ледовой дороги, а саму книгу можно считать репортажем.

Но если тем зимним вечером мне было достаточно описаний на страницах повести, то сейчас я решила отправиться в настоящее путешествие. Читаю: «Беря начало в Ленинграде, Дорога жизни должна была идти старинным большаком до берега Ладоги и там спускаться на озерный лед близ мыса Осиновец». Как выяснилось, в поселке Осиновец сегодня находится музей «Дорога жизни», о котором, несмотря на его 30-летнюю историю, доступно очень мало информации.

Вечер и ночь 3 февраля прошли в поисках данных о музее, утром 4-го я уже говорила по телефону с его руководителем Александром Брониславовичем Войцеховским, а в ночь с 4 на 5 февраля сидела в поезде «Две столицы», уносившем меня из Москвы в Санкт-Петербург.

Уезжая из заснеженной белокаменной, я ожидала, что и Северная Пальмира встретит меня сугробами и снегопадом, но нет — улицы города выглядели непривычно не по-зимнему, и только пронизывающий ветер напоминал о том, что на улице февраль. Я прибыла в Питер в 6:30, но за кофе и прогулкой от Московского до Финляндского вокзала 4 часа ожидания пробежали незаметно, и уже в 10:37 я отправилась в электричке в направлении станции Ладожское Озеро. Стоило отъехать от города, как показались и снега, а через 10 минут пути я могла наблюдать за окном по-настоящему сказочную картину. Своего рода клише стала уже фраза о лесе в «зимнем уборе», но что это за убор такой, объяснить трудно. Пейзаж, который я видела за окном, нельзя было описать иначе. Каждое деревце, каждая веточка покрыты аккуратным блестящим снегом — именно таким предстает лес на иллюстрациях к детским книжкам и в мультфильмах. Красиво, завораживающе, таинственно. Природа будто заколдована… или же молчание заледеневшего леса — это тоже дань памяти героям Ледовой дороги?

На станции Всеволожская в вагон заходит группа бойких старушек, обсуждающих свои покупки. За окном уже не волшебный лес, а рынок, торговые палатки и вывеска магазина «7Я». Вскоре за стеклом снова начинают проноситься деревья в роскошном зимнем уборе, старушки же продолжают делиться рассказами из жизни, а поезд несет меня к поселку Осиновец. Смешались детская сказка, военная трагедия и мирный быт.

Ровно в 11:57, как и обещало расписание, я оказываюсь на станции Ладожское озеро. Хотя станция тупиковая и кроме электричек здесь ничего не ходит, а билеты на них надо покупать заранее в Санкт-Петербурге, потому что на станции кассы нет, здание вокзала большое, необычной формы. Позже я узнала, что в нем тоже находится музей, однако сейчас он закрыт на ремонт. Женщина, вывешивающая расписание, объяснила мне, как дойти до музея «Дорога жизни», и я отправилась в путь.

Несмотря на то, что на улице всего-то –5, а я постаралась одеться потеплее, уже спустя 20 минут мороз и ветер с Ладожского озера дают о себе знать. Если в самом Питере снега не было, то здесь его с лихвой, причем

чистого-чистого, практически нетронутого — да и кто будет бродить в такой дали посреди зимы? Пробираюсь через сугробу к самому озеру.

Ладога покрыта льдом, а небо над озером глубокого серого цвета, к горизонту переходящего в темно-синий. На льду замечаю одинокую фигурку человека, которая кажется совсем маленькой, как песчинка. Когда стоишь на берегу Ладоги, то кажется, что этому льду, этой зиме нет конца и края, а замерзшее озеро ведет в вечность. Отчасти так и есть — машины, ездившие по ладожскому льду, спасали кого-то от преждевременного ухода в ту самую вечность, а сами же уходили в вечность истории.

Возвращаюсь на дорогу и продолжаю двигаться к музею. По пути мне встречается еще один памятник — братская могила «Ладожский курган», однако, чтобы подойти к мемориалу, снова приходится перелезать через сугробы. Сам памятник — памятная плита, каких много в наших городах, посвященная «военным морякам, водителям автомашин и другим героям Ладоги, погибшим в дни блокады Ленинграда на “Дороге жизни” в 1941–1945 гг.». Как мне рассказал позже директор музея Александр Брониславович, захоронены здесь останки 702 защитников Дороги жизни, но еще сотни погибших на берегах Ладоги не были обнаружены.

Выбираюсь обратно и спустя пару минут пути оказываюсь, наконец, у самого музея «Дорога жизни». После пустынной станции и занесенного снегом памятника я даже не ожидала увидеть посетителей, поэтому детские голоса оказываются приятным сюрпризом.

Билет стоит недорого — 60 рублей взрослый, 30 рублей детский, но директор музея Александр Брониславович считает, что и такое повышение цен не оправдано, поскольку «Дорога жизни» — народный музей, музей памяти, а школы и так платят за заказные автобусы, чтобы добраться сюда.

Сначала я осматриваю экспозицию и слушаю экскурсии, которые проводят для школьников. В залах параллельно идут сразу три экскурсии — для трех разных групп! В музее всего два штатных экскурсовода, но многие преподаватели рассказывают все сами. Кто-то из детей слушает очень внимательно, вглядывается в карты, фотографии, газетные вырезки, а кому-то хочется поговорить с товарищем. Вот какая-то учительница разражается стандартной тирадой о том, что ее нужно слушать, и грозится записать фамилии болтунов…

В музее пять залов, расположенных в хронологическом порядке. Экспозиция довольно стандартная: документы, вырезки из газет, картины, фотографии, модели грузовиков и кораблей, личные вещи, книги, но есть и реальные орудия, сохранившиеся со времен войны. В зале памяти демонстрируют фильм, снятый работниками музея, на экране кадры хроники чередуются с экскурсией, которую ведет сам директор Александр Брониславович Войцеховский. На стендах здесь выставлены детские работы, трогающие наивностью и чистотой. Дети не скованы никакими канонами и правилами, поэтому в их рисунках, даже неказистых, простых, неправильных академически, есть жизнь, которую часто теряют даже мастера. А значит, и нынешнее поколение тоже понимает и чувствует величие подвига!

На одном из стендов представлены книги, посвященные Дороге жизни. Среди них я сразу замечаю знакомую обложку повести Сапарова — точно такая же книга и привела меня сюда, в поселок Осиновец.

Осмотрев экспонаты, я решаю пролистать книгу жалоб и предложений. Хотя какие тут могут быть жалобы? Стандартное название журнала не вя-

жется с теми теплыми словами благодарности, которые оставляют посетители. В основном пишут о памяти («Наши дети и внуки не должны забыть эту страницу нашей истории»), о таланте экскурсоводов, об интересной экспозиции. Есть и очень эмоциональные записи, например, на одной из страниц большими буквами написано: «СПАСИБО ВАМ, ЧТО ВЫ ЕСТЬ!!! Надеюсь, когда-нибудь приведу сюда своего ребенка!». Школьники к словам благодарности пририсовывают смайлики. Нашла я даже несколько записей на китайском!

Наконец меня приглашает к себе Александр Брониславович Войцеховский. Передо мной пожилой мужчина, который сразу производит сильное впечатление, но дело не в высоком росте или широких плечах — нет, просто, находясь рядом, мгновенно проникаешься уважением к этому человеку.

Сначала мы говорим о музее. Создан он был по инициативе ветеранов. В 1960-х годах начали сооружать памятники, ставить мемориалы, в том числе и по дороге. Создавались ветеранские организации, свои комитеты были у ветеранов-моряков Ладожской военной флотилии, автомобилистов Дороги жизни, дивизионов ПВО, батальонов угольщиков и грузчиков — у всех участников войны. Все ратовали за создание музея. В то время это сделать было легче. Ветераны обратились в обком партии, их инициативу поддержали, и начался сбор экспонатов. Это дело поручили Центральному военно-морскому музею, его сотрудники, специалисты, реставраторы взяли все в свои руки и закрепили музей «Дорога жизни» как свой филиал. Открылся музей 12 сентября 1972 года.

Тогда он выглядел совсем иначе. «Потолки черные, окна красные. Темное все. Как на пожарище», — вспоминает Александр Брониславович. Однако с тех пор многое внутри изменилось, и теперь залы оформлены в светлых тонах. «Может, надо было все сохранить. Я сторонник того, чтобы оставлять как можно больше от первоначальной задумки ветеранов Дороги жизни. Новодел не всегда оправдывается, а вернее, почти всегда не оправдывается. Вот на железной дороге тоже музей. Он у них богато сделан, маленький, любимый… Но я помню, какой он был первоначально! Там и теплушка, вагон двухосный. Быт виден был! Здесь же 22 подъездных пути было. В теплушках жили и железнодорожники, и грузчики, и все-все-все. И землянки, конечно, были. Сейчас сделали красиво, интересно, конечно, но нет того…», — вздыхает Александр Брониславович.

Директору все же удалось сохранить старую экспозицию, и вскоре все экспонаты музея переберутся в новое здание. На месте нынешнего ангара построят новое помещение на 800 квадратных метров с теплыми павильонами, сильной охраной, сигнализацией, видеонаблюдением. Нынешнее здание музея уже почти полностью сгнило, а так как оно каркасное, то реставрации не подлежит. Александр Брониславович объясняет: «Было бы из бревен, подвесил за чистые бревна, гнилые заменил, опустил — и все. А тут одна обвязка, а остальное — стойки, и засыпано обшлагом. Низ весь сгнил. Начинаешь делать, естественно, это все разваливается только. Стена поехала уже. Ручку положить на стол нельзя, она катится. Дверь не закрываться стала». Это и неудивительно, ведь здание музея еще довоенной постройки. Во время блокады здесь была маленькая столовая и красный уголок, в маленьких комнатушках жили начальница столовой, кладовщица, начальник НКВД Осиновецкой военно-морской базы, секретарь комсомольской

организации Нина Осадчая. «Домик был чисто деревянный, покрыт сверху толью. Знаете, что такое толь? Это как рубероид, только хуже — черная бумага, и все», — рассказывает директор музея.

Но, несмотря на то, что помещение маленькое и старое, экспонатов в музее больше 4-х тысяч. Не всё даже получается выставить, и они стоят в небольшом кабинете Александра Брониславовича и дожидаются своего часа. К тому же коллекция постоянно пополняется. В прошлом году байкеры Санкт-Петербурга подарили музею пулемет «Максим», который сейчас стоит в первом зале. «Это чудо! Это моя мечта была! Я в Центральный музей обращался, просил, просил: "Ну дайте, здесь же были! Здесь их производили! В блокадном городе завод полиграфических машин и фабрика детских игрушек делали пулеметы «Максим»", но не давали… Еще противотанковые ружья появились. Конечно, надо бы для Военно-морского музея, военного музея, чтобы была винтовка Мосина, автомат ППШ, СВТ, пистолет-пулемет Судаева, револьверы, наганы какие-то хотя бы. Но пока боятся, вот переедем в новое здание — тогда, да», — говорит Александр Брониславович.

Официально Александр Брониславович Войцеховский пришел в музей 2 января 2002 года, но помогал здесь и раньше. В 1985 году Александр Брониславович приобрел в Осиновце небольшой участок, где построил дом. Тогда директором был Петр Лазаревич Редькин, и мужчины часто общались. Так Александр Брониславович постепенно все больше проникался музеем, знал историю уже всех экспонатов. Помогал он и техникой, так как работал тогда главным инженером автотранспортного предприятия. Вспоминает: «Например, на морском охотнике палуба просела, а там пушки стоят, их надо снимать. А чем? Вот я кран давал. Электростанцию привезли — я помогал разгружать со своей техникой».

В 1990-х в музее стали твориться страшные вещи: «Например, самолет Ли-2 — это уникальный экспонат, на нем в блокадный Ленинград всю зиму доставлялись продукты, а музею его подарил аэропорт Пулково. И что же? В нем постоянно были двери открыты, стекла разбиты, полы выдраны, а дверки алюминиевые вообще в металлолом сданы. А столько было украдено! Даже винт самолета Севастьянова, который уж в самом музее стоял, во втором зале, и то украли и в металлолом сдали! Поскольку музей был бесплатный, то постоянно всякая пьянь заходила. Бомжу же история абсолютно не интересна. Ему бы поспать в травушке. Вот пост управления стрельбами — хорошая стальная будка. Бомжи натаскали туда сена и там жили. Никто и не знал, вернее, знали, но с этими бомжами и сам сторож пил. Когда я пришел в музей, то старую охрану выкидывал в сугроб в пьяном виде».

Прежде чем принять управление музеем, Александр Брониславович прошел обучение на научного сотрудника в Центральном военно-морском музее. «Полгода каждый день отсюда ездил на стрелку Васильевского острова. Потом через три-четыре месяца вел в Центральном музее экскурсии. Сдал экзамены, и сюда направили. Когда я тут месяца два поработал, назначили руководителем». Тогда началась борьба за музей: сначала Александр Брониславович навел порядок, заменив охрану. Пришлось повоевать и с кочегарами, которые тоже постоянно пили. Да и система отопления была старая, еще угольная — отсюда и грязь, и пыль, постоянный холод, замораживались батареи. Александру Брониславовичу удалось бесплатно сделать

электрическое отопление. Когда в музей приехал помощник Чубайса, то директор и попросил заменить угольные котлы. Управились с этой задачей всего за две недели. Александр Брониславович как инженер подсчитал мощности, потребляемые музеем, и предоставил их специалистам. Потом привезли аппаратуру, монтаж которой занял всего два дня. Эта система исправно работает уже больше 9 лет.

Однако проблемы с маленьким штатом не решены до сих пор. «На 1 января 2012 года я остался один — всех сократили. А у меня на февраль того года было запланировано 196 экскурсий! Я выстраивал по 200 человек перед крыльцом, все им на улице рассказывал, а потом они проходили, и в первом зале я уже отвечал на вопросы», — вспоминает Александр Брониславович. Сегодня в музее тоже всего два экскурсовода, а посетителей немало. Только пока я была здесь, приехало три экскурсионных автобуса. Хорошо еще, что некоторые преподаватели рассказывают все сами, но и провести четыре экскурсии подряд для экскурсовода Ларисы не редкость. Наш разговор с Александром Брониславовичем тоже был прерван, когда приехала очередная группа школьников, и директор музея отправился рассказывать им о героических страницах нашей истории.

Александр Брониславович говорит, что работы здесь всегда много. Экскурсий больше зимой, а посещаемость выше летом, особенно по выходным. Связано это с тем, что больше людей стало ездить на машинах, а дорога до Осиновца занимает не много времени. «В мае у нас 12–15 тысяч посетителей каждый год, в прошлом году тоже около 15-ти было. Хотя больше всего гостей музей видел в советское время. Вход же был бесплатный. Как это было: идет кто с пляжа, до электрички еще 40 минут, думает, зайду-ка я в музей, и все».

«Работая здесь, я впервые так остро почувствовал, как много у нас хороших людей, — делится Александр Брониславович. — Прежде всего, очень благодарен ветеранам. Они постоянно за музей “болеют”. Хотя время неумолимо — их уходит из жизни очень много. Сейчас единицы остались, но эти единицы целого полка стоят! Вот, например, Ирина Борисовна Скрипачева, председатель общества блокадников. Ветераны не только приезжали к нам, но Ирина Борисовна на встрече с Президентом даже вручила ему лично письмо! Он прямо по Первому каналу в позапрошлом году прочитал и сказал: «Да, “Дорогу жизни” я возьму под личный контроль». С этого все и началось. Ведь так всегда — сверху поддали, и все пошло…

Или вот Вера Ивановна Рогова. 25 апреля ей исполнится 96 лет, будем поздравлять. Вера Ивановна была секретарем комсомольской организации регулировщиков во вторую блокадную зиму. Она рассказывала, как работали на Дороге жизни. Одного только обслуживающего персонала было 22 тысячи человек, а иногда и 25 — особенно зимой. Случались дни, когда и начальствующий состав, и регулировщики — все выходили чистить снег. Метель бывала такая, что только дорогу расчистят, как ее опять заносило. И вот как было: идут впереди 15 человек с лопатой, а сзади еще 10 толкают машину, и все — пошла. Дальше на Вагановском спуске уже встречает буксирующий трактор, сцепляют несколько машин, и он их протаскивает. А лесом заносов нет — и автомобили уже сами идут: и к станции разгружаться, и в город. Некоторые виды грузов, например, оружие, старались из кузовов не выгружать, потому что сразу везли по назначению для определенной ча-

сти Ленинградского или Калининского фронта. Все было сделано для того, чтобы в любую погоду машины с хлебом не задерживались. Каждая машина везла 13,5 тысяч жизней для ленинградцев. Если человек не получит свои 125 грамм хлеба, то завтра он уже не выживет. А сама Вера Ивановна так закалилась, что и в свои 85 еще спортом занималась и оставалась бодрой, как молодая женщина.

Был с нами и останется с нами навсегда Бавин Николай Павлович — начальник разведгруппы Ладожской военной флотилии. Это изумительный человек! Он был чемпионом Балтийского флота по боксу до войны. Спортивная закалка многое дала ему. Группа Бавина — единственная из 12-ти разведгрупп, которая полностью уцелела. Их довольно часто высаживали на острова, занятые противником, а ведь это очень сложно. Это не массив, где можно уйти в лес и спрятаться, здесь пространство ограничено. И все-таки Николаю Павловичу удалось сохранить группу. А из жизни он ушел на 95-м году жизни, по собственному решению отсоединив все капельницы.

Или вот, Шурпинский Виктор Константинович — начальник техучастка флота Ладожской военной флотилии. Чудо, что за человек был! Какую потерю мы понесли, когда он ушел! Когда я только пришел сюда, то Шурпинский очень многим помогал. Например, когда необходимо было восстановить тендер, то Виктор Константинович сам пошел на судостроительный завод и договорился обо всем. В 2004 году "Адмиралтейские верфи" занялись работой над нашим тендером. А тогда люков сверху не было, трюм на метр листвой и водой забился, а размеры трюма 2 на 2 — все гнило. По моим чертежам изготовили новые люки, привезли, краном поставили, сделали новые отверстия для вентиляции. Внутри теперь сухо. Потом сварили корпус, отремонтировали. В прошлом году корабль еще немного обновили: убрали ржавчину кое-где, покрыли современными красками. И сейчас тендер в прекрасном состоянии.

Также мы договорились с "Адмиралтейскими верфями", что они отремонтируют нам буксирный пароход "Ижорец-8". Хотели еще осенью, но боялись, что, только покроют краской, как начнутся дожди. К 9 мая сделают все обязательно. Я и не сомневаюсь. Я убедился, насколько это мощная организация, какие грамотные серьезные специалисты.

Еще помогал нам Жуков Владимир Иванович — председатель комитета ветеранов Дороги жизни. Во время войны он был командиром малого охотника за подводными лодками. Его, молодого лейтенантика, поставили сразу командиром, но ничего — выучился! После прорыва блокады они все лето уже здесь на Ладоге вели боевые действия.

А недавно приехал из Тихвинского района изумительный человек. У него 5 или 7 ранений. Ему за 80. Он за свой счет поставил памятный крест на военной автомобильной дороге Ленинградского фронта, где сражались тихвинцы.

Помогли ветераны, и когда у нас вышел скандал из-за малого охотника за подводными лодками МО-4. Лет 7–8 назад я получил приказ об утилизации этого корабля в связи с ветхостью. Делать это было однозначно нельзя. Ведь это единственный дошедший до наших дней корабль из 432, что были спущены на воду. Другие катера МО-4 были после войны переданы в погранохрану и в ее составе служили до 1950-х годов, после были разобраны и списаны. Помимо корабля в музее "Дорога жизни" остался

только художественный фильм “Морской охотник”, вышедший в 1954 году, где снимали настоящего “морского охотника”. Тот катер, который стоит на территории музея, был спущен на воду 16 августа 1941 года и перешел под командование лейтенанта Епишина, участвовал в походах и высадке разведчиков. Николай Павлович Бавин вспоминал: “Всегда уверен в успехе, когда нас с малых охотников высаживают на вражеский берег. Во-первых, МО-4 очень быстро набирает скорость до 50 км/ч — это 25 узлов. Во-вторых, подходит бесшумно. На малых оборотах почти полностью в воде скрывается. Моментально. Нас высаживают на мелководье, почти по колено в воде идем. И так же нас снимают”».

Чтобы спасти корабль, Александр Брониславович собрал ветеранов, и они выступили категорически против утилизации. «Тогда мы стали заниматься вопросом, кто бы мог МО-4 восстановить. Газпром нашел средства: для начала построили над “морским охотником” павильон, сейчас решается вопрос о полной реставрации. На это нужно 16 миллионов. Нам сейчас отпустили большую сумму, но только на строительные нужды, а выделить эти 16 млн на реставрационные работы нельзя — нецелевое использование сразу. Но я думаю, что этот вопрос решится, тем более, сейчас на нас обращают очень много внимания не только первые лица государства, но и руководители областного или городского масштаба. Теперь уже развитие не остановить».

Помощь музей получает, конечно, не только от ветеранов, но и от местного руководства. Губернатор Ленинградской области Александр Юрьевич Дрозденко уделяет большое внимание музею «Дорога жизни». Александр Брониславович рассказывает: «В прошлом году губернатор был у нас 4 раза. Каждую весну перед 9 мая он вывозит к нам всех членов правительства области, и они тут по 4–5 часов убирают территорию. Наводят идеальный порядок. Я говорю Александру Юрьевичу: “Давайте поговорим, что ж вы!”, а он мне: “Нет, я приехал отдохнуть и физически поработать. Говорить будем, как закончим!”».

Подобные приезды губернатора освещены в местной газете «Всеволожские Вести». В номере от 19 сентября 2014 года приведен разговор с Александром Юрьевичем Дрозденко о судьбе музея: «Самостоятельный музей “Дорога жизни” создается при правительстве Ленинградской области, и все памятники будут включены в областной реестр собственности. Нерешенным остается вопрос (мы уже не в первый раз к этому возвращаемся) о передаче нам самого музея “Дорога жизни”. Он является собственностью Министерства обороны РФ и находится на его балансе. Мы понимаем, что предстоят переговоры.

Есть два варианта развития ситуации: передача всего музейного комплекса в собственность Ленинградской области для проведения всех необходимых ремонтных и реставрационных работ или же договор о совместном использовании. Во втором случае мы будем за счет бюджета Ленинградской области и деятельной поддержки крупных предприятий проводить необходимые ремонтно-восстановительные работы и работы по благоустройству на территории музея.

Мы рассчитываем построить новый, современный выставочный павильон на территории музея, где приезжающие смогут детально рассмотреть экспонаты и отдохнуть. Какое бы в итоге ни было принято решение, на территорию

музея “войдут” ряд предприятий и организаций Ломоносовского и Всеволожского районов, которые займутся финансированием работ по благоустройству музейной территории. А пока мы будем выполнять только те работы, которые не входят в противоречие с действующим законодательством. Наши предложения поддерживает помощник Президента РФ К. А. Чуйченко»[1].

В октябре 2013 года в Центральный военно-морской музей пришел новый директор — Нехай Руслан Шамсудинович. Он вплотную занялся музеем «Дорога жизни»: обновились стенды и экспозиция, был проведен косметический ремонт.

Александр Брониславович рассказывает: «Вчера у нас был серьезный человек из Водоканала Ленинградского военного ведомства. Водопровод будут прокладывать. Я согласования все получил. А еще тут хотят кафе сделать, конференц-зал на 250 мест. Планируют, что у нас будут проводить различные конференции и коллоквиумы. Ведь у нас культурных организаций много — комитеты культуры, области, района часто приезжают к нам, а где их собрать? Вот мы как-то в 5-м зале ставили стульчики для всех, но тесно, а то — конференц-зал, кафе, все как положено. Другой стиль, другое отношение к людям, но, к сожалению, ветераны этого не увидят. Очень мало их осталось, многие уже невыездные».

Добротой и отзывчивостью радуют Александра Брониславовича и простые посетители. Например, каждый год в музей приезжает «Ауди-клуб Питер». «Ауди у ребят старенькие, сами ребята работают слесарями, водителями в основном, но на 9 Мая собираются, покупают кисточки, краски, привозят свои семьи. Вот как-то вижу, пацаненок, в первый класс ходит, наверное, спорит с мамой, говорит ей: “Я сам буду красить!”. Вот что значит приучать к труду! Ребята эти нам все поребрики, скамеечки подкрашивают, ремонтируют, чистят. Я, конечно, стараюсь их чем-то отблагодарить. Иногда уху им сделать, подарю фильмы наши, снимал и о самих семьях. Я же еще в 1963 году закончил курс на кинофотооператора на киностудии Чаплыгина. Год учился, с большим удовольствием. Отсняли тогда 15 любительских фильмов, мои работы даже показывали в студии как пример, потому что я использовал трансфокаторы, наезд, разные технические приемы.

Еще есть интересный женский клуб “Жук”, назван так из-за машины Фольксваген Жук. На таких “жуках” к нам приезжают молодые женщины. Тогда перед музеем выстраивается по 15–20 разноцветных “жуков”. Эти женщины занимаются в основном уборкой листьев, клумбы чистят, цветочки в ящиках привозят. У меня есть их телефон, мы поддерживаем связь. В апреле опять начнутся звонки. Всегда спрашивают, когда им лучше приехать. Губернатор же назначает свой день — тут уже никак. А эти ребята либо раньше, либо позже его визита наведываются. Я им предлагал приезжать вместе, но нет… не хотят.

Была еще одна семья, не запомнил, к сожалению, их фамилию, муж с женой и ребенком. Приезжали к нам два раза, взяли шефство над дорожкой — от ангара и до центральной дороги. Она за елками, все время в тени, зарастает постоянно, замшелая, а они ее вычистят, поребрички покрасят все — красота! Так они делали перед 9 Мая, а потом приезжали в августе, перед школой. Спрашивали: “Наша дорожка как тут?”. Я пообещал им

[1] http://vsevvesti.ru/?p=4716 Всеволожские Вести, 19 сент. 2014. С. 2.

4 серии фильма о Первой мировой войне в благодарность. Нашел, фильм лежит дома. Но телефон найти не могу. Вот если в апреле заглянут, то я этот фильм им сразу с извинениями вручу».

Но деятельность Александра Брониславовича не ограничивается одним только музеем. Он пишет статьи на исторические темы, некоторые из них, например, «Воздушный мост над Ладогой», «Трудное плавание», «Буерный отряд на Ладожском озере», были опубликованы в местной газете «Всеволожские Вести». Сейчас работает еще над одним материалом, посвященным тихвинцам.

Александр Брониславович помогает и другим энтузиастам, борющимся за сохранение истории. «Сегодня звонил мне заместитель председателя Совета ветеранов Кировского района Иовенко Алексей Степанович. Мы с ним уже несколько лет занимаемся вопросом о создании памятника строителям завода имени Жданова кораблей барж-блокадок в бухте Гольцмана. Это прекрасное место. Ни один из причалов, пирсов не сохранился со времен блокады так, как эта бухта. Там была огромная насыпь из камней, был прорыт канал, куда заходили в шторма тендера, с левой стороны железная дорога и с правой стороны дорога. Это было очень удобно — с правой стороны разгружали, а с левой сразу загружали. И тендер через 20 минут уже снова шел. В любую погоду. Это все сохранилось. Единственное — канал у озера штормами размыло.

И вот Иовенко мне позвонил сообщить, что пришло разрешение из Москвы. Высшее руководство судостроителей согласилось на финансирование изготовления стелы-памятника кораблестроителям в бухте Гольцмана. В прошлом году мы там уже поставили памятный знак. Присутствовало руководство района, приехали сотрудники из центрального музея, ветераны, конечно. Тогда же определили, где должен стоять новый памятник.

Это место очень важное. Здесь была оборудована сборочная площадка для строительства металлических барж. Ответственным назначили Боголюбова — директора завода имени Жданова. Но на работы были посланы люди со всех предприятий. 750 человек трудилось, 12 сварочных постов круглосуточно строили эти корабли под открытым небом. Задача судостроителей была подготовить 12 судов, а они сделали 14!

Противник сразу почувствовал серьезность этой деятельности. Бомбить стали. Было очень много жертв. Хоронили сразу у берега. И этот подвиг людской заслуживает быть увековечен… Хотят даже восстановить часть пирса, сделать слив, весь уходящий под воду, по ним спускались железнодорожные цистерны, которые потом вытягивали тягачами. Таким образом доставляли топливо к большой земле».

На вопрос о том, какие же личные мотивы привели Александра Брониславовича в музей, он отвечает, что это, прежде всего, интерес к истории, привитый бабушкой. «Бабушка у меня интересная была! Она окончила институт благородных девиц, Смольный, хотя туда принимали только дворянок. Бабушка училась в частной гимназии, владелица которой сама была выпускницей Смольного. Она помогла и за отличную учебу и окончание гимназии с золотой медалью по знакомству устроила бабушку в Смольный. Но и из института благородных девиц бабушка вышла с красным дипломом! Так что бабушка у меня была выдающаяся… хотя и доставала меня капитально. Зато теперь я ей очень благодарен. Каждое лето классе в пятом-шестом, когда все мальчишки бегали, играли, я должен был учиться. Сначала

читал Тургенева, Чехова, Некрасова, Куприна, а потом по их произведениям писал изложения и сочинения. Потом, когда учился в 9–10 классе, то все мои сочинения зачитывали вслух. За грамотность мог и 3–4 получить, но за стиль, за качество, за содержание всегда были 5, конечно. За это я и сейчас бабушке благодарен».

В осадном городе никто из родственников Александра Брониславовича не жил. «Бабушка после Смольного работала в центральной школе в Дзержинском районе, и ее в начале августа 1941-го со старшими классами эвакуировали на Урал в Свердловск. По окончании школы ребят призвали в армию, а девчонки все пошли на вновь строящиеся военные заводы. После войны бабушка вернулась в Ленинград.

А моя мама воспитывалась в первом детском доме, который создала Крупская, на набережной Красного флота. После окончания школы в детском доме всех выпускников отправили в Пушкин в птицеводческий техникум. Мама попала по направлению в Ивановскую область, там встретила моего отца, там в 1937 году появился на свет мой брат, а в 1940 году родился я, и мы там всю войну со второй бабушкой провели. Мать не видели месяцами. Она занималась доставкой продовольствия, грузов на баржах по Волге, а нас поначалу даже отдала в детский дом. Но бабушка забрала нас к себе, у нее дома была корова, и войну мы прожили на коровьем молоке.

Горюшка схватили уже после войны, когда мать завербовалась поднимать сельское хозяйство, а конкретно птицеводство, в Карелии. Пообещали деньги, жилье финское. А какое это жилье было? Разрушенное!

Мы с братом собирали оружие на побережье. Оружия там было столько, что мы с братом просто ящиками его таскали. Прятали дома под крыльцом патроны, гранаты, снаряды, вытряхивали из них порох и этим порохом печку растапливали. Но мама эти склады находила, вызывала милицию — все богатство увозили. Нам попадало, конечно, но, может быть, с тех пор во мне живет этот интерес к оружию, к судьбам людей, погибших на войне.

Случилась и страшная история. Как-то нашли с братом замаскированный склад, разрыли. А там — солдат лежит, в полном обмундировании, в шинели, в каске, с винтовкой. Сначала испугались и убежали. На следующий день вернулись и даже дотронулись палкой до шинели. И прямо на глазах то, что казалось человеком, осыпалось, превратилось в прах. Одни ребра остались торчать из горстки пепла. Маленькие были, побоялись, убежали. Не стали искать тогда никаких документов, чтобы узнать личность этого солдата. Может, еще тогда нашим долгом было узнать имя этого героя, чтоб судьба его не осталась тайной для его родных, чтобы его хотя бы похоронили… Говорят же: “Пока не похоронен последний солдат, война не окончена”»…

Не окончена и война за музей. Александр Брониславович уверен, что «Дорога жизни» сыграет еще очень важную роль, и теперь движение по развитию музея уже не остановить. Поток экскурсионных автобусов только подтверждает востребованность и важность музея. Когда еще один из них подвозит новую группу школьников, то одна из сотрудниц восклицает: «Еще автобус пришел! Не должно же быть сейчас!». На это Александр Брониславович бодро отвечает: «Да какая разница? Примем!». Наша беседа прерывается на экскурсию, которую проводит сам директор музея.

Я в это время брожу по территории, где выставлены под открытым небом суда, самолет, артиллерийские орудия, сохранившиеся со времен вой-

ны. Практически обо всех экспонатах Александр Брониславович упоминал во время нашего разговора. Вот, например, вокруг самолета Ли-2 бегают дети, а внимание нескольких мальчишек привлек пароход «Ижорец-8». Теперь они стоят, задрав головы, и разрабатывают планы, как бы на него можно было забраться. «Если бы кинуть якорь такой!», — предлагает один из них. «Ну и где ты якорь сейчас возьмешь? И как ты вообще это представляешь?» — осаждает его товарищ. Размышляя, мальчики возвращаются к товарищам. Вижу я и морского охотника. Прежде катер бы и не привлек особо моего внимания. Так всегда бывает, когда знаешь какие-то сухие факты, но они никак в тебе не отзываются, и старый корабль остается просто старым кораблем. Сейчас же я вижу в занесенном снеге МО-4 историю и людей, с ним связанных.

С Ладоги по-прежнему дует холодный ветер. Бесконечная белая гладь озера, сливающаяся на горизонте с серым тяжелым небом, напоминает мне некие порталы, через которые в книгах и фильмах люди переходят из одного мира в другой. А ведь так оно и есть… Сколько жизней было потеряно на этом ледяном пути, и, с другой стороны, сколько жизней спасено!

Когда я возвращаюсь в здание, то экскурсия почти подходит к концу. Но на электричку я все равно не успеваю, поэтому Александр Брониславович решает напоить меня чаем с баранками.

Я помню, как во время школьных экскурсий многие из моих одноклассников начинали болтать, не хотели слушать, а сейчас еще и телефоны появились — так велик соблазн покопаться в новостях ВКонтакте, загрузить фотографию из музея в Instagram, запостить сообщение в Twitter, а тут и рассказ о Дороге жизни подойдет к концу. Спрашиваю, как удается привлечь и удержать внимание школьников. Александр Брониславович рассуждает: «Да, дети, конечно, разные бывают. Вот даже сейчас… вроде взрослые ребята 10—11 класс… Вообще же, когда мы не торопимся, нет ограничения по времени, когда мало экскурсий, то я стараюсь увлечь ребят какой-то историей. Например, Любанская операция. Одна из самых трагичных. Посылали на нее очень много войск. Из Челябинска послали пять танков КВ-1 с экипажами. Отряд этот был очень дружен, воевал хорошо, грамотно, бойцы друг друга поддерживали, прикрывали.

И вот в одном из боев в деревне увидели они собаку породы пойнтер. Один из водителей понял, что собака может погибнуть, выскочил из танка, ее схватил и взял к себе в кабину. Когда бой закончился, он ее высадил, танки пошли на место стоянки. А потом увидели — собака сзади бежит. Что делать? Решили оставить при себе. Стали думать, как же ее назвать. Вот предлагали “Давайте Гитлер назовем, Геббельс”, еще как-то. И один сказал: “Да что вы? Это оскорбление для собаки. Давайте назовем его Трофей”. И назвали собаку Трофей.

Вскоре решили танкисты своего нового товарища учить. Завернут диск автомата в тряпку, в зубы дают — неси туда. Трофей тащит. Автомат ППШ хватает за ремень, вскидывает на голову и несет куда надо. Привык. В бой его не брали. Но когда танки возвращались, то Трофей сразу бежал к танку, где его приятель — настолько привязался!

И вот в один из дней этот танк не вернулся. Четыре других пришли, а этот нет. Сутки уже прошли, выстрелы слышны были где-то километрах в трех. Тогда пустили танкисты собаку по следу танка “ищи-ищи”. Спустя

час Трофей принес документы. Схватил одного танкиста и потащил за собой, и точно — в километре лежал один из членов экипажа, убитый, но не сам танкист — приятель Трофея. Тогда снова отправили собаку на поиски. Вскоре верный пес вернулся, принес записку: “Братцы, мы окружены, но наш Трофей через нижний люк проползает, нам нужны патроны, диски к автоматам”. Собаке давали диски, и она их таскала. Представить только! Танк-то замолчал, а тут вдруг ожил, стал обстреливать немцев опять. Но потом пришла другая записка: “Мы гибнем, немцы обливают танк бензином, отправляем последнюю записку с нашим Трофеем — он такой, он проползет”. И точно — пришло это прощальное письмо. До конца войны эта собака с экипажами и дошла. Необычно, интересно же. А ведь это быль!».

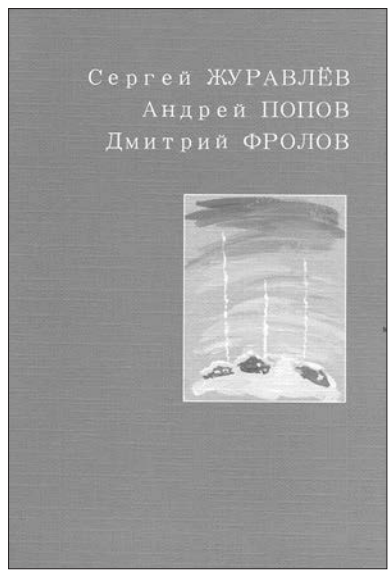
Поговорили мы с Александром Брониславовичем и просто о жизни. Именно во время этой непринужденной беседы к музею подъехала машина с новыми гостями. Ими оказались две пенсионерки, молодая женщина и маленький мальчик. «Какие молодцы! Да еще и малышка привезли!», — обрадовался Александр Брониславович и подскочил встречать посетителей.

Я же, поблагодарив руководителя и сотрудников музея, отправилась на станцию. Вскоре подошла электричка, чтобы унести меня из этого белого, сонного царства памяти в Санкт-Петербург, почти уже весенний, полный народу и в 6 утра, и в 11 вечера. А уже 6 февраля я была в Москве. Завершился мой путь по Дороге памяти — по Дороге жизни.

ВЫШЛА КНИГА

Журавлёв А. В., Попов А. Г., Фролов Д. В.

Край, где дали мне имя-отчество. Чужан му, кцні ним меным вичмис. Стихотворения. Кывбуръяс. — Сыктывкар: АУ РК «Редакция журнала «Арт», 2014. — С. 48.

Сборник составлен из стихотворений русских поэтов Республики Коми с параллельными переводами на коми язык. Книга адресована учителям и учащимся школ Республики Коми, а также всем, интересующимся поэзией.

Великая ПРОВИНЦИЯ

Никита ШЕВЦОВ

КУДА ШЛА ПРАСКОВЬЯ?

Елена НАУМОВА

В один из дней, разбирая наш рабочий архив, мы обратили внимание на газетную вырезку прошлых лет с упоминанием о том, что в сибирском городе Ишиме собираются установить памятник Прасковье Луполовой — девушке, ставшей олицетворением дочерней любви. Она сумела добиться у Царя Александра I прощения своему отцу, совершив долгий путь из Сибири в Санкт-Петербург. Поступок Прасковьи привлек внимание А. С. Пушкина. Девушка послужила прообразом Маши Мироновой, героини повести «Капитанская дочка».

Прошли годы. Но желание посетить Ишим, расположенный на середине пути между Тюменью и Омском, и увидеть памятник, к тому же созданный по проекту замечательного скульптора В. Клыкова, не оставляло нас. И вот недавно, оказавшись в Западной Сибири, мы решили непременно побывать в Ишиме.

Никита Всеволодович Шевцов — родился в 1951 г. в Москве, окончил факультет международной журналистики МГИМО. Длительное время работал соб. корр. газеты «Труд» в Праге и Брюсселе. Автор книг «От вашего собственного корреспондента» (2002) и «От вашего специального корреспондента» (2010). Зав. кафедрой Международной журналистики МГИМО — Университета МИД РФ. Кандидат исторических наук. Награжден памятной медалью «100-летие А. Т. Твардовского». Член Союза писателей России. **Живет в Москве.**

Елена Евгеньевна Наумова — родилась в 1964 г. в Потсдаме, окончила с отличием факультет русского языка и литературы МГПИ. Координатор международных культурных проектов (фестиваль «Цюрих—Москва 2007», фестиваль немецкоязычной литературы «Три страны — один язык» в Москве и Екатеринбурге, 2010). Преподает в РГГУ и МГИМО. Регулярно публикует (в соавторстве с Н. В. Шевцовым) материалы по истории и культуре в различных периодических изданиях. **Живет в Москве.**

Памятник Прасковье Луполовой в Ишиме по проекту скульптора В. Клыкова

Сели в Тюмени на поезд и примерно через четыре с половиной часа уже пересекали привокзальную площадь Ишима — небольшого городка с населением 75 тысяч жителей. Оставив вещи в гостинице, сразу же отправились к цели нашего визита — памятнику Прасковье Луполовой. Уже очень скоро поняли, что памятник ей — не единственный в городе монумент. Есть и другие. На центральной улице увидели застывшего в бронзе знаменитого советского гимнаста Бориса Шахлина, родившегося, как нетрудно догадаться, в Ишиме. Чуть подальше, ближе к главной площади установлен бюст поэта-декабриста Одоевского, автора пророческого ответа на стихотворное послание А. С. Пушкин «Во глубине сибирских руд…» («В Сибирь»). Александр Одоевский прожил год на поселении в Ишиме. Совсем рядом — другой памятник — казаку Ивану Коркину, основавшему город, в котором мы оказались.

Миновали центр, и вскоре оказались возле храма. Присмотрелись — перед нашими глазами предстала шедшая уверенным шагом, с посохом в руках и с прижатым к груди образом Казанской Богоматери молодая девушка. Мы глянули на нее и поняли, что ничто не остановит юную сибирячку, и она наверняка добьется совершения задуманного. Таким показался нам замысел автора скульптуры, на пьедестале которой можно было прочитать:

Прасковье
Луполовой
явившей миру
подвиг дочерней
любви
Ишим — С. Петербург
1803–1804 гг.

Но надо было торопиться. Мы уезжали на следующий день, 9 мая. Город готовился к празднику, который ежегодно торжественно отмечает-

ся в Ишиме. Люди по зову сердца выходят на улицу, образуя стихийное праздничное шествие, свидетелями и участниками которого нам удалось стать.

Приближался вечер, и мы поспешили в местный музей, который в праздничный день мог оказаться закрытым. Хотелось как можно больше узнать и о самой Прасковье Луполовой, и об установленном в ее честь монументе. Но стоявшее рядом с памятником небольшое двухэтажное здание оказалось закрытым. «Он переехал, — сказал, увидев наши метания, спешивший куда-то прохожий. — Находится совсем недалеко, надо только пройти мимо тридцатки, а там налево». Смысл загадочного слова «тридцатка» стал понятен только тогда, когда мы приблизились к зданию дворца культуры, когда-то названного в честь тридцатилетия Ленинского комсомола. Миновав «тридцатку», мы действительно оказались возле музея, но дверь его тоже была закрыта. И вдруг произошло чудо. Нет, никто не вышел нам навстречу из музея. Просто мимо проходила женщина, к которой, отчаявшись, мы обратились с казалось бы неуместным вопросом. «Скажите, есть ли в музее экспозиция, посвященная Прасковье Луполовой?» — «А зачем вам музей? — ответила она. — Вот совсем рядом Культурный центр имени Ершова. — И она показала на старинное деревянное здание. — Там директором — Надежда Леонидовна Проскурякова. Это благодаря ей у нас появился памятник Прасковье Луполовой». Успев на ходу поблагодарить нашу спасительницу, мы бросились бежать к домику. Приблизившись, успели «сканировать» памятную доску, сообщавшую, что когда-то здесь располагалась женская гимназия, открытая по инициативе Петра Ершова, автора знаменитой сказки «Конек-Горбунок». Кстати, Ершов родился в усадьбе, находившейся неподалеку от Ишима. Его крестили в городском соборе. Но при всем уважении к замечательному сказочнику мы думали тогда не о нем, а о том, удастся ли нам застать на месте Надежду Леонидовну. Вошли и спросили у продававшей какие-то растения женщины: «Простите, а Проскурякова сейчас здесь?». В ответ услышали сладостные слова: «Да, еще не ушла. Вон, видите открытую дверь?». Мы буквально ворвались в кабинет директора, где кроме нее

Памятник Борису Шахлину

Надежда Проскурякова

находился что-то рисовавший мужчина. Представились, сказали, что приехали из Москвы. «Из самой столицы? — услышали в ответ. — Ну что ж, очень приятно». Нетрудно догадаться, что наш разговор касался главным образом истории создания памятника Прасковье Луполовой. «Все началось с того, — стала вспоминать наша собеседница, — что примерно лет десять назад в нашем городе проходил семинар молодых писателей Урала и Сибири. В его работе принял участие первый секретарь правления Союза писателей России Г. В. Иванов. Ему-то я и рассказала историю Прасковьи Луполовой». Позволим себе передать вкратце этот рассказ.

В 1798 году в Ишиме оказался разжалованный дворянин, отставной прапорщик Григорий Луполов. Его сослали сюда с женой и четырнадцатилетней дочерью Прасковьей за якобы допущенную растрату казенных денег. Луполовы поселились в деревне Жиляковке, расположенной совсем рядом с Ишимом. Отцу удалось устроиться на службу в канцелярию местного суда. Так бы и прожил он оставшиеся годы в статусе ссыльного в глухом сибирском городке, если бы не его дочь, решившая во что бы то ни стало добиться прощения для своего отца. Испросив разрешения родителей, она отправилась в далекий путь, в Санкт-Петербург. Намерение девушки могло показаться безумным, ведь она надеялась получить помилование для родителя у самого Императора Александра I. Ее одиссея началась 8 сентября 1803 года, в праздник Рождества Богородицы. Отправилась она «с одним рублем, с образом Божьей Матери и с родительским благословением». В Екатеринбурге случай свел ее с богатой купчихой, пожалевшей бедную девушку. Почти три месяца прожила у нее Прасковья, а когда наступила весна, снова отправилась в путь, получив от своей благодетельницы рекомендательные письма к ее жившим в Петербурге подругам.

Многие опасности поджидали в пути юную странницу. Ее пытались ограбить, когда она остановилась на ночлег в крестьянском доме. Но негостеприимные хозяева не нашли у нее денег и, пожалев о своих недобрых намерениях, утром накормили ее и даже дали немного мелочи на дорогу. В лютую стужу, легко одетая, она уговорила ямщиков взять ее с собой. И те, закутав девушку в тулуп, сменяя друг друга, бежали рядом с санками, пока не довезли ее до следующей почтовой станции. Почти год добиралась до столицы Прасковья. За это время она преодолела более трех тысяч верст. Трудно сказать, когда и в каком месте дала она себе слово: если вымолит прощение у Государя, то уйдет в монастырь.

Пятого августа 1804 года в канун праздника Преображения Господня добралась Прасковья до берегов Невы. Очень пригодились ей рекомендательные письма. С их помощью ее сначала представили Императрице, а потом и самому Александру I. И Царь внял мольбам девушки, простил и приказал пересмотреть дело ее отца. Григорий Луполов получил разрешение вернуться в родные края, в Малороссию. Царь дозволил «возвратить Луполова на прежнее жилище». Ему и его семье была оказана материальная помощь.

Казалось, Прасковье оставалось только радоваться жизни, ее узнали в высшем свете, у нее появились деньги, а вслед за ними — поклонники. Ведь помимо материального достатка она была хороша собой. Но верная данному обету, она удалилась в монастырь. Сначала отправилась в обитель в Нижний Новгород. Но долгий путь из Сибири в столицу все же подорвал ее здоровье. Она заболела чахоткой. Тогда, в надежде на исцеление, по совету настоятельницы Прасковья сменила обитель, оказавшись в десятинном монастыре Великого Новгорода. Почему-то считалось, что климат там лучше. Но уже ничто не могло помочь ей. Даже не успев принять монашеский постриг, девушка скончалась 4 декабря 1809 года.

Тронутые набожностью Прасковьи, ее дочерним подвигом — монахини, по согласованию с церковными властями, похоронили ее не на городском кладбище, а в подцерковье главного монастырского храма Рождества Богородицы. На могиле установили мраморную плиту.

Шли годы. И поклониться праху Прасковьи стали приходить многочисленные паломники. Ее даже хотели причислить к лику святых.

О ее судьбе стали рассказывать в литературных произведениях. Так, в начале XIX века вышел написанный на французском языке роман «Елизавета, или ссыльные в Сибири». Его написала Мари-Софи Коттен. Та самая, произведениями которой зачитывалась одна из пушкинских героинь, Татьяна Ларина. Речь идет прежде всего о романе «Матильда, или Воспоминания из времен крестовых походов». Обладающий всеми лучшими человеческими качествами, герой романа, благородный предводитель мусульман Малек-Адель, храбро сражается с крестоносцами. Им-то и восхищалась Татьяна, в чем можно убедиться, прочитав девятую строфу третьей главы «Евгения Онегина». Малек-Аделем назвал И. С. Тургенев великолепного коня, принадлежавшего главному герою вошедшего в «Записки охотника» рассказа «Конец Чертопханова». Он же, Тургенев, упоминает о Малек-Аделе и в повести «Первая любовь». Наконец, Малек-Аделем «бредили, искали его везде» русские дамы в романе Загоскина «Рославлев». Но ведь Татьяна вполне могла прочитать и роман о Елизавете. Его сюжет, однако, был весьма далек от того, что в действительности произошло с Прасковьей Луполовой.

Гораздо ближе к реальным событиям оказалась повесть другого французского автора — графа Ксавье де Местра. Она называлась «Юная сибирячка» и пользовалась большим успехом не только среди широкой публики, но и литераторов. Во всяком случае, великий Стендаль ценил ее за «особую драматическую силу». На Западе до сих пор сохраняется интерес к этому роману де Местра: в последний раз он был переиздан в начале нынешнего столетия. И вот тут-то можно обратиться к самым удивительным предположениям.

Дело в том, К. де Местр был хорошо знаком с родителями А. С. Пушкина, бывал у них дома и читал там свои стихи. Кроме того, жена К. де

Местра, Софья Загряжская, приходилась родной теткой Наталье Николаевне Гончаровой, супруге А. С. Пушкина. Так что наверняка поэт знал произведения своего дальнего родственника, в том числе и его «Юную сибирячку». Не исключено, что де Местр мог рассказать Пушкину интересные подробности из жизни Прасковьи Луполовой. Наконец, биографию Луполовой включили в «Словарь достопамятных людей русской земли». А Пушкин пользовался его материалами при создании «Капитанской дочки». Вот и получается, что юная сибирячка могла быть прообразом капитанской дочки — Маши Мироновой. Напомним, что и та, подобно Прасковье Луполовой, обращалась к царствующей особе с просьбой о прощении, но только не отца, а жениха.

Аналоги подвигу Прасковьи появлялись и за границей. Так, в начале XVIII века шотландская девушка Хелен Уокер отправилась пешком из Эдинбурга в Лондон для того, чтобы добиться помилования для приговоренной к смертной казни сестры. Молодая шотландка послужила прообразом Джини Динс, героини романа Вальтера Скотта «Эдинбургская темница». Хелен Уокер также удостоилась памятника на своей родине.

Ну а теперь, дорогие читатели, позвольте нам перенестись в Москву, где уже после возвращения из Ишима состоялась наша встреча с Г. В. Ивановым. «Я хорошо помню разговор с Надеждой Проскуряковой, — начал свой рассказ наш собеседник. — Восстанавливая подробности жизни Прасковьи Луполовой, Надежда Леонидовна, которая тогда работала в местном краеведческом музее, упомянула о том, что отец девушки до ссылки в Сибирь служил в Елизаветграде, нынешнем украинском городе Кировограде. Сам же я в начале семидесятых годов прошлого столетия тоже служил в этом городе, в ракетных войсках. Так что получилось, что мы с Прасковьей Луполовой оказались своего рода земляками. А земляки должны помогать друг другу. Но если серьезно, то услышанная история глубоко взволновала меня. Прасковья Луполова, решили мы, за свой подвиг заслуживает памятника. А создать его может только тот скульптор, который

Памятник «Черный ворон»

особо ценит русскую историю и ее героев, как знаменитых, так и обойденных славой. Я, конечно же, имел в виду Вячеслава Клыкова».

«Я часто бываю в Ишиме, — говорит Г. В. Иванов, — как председатель жюри Международного конкурса премии имени П. Ершова для детей и юношества. Участвую в награждении его победителей. Союз писателей России проводит этот конкурс совместно с культурным центром Ишима. Кстати, в 2015 году отмечается 200-летие со дня рождения автора «Конька-Горбунка». А нашему конкурсу исполнится десять лет. С Прасковьей же Луполовой, со своей землячкой, я теперь встречаюсь достаточно регулярно — навещаю ее памятник каждый раз, когда приезжаю в Ишим».

Мемориальная доска П. П. Ершову

Вернувшись в Москву, Г. Иванов позвонил в Ишим и сообщил номер телефона скульптора. А о том, что произошло дальше, мы уже знали от Надежды Проскуряковой. На свой страх и риск она позвонила в Москву. Ответил сам Вячеслав Михайлович. Хоть и короткой была беседа, но история преданной дочери его действительно взволновала. «Пришлите хотя бы ее краткое житие», — воскликнул он. А когда прочитал его, то принял окончательное решение. 27 марта 2004 года Клыков приехал в Ишим с гипсовой моделью памятника Прасковье. Если первоначально планировалось установить бюст, то в дальнейшем возникла мысль создать полноценный монумент. Клыков приехал в Ишим не только для того, чтобы показать макет. Он хотел выбрать место для него. И, конечно же, ему хотелось увидеть края, вдохновившие когда-то Прасковью Луполову на ее беспримерный поступок.

Макет одобрили, договорились поставить памятник в августе, на Черняковской площади, названной в честь купца-мецената, рядом с Никольской церковью, неподалеку от тех мест, где жила Прасковья.

В местном педагогическом институте скульптор встретился со студентами, жителями города. Отвечая на один из вопросов, он произнес удивительные слова: когда я узнал, что Прасковье было всего девятнадцать лет,

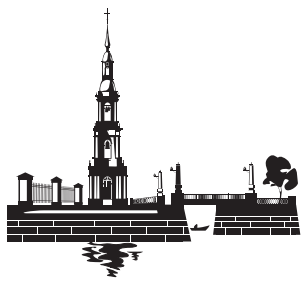
то сразу подумал, способна ли моя дочь, которой двадцать четыре года, или кто-то из моих сыновей совершить такой подвиг. Думаем, что этот вопрос Клыков задал не только самому себе, но и всем нам и нашим детям. И что мы ответим на него?

Клыков уехал, а в городе начался сбор средств на создание памятника. Мы посмотрели список жертвователей. Суммы добровольных взносов колебались от пятидесяти до четырех тысяч рублей. В сравнении, например, с зарплатами футболистов высшей лиги это были крохи. Коллектив центральной городской библиотеки внес всего тысячу рублей. Но учитывая, сколько получали тогда библиотекари, их скромные пожертвования дорогого стоили…

Пятого августа 2004 года, ровно через 200 лет с того дня, как Прасковья Луполова пришла в Петербург, состоялось ее символическое возвращение в Ишим. В город приехала фура, доставившая памятник высотой примерно два метра и весом две тонны, вместе с гранитным восьмитонным постаментом. На следующий день началась установка памятника с помощью единственного в городе двадцатитонного крана. Она продолжалась четыре часа. Седьмого августа состоялось открытие памятника.

«Есть у нас в городе и другой памятник, — вздохнула Надежда Леонидовна Проскурякова, — «Черный ворон». Он простоял в центре города всего три месяца. А потом его перенесли на городское кладбище. Почему черный ворон? Да потому что он символизирует крестьянское восстание, охватившее в 1921 году всю Западную Сибирь. В советской литературе оно называлось не иначе как кулацко-эсеровским мятежом. Восстание утопили в крови, с последними из его участников жестоко расправились в районе Вагайских болот, на острове Притынном. Многие из восставших, предчувствуя свою гибель, пели печальную песню «Черный ворон».

Мы отправились на кладбище, расположенное на окраине Ишима. На высоком гранитном пьедестале сидела огромная птица — могучий ворон, державший в когтях колючую проволоку. Надпись на пьедестале гласила: «Жертвам восстания 1921 года». Почему же перенесли памятник? Неужели мы стесняемся своей истории и стараемся спрятать ее трагические страницы на кладбище?

ВОСПОМИНАНИЯ О ПРОТОИЕРЕЕ БОРИСЕ НИКОЛАЕВСКОМ ЕГО ДУХОВНЫХ ЧАД

Воспоминания Ариадны Александровны Ладыгиной

Минуло 53 года с тех пор, как я пришла к о. Борису, но все так ясно в памяти до мельчайших подробностей.

Была я прихожанкой Никольского собора. Батюшки хорошо меня знали, были приветливы, внимательны, один из них даже предложил быть его духовной дочерью. Но я по молодости лет подумала, что надо найти за городом старенького батюшку, покаяться ему во всех плохих поступках, тогда не стыдно будет и к знакомым батюшкам на исповедь ходить.

И вот подошла к нам с подругой в храме пожилая женщина (духовная дочь о. Бориса) и сказала: «Девочки, поезжайте в Лесной, там служит очень хороший батюшка, о. Борис». Я подумала, что съезжу разок, а потом вернусь к батюшкам в Никольский собор.

Приехали мы с подругой летним днем в Лесной, входим — храм почти пустой, две-три старушки по углам. Батюшка вышел кадить, роста небольшого, седой, в очках, головка набок (он был в войну 1914 года священником на фронте и ранен в шею). Посмотрел он на нас внимательно сквозь очки. Во время часов пошли мы на исповедь, кажется, больше никого и не было. Думая, что я больше батюшку никогда не увижу, рассказала ему все грехи искренне. Когда я кончила, батюшка сказал: «Будьте моей духовной дочерью». И я почувствовала, что никуда из этого храма не уйду.

В следующий раз батюшка дал совет записывать в тетрадку в конце дня все, в чем плохо поступила, и когда тетрадка будет заполнена, приносить ему на прочтение. Я стала неукоснительно это выполнять. Батюшка после прочтения тетрадки

возвращал с его записями и указаниями. Он говорил, что это мне поможет следить за собой.

Каждое батюшкино слово было для меня законом.

В праздничные и воскресные дни собиралось много его духовных детей, и батюшке приходилось устраивать общие исповеди. Таких исповедей я больше никогда и нигде не слышала, хотя и бывала после батюшкиной смерти в монастырях. Каялись не только мы, его дети, но каялся и батюшка вместе с нами. Его голос, его слова пронизывали сердце, равнодушных не было. Сила его покаянной молитвы передавалась нам.

Несмотря на гонения, к нему ходило много молодежи, он действительно нас воспитывал, наш любящий пастырь и отец.

А его беседы по вечерам в воскресенье! Таких я тоже никогда больше не слышала. Конечно, конспекты бесед, которые остались после его смерти, не могут дать полного впечатления. Батюшка жил этими поучениями, он вкладывал в них душу, и чувствовалась такая любовь его к своим духовным детям, он так был чуток и внимателен, входил во все нужды своих духовных чад.

Приведу хотя бы несколько примеров, касающихся меня. Я училась в Художественно-педагогическом училище, надо было много заниматься, а жить нам с мамой было негде. Стояли на очереди на площадь, но когда ее получим — было неизвестно. Как только батюшка узнал о нашей беде, то сразу договорился со своей духовной дочерью, замечательным человеком, Александрой Матвеевной Чистяковой, бывшей духовной дочерью епископа Григория, и та с радостью взяла меня к себе. Мне показалось, что я попала в рай.

Иногда в праздничные дни батюшка приходил к нам, и тогда это был двойной праздник.

Но прошло какое-то время, и вдруг батюшка говорит: «Надо вам жить вместе с мамой (а мама пока осталась жить в темной прихожей без окон, где я не могла заниматься). Снимите комнату, я буду за нее платить». Мы поселились в Озерках, батюшка навестил нас, отслужил молебен. Как мы были счастливы!

На втором курсе я плохо подготовилась к экзамену по анатомии, получила тройку и на полгода лишилась стипендии. Со слезами я прибежала к батюшке, понимая, что во всем виновата, была уверена, что батюшка рассердится, но он так ласково спрашивает: «А велика ли твоя стипендия?» Говорю, что 140 рублей. «Ну, не плачь, я тебе буду платить ее полгода». Мы с мамой тогда очень нуждались, и моя стипендия немного выручала нас. После этого случая я уже троек никогда не получала.

А скольким людям батюшка помогал, сам лишая себя многого. Как он утешал всех!

Помню, я попросила его причастить умирающую раковую больную, она очень страдала. Батюшка до самой ее смерти причащал ее каждую неделю. А весной прихожу — у нее букетик фиалок у кровати, она говорит: «Это батюшка мне принес». И какое ей было утешение!

Батюшка ее и отпевал, а с какой любовью прощался с ней, поцеловал и говорит: «Спи, родная». А ведь батюшка незадолго до смерти ее узнал. Такая у него была любовь и жалось ко всем страдающим.

А как он молился! Во время Евхаристического канона он часто не мог сделать возглас от слез.

И хотя нет с нами батюшки уже 46 лет, но до сих пор звучит его голос в сердце, и чувствуешь, что он жив, он молится за нас, он нам помогает.

Тяжело все духовные дети переживали его болезнь и угасание. Много мы плакали и молились, так боялись его лишиться.

Но 21 августа 1954 года он умер на даче в Зеленогорске. 19 августа я навещала его, ничто не предвещало горя. Но 21 августа проснулась в 5 утра с такой тревогой на сердце, что решила ехать к батюшке, только ждала, когда будет удобно приехать. Часов в 10 утра приехала. Батюшка завтракал на балконе, погода была прекрасная. За батюшкой ухаживала тетя подруги, так как дочери работали. И захотелось нам с подругой пойти за грибами. Батюшке не хотелось нас отпускать, но, видя такое наше желание, он нас благословил. Когда мы вернулись, то поняли, что что-то случилось. Все обитатели дома, встревоженные, встречали нас во дворе. Мы вошли в комнату и увидели батюшку скончавшегося, лежащего на кровати, а у виска виднелось кровоизлияние.

Хоронили батюшку на девятый день, так как ждали сына с Дальнего Востока, но он так и не смог приехать.

Отпевал батюшку епископ Роман. Помню, как он обратился к батюшке и сказал: «Дорогой друг, ты уже дома, а мы еще в пути». На кладбище прекрасное слово сказал отец Евгений из Тосно, не помню его фамилии. Казалось, что на похороны собрались все верующие города.

Какое мы все пережили тогда горе, трудно даже представить. Многие из духовных детей батюшки поехали за утешением в Псково-Печерский монастырь к иеросхимонаху Симеону. Он нас ласково принял, назвал своими духовными детьми и помог пережить такую большую скорбь.

Еще некоторые воспоминания о батюшке (А. А. Ладыгиной)

Когда настоятелем был о. Филофей, то он спросил батюшку обо мне, его заинтересовал мой этюдник, с которым я приходила в храм после занятий, так как о. Филофей был художник-любитель. Батюшка сказал ему, что я бедная студентка, живу с мамой на очень маленькие средства. Об этом разговоре я не знала. И вдруг в один из больших праздников о. Филофей подзывает меня и дает пачку денег. Я сразу же пошла к батюшке, а он сказал, что надо деньги брать, так как Бог через кого хочет, через того и помогает. И помощь о. Филофея не была единичной.

В Педучилище требовали, чтобы все вступали в комсомол. Я сказала об этом батюшке, он ответил, что, может быть, все обойдется. И, когда всех принимали, я болела; так и не стала комсомолкой. На выпускных экзаменах комиссия заинтересовалась, как это будущая учительница — и вдруг не в комсомоле. Но завуч ответила, что я много болела и еще успею вступить в эту организацию. Так Бог отвел; думаю, что по молитвам батюшки.

В пятидесятые годы стали из Ленинграда высылать тех, кто был увезен на работы в Германию во время войны. Мне уже потом рассказывали, что батюшка беспокоился и жалел меня. Но вот он позвал меня на амвон, благословил Евангелием и сказал: «Но только ты никуда из Ленинграда не уедешь». Так оно и вышло.

Распределили меня в школу сравнительно недалеко от храма. Я боялась, что могут увидеть меня в храме. Но батюшка сказал: «Ходи в храм, не бойся. Бог захочет — всем глаза закроет». И, несмотря на то, что венчалась я в том же районе, где моя школа (уже после батюшкиной кончины), тоже никаких неприятностей не было.

Незадолго до батюшкиной кончины я пришла к нему после поездки в Киев, где один иеромонах отслужил молебен за батюшку у раки целителя Агапита (в Киево-Печерской Лавре), привезла святую воду и просфору. Батюшка был рад этому и мне очень серьезно сказал: «Ты теперь стоишь на ногах, работаешь, должна выйти замуж, заиметь свою семью».

Так получилось, что познакомилась я со своим будущим мужем в день батюшкиных похорон, у его могилы. Через три года мы поженились и прожили счастливую жизнь, верю, что по молитвам батюшки.

Муж мне рассказал, что батюшка своих сыновей подготовил сразу в 8-й класс, где учился мой будущий муж. Юноши подружились, и он часто бывал у них в Михайловке, видел там писателя Поселянина и удивлялся, как много и интересно батюшка занимался со своими детьми. У них издавался свой рукописный журнал, в котором участвовали все дети, писали прозу и стихи.

Впоследствии дочь о. Бориса, Ольга Борисовна, рассказывала мне, что о. Борис старался всячески скрасить их жизнь, так как они считались лишенцами и многие люди их чуждались. Их не принимали в институт, хотя они учились очень хорошо. Отец Борис был прекрасный педагог. Ольге Борисовне пришлось обегать все школы города, ее нигде не принимали в среднюю школу, пока, наконец, директор одной школы не сжалилась и не приняла ее.

Старший сын окончил институт после демобилизации заочно, будучи достаточно взрослым человеком.

Батюшка рассказывал о себе, что в молодости он был очень строгим, но после ссылки, натерпевшись там всего, по его выражению, «стал добренький».

Писал батюшка и стихи, читал их. Удивительно это был одаренный человек, но главное — добрый пастырь и любящий духовный отец.

ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО ЖУРНАЛА «РОДНАЯ ЛАДОГА» В МОСКВЕ:

Ясенев Владимир тел./факс: 8 (499) 242 42 46 rodnaya.ladoga@gmail.com

КОРРЕСПОНДЕНТЫ И ПРЕДСТАВИТЕЛИ ЖУРНАЛА «РОДНАЯ ЛАДОГА» ЗА РУБЕЖОМ И В РЕГИОНАХ РОССИИ:

Австралия	Кучина Галина	+6 (139) 879 70 29	kuchina_galina@mail.ru
Беларусь	Семерник Снежана	8 10 (375) 152 88 55 278	snezha05@mail.ru
Белгород	Молчанов Владимир	+7 (904) 532 46 65	tavolganov@mail.ru
Болгария	Анчев Панко	+359 889 545 770	pankoantchev@mail.bg
Воронеж	Невярович Владимир	+7 (910) 285 17 7	vkn2009@mail.ru
Германия	Даксель Фриц	+49 36459 62344 +49 151 40151855	fritz.dachsel@t-online.de
Грузия	Чеботарь Зоряна	+995 577 220 813	zoreana@mail.ru
Екатеринбург	Кердан Александр	+7 (912) 610 57 11	kerdan@ru66.ru
Иркутск	Забелло Василий	+7 (924) 604 39 47	irkdl@mail.ru
Казахстан	Михайлов Валерий	8 (777) 221 48 77	vfm@list.ru
Карелия	Пиетиляйнен Елена	+7 911 409 24 30	sever@karelia.ru
Кемерово	Бурмистров Борис	+7 903 916 71 85	cdlk@mail.ru
Коми Республика	Попов Андрей	+7 912 123 44 00	popov-ag-vorkuta@rambler.ru
Кострома	Мурзин Николай	+7 962 180 79 80	gonharova4848@mail.ru
Краснодар	Макарова Светлана	+7 (988) 244 09 11	
Крым и Севастополь	Горелов Вячеслав	8 (380) 503 24 65 85	gvn@tavrida.com
Курган	священник Павлюченко Константин	+7 (912) 570 844	pkserg@mail.ru
Молдова	Авдеева-Мокрак Ольга	8 (373) 22 58 20 32	olga_mocracavd@mail.ru
Московская обл.	Ясенев Владимир	8 (495) 231 45 21	nativeladoga3@gmail.com
Нижний Новгород	Сдобняков Валерий	+7 (910) 887 59 55	vertical.journal@gmail.com
Омск	Перминов Юрий	+7 (913) 612 84 01	j-perminovomsk@mail.ru
Орел	Кондратенко Алексей	+7 (906) 66 06 000	istorik57@yandex.ru
Псков	Смолькин Игорь	+7 (951) 756 70 14	iasmol@yandex.ru
Самара	Громов Александр	+7 (927) 260 24 43	ag-smr@ya.ru
Словакия	Пархимович Виктор	8 (421) 904 289 016	vparkhimovich@gmail.com
США	Петров Геннадий	770 923 3313	nalubitela@yahoo.com
Сербия	Булатович-Медич Лиляна	+3 (816) 331 38 63	likid@eunet.rs
Ханты-Мансийск	Стельмах Андрей	+ 7 (902) 814 13 21	stelmah@bk.ru
Чехия	Опршал Иржи	8 (420) 602 171 618	joprsal@seky.cz
Эстония и Финляндия	Илляшевич Владимир	8 (372) 507 81 95	vladila1320@gmail.com

Учредитель
Общество с ограниченной ответственностью
«Издательский дом “Родная Ладога”»

Контактные телефоны редакции:
+7 (911) 836-00-06
+7 (921) 311-31-87 (*В. В. Ефимовская)*

Московское представительство:
тел./факс: +7 (499) 242 42 46

Почтовый адрес редакции (*для рукописей и писем*):
196244 п/я № 8. *В. В. Ефимовской*

Электронный адрес редакции:
e-mail: tradicia-mag@mail.ru
e-mail: info@rodnayaladoga.ru
http://rodnayaladoga.ru
http://роднаяладога.рф

Юридический адрес (не для писем и рукописей):
191014, Санкт-Петербург,
Ковенский пер. 30/7, литер А, помещение 4-н

Рукописи не возвращаются и не рецензируются.
Позиция редакции не всегда совпадает с позицией авторов материалов.
При перепечатке материалов ссылка на журнал обязательна.

Журнал безгонорарный, издается на основе безвозмездных отношений.
Редакция допускает авторскую орфографию материалов.

Цена свободная

Компьютерная поддержка *Николай Станкевич*
Корректор *Галина Ильина*
Компьютерная верстка *Татьяна Макарова*

Подписано в печать 23.03.2015 г. Формат 70×100 $^{1}/_{16}$.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 30,8.
Тираж 1500 экз. Заказ 1503090.
Отпечатано в типографии ООО «Лесник-Принт»
Санкт-Петербург, Сабировская ул., д. 37.